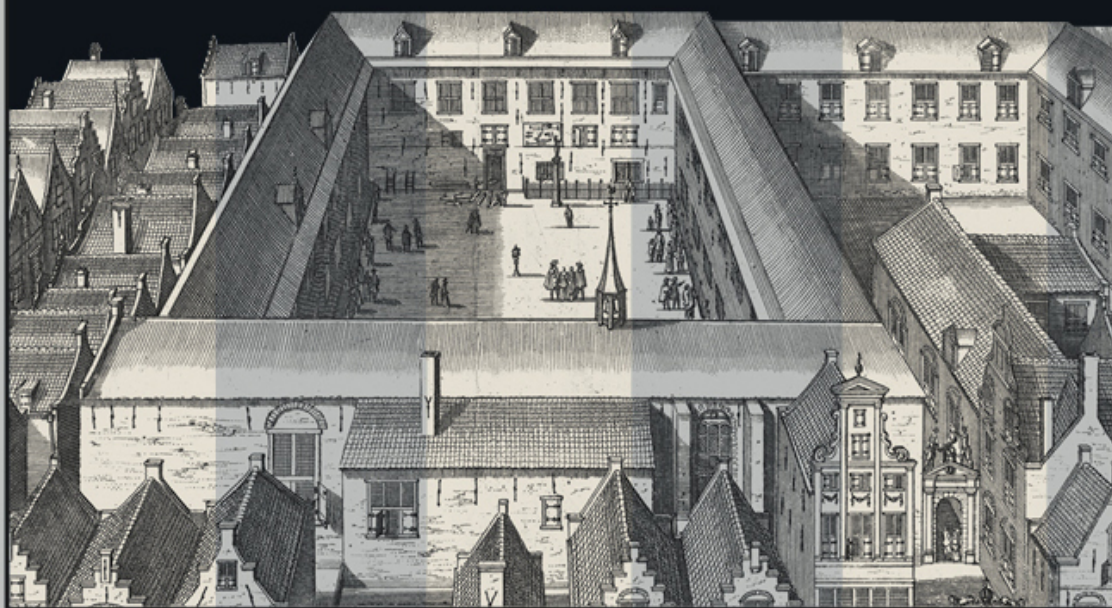

HISTORIA ROSSICA

studia europaea

МОНАСТЫРЬ И ТЮРЬМА

МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
И В РОССИИ ОТ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО МОДЕРНА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Studia Europaea

Коллектив авторов

**Монастырь и тюрьма. Места
заключения в Западной
Европе и в России от
Средневековья до модерна**

«НЛО»

Коллектив авторов

Монастырь и тюрьма. Места заключения в Западной Европе и в России от Средневековья до модерна / Коллектив авторов — «НЛО», — (Studia Europaea)

ISBN 978-5-44-482156-2

Много ли общего можно найти между добровольным заточением в монастыре и принудительным пребыванием в тюрьме? Как различные подходы к лишению свободы и системы наказания, характерные для средневековых монашеских общин, были усвоены современными пенитенциарными учреждениями? К каким выводам может привести сравнение опыта Западной и Восточной Европы? Ответы на эти вопросы ищут авторы статей данного немецко-российско-французского сборника. Первая его часть посвящена монастырям как многофункциональным местам заключения, вторая – встраиванию тюрьмы в городское пространство, а третья – дискурсам и практикам лишения свободы в различных хронологических, национальных или институциональных контекстах. Представленные в сборнике работы не складываются в историю прогресса от мрачного Средневековья до просвещенной современности: вместо этого авторы анализируют отдельные пространства и модели поведения, сравнивая российский опыт с западноевропейским и находя между ними неожиданные сходства.

ISBN 978-5-44-482156-2

© Коллектив авторов

© НЛО

Содержание

Фальк Бретшнейдер, Катя Махотина, Наталия Мучник	5
Мартин Ауст	20
Комбинированные учреждения: монастыри, работные дома и цухтгаузы	22
Элизабет Люссе	22
Катя Махотина	35
Фальк Бретшнейдер	49
Ксавье Руссо	67
Ирина Ролдугина	80
Город и тюрьма	90
Жюли Клостр и Пьер Брошар	90
Александр Воробьев	105
Симон Кастанье	115
Наталия Мучник	126
Елена Бородина	140
Дискурсы и практики заключения	157
Елена Марасинова	157
Людмила Сукина	167
Лоранс Фонтен	176
Венсан Мийо	189
АВТОРЫ	193

Монастырь и тюрьма. Места заключения в Западной Европе и в России от Средневековья до модерна

Фальк Бретшнейдер, Катя Махотина, Наталия Мучник
МОНАСТЫРЬ И ТЮРЬМА. ВВЕДЕНИЕ

Монастырь и тюрьма – для некоторых это может показаться довольно странной аналогией, поскольку, на первый взгляд, эти два учреждения имеют мало или вообще ничего общего друг с другом. Монашество, широко распространенное в христианстве с поздней Античности, подразумевает добровольное уединение от мира с целью поиска близости к Богу через аскетизм и молитву. А тюремное заключение преступников и других изгоев общества, которое широко распространено в Европе с XVI века, практикует лишение свободы передвижения и направлено на защиту общества, а также наказание или исправление проступков. Итак, на первый взгляд, монастырь и тюрьму мало что связывает. И все же между добровольным заключением и лишением свободы с целью наказания или дисциплинирования существуют многочисленные параллели, на которые социологи обратили внимание довольно рано. Американский социолог Ирвинг Гофман, например, причислял к идеальным типам «тотальных институтов», разработанных им в 1960-х годах, не только «тюрьмы, пенитенциарные учреждения, лагеря для военнопленных и концентрационные лагеря», но и «места уединения от мира [, такие как] аббатства, монастыри, обители и другие монашеские общины»¹. Все эти институты, по мнению Гофмана, характеризуются тем, что все повседневные дела происходят в них в одном и том же месте и подчиняются единому авторитету. Члены таких учреждений живут в принудительном сообществе, где все и каждый имеют одинаковое обращение. Все этапы повседневной жизни спланированы до мельчайших деталей и предписаны сверху четкими правилами. В конечном итоге деятельность заключенных складывается в грандиозный рациональный план, направленный на достижение официальных целей учреждения².

При формулировании своих тезисов Гофман уделял мало места эмпирике о монастырях и других религиозных общинах, и в основном он полагался на свои наблюдения в психиатрических клиниках. По-другому действовали два немецких социолога Хуберт Трейбер и Хайнц Штайнерт, которые сравнили условия жизни и работы в средневековых монашеских общинах и в замкнутом мире фабричных поселений около 1900 года в своем исследовании «Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen» («Фабрикация надежного человека»), впервые опубликованном в 1980 году.

Их исследование «избирательного сродства»³ между монастырской и заводской дисциплиной основано на убедительном аргументе, что Правило Святого Бенедикта в VI веке создало программу «методической жизни», которая продолжает предоставлять формы, практику и методы организации дисциплины в совершенно разных институциональных контекстах. Эта программа и сегодня предлагает формы, практики и методы организации дисциплины в совершенно разных институциональных контекстах: например, закрытая архитектура, поз-

¹ Goffman 1961. P. 5.

² Goffman 1961. P. 6.

³ В понятии «Wahlverwandtschaften» (И. Гете), подразумевающего родство душ (примеч. пер.).

воляющая осуществлять максимально тотальный контроль, строго иерархическое структурирование социальных отношений, строгий режим времени («диктатура пунктуальности») или продуманная система санкций, заставляющая людей вести себя определенным образом⁴. Наконец, Мишель Фуко рассуждал аналогичным образом в своем весьма влиятельном исследовании «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», опубликованном в 1975 году, где он обратился к монастырской традиции пространственного разделения и ограничения и проследил, как один из важнейших архитектурных элементов современной тюрьмы – одиночная камера – восходит к монастырским корням⁵.

Если присмотреться, монастырь и тюрьма становятся все более похожими. Такая ассоциация монашеского образа жизни и тюремного заключения, конечно же, всегда вызывала резкое неприятие. Известным примером является французский теолог и историк религии Жан Леклерк, сам член бенедиктинского ордена, который в статье, впервые опубликованной в 1971 году, задал вопрос: «Является ли монастырь тюрьмой?» Его ответ был однозначным. Хотя он не отрицал плодотворность сравнительной перспективы на оба институциональных типа, он упорно настаивал на фундаментальном различии: тюрьма лишает свободы, тогда как монастырь как самостоятельно выбранное заключение позволяет монаху «сохранить свою свободу и позволить ей стать больше». Ведь уединение и покаяние делают возможным развитие внутренней свободы, которая открывается, как только ограничения внешнего мира отступают от того, кто подчиняется монашеской дисциплине⁶.

Неужели у монастырей и тюрем в конечном итоге нет ничего общего? В последние годы исторические исследования интенсивно исследуют этот вопрос и, анализируя оба института, не обязательно уравнивают их. Свое вдохновение новые труды черпают из уже описанных нами книг, в то же время расширяя оптику и подкрепляя свои выводы эмпирикой. Ведь для Гофмана или Фуко сравнительное рассмотрение различных форм заключения вряд ли выходило за рамки простой аналогии или исторического выведения абстрактных принципов. Однако сегодня историки различных дисциплинарных направлений (социальная история, религиозная история, юридическая история, история архитектуры...) работают вместе, чтобы изучить различные учреждения и места сегрегации, содержания под стражей и наказания на предмет не только сходства, но и различий. Это развитие во многом обязано двум динамикам современной историографии, которые мы кратко представим ниже: во-первых, расширению классической истории тюрьмы до социальной истории практик лишения свободы со Средних веков до современности, а во-вторых, тому, что монастырь был открыт заново как место наказания и заключения.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ИСТОКИ ТЮРЬМЫ

В западной историографии тюрьма долгое время оставалась в тени науки. В первой половине XIX века исключительно историки права занимались историей тюремного заключения. Их взгляд был сформирован, прежде всего, историей идей и институтов, поскольку их интересовали в первую очередь истоки так называемой «реформаторской пенитенциарной системы», которая стала доминирующей парадигмой обращения с правонарушителями во всей Европе в течение XIX века. В немецкой истории права, которая в те десятилетия была решающей для международных исследований, существовали две противоположные интерпретации: для Готхольда Боне принцип «наказания через исправление» можно проследить в позднесредне-

⁴ Treiber, Steinert 1980.

⁵ Foucault 1975. S. 143, 145.

⁶ Leclercq 1971.

вековых городах Северной Италии, где уже с XII века существовали многочисленные тюрьмы⁷. Роберт фон Хиппель, Густав Радбрух и другие, с другой стороны, придерживались мнения, что интеллектуально-исторические корни современного тюремного заключения следует искать в Англии и Нидерландах, где во второй половине XVI века, с Брайдвеллами (Bridewells) (первый в Лондоне в 1553 году) и Тухтхюизенами (Tuchthuizen) (первый в Амстердаме, 1595 год – Распхюиз (Rasphuis) для мужчин и 1597 год – Спинхюиз (Spinhuis) для женщин), возникли новые крупные институты заключения. В них, по их мнению, воспитание трудом и религиозность впервые были использованы в качестве средства наказания⁸.

Эта последняя точка зрения долгое время оставалась доминирующей в западной историографии. Только в последние годы городские темницы Сиены, Флоренции, Болоньи или Венеции получили новое внимание, например со стороны Гая Гельтнера, который изучал тюрьмы в городах-государствах Северной Италии в позднем Средневековье. Он показал, что начиная с XIII века они использовались не только в качестве тюрем предварительного заключения, но и для исполнения приговоров, связанных с лишением свободы⁹. Другие историки, например Жюли Клостр в своем исследовании печально известной средневековой городской крепости Шатле в Париже, рассматривают другую форму позднесредневекового заключения: долговое заключение, то есть заключение в тюрьму несостоятельных (или нежелающих) должников, которые по наущению (и за счет!) их кредиторов проводили время в тюрьме, что должно было заставить их выплатить свои долги¹⁰. В своей работе об имперском городе Кельне в начале раннего Нового времени Герд Шверхофф, например, посвятил себя третьему варианту: заключению в башню, которое использовалось в контексте судебного процесса (досудебное заключение) как принудительная мера за непослушание, как замена неуплаченного штрафа и – в случае мелких правонарушений – также как самостоятельное наказание в виде лишения свободы. Должников также отправляли в башню в Кельне¹¹.

Историография тюрьмы начала свою настоящую карьеру в 1970-х годах, когда в ходе новых социальных движений в Западной Европе и Северной Америке теневые зоны современного общества оказались в центре внимания социальных наук. Так родилась так называемая «ревизионистская» историография, названная так потому, что ее представители – прежде всего Мишель Фуко, а также Дэвид Ротман, Пьер Дейон, Майкл Игнатьефф или Мишель Перро – решительно выступили против старых интерпретаций правовой истории, для которых тюрьма была признаком прогресса и гуманизации наказания¹². В особенности Фуко рассматривал тюремное заключение прежде всего как признак изменения властных отношений и всеобъемлющего дисциплинарного процесса, охватившего все общество на пороге современной эпохи. В его глазах институт наказания в сочетании с появившимися в то же время гуманитарными науками обеспечивал господство системы контроля и стандартизации, которая производила послушные и покорные тела в качестве гигантской машины власти. Отчасти Фуко опирался на старые работы марксистской историографии, в частности на исследование Георга Руше и Отто Кирхгеймера, которые еще в 1930-х годах утверждали, что появление тюремного заключения можно объяснить недостатком рабочих рук на рынке труда¹³. Таким образом, тюрьма все больше становилась символом становления современного капиталисти-

⁷ Bohne 1922; Bohne 1925.

⁸ Hippel 1932; Radbruch 1950.

⁹ Geltner 2008.

¹⁰ Claustre 2007. Над тюремным заключением за долги в раннем Новом времени сейчас работает Симон Кастанье (Париж).

¹¹ Schwerhoff 1991, особенно S. 95–104, 123–132.

¹² Foucault 1975; Rothman 1971; Deyon 1975; Ignatieff 1978; Perrot 1981.

¹³ Rusche, Kirchheimer 1939.

ческого общества, что особенно привлекало внимание к реформаторским учреждениям XIX и XX веков, которые были спроектированы инженерами как «исправительные машины»¹⁴.

Институты лишения свободы позднего Средневековья и раннего Нового времени, однако, были по-прежнему в забвении – что даже приводило к утверждению, что в эпоху Старого режима вообще не существовало наказаний в виде лишения свободы. Только в 1990-х годах вновь обратили внимание на разнообразные практики лишения свободы в ранней современной Европе и их использование в пенитенциарных целях. Важный импульс для этого дал голландский историк Питер Спиренбург, который в своем исследовании «Тюремный опыт», впервые опубликованном в 1991 году, рассматривал многочисленные пенитенциарные учреждения и работные дома, появившиеся в Голландии и крупных городах Северной Германии начиная с XVII века¹⁵.

Несколько исследований, особенно по немецкоязычным странам, двигались в аналогичном направлении¹⁶. В то же время стали появляться исследования других видов наказания, в которых также использовалось лишение свободы передвижения, таких как наказание общественным трудом (например, на строительстве дорог или в шахтах, а также в обслуживании военных укреплений¹⁷), наказание на галерах, которое использовалось, прежде всего, морскими державами, такими как Венеция или Генуя, а также другими странами Средиземноморья, такими как Франция, Испания или Османская империя¹⁸, или депортация заключенных в заморские колонии или отдаленные провинции (Австралия, Банат, Сибирь), практиковавшаяся всеми европейскими колониальными державами, в их числе и Российской империей¹⁹.

Таким образом, исследовательская литература об «избирательном сродстве» между монастырем и тюрьмой или пенитенциарным учреждением в Западной Европе уже обширна. Применительно к монастырям в Российской империи подобные исследования отсутствуют²⁰. Примечательно, что русские монастыри и их функции светского и религиозного воспитания до сих пор не являлись предметом исследования²¹. Существует лишь несколько локальных исследований, посвященных северным монастырям как местам светского наказания²²; их социальное измерение, однако, остается совершенно неизученным – отчасти из-за сложной ситуации с источниками. В постсоветской историографии также существуют пробелы в исследованиях по истории тюрем, которые до сих пор были сосредоточены в основном на истории карательных учреждений, истории права и уголовно-исполнительной системы. В этой традиционной отрасли историографии основное внимание по-прежнему уделялось институтам центральной власти, от которых якобы исходили все значимые процессы в обществе. Темы были заранее определены – уголовное право, политические расследования, уголовное преследование – и рассматривались с точки зрения «сверху вниз»²³. Социальные, религиозные и культурные контексты, в свою очередь, оставались вне поля зрения. Поэтому неудивительно, что монастырские тюрьмы – и особенно пресловутые «земляные тюрьмы» – рассматривались в

¹⁴ Nutz 2001.

¹⁵ Spierenburg 1991, о вкладе Спиренбурга в историографию тюремного заключения см.: Bretschneider 2019.

¹⁶ Stier 1988; Ammerer, Weiß 2006; Bretschneider 2008.

¹⁷ Schuck 2000; Krause 2003.

¹⁸ Zysberg 1987; Martínez Martínez 2011; Zarinebaf 2010. S. 164–168.

¹⁹ Gentes 2008; Kollmann Shields 2012. S. 245–257; Morgan, Rushton 2013; Steiner 2014.

²⁰ Исключение недавно вышедший тематический сборник, подготовленный одним из авторов данного введения: Makhotina 2021: Klöster als multifunktionale Orte der Einsperrung im Russland der Frühen Neuzeit, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 69, 3/2021.

²¹ Хотя этот аспект был рассмотрен в работе: Schmähling 2009. P. 161–186, там он затронут лишь вскользь, как одна из граней монашеской жизни. Пругавин (1906) и Гернет (1961) рассматривали монастырские тюрьмы только как карцеры реакционного царизма, не считаясь с особенностью монашеской обители.

²² Павлушков 2014.

²³ Анисимов 1999; Анисимов 2019.

традициях советской историографии как чисто государственная карательная практика. Иного подхода к изучению уголовного права и наказания придерживались Нэнси Шилдс Коллманн²⁴, Кристоф Шмидт²⁵, Брюс Адамс²⁶ или Джонатан Дейли²⁷. Коллманн подчеркивает, что в России централизованная власть была гораздо менее выражена, чем в Западной Европе, поэтому необходимо рассмотреть «политику различий», которая позволяла сообществам действовать самостоятельно в широких сегментах социальной и политической жизни. Ее книга «Преступление и наказание» – это не исследование практик власти и практик «снизу», а изучение точек соприкосновения между ними. Коллманн отвергает парадигму о контрасте между Европой (= правовое государство) и Россией (= деспотизм) и показывает, что государственное насилие в России часто действовало более мягко, чем в европейских странах раннего Нового времени. В своем исследовании уголовного права в России XIX века Джонатан Дейли также приходит к выводу, что царская империя и государства Западной Европы находились на одном уровне в плане своего «гуманизма».

Кристоф Шмидт, в свою очередь, предлагает рассматривать развитие права и наказания с точки зрения Московского государства как социальной лаборатории. В этом контексте он вводит понятие социального контроля и следует теориям социального дисциплинирования в западной историографии 1970-х годов. Шмидт занимается вопросами социальных структур, социальной динамики и недостатков местной исполнительной власти. В этой перспективе рассматривался не только контроль «сверху вниз», но и горизонтальный контроль внутри общества. Как и Коллманн, он показывает, что население участвовало в формировании правовой культуры с помощью «доношений», то есть челобитных правящим иерархам. Новаторство его исследования заключается в периодизации уголовной истории – рассматривая XVII век, он выходит из традиционной парадигмы, в которой петровский период рассматривается как радикальная цезура для всех сфер общественной жизни.

Елена Марасинова также использует концепцию социального контроля в своем исследовании покаянных практик церковных институтов²⁸. Она анализирует значение покаяния в судебном процессе как цели наказания и как формы расследования преступления. По словам Марасиновой, монархия использовала религию и исправительные практики Русской православной церкви для поддержания общественного порядка и соблюдения общественной и личной морали. В этом контексте она также рассматривает монашеское заточение.

Таким образом, можно сказать, что с 2000-х годов практики тюремного заключения в российской истории все чаще рассматриваются с точки зрения анализа Фуко генеалогии дискурсов и изменения практик воздействия на личность (от истерзанного тела к терзаемой душе). Кроме того, исследования работают с теорией Норберта Элиаса о процессе западной цивилизации²⁹. Однако история монастырского заключения все чаще становится самостоятельным предметом изучения и приобретает очертания независимого исторического, правового и социокультурного феномена³⁰.

Это не в последнюю очередь связано с тем, что историография лишения свободы пережила значительное расширение за счет исследований, посвященных истории благотворительности. В ранний современный период помощь беднякам все больше приобретала институциональные черты, включая заключение в тюрьму нищих, бродяг и других представителей маргинальных социальных групп, которых помещали в пенитенциарные и подобные учрежде-

²⁴ Kollmann Shields 2012.

²⁵ Schmidt 1996.

²⁶ Adams 1996.

²⁷ Daly 2000.

²⁸ Марасинова 2017.

²⁹ Elias 1976; Акельев 2012б.

³⁰ Начало положено историком и правоведом Сергеем Шаляпиным (Шаляпин 2013).

ния и заставляли там работать³¹. Хотя такие исследования часто все еще находятся в традициях дисциплинарной парадигмы, они открывают взгляд на огромное разнообразие форм изоляции и содержания под стражей еще до «рождения» пенитенциарного учреждения в XIX веке.

Также и в России практика заключения рассматривалась с точки зрения истории учреждений социального призрения. Дома для бедных, сирот и богадельни анализировались, с одной стороны, как выражение гуманизации абсолютистской власти, а с другой – как меры по решению проблем общественного порядка³². Например, в своем исследовании о «Странноприимном доме» начала XIX века Майя Лавринович фокусируется на акторах «снизу», а также на процессах переговоров и присвоения культурных альтернатив в социальном пространстве городской бедноты, тем самым представляя пример историографии вне парадигмы «дисциплинарной власти»³³.

Такие подходы привлекают внимание к еще двум институциональным типам: с одной стороны, благотворительные учреждения, такие как позднесредневековые шпитали, чьи задачи в ранний современный период часто брали на себя многофункциональные учреждения, как в случае французских *hôpitaux généraux*, где не только заботились о бедных, дисциплинировали нищих и наказывали проституток, но и ухаживали за психически и физически больными и кормили их. И во-вторых, монашеские общины, здания которых в Центральной Европе были превращены в пенитенциарии и работные дома или тюрьмы начиная с XVI века – несколько раньше в протестантских регионах, несколько позже в католических³⁴. Уже первое учреждение подобного толка в континентальной Европе, *Rasphuis* в Амстердаме, основанное в 1595 году, располагалось в зданиях бывшего монастыря Бедных Клариссинок. Другим ярким примером является Клерво на востоке Франции: здесь в 1115 году святой Бернар основал аббатство, которое должно было стать материнским учреждением для бесчисленных оснований цистерцианского ордена по всей Европе. После Французской революции монастырь, как и другие французские аббатства, такие как Мон-Сен-Мишель или Фонтевро, был упразднен и превращен в центральную тюрьму (*maison centrale*), которая существует до сих пор (закрытие объявлено на 2023 год).

ОТ МОНАСТЫРЯ К ТЮРЬМЕ

Вернемся к монастырям как местам заключения. Несмотря на то что, как уже отмечалось, современное тюремное наказание имеет многочисленные структурные сходства с монастырскими практиками контроля и покаяния, восходящими к Средним векам, а также получения спасения, аббатства и монастыри лишь постепенно стали объектом сравнительных исследований по истории тюремного заключения³⁵. Свою роль в этом сыграло и то, что методы наказания в самом монастыре долгое время оставались незамеченными историками. Это изменилось только в последние годы. В парадигматическом плане можно сослаться, например, на работы Ульриха Ленера и Элизабет Люссе, которые исследовали существование темниц в монастырях Средневековья и раннего Нового времени, основанных на самостоятельной монастырской правовой системе, которой подчинялись не только непослушные, провинившиеся или «беснующиеся» монахи и монахини, но часто и жители монастырских деревенских общин³⁶. Монастырская темница как смысловой образ «заключения внутри заключения» может быть прочи-

³¹ Среди многих других – Geremek 1988; Jütte 2000.

³² Козлова 2010.

³³ Lavrinovich 2017.

³⁴ Ammerer et al. 2010.

³⁵ Подробнее см.: Heullant-Donat et al. 2011.

³⁶ Lehner 2013; Lusset 2017, особенно S. 259–273.

тана как ядро образца практик и техник исключения, которые позже будут использоваться и в современных тюрьмах. Ведь здесь не только вступала в силу разделительная функция *claustrum* – то есть основной территории монастыря, куда нельзя входить посторонним и которую монахи и монахини также должны были покидать только в исключительных случаях. «Заключение внутри заключения» – это усиленная изоляция, подобно тому как в более поздних тюрьмах также были устроены штрафные изоляторы, в которых непокорных заключенных наказывали за их проступки.

Монастыри Средневековья и раннего Нового времени, однако, имеют множество других параллелей с современными тюремными учреждениями. К ним относится принцип *stabilitas loci*, то есть пожизненная привязанность монаха (или монахини) к своему монастырю, от которого нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах. Однако в различных религиозных общинах правила на этот счет различаются. Бенедиктинскому идеалу привязанности к месту, который в основном преобладал в Европе с IX века, позднее в мендикантских орденах, то есть прежде всего во францисканцах или доминиканцах, было противопоставлено служение обществу, ориентированное на социальные обязательства апостолов, что также отражалось в обширной преподавательской и проповеднической деятельности, которая могла привести членов ордена в качестве миссионеров во все концы света³⁷. С другой стороны, все монашеские движения объединяли некоторые основные правила монашеской жизни: бедность, то есть отказ от всех земных благ, целомудрие как доказательство исключительной преданности Богу и абсолютное подчинение авторитету, что выражалось, в частности, в обязанности повиноваться настоятелю или настоятельнице без исключения. Кроме того, во всех монашеских общинах действовал принцип всеобъемлющего наблюдения; монахи и монахини никогда не должны были чувствовать себя наедине и без надзора, ни в физическом, ни в религиозном смысле, поскольку существование в монастыре включало не только строгий свод правил, контроль со стороны руководства ордена и монастырских надзирателей или взаимный контроль членов ордена, но также – и прежде всего – идею вездесущего, всеведущего и всевидящего Бога, *deus panopticus*³⁸.

Все эти принципы можно найти и в тюрьмах XIX и XX веков. Тем не менее в историческом развитии все еще существует множество недостающих звеньев, объясняющих, как монастыри Средневековья и раннего Нового времени превратились в современные тюрьмы. Сравнительный анализ сводов правил, как уже предлагали Хуберт Трейбер и Хайнц Штайнерт, является одной из возможностей³⁹. В последние годы содержание в тюрьмах религиозных меньшинств и роль тюрьмы как места «религиозной свободы» также стали объектом повышенного внимания⁴⁰. Другой подход заключается в изучении пространственных практик, поскольку именно в пространстве и через пространство особенно ярко проявляется преемственность между монастырем и тюрьмой⁴¹. Это можно увидеть, например, в таких пространственных архетипах, как стена, четырехугольная крытая галерея, которые были повторно использованы не только в монастырях, но и в многочисленных домах призрения и цухтгаузах раннего Нового времени, либо потому, что эти учреждения размещались в бывших монастырских зданиях, либо потому, что новые здания были вдохновлены именно этими моделями. Они также сформировали тюремную архитектуру в XIX и XX веках. Плодотворность такого подхода хорошо показана в онлайн-документации «*Le cloître et la prison*», которая начиная с истории Клерво подробно рассматривает пространственные формы монастырей и тюрем, которые

³⁷ Dopsch 2010.

³⁸ Jezierski 2009.

³⁹ Heullant-Donat et al. 2015.

⁴⁰ Muchnik 2019.

⁴¹ Bretschneider 2014.

часто следовали одной и той же архитектурной модели *claustrum*, то есть огороженного стеной двора, вход в который контролировался⁴². Другим примером является практика приема пищи и молитвы, которая была реактивирована в тюремных учреждениях раннего Нового времени в их специфической связи с пространством, как, например, монастырская трапезная и монастырский храм. Наконец, третьей общей чертой многих мест заключения – включая средневековые монастыри – является их многофункциональность и неоднородность контингента заключенных, которые, в свою очередь, также отражаются в пространстве через практику размещения или передвижения.

Места лишения свободы раннего Нового времени играют особую роль в изучении переноса форм, логик, техник и практик религиозного образа жизни и религиозного дисциплинирования в светские пенитенциарные учреждения. Повсюду в Европе они совмещали религиозные, благотворительные, а также карательные и дисциплинарные функции – и все это вне конфессиональных границ. Таким образом, протестантские земли стали колыбелью многих новых типов учреждений, которые увидели свет в конце XVI века: *Bridewells* в Англии, *Tuchthuizen* в Нидерландах, *Zuchthaus* в немецких землях.

В католических районах, с другой стороны, первоначально преобладала традиционная модель шпиталей⁴³, до того, как она, как и в случае с французскими *hôpitaux généraux*, – также претерпела фундаментальные изменения в конце XVII и XVIII века, в итоге которых на нее все больше были возложены карательные и дисциплинарные задачи. Однако повсеместно многофункциональность оставалась центральной чертой всех этих институтов до конца раннего Нового времени. Их отличала и вторая важная особенность: тесное переплетение религиозной и светской логики. Например, немецкий энциклопедист Иоганн Генрих Цедлер в своем знаменитом «Универсальном лексиконе» первой половины XVIII века писал о немецких пенитенциарных учреждениях: «Для строительства таких домов больше всего подходит форма монастырей, и особенно важно, чтобы рядом с ними была построена церковь, чтобы все заключенные могли посещать церковные службы, не имея опасения, что они сбегут»⁴⁴. Вряд ли можно лучше выразить связь между тюремными учреждениями раннего Нового времени и их моделью – монашеской общиной.

Особое место в этом историческом развитии занимает и судьба многих русских монастырей, которые долгое время функционировали как многофункциональные учреждения, что до сих пор почти не известно в Западной Европе, то есть они были не только домами для монахов и монахинь, но и служили местами для наказания преступников, изоляции политических противников, дисциплинирования мятежных крестьян, ухода за больными или инвалидами и воспитания детей-сирот. Таким образом, российские монастыри также следует рассматривать как многомерные, сложные пространства искупления, наказания и социального контроля, на примере которых можно изучить конфликтные отношения между светскими и церковными акторами. Заключение в монастыре отнюдь не было «обычным» тюремным заключением. Здесь сошлись обе логики дисциплинирования – государственное наказание, направленное на возмездие, и церковное покаяние, обещающее перспективу исправления и спасения души. Но в чем заключалась связь этих логик и функций дисциплинирования?

Понятие дисциплинирования прочно связано с именем Мишеля Фуко, и действительно, его концепты послужили вдохновением для нескольких авторов этого сборника. В первую очередь, это понимание того, что принцип легитимации абсолютизма заключался уже не в публичных телесных наказаниях и ритуалах казни, а в якобы «рациональной», «просвещенной», «гуманистической» практике покаяния. В центре образовательной политики просвещенной

⁴² <http://cloitreprison.fr>.

⁴³ Drossbach 2007.

⁴⁴ Zedler 1732–1754, здесь Bd. 63 (1750), Sp. 1003.

монархини Екатерины II было уже не наказание, а воспитание «души» – или «совести». Параллели с выводом Фуко, полученным на примере западноевропейских институтов, что труд должен оказывать дисциплинарное и исправительное воздействие на правонарушителей, также поразительны. В то же время, однако, оценка исходного эмпирического материала показывает, что было бы слишком смело утверждать, что дисциплинарный процесс должен бы был привести к трансформации всей личности и полной интернализации дисциплины. Главным, однако, является признание совпадения светских и религиозных аспектов «исправления», когда уже не тело подвергается наказанию и пыткам, а желаемое исправление человека должно происходить на основе длительного самоанализа заключенного, который в своей форме аналогичен исповеди в поисках истины⁴⁵.

О СТАТЬЯХ СБОРНИКА

Именно эти темы затронуты в нашем сборнике. Его главный исследовательский интерес заключается в изучении разнообразия практик лишения свободы в русле исторического развития, а также в вопросе передачи этих практик от средневековых монашеских общин к современным пенитенциарным учреждениям XIX и XX веков. Сборник впервые сводит вместе монастырские и тюремные учреждения Западной и Восточной Европы, которые до сих пор оставались не изученными в сравнительной перспективе. Поэтому мы особенно рады, что нам удалось привлечь историков из России, Франции, Германии и Бельгии, которые представили результаты своих исследований и были открыты для совместного обсуждения теоретических и методологических проблем. Материалы разделены на три тематических блока.

Мультифункциональные учреждения: монастыри, смиренные и работные дома

В начале был (вероятно) монастырь – и первая статья сборника Элизабет Люссе посвящена анализу монастырей Средневековья и раннего Нового времени как мест лишения свободы. В своем обзоре Люссе сначала рассматривает вопрос о роли заключения монахов и монахинь и его трактовке в западноевропейской историографии. При этом она указывает, что, с одной стороны, свидетельства источников о существовании тюрем в монашеских общинах восходят к Античности, а с другой – что сосредоточенность на духовной плоскости добровольного уединения от мира долгое время делала их изучение чрезвычайно трудным. Люссе прослеживает существование монастырских тюрем в правовых уставах различных орденов начиная с XIII века и описывает конкретные формы, которые они могли принимать. Катя Махотина обсуждает аналогичный вопрос на российском архивном материале в своей статье «Монастыри как мультифункциональные учреждения в России первой половины XVIII века». Статья рассматривает, как арест в монастыре превратился из изначально чисто монашеской дисциплинарной практики в широко применяемую карательную практику также и для мирян. Махотина видит причины этого изменения в эффекте петровской политики общего блага (Gute Policey): монастыри должны были взять на себя не только функции ссылки и изоляции, но и социальной заботы и воспитания, что приблизило их к пенитенциарным учреждениям и работным домам раннего Нового времени в Западной Европе.

Концепция многофункциональности также находится в центре внимания Фалька Бретшнейдера. В своей статье он задается вопросом о причинах большой популярности термина «дом» в названии многих учреждений раннего Нового времени. Он утверждает, что

⁴⁵ См. статьи Махотиной и Марасиновой в этом сборнике.

существенным мотивом для создания таких учреждений было намерение создать «дом» для тех, кто из-за отсутствия социальной принадлежности не имел его ранее. Это, по мнению автора, является главной причиной многофункциональности пенитенциариев и других мест заключения раннего Нового времени, которые служили, в частности, для интернирования людей без дома и семейных связей (нищих, бродяг, сирот и т. д.) и поэтому, несмотря на их часто репрессивный характер, могут быть прочитаны как современная попытка создания социальной интеграции.

Статья Ксавье Руссо представляет обзор развития практики заключения в испанских Нидерландах в течение длительного периода с середины XVI до конца XVIII века. Он отмечает, в частности, два явления: сосуществование различных типов учреждений, которые были вдохновлены либо голландской моделью *Tuchthuizen*, либо французской моделью *hôpitaux généraux*, и переход от изначально преимущественно мест заключения городских магистратов к учреждениям, которые поддерживались государством, таким как знаменитый Исправительный дом в Генте.

Наконец, Ирина Ролдугина рассматривает возникновение российской «Комиссии целомудрия», которая привела к основанию в 1750 году Калинкина дома – прядильной фабрики и дома проживания, в котором содержались женщины из петербургских борделей. Это должно было заменить прежние наказания за проституцию, особенно телесные наказания или изгнание. Детальный анализ повседневной жизни в этом первом российском рабочем доме показывает, однако, что работа заключенных на прядильной фабрике восходит к желанию бывшей сутенерши Анны Фелькер из Дрездена, которая была также заключена здесь. Кроме того, заключенным здесь барышням предоставлялась большая свобода, но при этом не придавалось никакого значения их исправлению и совершенствованию. Однако этот пример не стал прецедентом: в 1759 году Калинкин дом был закрыт. Первые российские рабочие дома для «беспутных» женщин, достойные этого названия, появились лишь в конце XVIII века, в итоге екатерининского Устава о благочинии.

Город и тюрьма

Материалы второй части посвящены практике лишения свободы в городском контексте. Жюли Клостр и Пьер Брошар описывают в своей статье богатый спектр больших и малых тюрем в позднесредневековом Париже, которые располагались не только в зданиях светской власти, но часто и в монастырях или других религиозных учреждениях. Это было следствием значительного разнообразия органов суда и права, характерного для Средневековья и раннего Нового времени, в котором многочисленные правители практиковали свои собственные суды. Это также нашло отражение в соответствующих местах предварительного заключения подозреваемых. Как показывают Клостр и Брошар в своем микроанализе, этот плюрализм также имел последствия для практики ареста.

Статья Александра Воробьева повествует о большой московской тюрьме в XVII веке. Это учреждение служило в основном как место предварительного заключения правонарушителей, ожидающих приговора. Изучая организационную структуру тюрьмы, состав персонала и повседневную жизнь заключенных, Воробьев приходит к выводу, что московская тюрьма выступала в качестве «экспериментального поля» для российской пенитенциарной практики того времени.

Материал Симона Кастанье представляет центральных действующих акторов, ответственных за тюремное заключение должников в Париже во второй половине XVIII века. Кастанье описывает процедуру этой важной формы лишения свободы, которая была прочно связана с экономической жизнью города и характеризовалась прежде всего тем, что заключенные содержались в тюрьме не по приказу государственных властей, а по просьбе и за счет своих

кредиторов. Таким образом, лишение свободы за долги является примером специфического отношения между заключением и обществом.

Наталия Мучник рассматривает особые формы социальных контактов в английских, французских и испанских тюрьмах XVI и XVII веков. Ее статья описывает тюрьму как микрокосмос, представляющий общество в целом. Не только неоднородность социальной структуры отражалась в условиях содержания отдельных групп или в пространственной форме различных мест заключения, но и внутреннее и внешнее убранство тюрем были во многом связаны между собой и формировали общий опыт.

Наконец, статья Елены Бородиной рассматривает связь между заключением и индустриализацией на примере Екатеринбурга, где в 1720-х годах решение о принудительном труде заключенных было обусловлено нехваткой рабочей силы на Уральских промышленных предприятиях. В основном колодники-каторжане были заняты на шахтах, принадлежащих городу, а их работа и проживание были организованы Сибирским обер-бергамтом, главным органом управления промышленностью Урала и Сибири, который был одновременно заводом-крепостью, работодателем и источником импульса для экономического подъема города. Успех этой модели был настолько велик, что в 1750-х годах в фабричном городе насчитывалось в общей сложности три большие тюрьмы, которые находились в тесном взаимодействии с окружающим городским пространством.

Дискурсы и практики заключения

Наконец, в третьей части рассматриваются различные дискурсы и практики лишения свободы на основе различных хронологических, национальных и институциональных контекстов. В статье Елены Марасиновой рассматриваются дискурсы об исправлении души посредством монастырского заключения как светского инструмента общественной дисциплины. «Просвещенная императрица» Екатерина II приказала провести в центре Москвы протестантский по своей сути ритуал публичного покаяния для пары преступников, что было весьма необычно для православной церкви. Таким образом, светская власть использовала религиозный язык, чтобы обозначить своим подданным основные принципы «хорошего гражданина». В монастыре пара кающихся должна была исполнять епитимью и очистить свою совесть. Грех перед церковью становится теперь и преступлением против государства.

Людмила Сукина рассматривает роль тюрьмы и тюремного заключения в христианской заботе о бедных в России XVI и XVII веков. Она уделяет особое внимание различным формам благотворительности, которая также заботилась о заключенных и первоначально имела религиозную подоплеку. Как показывает Сукина, в петровское время благотворительность стала более рациональной и экономически мотивированной, что означало, в частности, отказ от дискурса спасения души с помощью заботы о бедных.

Также о бедности и борьбе с ней пишет в своей статье Лоранс Фонтень. Она делает акцент на той дискурсивной роли, которую современники приписывали тюремному заключению в обращении с бедностью и нищетой. На примере конкурса, объявленного Академией Шалон-сюр-Марн в 1777 году, она рассматривает аргументы, которые говорили за или против интернирования бедных людей и часто основывались на утопических концепциях общества, характерных для эпохи Просвещения.

Сборник завершается резюме, написанным Винсентом Мийо, который, подытоживая выводы статей, заключает: географическое расширение историографии тюрем, которая до сих пор была сосредоточена на Западной Европе и Северной Америке, может только выиграть от привлечения других регионов мира. Мийо подчеркивает, что традиционная идея о том, что тюрьма была западным изобретением, не может быть поддержана в свете последних исследований. Скорее, современная тюрьма имеет множество корней, которые географически распо-

ложены в Восточной Европе и России. Именно многофункциональность многих учреждений, которая была центральным компонентом трансформации из монастыря в тюрьму и на которую обращает внимание этот сборник, делает возможным такой сравнительный анализ, казалось бы, совершенно разных учреждений. Таким образом, представленный на суд читателя сборник вносит важный вклад в расширение международной сферы научных исследований практик наказания и исправления.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статьи этого сборника подготовлены по итогам двух конференций, организованных международной сетью Em#C – Enfermements modernes/Early Modern Confinement⁴⁶ в Париже в ноябре 2018 года и в Москве в сентябре 2019 года. Мы хотели бы поблагодарить всех, кто внес свой вклад в успех этих мероприятий, особенно Винсента Мийо, который дал первоначальный импульс для организации встречи в Париже и основания исследовательской сети Em#C. Также мы благодарим Софи Абдела и Паскаля Бастьена, которые проведут третий семинар сети в Монреале в 2022 году. Школа высших социальных исследований, в особенности Центр исторических исследований (UMR 8558 EHESS/CNRS) и центр Георга Зиммеля по францужско-немецким социальным исследованиям (UMR 8131 EHESS/CNRS), Центр Института и динамики экономики и общества (IDHE.S, UMR 8533 Université Paris 8 – Vincennes-Saint-Denis/CNRS), а также Университет Бонна в лице кафедры истории Восточной Европы и Боннского центра изучения зависимости и рабства (Bonn Center for Dependency and Slavery Studies) поддерживали проведение конференций и подготовку публикации.

Мы хотели бы особо поблагодарить Германский исторический институт в Москве и его директора Сандру Дальке, а также Центр францужско-русских исследований в Москве и его бывшего директора Венсана Бенета, без гостеприимства которых московская конференция не смогла бы состояться. Денис Сдвижков, Хелене Мосманн и Владислав Ржеутский также оказали нам поддержку в организации конференции и подготовке этой публикации. Также мы хотели бы поблагодарить Аллу Беляк, Веру Мильчину и Екатерину Оде, которые взяли на себя не всегда легкую задачу перевода статей для этого сборника с францужского на русский язык. Наконец, мы благодарим издательство «Новое литературное обозрение» за доверие и включение в свою издательскую программу Studia europaea.

Париж, Бонн, январь 2022 года

БИБЛИОГРАФИЯ

Акельев 2012а – *Акельев Е.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

Акельев 2012б – *Акельев Е.* «И впредь в Кремле колодников держать отнюдь не велеть». Эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII века // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert (12). 2012. https://perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/akelev_straeflinge (дата обращения 05.01.2022).

Анисимов 1999 – *Анисимов Е.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Анисимов 2019 – *Анисимов Е.* Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 2019.

Гернет 1961 – *Гернет М.* История царской тюрьмы. М., 1961.

⁴⁶ См.: <https://emc.hypotheses.org> (дата обращения 05.01.2022).

Марасинова 2017 – *Марасинова Е.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. Очерки общественного сознания. М., 2017.

Махотина 2019 – *Махотина Е.* Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как долгаузы в России в 18 веке // *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2019. Vol. 7. S. 21–46.

Козлова 2010 – *Козлова Н.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.

Павлушков 2014 – *Павлушков А.* Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. Вологда, 2014.

Пругавин 1906 – *Пругавин А.* Монастырские тюрьмы. М., 1906.

Шалапин 2013 – *Шалапин С.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013.

Adams 1996 – *Adams B. F.* The Politics of Punishment: Prison Reform in Russia, 1863–1917. Northern Illinois University Press, 1996.

Ammerer et al. 2010 – *Ammerer G., Brunhart A., Scheutz M., Weiß A. S.* (Hrsg.) Orte der Verwahrung. Die innere Organisation von Gefängnissen, Hospitälern und Klöstern seit dem Spätmittelalter. Leipzig, 2010.

Ammerer, Weiß 2006 – *Ammerer G., Weiß A. S.* (Hrsg.) Strafe, Disziplin und Besserung. Österreichische Zucht- und Arbeitshäuser von 1750 bis 1850. Frankfurt/M. et al., 2006.

Bohne 1922–1925 – *Bohne G.* Die Freiheitsstrafe in den italienischen Stadtrechten des 12.-16. Jahrhunderts. Leipzig, 1922–1925.

Bretschneider 2008 – *Bretschneider F.* Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen vom 18. bis zum 19. Jahrhundert. Konstanz, 2008.

Bretschneider 2014 – *Bretschneider F.* Spaces of Confinement. Institutional Stabilization and Eigensinn – the Case of Saxony // Friedrich K., Bailey G., Veit P. (Hrsg.) Die Erschließung des Raumes: Konstruktion, Imagination und Darstellung von Räumen und Grenzen im Barockzeitalter. Wolfenbüttel; Wiesbaden, 2014. S. 97–113.

Bretschneider 2019 – *Bretschneider F.* Pieter Spierenburg's Contribution to the History of Confinement in Early Modern Europe // *Crime, Histoire & Sociétés/Crime, History & Societies*. 2019. 23/2. P. 123–130.

Claustre 2007 – *Claustre J.* Dans les geôles du roi. La prison pour dette à Paris à la fin du Moyen Âge. Paris, 2007.

Daly 2000 – *Daly J.* Criminal Punishment and Europeanization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. 48/3. S. 341–362.

Deyon 1975 – *Deyon P.* Le temps des prisons. Essai sur l'histoire de la délinquance et les origines du système pénitentiaire. Lille; Paris, 1975.

Dopsch 2010 – *Dopsch H.* Klöster als Orte der Verwahrung? Zwischen benediktinischer Ortsgebundenheit und apostolischer Mission / Ammerer, Brunhart, Scheutz, Weiß. 2010. S. 297–325.

Drossbach 2007 – *Drossbach G.* (Hrsg.) Hospitäl in Mittelalter und Früher Neuzeit. Frankreich, Deutschland und Italien. Eine vergleichende Geschichte/Hôpitaux au Moyen Âge et aux Temps modernes. France, Allemagne et Italie. Une histoire comparée. München, 2007.

Dülmen 2014 – *Dülmen R. van.* Theater des Schreckens: Gerichtspraxis und Strafrituale in der frühen Neuzeit. 6. Aufl. München, 2014.

Elias 1976 – *Elias N.* Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. 2 Bde. Frankfurt/M., 1976.

Farge 2008 – *Farge A.* Condamnés au XVIIIe siècle. Paris, 2008.

Foucault 1975 – *Foucault M.* Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris, 1975.

- Geltner 2008 – *Geltner G.* The Medieval Prison. A Social History. Princeton; Oxford, 2008.
- Gentes 2008 – *Gentes A.* Exile to Siberia 1590–1822. Corporeal Commodification and administrative systematization in Russia. Basingstoke, 2008.
- Goffman 1961 – *Goffman E.* Asylums: Essays on the Condition of the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Chicago, 1961.
- Heullant-Donat et al. 2011 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* Enfermements. Le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle). Paris, 2011.
- Heullant-Donat et al. 2015 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (IVe–XIXe siècle). Paris, 2015.
- Hippel 1932 – *Hippel R. von.* Die Entstehung der modernen Freiheitsstrafe und des Erziehungs-Strafvollzugs. Jena, 1932.
- Ignatieff 1978 – *Ignatieff M.* A just measure of pain: The penitentiary in the industrial revolution, 1750–1850. New York, 1978.
- Jezierski 2009 – *Jezierski W.* Monasterium panopticum // Frühmittelalterliche Studien. 2009. 40/1. S. 167–182.
- Kollmann 2012 – *Kollmann Sh. N.* Crime and Punishment in Early modern Russia. Cambridge, 2012.
- Krause 2003 – *Krause Th.* Opera publica / Bretschneider F. (Hrsg.) Gefängnis und Gesellschaft. Zur (Vor-)Geschichte der strafenden Einsperrung. Leipzig, 2003. S. 117–130.
- Lavrinovich 2017 – *Lavrinovich M.* The Role of Social Status in Poor Relief in a Modernizing Urban Society: The Case of Sheremetev's Almshouse, 1802–12 // The Russian Review. 2017. 76. P. 207–235.
- Leclercq 1971 – *Leclercq J.* Le cloître est-il une prison? // Revue d'ascétique et de mystique. 1971. 47. P. 407–420.
- Lehner 2013 – *Lehner U. L.* Monastic Prisons and Torture Chambers. Crime and Punishment in Central European Monasteries, 1600–1800. Eugene, OR, 2013.
- Lusset 2017 – *Lusset É.* Crime, châtiments et grâce dans les monastères au Moyen Âge (XIIe–XVe siècle). Turnhout, 2017.
- Makhotina 2021 – *Makhotina E.* Kloster in der Genealogie des Gefängnisses. Einleitung zum Themenheft «Klöster als multifunktionale Orte der Einsperrung» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2021. 69. 3. S. 183–208.
- Martínez Martínez 2011 – *Martínez Martínez M.* Los forzados de marina en la España del siglo xviii (1700–1775). Almería, 2011.
- Morgan, Rushton 2013 – *Morgan G., Rushton P.* (Hrsg.) Banishment in the Early Atlantic World. Convicts, Rebels and Slaves. London, 2013.
- Muchnik 2019 – *Muchnik N.* Les prisons de la foi. L'enfermement des minorités. Paris, 2019.
- Münch 2017 – *Münch Ch.* In Christo närrisches Russland. Zur Deutung und Bedeutung des «jurodstvo» im kulturellen und sozialen Kontext des Zarenreiches. Göttingen, 2017.
- Nutz 2001 – *Nutz Th.* Strafanstalt als Besserungsmaschine. Reformdiskurs und Gefängniswissenschaft, 1775–1848. München, 2001.
- Perrot 1981 – *Perrot M.* L'impossible prison: Recherches sur le système pénitentiaire au XIXe siècle. Paris, 1981.
- Radbruch 1950 – *Radbruch G.* Die ersten Zuchthäuser und ihr geistesgeschichtlicher Hintergrund // ders.: Elegantie Juris Criminalis. Vierzehn Studien zur Geschichte des Strafrechts. Hamburg, 1950. S. 116–129.
- Rothman 1971 – *Rothman D. J.* The Discovery of the Asylum. Social Order and Disorder in the New Republic. Boston, 1971.

Rusche, Kirchheimer 1939 – *Rusche G., Kirchheimer O.* Punishment and Social Structure. New York, 1939.

Sainte Fare Garnot 1984 – *Sainte Fare Garnot N.* L'Hôpital Général de Paris. Institution d'assistance, de police, ou de soins? // Histoire, économie & société. 1984. № 3–4. P. 535–542.

Schmähling 2009 – *Schmähling A.* Hort der Frömmigkeit – Ort der Verwahrung. Stuttgart, 2009.

Schmidt 1996 – *Schmidt Ch.* Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität, Leibeigenschaft 1649–1785. Stuttgart, 1996.

Schuck 2000 – *Schuck G.* Arbeit als Policeystrafe. Policy und Strafjustiz // Härter K. (Hrsg.) Policy und frühneuzeitliche Gesellschaft. Frankfurt/M., 2000. S. 611–625.

Schwerhoff 1991 – *Schwerhoff G.* Köln im Kreuzverhör. Kriminalität, Herrschaft und Gesellschaft in einer frühneuzeitlichen Stadt. Bonn, 1991.

Spierenburg 2007 – *Spierenburg P.* The Prison Experience. Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. New Brunswick; London, 2007.

Steiner 2014 – *Steiner S.* Rückkehr unerwünscht. Deportationen in der Habsburgermonarchie der Frühen Neuzeit und ihr europäischer Kontext. Wien; Köln; Weimar, 2014.

Steinert, Treiber 1980 – *Steinert H., Treiber H.* Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen. Über die «Wahlverwandtschaft» von Kloster- und Fabrikdisziplin. München, 1980.

Stier 1988 – *Stier B.* Fürsorge und Disziplinierung im Zeitalter des Absolutismus. Das Pforzheimer Zucht- und Waisenhaus und die badische Sozialpolitik im 18. Jahrhundert. Sigmaringen, 1988.

Zarinebaf 2010 – *Zarinebaf F.* Crime and Punishment in Istanbul, 1700–1800. Berkeley, 2010.

Zedler 1732–1754 – *Zedler J. H.* Grosses Vollständiges Universal-Lexikon. 63 Bde. und 4 Erg.bde. Leipzig; Halle, 1732–1754.

Zysberg 1987 – *Zysberg A.* Les galériens. Vies et destins de 60 000 forçats sur les galères de France (1680–1748). Paris, 1987.

Мартин Ауст

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО КОНЦЕПЦИИ СБОРНИКА

***Как история монастырских тюрем открывает
перспективы для историографии – вне традиционных
противопоставлений «социальное дисциплинирование»
vs «социальный контроль», Россия vs Европа***

Этот сборник, посвященный практикам заключения и наказания в монастырях в доиндустриальную эпоху и собравший статьи в основном по Франции и России, приглашает нас вернуться к старому исследовательскому спору о социальном дисциплинировании и социальном контроле в истории Европы. С первыми концептами в 1960-х годах, а затем во все более широком потоке работ до конца 1980-х годов исследовательское направление раннего Нового времени создало свою концепцию социального дисциплинирования, определив его как формирование монополии государства на применение силы в политической истории и, как следствие, регулирование человеческих аффектов в социальной истории. Церковь и религия – будь то различные разновидности протестантизма или католицизма – были включены исследователями в парадигму социального дисциплинирования под понятием «конфессионализация». Церковные институты и религиозные нормы предстали как инструменты, используемые светской властью. В этой истории общество предстало прежде всего как адресат и объект политики.

В 1990-х годах эти теории и концепты стали предметом ожесточенной критики в связи с культурологическим поворотом в историографии. Новая историография больше не довольствовалась определением подданных как объектов государственного воздействия, но задавалась вопросом, как люди воспринимали мир, какие возможности действия (agency) были в их распоряжении и как они взаимодействовали друг с другом и с властью. Парадигме социального дисциплинирования сверху это новое направление исследований противопоставило концепцию социального контроля снизу.

Изучение деревенских и городских обществ в период раннего Нового времени показало, что соседские и социальные группы разработали свои собственные практики контроля и часто были способны творчески использовать дисциплинарные инструменты полиции и судебной системы, разработанные властями, в своих собственных целях.

Каким бы ожесточенным ни был спор между сторонниками социально-исторической истории дисциплинирования и социального контроля в культурно-исторических исследованиях, оба лагеря объединяло одно: они смотрели прежде всего на Запад и центр Европы. Восточная Европа и Россия, в частности, оставались маргинальными явлениями в исследованиях этой области. Историк Ларс Берриш подвел итог немногочисленным работам, в которых рассматривался вопрос о социальной дисциплине в России, сделав вывод о том, что в российском обществе эпохи до модерна дисциплинирование не существовало.

На этом фоне данный сборник заслуживает внимания и открывает новые перспективы. В нем основное внимание уделяется монастырям, особенно во Франции и России, как многофункциональным местам заключения, наказания и дисциплины в период раннего Нового времени. Помимо различных функций монастырей как мест ссылки, рассматривается также социальное пересечение духовной и светской власти с местными сообществами. Они открывают топографический доступ к архитектурному убранству и пространствам монастырей и социальным практикам в них. Таким образом, критический поворот в изучении пространства (spatial

turn) в социальных и гуманитарных науках позволяет взглянуть на монастыри Европы и России и дисциплинарные практики в них освободившись от историко-философского балласта современности. Смена категорий – отход от линейной концепции прогресса в сторону анализа практик места и пространства – открывает возможности наблюдения, описания и анализа, которые не укладываются в привычные рамки «модернизации», «Европы vs России».

В этом немецко-русско-французском сборнике историческая генеалогия заключения – это не история прогресса от якобы мрачного Средневековья до светлого и просвещенного современного века. Скорее, собранные в нем статьи рассматривают парцеллированные пространства и логику действий в них людей. Сходство между социальными практиками в Европе и России больше, чем предполагала старая историография. Таким образом, это издание представляет веские аргументы в пользу продолжения аргументации Нэнси Шилдс Колманн, которая также видит значительные параллели в юридической практике Европы и России в период раннего Нового времени. Таким образом, этот международный и междисциплинарный сборник научных статей вносит важный вклад в историографию, которая не рассматривает Россию как определяющего «Другого» Европы, а уделяет должное место сравнению и вопросу взаимодействия России с другими странами Европы.

Бонн, декабрь 2021 года

Перевод с немецкого Екатерины Махотиной

БИБЛИОГРАФИЯ

Aust 2003 – *Aust M.* Adlige Landstreitigkeiten in Rußland. Eine Studie zum Wandel der Nachbarschaftsverhältnisse 1676–1796. Wiesbaden, 2003.

Aust 2016 – *Aust M.* Russia and Europe (1547–1917) // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG). Mainz, 2016-03-10. <http://www.ieg-ego.eu/austm-2015-en> URN: urn:nbn:de:0159-2016022906 [2021-12-21].

Behrisch 1999 – *Behrisch L.* Social Discipline in Early Modern Russia. Seventeenth to Nineteenth Centuries // Heinz Schilling (Hg.): Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa. Frankfurt/M., 1999. S. 325–257.

Kollmann Shields 2012 – *Kollmann Shields N.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. (New Studies in European History.) New York, 2012.

Комбинированные учреждения: монастыри, работные дома и цухтгаузы

Элизабет Люссе

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА И В НОВОЕ ВРЕМЯ (XIII–XVIII ВЕКА)

Об устройстве тюрем в монастырях при Старом порядке известно до сих пор очень мало. Объясняется это не только недостатком документов, в самом деле редких и разрозненных, но и нежеланием историков изучать этот вопрос, поскольку эти историки до определенного времени все без исключения были воспитаны в лоне Церкви. Хотя известно, что подобные тюрьмы появились уже в эпоху поздней Античности, долгое время считалось, что они несовместимы с духовностью, отличающей добровольный уход от мира, а потому их история, равно как и история других дисциплинарных монастырских практик, тщательно замалчивалась. В 1960–1970-х годах, после выхода трудов Ирвинга Гофмана и Мишеля Фуко, констатирующих сходство между монастырями и другими местами лишения свободы, такими как лечебница для умалишенных или тюрьма⁴⁷, появилось несколько работ, посвященных непосредственно монастырским тюрьмам. Однако авторы обобщающих исследований по истории тюрем в 1990-х годах по-прежнему игнорировали этот сюжет. В главах, посвященных Старому порядку, речь идет исключительно о светских тюрьмах, что же касается тюрем церковных, если они и упоминаются – в основном для иллюстрации влияния канонического права, – то, как правило, без дифференциации их разновидностей, в результате чего монастырские тюрьмы смешиваются с другими церковными тюрьмами (прежде всего тюрьмами инквизиции и церковного суда)⁴⁸. Вдобавок авторы этих обобщающих трудов, как правило, ограничиваются пересказом сочинения бенедиктинца Жана Мабийона «Размышления о тюрьмах религиозных орденов». Сочинение это, написанное около 1695 года, носит полемический характер; Мабийон написал его ради того, чтобы призвать к реформированию монастырских тюрем в Конгрегации Святого Мавра, к которой принадлежал сам; между тем начиная с 1724 года, когда «Размышления» Мабийона были опубликованы, они считались ученым трудом и использовались в этом качестве в других ученых трудах, начиная со статьи «Тюрьма» в Энциклопедии Дидро и д’Аламбера (1765) и кончая историографией 1990-х годов⁴⁹. Лишь в 2000-х годах в контексте общего оживления интереса к проблеме тюрем начинают появляться исследования, рассматривающие с разных точек зрения непосредственно монастырские тюрьмы⁵⁰. В нашей статье мы представим основные положения этих работ, сосредоточившись преимущественно на наказании монахов и монахинь лишением свободы с XIII по XVIII век на Западе, прежде всего во Франции и Англии, а также в Германской империи.

⁴⁷ Penco 1966; Pugh 1968; Leclercq 1971; Leclercq 1976; Pacho 1975. О сходстве монастыря и тюрьмы см.: Heullant-Donat et al. 2011.

⁴⁸ Spierenburg 1991; Castan et al. 1991; Morris, Rothman 1995; Johnston 2000; Dunbabin 2002.

⁴⁹ Lusset 2021.

⁵⁰ Claustre 2007; Geltner 2008b; Cassidy-Welch 2011; Abdela 2019; Charageat et al. 2021.

1. ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Если авторы работ предшествующего периода, как правило, не отличали одни церковные тюрьмы от других, то исследователи 2000–2010-х годов четко отграничивают монастырские тюрьмы от тюрем епископских или принадлежащих инквизиции⁵¹ и обращают внимание на статус заключенных (представители черного или белого духовенства либо миряне)⁵², а также и на различные формы наказания лишением свободы. Для монахов это наказание знает разные степени тяжести: самое легкое – содержание в определенном месте внутри монастыря, отведенном специально для отбывающих наказание, затем содержание в «уединенном месте» и, наконец, заключение в самую настоящую тюрьму⁵³. Впрочем, авторы недавних работ предпочитают сравнительный анализ внутри длительного периода изучению определенных типов религиозных сообществ. Сравнению подвергаются монастырские правила раннего Средневековья, типы религиозной жизни (монахи, каноники, отшельники), монастыри мужские и женские и т. д. Кроме того, исследователи стараются, выйдя за рамки строгого интернализма, вписать монастырские тюрьмы в более общий контекст и с этой целью сопоставляют их с другими тюрьмами, как церковными, так и мирскими⁵⁴.

Новое в исследование монастырских тюрем внес прежде всего анализ нормативных текстов. К правилам и канонам Вселенских соборов раннего Средневековья прибавляются начиная с X–XI веков, сборники обычаев. Затем, в XI–XII веках институционализация религиозных сообществ приводит к возникновению религиозных орденов (цистерцианцы, премонстранты, клунийцы и т. д.), которые присваивают себе право управления и надзора (генеральный капитул, инспекционные поездки по монастырям, именуемые визитами, и пр.)⁵⁵. Религиозные ордена создают новые нормы (статуты, конституции или постановления генеральных капитулов), регулярно объединяемые в сборники⁵⁶. Выработка этого внутреннего монастырского права вписывается в контекст общего бурного развития церковного права, и в частности папских декреталий⁵⁷. С XV по XVII век реформаторские движения в монастырском мире, а затем Реформация приводят к возникновению новых религиозных орденов и конгрегаций, а это способствует умножению нормативных актов черного духовенства⁵⁸. При изучении этих текстов историки могут пользоваться такими орудиями поиска, как *Codex Regularum Monasticarum et Canoniarum* Лукаса Хольста (1758–1759), но чаще всего им приходится на свой страх и риск погружаться в изучение огромного множества документов разрозненных и плохо изученных. Между тем только исследовав, какие изменения постоянно вносились в монастырское право, можно понять, как эволюционировала пенитенциарная политика и какие основные вопросы вставали перед церковным начальством (сажать преступников под замок или выгонять из монастыря? помещать в темницу или переводить в другой монастырь?).

Однако самое главное достижение историографии последних лет состоит в том, что исследователи не ограничиваются изучением нормативных документов и сопоставляют нормы с тем, что известно об их практическом применении. Для этого они изучают такие источники, как отчеты о визитах, дисциплинарные постановления генеральных капитулов, епископские

⁵¹ Beaulande-Barraud 2011; Saule 2016; Given 2011.

⁵² Cassidy-Welch 2001; De Jong 2001; Hillner 2007; Geltner 2008a; Hillner 2015; Reno 2017; Cavero Domínguez 2017; Charageat et al. 2021.

⁵³ Lehner 2013; Lusset 2017.

⁵⁴ Heullant-Donat et al. 2011; Heullant-Donat et al. 2015; Heullant-Donat et al. 2017.

⁵⁵ Oberste 1996; Füser 2000; Cygler 2002.

⁵⁶ Heullant-Donat et al. 2015.

⁵⁷ Dannenberg 2008.

⁵⁸ Hurel 2015.

послания, прошения монахов, адресованные папской курии и т. д.; применительно к Новому времени к ним прибавляются дисциплинарные дела, акты судебных процессов, сохранившиеся в епархиальных архивах, автобиографии бывших монахов, переписка внутри религиозных орденов и т. д.⁵⁹ Между тем документы такого рода редки, разрознены, изучены плохо или вовсе не изучены по двум основным причинам: во-первых, после того как преступники понесли наказание, хранить соответствующие бумаги не имело смысла, а во-вторых, зачастую их уничтожали из боязни скандала⁶⁰. Эта тяга к утаиванию и замалчиванию, заметная уже в Средние века, возрастает в XVIII веке, когда светская администрация стремится подчинить монастыри своей власти. Напомним, например, об упразднении монастырских тюрем Марией-Терезией Австрийской в период между 1769 и 1771 годами или о расследовании, проведенном в 1783 году в венских монастырях по приказу императора Иосифа II. Ульрих Ленер приводит несколько случаев, когда настоятели не моргнув глазом лгали следователям, утверждая, что в их монастырях никаких тюрем нет⁶¹. Как ни парадоксально, именно тот факт, что инстанции, посторонние по отношению к монастырям (епископы, генеральный капитул, король и император и т. д.), начиная с XII века вмешивались в выбор наказания для монахов, позволяет историкам приоткрыть двери монастырей и понять, как были устроены тамошние тюрьмы.

2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ В МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ НАЧИНАЯ С XIII ВЕКА: ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Зафиксированное еще в поздней Античности, устройство тюрем внутри монастырей становится общепринятой нормой в XIII веке, когда многие монастыри объединяются в религиозные ордена и получают привилегию, освобождающую их от необходимости подчиняться епископам⁶². Забрав в свои руки руководство дисциплинарной частью, генеральные капитулы религиозных орденов превращают тюрьму в основу монастырской пенитенциарной системы. Орден цистерцианцев первым (в 1206 году) провозглашает необходимость строительства тюрем, а в 1229 году объявляет, что в них необходимо заключать содомитов, воров, поджигателей, фальшивомонетчиков и убийц. В 1230-х годах орден белых каноников-премонстрантов требует от каждой провинции, чтобы в ней завели «тюрьму крепкую и прочную». Генеральный капитул доминиканцев, собравшийся в Болонье в 1238 году, отдает приказ об устройстве тюрем для вероотступников и возмутителей спокойствия⁶³. Упомянутые впервые в статутах генерального капитула, изданных между 1222 и 1259 годами, тюрьмы не позднее 1280-х годов становятся повсеместным явлением у картезианцев. В Англии генеральный капитул каноников-августинцев объявляет постройку тюрем обязательной в 1276 году, а бенедиктинцы провинции Кентербери – в 1279-м⁶⁴. Умножение числа монастырских тюрем начиная с 1230-х годов происходит параллельно с аналогичными процессами в рамках других церковных юрисдикций, а также юрисдикции светской⁶⁵. Тюремное заключение наряду с переводом в другой монастырь составляет единственное телесное наказание в монастырской пенитенциарной системе и, шире, в каноническом праве. Некоторые статуты уподобляют такое наказание для черного духовенства смертной казни для мирян⁶⁶.

⁵⁹ Lehner 2013; Manning 2014; Lusset 2017.

⁶⁰ Lehner 2013. P. 1–10; Lusset 2017. P. 25–83.

⁶¹ Lehner 2013. P. 7–10.

⁶² Lusset 2017.

⁶³ Hoyer 2018.

⁶⁴ Ссылку на источники см. в: Lusset 2017. P. 263–264.

⁶⁵ Heullant-Donat et al. 2011.

⁶⁶ Lusset 2017. P. 264.

Решающую роль в том, что начиная с XIII века заключение в монастырские тюрьмы приходит на смену изгнанию из монастыря, узаконенному уставами святого Августина или святого Бенедикта, сыграло папство. Начиная с VI века бенедиктинский устав утверждает понимание нищенствующего монаха как фигуры глубоко вредной и настаивает, что представители черного духовенства обязаны сохранять верность тому месту, где они возносят молитвы. Однако особенно сильным недоверие к странствующим монахам становится в XII–XIII веках. Считая бродяжничество опасным для Церкви, папы и всемирные соборы представляют то, что прежде считалось простым отклонением от нормы, вероотступничеством, преступлением против религии. В декреталии *Ne religiosi* (1227–1234) Григорий IX приказывает настоятелям ежегодно призывать к себе монахов беглых и изгнанных и находить им место в монастыре, если же они будут сопротивляться, отлучать их от церкви. Тюремное заключение монахов в декреталии не упомянуто, но там сказано, что нарушителей порядка следует помещать *in locis competentibus* – выражение, которое канонисты и монахи истолковывали как тюрьму или прочно запертую келью, где следует содержать непокорного брата. Начиная с 1230-х годов наблюдается сближение папского законодательства, канонической доктрины и монашеского права: все склоняются к тому, что нарушителей порядка нужно не изгонять, а сажать под замок. В уставах различных орденов это изменение фиксируется в XIV веке. Так, *Quinta distinctio statutorum* ордена премонстрантов (1322) гласит, что виновных в «преступлениях самых серьезных» следует не удалять из монастыря, предварительно лишив монашеского платья, а сажать в тюрьму. Впрочем, тенденцию эту нельзя назвать всеобщей. Конечно, статуты мариенбургских бенедиктинцев в 1437 году утверждают, что виновных в воровстве, насилии или святотатстве следует не изгонять, как то значится в уставе, а заключать в тюрьму, а генеральный капитул конгрегации реформированных бенедиктинцев Святой Иустины Падуанской в 1440 году предписывает наказывать неисправимых преступников тюремным заключением, однако уже год спустя тот же капитул уточняет, что в некоторых случаях эти преступники могут быть исключены из ордена и переведены в юрисдикцию епископа. Кроме того, наблюдается зазор между правилами и реальными практиками. В архивах английских епископов или папской курии содержатся прошения монахов, жалующихся на то, что их за проступки изгнали из монастыря⁶⁷.

Вопрос о том, как поступать с закоренелыми преступниками из числа монахов, остается не вполне решенным и в Новое время, когда религиозные ордена сохраняют, вследствие данных им привилегий и льгот, широкую автономию в том, что касается дисциплинарных взысканий. В декрете «о монахах и монахинях» 25-й сессии Тридентского собора (декабрь 1563 года) о судьбе монахов-преступников не говорится ни слова. При папе Пие V (1559–1565) Священная конгрегация собора постановляет, что генеральные прокуроры религиозных орденов должны заключать преступников в тюрьму, а не изгонять их, даже если выясняется, что они не подлежат исправлению⁶⁸. В 1687 году парижские бенедиктинки Божьей Матери Утешения в своих конституциях сетуют на то, что «более не дозволено прибегать к изгнанию, на какое славный наш Отец осудил неисправимых в 28-й статье своего священного установления, ибо Собор [Тридентский] и парламенты сие девам запретили», и предписывают заключать преступниц в тюрьму⁶⁹. Тем не менее альтернатива тюрьма/изгнание продолжает обсуждаться вплоть до конца XVIII века. В бенедиктинской конгрегации Святого Ванна, как напоминает Огюстен Кальме в своем комментарии к уставу (1734), только генерал ордена имеет право поставить вопрос перед генеральным капитулом и некоторыми многоопытными монахами о процедуре изгнания, причем для этого нужно получить согласие ординарного епископа, ведь изгнанный

⁶⁷ Lusset 2017. P. 232–234.

⁶⁸ Hurel 2011. P. 125.

⁶⁹ Hurel 2015.

монах попадает под его юрисдикцию⁷⁰. Историю монастырских тюрем в Новое время еще предстоит написать; сходным образом нуждается в анализе соотношение этого наказания с другими, такими как перевод в другой монастырь или отправка на галеры⁷¹.

3. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В ТЮРЬМЕ

Прежде чем отправить преступника в *carcer* (самая суровая форма заключения), его могут содержать в «уединенном месте». Пространство это описано в сборнике обычаев аббатств Спрингерсбах и Клостеррат (XII век) как тесная комната, в которой едва может поместиться один-единственный человек. На ночь ее закрывают на засов; в ней имеется окно, чтобы дневной свет, проникая внутрь, «не позволял телесным тайникам плодить умственные потемки». Расплывчатость терминов, используемых для описания этого «места», доказывает, по всей вероятности, что в монастырях не было помещения, специально предназначенного для этой цели, и в качестве «уединенного места» использовали по мере необходимости одну из келий. В сборниках обычаев и статутах порой встречаются указания на условия заключения. Так, в сборнике обычаев аббатств Спрингерсбах и Клостеррат говорится, что заключенный монах должен спать на ложе из тростника или сена и питаться хлебом грубого помола прямо на полу, а в определенные дни недели обязан поститься. Заключенный не все время находится под замком; его регулярно выпускают из кельи, чтобы он присутствовал при ежедневных деяниях общины, не принимая, однако, в них участия. Так, в 1321 году одна цистерцианка убежала из Келдхоумского монастыря, нарушила обет невинности и выказала неповиновение; архиепископ Йоркский присудил ее к заключению в келью; но в часы богослужений ей было разрешено выходить оттуда и занимать место на хорах, в самом последнем ряду. Каждую среду и пятницу ее босую приводили в залу капитула, и там настоятельница подвергала ее бичеванию. Срок заключения редко предписывался раз и навсегда; настоятель принимал решение об освобождении виновного в зависимости от того, как скоро тот выкажет признаки раскаяния.

Что же касается заключения в строгом смысле слова, то есть отправления преступника в *carcer*, ему подвергали тех, кто не желал исправиться. В наставлениях архиепископа Кентерберийского Джона Пекхэма каноникам-августинцам приората Ллантони Прима (1284) заключением в *carcer* предписано наказывать за «преступления чудовищные и явственные» (воровство, насилие, заговор, непослушание). Сходным образом генеральный капитул картезианцев в 1285 году предписывает отправлять в тюрьму поджигателей, фальшивомонетчиков, убийц и вероотступников⁷². До самого конца XVIII века главы религиозных конгрегаций требуют устройства «надежных и прочных тюрем для помещения туда беглецов и вероотступников, людей непокорных и неисправимых»⁷³. Согласно статутам и конституциям, в *carcer* следует заключать только за самые серьезные преступления, однако из источников видно, что на практике таким образом наказывали и за мелкие проступки. Тюремное заключение превращается в уголовное наказание, если оно «продолжительно»; срок имеет значение. Поэтому нормативные источники указывают, что заключение должно быть пропорционально тяжести преступления. Генеральный капитул ордена цистерцианцев в 1478 году объясняет, что убийцы заслуживают «наказания более сурового и заключения более длительного, чем все прочие». Тяжкие преступления и отказ встать на путь исправления караются заключением в строгом смысле слова,

⁷⁰ Hurel 2011.

⁷¹ Начиная с XVI века монахи, преступившие закон, могут быть лишены монашеского звания и приговорены к отправке на галеры (Lehner 2013. P. 65–66).

⁷² Lusset 2017. P. 264.

⁷³ Hurel 2015.

порой пожизненным, но если преступник выказывает признаки раскаяния, условия заключения ему могут смягчить; порой дело кончается даже его освобождением⁷⁴.

В документах тюрьма обозначается терминами *carcer*, *ergastulum*, *prisio* или *camera fortis* или перифразами, которые подчеркивают, что это помещение закрытое, охраняемое и отдаленное (*locus secretus, firmus et tutus*). От «уединенного места» оно отличается своим устройством. Согласно сборникам обычаев Ульриха из Клюни и аббатства Хирзау (конец XI века), в эту комнату, не имеющую ни двери, ни окна, спускаются по лестнице обыкновенной или приставной. В сборнике обычаев аббатств Спрингерсбах и Клостеррат (XII век) описана маленькая комнатка, расположенная в самой секретной и самой надежно охраняемой части монастыря, куда входят «не через дверь, а по темной лестнице». За неимением планов, относящихся к средневековому периоду, трудно точно определить местонахождение этих тюрем. В некоторых цистерцианских аббатствах в качестве тюрьмы, по-видимому, использовалась комната, расположенная под лестницей, ведущей с внутренней галереи в спальню. А в бенедиктинском приорате в Дареме в XV веке, по всей вероятности, были устроены две тюрьмы: одна, для виновных в легких проступках, располагалась под лестницей, ведущей в спальню; в ней имелись окно и нужник; вторая (*lying house*), для виновных в преступлениях тяжких, находилась в подвале лечебницы. Туда попадали через дверь, запертую снаружи деревянным запором. Идентификация этих двух пространств основывается в основном на сведениях из сборников обычаев, которые отличают *carcer* от «уединенного места», а также на археологических раскопках⁷⁵. Тюрьмы эти лишены отчетливого архитектурного своеобразие и их трудно отличить от крипт и от помещений для хранения провизии. Зачастую единственными признаками, позволяющими думать, что данное помещение использовалось как тюрьма, оказываются вбитые в стену кольца или крохотное окошко⁷⁶.

Тюремное заключение было не единственным наказанием, которому подвергались монахи. Им могло грозить также телесное наказание (бичевание), ограничения в еде (порой их сажали на хлеб и воду), а непокорным или провинившимся вторично могли заковать руки и ноги в цепи⁷⁷. Тем не менее принимаются меры для ограничения излишней жестокости. Например, сборник обычаев бенедиктинского аббатства Тегернзее (XV век) предусматривает перевод узника в другое помещение в случае жестоких морозов или болезни. Согласно некоторым средневековым сборникам обычаев, если место заключения не приспособлено для удовлетворения гигиенических потребностей, заключенного обязаны регулярно отводить в лечебницу или другое соответствующее место, но так, чтобы он не имел возможности общаться с другими братьями. Если находящийся в тюрьме преступник отлучен от церкви, он не имеет права говорить ни с кем, включая даже возможных товарищей по заключению⁷⁸. В 1395 году настоятель аббатства Премонтре, приговорив к отправлению в тюрьму трех буйных и непокорных каноников аббатства Сери, специально уточняет, что их следует содержать так, чтобы они не могли общаться друг с другом.

Если согрешивших монахов заключают в тюрьму, требуются люди, которые бы отвечали за их охрану и содержание. В конституциях Ланфранка (XI век) упомянут монах, обязанный отводить преступника в место заключения и хранить ключи от него⁷⁹. В XVIII веке статуты испанских босоногих кармелитов указывают, что надзор за заключенными возлагается на одного из членов общины и именно он будет нести ответственность в случае смерти узника.

⁷⁴ Lusset 2017. P. 262.

⁷⁵ См., например, тюрьмы цистерцианского аббатства в Виллер-ан-Брабант (Coomans 2000).

⁷⁶ Lusset 2017. P. 261–262.

⁷⁷ Lehner 2013. P. 21.

⁷⁸ О различных формах отлучения, каким могут подвергнуться монахи, совершившие преступление, см.: Lusset 2017. P. 236–245.

⁷⁹ Ibid. P. 268.

Тем не менее сторожу запрещается давать заключенным дополнительное пропитание, а также письменные принадлежности. В случае побега суровые кары (отлучение от церкви, тюрьма) грозят сообщникам, сторожам и настоятелям⁸⁰.

Хотя узника и изолируют от остальных монахов, его не следует оставлять в полном одиночестве. Начиная с XI века сборники обычаев предписывают настоятелям поручать старшим из братьев морально поддерживать узников, чтобы они не впали в отчаяние. Согласно статутам испанских тринитариев (1738), условия содержания в монастырской тюрьме не должны быть слишком суровы: настоятель должен снабжать узника книгами – но не письменными принадлежностями⁸¹. Если те, кто отправлен в «уединенное место», имеют право присутствовать на богослужениях, с теми, кто содержится в *carcer*, дело обстоит сложнее, во всяком случае в Средние века. Некоторые тексты настаивают на том, что этим преступникам следует оказывать духовную поддержку. Так, во время посещения августинского приората в Бург-Ашаре в 1266 году архиепископ Руанский Эд Риго просит настоятеля предоставить заключенному в тюрьму канонику breviary или другую книгу, чтобы он смог соблюдать богослужебные часы и молиться. Настоятель обязан также раз в неделю исповедовать заключенного и причащать его. Напротив, в других сводах правил указывается, что причащать узников не положено. В 1495 году двух цистерцианцев из Шаливуа (Буржская епархия), виновных в убийстве, отлучают от причастия до тех пор, пока они не выйдут на свободу. Вопрос о том, следует ли совершать обряд евхаристии над преступниками, содержащимися в *carcer*, составляет, кажется, неразрешимую проблему. В своем наставлении для исповедников (около 1214 года) Томас из Чобема утверждает, что гостию, телу Христову, не место в тюрьме, подобной зловонной яме; вкушать ее вправе только человек, вышедший на свободу. Сходным образом кодекс ордена Премонстрантов (1505) запрещает узникам причащаться внутри тюрьмы. Из почтения в Святому причастию их следует вначале освободить от цепей и вывести на свет божий, а затем причащать либо перед входом в узилище, либо в особом месте⁸².

В некоторых монастырях ради спасения души заключенных принимаются специальные архитектурные решения. В регенсбургском картезианском монастыре в XVII–XVIII веках тюрьму устраивают неподалеку от хоров, чтобы узники могли слышать мессу⁸³. На двух планах картезианского монастыря в Пор-Сен-Мари (Овернь), 1676 года и 1790 годов, указано местонахождение тюрьмы для монахов: на первом она располагается в северной части церкви, на втором в картуше значатся «три темницы для монахов», «попасть в которые можно из кельи ризничего. В одной из них проделано было окошко, чтобы узник мог слышать мессу»⁸⁴. В докладах австрийских имперских следователей (1783) говорится, что монахи, заключенные в тюрьму в венском капуцинском монастыре, содержатся в восьми кельях первого этажа, в каждой из которых есть окно. Пять раз в год мессу служат на малом алтаре, и, открыв дверь, узники могут увидеть эту церемонию. Они получают святое причастие, покайсявшись в грехах, а при отказе подвергаются бичеванию⁸⁵. Примерно так же содержались заключенные в картезианском монастыре Вильнев-лез-Авиньон: там семь келий по дюжине квадратных метров каждая располагались на двух уровнях. Со стороны алтаря в них были проделаны слуховые окна, благодаря чему заключенные монахи могли слышать мессу, не покидая келий⁸⁶.

В конце XVIII века в реформированных орденах условия содержания провинившихся монахов, насколько можно судить, сделались мягче, тогда как в орденах традиционных по-

⁸⁰ Ibid. P. 269; Lehner 2013. P. 13.

⁸¹ Lehner 2013. P. 21.

⁸² Lusset 2017. P. 268–269.

⁸³ Lehner 2013. P. 22.

⁸⁴ Le Seigneur 2008.

⁸⁵ Lehner 2013. P. 22.

⁸⁶ Heullant-Donat et al. 2018: http://cloitreprison.fr/chapitre8-quartier-disciplinaire/8-2_punir-au-monastere.html.

прежнему были в ходу сырые подземные камеры. Конституции бенедиктинской конгрегации Святого Мавра (1770) гласят, что темницу следует устраивать в комнате «надежно запертой, хорошо освещенной и чистой, где узники <...> могли бы читать благочестивые книги и трудиться»; впрочем, именно эту конгрегацию за обращение с узниками резко осуждал в конце XVII века Жан Мабийон⁸⁷.

4. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ТЮРЕМ ДЛЯ МОНАХОВ ВНУТРИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРДЕНОВ

Хотя генеральные капитулы начиная с XIII века предписывают устройство тюрем в каждом монастыре, предписания эти выполняются далеко не всегда. У картезианцев, например, генеральный капитул в XIV веке регулярно призывает к порядку настоятелей, а инспекторов, объезжающих картезианские монастыри с визитами, уполномочивает проверять, в каждом ли из них оборудована тюрьма. В 1375 году он приговаривает настоятелей, которые так и не устроили у себя *carcer* или не переоборудовали его, к уплате штрафа в 12 флоринов, – а два года спустя повторяет этот вердикт. Сходное своеволие наблюдается и в монастырях цистерцианского ордена. Настоятель Балернского аббатства, посланный в 1486 году с визитом в Шезери (епархия Белле), отмечает, что в этом монастыре тюрьмы нет и никого наказаниям не подвергают. Подобной непокорностью или небрежностью отличаются не только «старые» цистерцианский и картезианский ордена, то же самое наблюдается и в монастырях реформированных бенедиктинцев. В 1440 году генеральный капитул конгрегации Святой Иустины Падуанской предписывает оборудовать в каждом монастыре тюрьму «крепкую, чистую и порядочную». В 1450 году, а затем в 1490-м он повторяет предписание, поскольку выполнили его отнюдь не везде. Он грозит тем настоятелям, которые не подчинятся, лишить их голоса в генеральном капитуле.

Из-за недостатка темниц или места для них монастырским тюрьмам могут находить замену. В конце Средневековья настоятели Ключийского аббатства регулярно использовали для этого один из принадлежащих им замков – расположенный в пяти километрах от Ключи Лурдон, откуда аббаты управляли окрестной местностью. В документах иногда встречаются намеки на то, что преступных монахов отправляли в тюрьмы епископские и даже коммунальные. В 1341 году, например, флорентийские бенедиктинцы из аббатства Санта Мария (Badia Fiorentina) отправляют монаха, которого подозревают в убийстве викария, в коммунальную тюрьму Стинче. В монастыре достаточно надежного узилища не нашлось, и монахи, боясь, как бы убийца не сбежал с помощью своих родственников, предпочли поместить его в коммунальную тюрьму, где имелось несколько камер и специально обученный персонал⁸⁸. Вообще такое сотрудничество средневековой церковной и светской судебных инстанций, выразившееся, в частности, в предоставлении помещений для подсудимых и приговоренных, было не редкостью⁸⁹.

Некоторые ордена решают проблему помещений и персонала иначе – они устраивают для заключенных централизованные тюрьмы. В 1286 году генеральный капитул Ключийского ордена предписывает каждой провинции оборудовать тюрьму на деньги местных приоратов. В 1289 году генеральный капитул картезианцев предписывает трем соседним монастырям устроить одну общую тюрьму на всех. Впоследствии излюбленным местом заключения стал Большой картезианский монастырь (Grande Chartreuse). Однако платить за содержание заключен-

⁸⁷ Lehner 2013. P. 28.

⁸⁸ Geltner 2008c; Lusset 2017. P. 264–265; Heullant-Donat et al. 2018: http://cloitreprison.fr/chapitre1-mur/1-4_diversite-lieux.html.

⁸⁹ Charageat et al. 2021.

ных был обязан их родной монастырь, и потому генеральному капитулу приходится ежегодно пенять неисправным плательщикам. В 1496 году он устанавливает твердый тариф для каждого монаха, содержащегося в тюрьме главного монастыря (один дукат в месяц), – тот же тариф сохраняется и при кодификации 1509 года. Генеральный капитул премонстрантов, в XIII веке потребовавший, чтобы каждая провинция завела у себя по крайней мере одну тюрьму, в 1502 году предписывает постройку центральной тюрьмы рядом с аббатством Сен-Мартен в Лане и кладет тюремщику сто солей жалованья в год⁹⁰.

Та же тенденция к централизации содержания узников наблюдается в Новое время у австрийских францисканцев и капуцинов, в монастырях венецианских францисканцев или у картезианцев. Регенсбургский картезианский монастырь, например, принимает преступников из Эль-Паулара, Эрфурта и Данцига⁹¹. В Клунийском ордене роль тюрьмы постоянно играют несколько монастырей: в 1672 году Сен-Марсель в Шалоне, около 1693 года – Куэнси. Генеральный капитул 1701 года четко называет в числе монастырских тюрем такие монастыри, как аббатство Клуни, монастырь Святого Мартина в Полях, аббатства в Куэнси, Ла Вут-Шийяке и Ганагоби, иначе говоря, четыре монастыря строгого соблюдения и один – древнего обряда. В конгрегации Святого Мавра самых непокорных монахов отправляют в аббатство Мон-Сен-Мишель, слывшее «морской бастилией» еще до того, как в XIX веке здесь устроили тюрьму для осужденных на длительные сроки⁹².

5. ОТНОШЕНИЕ К НАКАЗАНИЮ ТЮРЕМНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

Хотя наказание тюремным заключением становится все более и более распространенным, оно продолжает вызывать вопросы и сопротивление. Начиная с XIII века канонисты утверждают, что высшее духовное лицо, назначающее наказание низшему (в том числе заключающее его в тюрьму), не должно ни подвергаться автоматическому отлучению от церкви, ни считаться иррегулярным⁹³. Так, францисканец Джон Пекхэм считает, что прелат, создавший для заключенного условия, приведшие к его смерти, не должен считаться иррегулярным⁹⁴. Тем не менее в XV веке некоторые настоятели продолжают адресовать папской курии прошения, с тем чтобы убедиться, что они не отлучены от церкви и не считаются иррегулярными⁹⁵. Дискуссии продолжатся в Новое время: многочисленные канонисты, такие как Томас Санчес (1550–1610), Просперо Фаньяни (ум. 1661) или Леопольд Пилати (1705–1755), обсуждают вопрос о том, следует ли считать убийцей прелата (настоятеля, аббата или приора), допустившего гибель заключенного в тюрьме⁹⁶.

Дело в том, что начиная с XIII века церковные власти рассматривают дурное обращение с заключенными и неправомерное назначение наказания в виде заключения в тюрьму как злоупотребления⁹⁷, и во время визитов инспекторы строго следят за условиями содержания в темницах. В 1279 году во время визита в бенедиктинский приорат Бардни посланцы архиепископа Кентерберийского выводят из узилища заключенных туда монахов и спрашивают у них, «кто они, по какой причине и с какого времени здесь находятся и как их содержат?». Порой заключенные пользуются случаем пожаловаться на мотивы и условия тюремного заклю-

⁹⁰ Lusset. P. 265–266.

⁹¹ Lehner 2013. P. 20.

⁹² Hurel 2011.

⁹³ Иррегулярность есть такое состояние, которое вследствие некоего поступка или недостатка влечет за собой запрет на рукоположение в священнослужители и на совершение богослужения.

⁹⁴ Marmursztejn 2011.

⁹⁵ Lusset 2017. P. 269–270.

⁹⁶ Lehner 2013. P. 25–26.

⁹⁷ Lemesle 2012.

чения. В 1319 году Уильям де Рос, бенедиктинский монах из Глостера, приносит епископу Вустерскому жалобу на своего аббата, который без законной причины посадил его под замок и содержал в очень суровых условиях, лишая порядочного обращения, возможности читать книги, говорить с монахами, подвергаться кровопусканию и прочим вещам, необходимым для достоинства человеческого и монашеского. Устанавливаются специальные процедуры надзора, такие, например, как в 1494 году в Бурсфельдской реформированной конгрегации: если аббат решается посадить преступника под замок, прибывшие с визитом обязаны отправиться на место происшествия и узнать, объясняется ли проступок монаха одним лишь его грехом или же в нем виновен настоятель, дурно управляющий монастырем⁹⁸.

Отчеты о епископских визитах, равно как и прошения, отправленные в папскую курию, содержат порой жалобы монахов, показывающие, как тяжело переносили эти люди, хотя и привыкшие жить взаперти в монастыре, тюремное заключение. В 1413 году апостольская канцелярия получает прошение от Джона Эндрю (Бозарда), бывшего приора августинского приората Крайстчёрч в Твайнхеме. Его обвинили в заговоре против нового приора и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Он сумел бежать и оправдывает свое бегство тем, что после трех лет, проведенных в смрадной темнице, начал бояться за свою жизнь. Разумеется, обличение невыносимых условий содержания призвано извинить бегство, которое по всем законам карается очень строго, но оно свидетельствует также и о том, как ужасна тюрьма. В этом случае, как и во многих других, заключенные протестуют против несправедливости, против произвола настоятелей, а равно и против причиненных им физических страданий (холод, голод, темнота, пыточные условия существования в тесноте). Особенно резкую критику вызывает, наряду с плотскими мучениями, позорный характер тюремного заключения. Так, Элипда Виллебайон, бенедиктинка из Суассонской епархии, в 1371 году обращается к папе Григорию XI с жалобой на свою аббатису, которая по злобе заключила ее «в ужаснейшую темницу и обрекла на тяжкие лишения, словно преступницу». Мало того что тюремное заключение подвергает опасности физическое здоровье монаха, оно еще и наносит урон его чести⁹⁹.

Многочисленные документы свидетельствуют о враждебном отношении монахов к наказанию тюремным заключением. Конечно, оно вписывается в древнюю традицию, восходящую к пребыванию святого Петра *ad vincula*, к рассказам о христианских мучениках, страждущих в темницах, а также к агиографическим текстам, изображающим святых, которые проходят испытание тюрьмой или чудесным образом освобождают из темницы несправедливо заключенных туда невинных людей¹⁰⁰. Однако, если судить по прошениям монахов, тюремные страдания не преображаются в испытание добродетели, они не ведут к святости. Напротив, прошения эти, по примеру средневековых тюремных рассказов, сообщают о «неустройстве», то есть об унынии узников, не видящих никакого сострадания и никакой поддержки¹⁰¹. Жан Мабийон протестует именно против этого, когда описывает негуманные условия содержания заключенных в конгрегации Святого Мавра в конце XVII века.

За последние десять лет обновление историографии способствовало выходу монастырских тюрем из тени, в которой они находились прежде по разным причинам: и потому, что исследователи опасались скандала, и потому, что документация по этому вопросу носит разрозненный и фрагментарный характер. Современные работы, выйдя за рамки строгого интернализма и сосредоточенности исключительно на нормативных источниках, показали, как активно насаждаются монастырские тюрьмы в XIII веке, когда многочисленные монастыри объединяются в религиозные ордена и получают привилегии, освобождающие их от необхо-

⁹⁸ Lusset 2017. P. 270.

⁹⁹ Ibid. P. 271–27; Lehner 2013. P. 18–20.

¹⁰⁰ Cassidy-Welch 2011.

¹⁰¹ Claustre 2011.

димости подчиняться епископам. Получив полную власть в дисциплинарной области, главы орденов превращают тюрьмы в основание монастырской пенитенциарной системы, каковой они и остаются до конца XVIII века. Изучение прагматической документации позволило уточнить условия содержания монахов (помещения, обхождение с узниками, питание, сторожа, духовное окормление) и показать, как религиозные ордена устраивали тюрьмы для монахов, порой идя на сотрудничество с другими судебными инстанциями, а порой отправляя преступников в централизованные тюрьмы, оборудованные в одном или нескольких монастырях ордена. Параллельное чтение работ, посвященных тюрьмам в Средние века и в Новое время, позволяет также убедиться, что, несмотря на реформаторские движения конца Средних веков и Реформации, а также процесс секуляризации и порожденные всем этим потрясения, наблюдается примечательная преемственность в устройстве этих тюрем с XIII до XVIII века. Хотя произвол настоятелей, унижительный характер заключения, а главное, его несправедливость возбуждают немало нареканий, тюремное заключение остается наиболее распространенным наказанием в самых разных орденах, включая Общество Иисуса (хотя в своих конституциях иезуиты осуждали эту меру)¹⁰².

Наконец, обновление историографии позволило разрушить черную легенду о монастырских тюрьмах, долгое время отождествлявшихся с *vade in pace* – темными и смрадными подземными темницами, церковными *каменными мешками*, в которых до самой смерти мучились согрешившие монахи, – легенду, популяризованную в XVIII веке «Энциклопедией» и революционным театром, а затем, в XIX веке, романтиками¹⁰³.

Перевод с французского Веры Мильчиной

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abdela 2019 – *Abdela S.* La prison parisienne au 18e siècle. Formes et réformes. Paris, 2019.
- Beaulande-Barraud 2011 – *Beaulande-Barraud V.* Au pain de douleur et à l'eau de tristesse. Prison pénale, prison pénitentielle dans les sentences de l'officialité à la fin du Moyen Âge // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle). Paris, 2011. P. 289–303.
- Cassidy-Welch 2001 – *Cassidy-Welch M.* Monastic Spaces and their Meanings. Thirteenth-Century English Cistercian Monasteries. Turnhout, 2001.
- Cassidy-Welch 2011 – *Cassidy-Welch M.* Imprisonment in the Medieval Religious Imagination, c. 1150–1400. New York, 2011.
- Castan et al. 1991 — *Castan N., Faugeton C., Petit J.-G., Perrot M.* Histoire des galères, des bagnes et prisons 13e–20e siècles, Introduction à l'histoire pénale de la France. Toulouse, 1991.
- Cavero Domínguez 2017 – *Cavero Domínguez G.* Penal cloistering in Spain in the sixth and seventh centuries // *Journal of Medieval Iberian Studies*. 2017. Vol. 9. P. 1–24.
- Charageat et al. 2021 — *Charageat M., Lusset E., Vivas M.* (Ed.) Les espaces carcéraux au Moyen Âge. Pessac. Université Nouvelle-Aquitaine éditions. 2021. <https://una-editions.fr/les-espaces-carceraux-au-moyenage/>.
- Claustre 2007 – *Claustre J.* Dans les geôles du roi. L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Âge. Paris, 2007.
- Claustre 2012 – *Claustre J.* La prison de «desconfort». Remarques sur la prison et la peine à la fin du Moyen Âge // *Derasse N., Humbert S., Royer J.-P.* (Ed.) La prison: Du temps passé au temps dépassé. Paris, 2012. P. 19–44.

¹⁰² Manning 2014.

¹⁰³ Lusset 2021.

Coomans 2000 – *Coomans T.* L'abbaye de Villers-en-Brabant: construction, configuration et signification d'une abbaye cistercienne gothique. Bruxelles, 2000.

Cygler 2002 – *Cygler F.* Das Generalkapitel im hohen Mittelalter. Cisterzienser, Prämonstratenser, Kartäuser und Cluniazenser. Münster, 2002.

Dannenberg 2008 – *Dannenberg L.-A.* Das Recht der Religiösen in der Kanonistik des 12. und 13. Jahrhunderts. Münster, 2008.

Dunbabin 2002 — *Dunbabin J.* Captivity and Imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300, Basingstoke, 2002.

Füser 2000 – *Füser T.* Mönche im Konflikt, Zum Spannungsfeld vom Norm, Devianz und Sanktion bei den Cisterziensern und Cluniazensern (12. bis frühes 14. Jahrhundert). Münster, 2000.

Geltner 2008a – *Geltner G.* Detrusio. Penal Cloistering in the Middle Ages // *Revue bénédictine*. 2008. Vol. 118. P. 89–108.

Geltner 2008b – *Geltner G.* Medieval Prison: A Social History. Princeton, 2008.

Geltner 2011 – *Geltner G.* Isola non isolata. Le Stinche in the Middle Ages // *Annali di storia di Firenze*. 2011. Vol. 3. P. 7–28. Онлайн: https://www.storiadifirenze.org/pdf_ex_eprints/01_geltner.pdf.

Given 2011 – *Given J. B.* Dans l'ombre de la prison. La prison de l'Inquisition dans la société languedocienne // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011. P. 305–320.

Heullant-Donat et al. 2011 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011.

Heullant-Donat et al. 2017 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* Nouvelles perspectives sur les enfermements // *Crime, histoire & sociétés*. 2017. № 2 (spécial). P. 287–296.

Heullant-Donat et al. 2015 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) *Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (4e–19e siècle)*. Paris, 2015.

Heullant-Donat et al. 2017 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) *Enfermements III. Le genre enfermé. Hommes et femmes en milieux clos (13e–20e siècle)*. Paris, 2017.

Heullant-Donat et al. 2018 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Ed.) Webdocumentaire *Le cloître et la prison. Les espaces de l'enfermement*. 2018. Онлайн: <http://cloitreprison.fr>.

Hillner 2007 — *Hillner J.* Monastic Imprisonment in Justinian's Novels // *Journal of Early Christian Studies*. 2007. Vol. 15/2. P. 205–237.

Hillner 2015 — *Hillner J.* Prison, Punishment and Penance in Late Antiquity. Cambridge, 2015.

Hoyer 2018 – *Hoyer W.* Volumus ut carceres fiant. Medieval Dominican Legislation on Detention and Imprisonment // Linde C. (Ed.) *Making and breaking the rules: Discussion, implementation, and consequences of Dominican legislation*. Oxford, 2018. P. 323–347.

Hurel 2011 – *Hurel D.-O.* La prison et la charité: les enjeux contradictoires de l'enfermement pour faute grave dans l'ordre de Saint-Benoît à l'époque moderne // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011. P. 110–133.

Hurel 2015 – *Hurel D.-O.* De la règle de saint Benoît à la pratique réglementaire pénitentiaire chez les bénédictins et bénédictines des 16e–19e siècles: traductions, relectures et interprétations // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F. (Ed.) *Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (4e–19e siècle)*. Paris, 2015. P. 189–211.

Johnston 2000 – *Johnston N.* Forms of Constraint, A History of Prison Architecture. Chicago, 2000.

Jong 2001 – *Jong M. de Monastic Prisoners or Opting Out? Political Coercion and Honor in the Frankish Kingdoms* // de Jong M., Theuvs F., van Rhijn C. (Ed.) *Topographies of Power in the Early Middle Ages*. Leyde, 2001. P. 291–328.

Le Seigneur 2008 – *Le Seigneur P.-J. La chartreuse d'Aillon* // *Analecta Cartusiana*. 2008. Vol. 261.

Leclercq 1971 – *Leclercq J. Le cloître est-il une prison?* // *Revue d'ascétique et de mystique*. 1971. Vol. 47. P. 407–420.

Leclercq 1976 – *Leclercq J. Libérez les prisonniers. Du bon larron à Jean XXIII*. Paris, 1976.

Lehner 2013 – *Lehner U. L. Monastic Prisons and Torture Chambers. Crime and Punishment in Central European Monasteries, 1600–1800*. Eugene, OR, 2013.

Lemesle 2012 – *Lemesle B. Emprisonnements abusifs et emprisonnements punitifs à travers les lettres pontificales d'Alexandre III (1159–1181) et d'Innocent III (1198–1216)* // Fritz J.-M., Menegalo S. (Ed.) *Réalités, images, écritures de la prison au Moyen Âge*. Dijon, 2012. P. 189–205.

Logan 1996 – *Logan F. Runaway religious in Medieval England, c. 1240–1540*. Cambridge, 1996.

Lusset 2021 – *Lusset É. Vade in pace. La fortune historiographique et littéraire de la prison monastique du Moyen Âge au 20e siècle* // *Revue historique*. 2021. Vol. 698. P. 279–321.

Lusset 2017 – *Lusset É. Crime, châtement et grâce dans les monastères au Moyen Âge (12e–15e siècle)*. Turnhout, 2017.

Manning 2014 – *Manning P. W. Disciplining Brothers in the Seventeenth-Century Jesuit Province of Aragon* // *Renaissance and Reformation*. 2014. Vol. 37/2. P. 115–139.

Marmursztejn 2011 – *Marmursztejn E., Issues obligatoires. Clôture et incarcération dans la pensée scolastique des 13e–14e siècles* // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) *Enfermements. Le cloître et la prison (5e–18e siècle)*. Paris, 2011. P. 71–87.

Morris, Rothman 1995 – *Morris N., Rothman D. J. (Ed.) The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishment in Western Society*. Oxford, 1995.

Oberste 1996 – *Oberste J. Visitation und Ordensorganisation. Formen sozialer Normierung, Kontrolle und Kommunikation bei Cisterziensern, Prämonstratensern und Cluniazensern (12. – frühes 14. Jahrhundert)*. Münster, 1996.

Pacho 1975 – *Pacho E. Carcere e vita religiosa* // *Dizionario degli Istituti di Perfezione*. Rome, 1975. Vol. 2. P. 261–276.

Penco 1966 – *Penco G. Monasterium – Carcer* // *Studia Monastica*. 1966. Vol. 8. P. 133–143.

Pugh 1968 – *Pugh R. B. Imprisonment in Medieval England*. Cambridge, 1968.

Reno 2017 – *Reno E. Ad agendam penitentiam perpetuam detrudatur: Monastic Incarceration of Adulterous Women in Thirteenth-Century Canonical Jurisprudence* // *Traditio*. 2017. Vol. 72. P. 301–340.

Saule 2016 – *Saule K. L'officialité de Beauvais et l'enfermement des curés délinquants au 17e siècle: entre rigueur et indulgence* // Beaulande-Barraud V., Charageat M. (Ed.) *Les officialités dans l'Europe médiévale et moderne. Des tribunaux pour une société chrétienne*. Turnhout, 2014. P. 205–224.

Spierenburg 1991 – *Spierenburg P. The Prison Experience. Disciplinary Institutions in Early Modern Europe*. New Brunswick; London, 1991.

Катя Махотина

МОНАСТЫРИ КАК МУЛЬТИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В 1658 году Кирилло-Белозерский монастырь принял боярского сына Ивана Усова, но совсем не потому, что он хотел стать послушником: сюда «за бесчинства» его сослал именной указ царя Алексея Михайловича. В инструкции, посланной архимандриту Митрофану, говорилось, что Иван должен находиться на монастырской порции, в «подначальстве» у старца и непрерывно ходить в церковь¹⁰⁴.

Похожая судьба постигла спустя годы другого «бесчестного» молодого человека, посадского человека Никиту Петрова, сосланного царским указом в тот же монастырь в 1667 году «за пьянство». Он также должен был находиться здесь «под началом», что очевидно мало на него действовало, так как монастырским слугам пришлось довольно скоро перевести его в другой, отдаленный монастырь в Кандалакше, что заняло по весенним паводкам целый месяц¹⁰⁵. Женщины также попадали в монастырь не по своей воле: так, в 1654 году архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Митрофан был вынужден выполнить приказ патриарха Никона и принять Наталью и Ираиду за блудное дело в Горицкий женский монастырь¹⁰⁶.

Дети, чье поведение родители считали непочтительным, отправлялись по челобитной отцов и матерей в монастыри, где они должны также были находиться под руководством опытного монаха. Так, в 1679 году Михаил Лихачев был сослан царской грамотой Федора Алексеевича в монастырь по доношению отца, обвинявшего сына в «непослушании и непочитании»¹⁰⁷.

Перечисленные случаи – лишь некоторые из множества указов и грамот, предписывающих монастырскую ссылку для мирян. Они свидетельствуют о том, что уже в XVII веке круг монастырских ссыльных был расширен за счет светских лиц. «За пьянство», «за неистовство», «за непотребство» были самыми часто встречаемыми формулами указов. Так, например, по указу еще молодых царей Иоанна и Петра Алексеевичей в 1692 году «за пьянство и неистовство» в Николаевский Корельский монастырь был сослан житель слободки Солозеро Степан Парфеньев сын Жаравов. Игумен монастыря Василиск получил от архиепископа Холмогор Афанасия грамоту, в которой приписывал держать Степана в монастыре до исправления в «подначальстве» – «в монастырском труде с другими работниками, приводить к церкви божьей, а если пожелает постричься, постричь»¹⁰⁸. Данная конкретизация режима подначальства достаточно необычна, обычно упоминание санкции «под начал» подразумевает, что игумен или игуменья знают, что делать с ссыльными. Очевидно, руководство монастыря должно было решить самостоятельно, стоит ли придерживаться традиционной формы подначальства, то есть монашеской аскезы, религиозного ритуала запрещения и контроля доброжелательным старцем, старицей, или же просто интерпретировать как «взять под стражу».

Монастырское заключение в России раннего Нового времени – удивительный культурный феномен, который до сих пор не был предметом анализа в своем качестве комбинированного института, включавшего в себя как пенитенциарную и благотворительную, так и

¹⁰⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. 67. Стб. 1 (1658).

¹⁰⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 226. Ед. 13. Стб. 56 (1667) и Архив СПбИИ РАН. Ф. 260 – колл. Н. К. Никольского. Ед. хр. 283.

¹⁰⁶ Горицкий женский монастырь находился под руководством главного, мужского Кирилло-Белозерского монастыря. ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. 67. Стб. 61–74.

¹⁰⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. 67. Стб. 29 (1679).

¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 1303 (1692).

исправительную функцию. Действующие обители были как средневековыми *carcer*¹⁰⁹, так и каритативными учреждениями и цухтгаузами раннего модерна в Западной Европе¹¹⁰. В этой статье мы рассмотрим, как экспериментирование с техниками *Gute Policey* в петровское время повлияло на становление монастырей как мультифункциональных учреждений. Для этого мы обсудим 1) практику «подначальства» и покаянной дисциплины, 2) утилитарный дискурс общего блага (*Gute Policey*) в отношении монастырей и монахов, 3) пример использования монастырей как долгаузов.

1. ГРЕХ И ИСПРАВЛЕНИЕ: ЛОГИКА ПОДНАЧАЛЬСТВА В ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Техника монастырского подначальства, упоминаемая в цитируемых источниках, была формой покаяния (или епитимьи) в византийской религиозной традиции. Покаяние исторически было исключительно церковной санкцией. В России его в основном назначало высшее духовенство, а высшей инстанцией были епископы. Как и любая форма наказания, предписанная Церковью, это было исправительное, воспитательное и искупительное наказание, объектом которого был «внутренний мир» провинившегося. Согласно правилам святых апостолов, главная цель епитимьи состояла в исцелении болезненных состояний души грешников. Логика санкции заключалась в том, чтобы добиваться исправления грешника, тем самым действуя превентивно против повторения грехов¹¹¹. Сущность церковных наказаний состоит в том, что преступник церковных законов лишается всех или только некоторых прав и благ, находящихся в распоряжении церкви. Отсюда и общее название этих церковных наказаний: «отлучение» (*excommunicatio major*)¹¹². Время покаяния ставилось в зависимость от состояния души верующего. По восьмому правилу Григория Нисского, «во всяком же роде преступления, прежде всего смотреть должно, каково расположение врачуемого, и ко уврачеванию достаточным почитать не время (ибо какое исцеление может быть от времени), но произволение того, который врачует себя покаянием»¹¹³.

Обычный ритуал епитимии определял, чтобы кающиеся «все посты исповедовались, а до святого причастия допускаемы не были, в среды и пятки кроме сухого хлеба и воды, другой пищи не употребляли»¹¹⁴, кроме этого назначалось хождение в церковь к службе божьей и исполнение положенного числа земных поклонов.

В конце IV века публичное покаяние вышло в практике древней церкви на Востоке из употребления, а долгосрочные епитимийные сроки были заменены епитимийными правилами покаянных сборников, которые прописывали исполнение «подвигов»: сухоядение, земные поклоны, раздачу милостыни нищим, а также работы в монастыре¹¹⁵. Епитимия считалась малым отлучением, то есть временным отрешением от причастия, которое вновь надо было заслужить раскаянием в исповеди и подвигами. В синодальный период длительное отлучение по византийским канонам прописывалось номинально в текстах приговоров, но перестало применяться практически. Решающую роль стала играть исповедь и пастырское увещание на раскаяние. Указ Синода от 28 февраля 1722 года предписывал применять мягкость в отношении кающихся грешников: «исповедующего грехи свои, какие бы ни были, к причастию Св.

¹⁰⁹ См. об этом статью Элизабет Люссе в этом сборнике.

¹¹⁰ См. об этом статью Фалька Бретшнейдера в этом сборнике.

¹¹¹ Милованов 1888. С. 7.

¹¹² Православная энциклопедия. Т. 18. С. 533.

¹¹³ Православная энциклопедия. Т. 18. С. 534.

¹¹⁴ Абрашкевич 1904. С. 518.

¹¹⁵ Православная энциклопедия. Т. 18. С. 534.

тайн допускать безотложно, ведая, что Бог истинно кающихся приемлет скоро»¹¹⁶. С другой стороны, по Духовному Регламенту исповедь без раскаяния – не есть исповедь. И по тому же Регламенту главой 12 велено духовникам в таких случаях не раскаявшихся объявлять не скрытно и неукоснительно¹¹⁷. Если человек на исповеди не раскаялся, то может быть преследован за проступок.

Какое отношение имела назначенная епитимья к монастырскому покаянию? До конца XVII века ни в одном церковном уставе не проговаривалось назначение монастырского подначальства для светских лиц. По Кормчей Книге ссылке в монастырь подлежали лишь духовные люди, в основном принадлежащие монастырской братии. Так, в 1543 году новгородский епископ Феодосий сослал в Печорский монастырь «блудившего» монаха Савватия следующим приказом его настоятелю: «И вы бы его себе в монастырь взяли, да дали бы его старцу доброму по начало, чтоб жил с правилом, да к церкви ходил бы к правилу во все дни, а в церковь входить бы ему не давали, а за монастырь его не пускали, а в трапезе на всяком правиле с молитвою стоял и со слезами и со всяким вниманием о своем согрешении. а ты бы его наказывал о поучал по Божественным правилам. Ты же, сыну, не ленись принимать грешников к себе в покаяние, паче того требующего покаяния старца Савватия почись молитвою и постом исправить во спасение душевное, а начнет Савватий каяться от всего сердца к господу богу, молитесь, чтоб он получил отпущение грехов»¹¹⁸.

В 1697 году последовала наконец «Инструкция поповским старостам и благочинным смотрителям» патриарха Адриана, прописывавшая круг лиц, подлежащих наказанию подначальством. Это были черные попы (монахи), церковные и служилые люди, укрывающие у себя «засорных людей», и раскольники. Кроме того, это были священнослужители и священники, которых подозревали в связи с разбойниками; послушники и послушницы, незаконно принявшие постриг; лица, причастные к рождению незаконнорожденного ребенка, а также мужчины и женщины, вступившие в четвертый брак. Таким образом, изначально именно церковь юридически регулировала изгнание мирян, расширив тем самым существующее каноническое право. В последующие десятилетия, в XVIII веке, «Инструкция Адриана» послужила основой для церковных учреждений, осуществлявших судебные функции (Синод, церковные консистории, епископальные канцелярии, суды обителей).

Секуляризация греха

Однако, как мы уже видели на примерах, в конце XVII века монастырское покаяние часто практиковалось для мирян и назначалось именно как «подначальство». Этим епитимийная дисциплина усиливалась – ведь аскетизм монашеской жизни, пост и труд в монастыре неизбежно добавлялись к другим благочестивым практикам. Грани между подначальством и «смирением» стали исчезать в петровскую эпоху. Режим подначальства нередко получал прямой смысл телесного наказания и состоял в телесных наказаниях, содержании в кандалах под охраной или в заключении в «земляной яме», тяжелом труде и держании на хлебе и воде. Так, в 1700 году рязанский митрополит Стефан Яворский сослал домового поддьяка Ивана в Солотчинский монастырь, где его следовало «держат в цепях в хлебе»¹¹⁹. Духовные суды, несмотря на канонические правила, запрещающие телесные наказания, также приговаривали к «смирению», то есть наказанию плетью, кнутом и батогами за преступления против нравственно-

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ОДДС. Т. 14. Стб. 186 (дело № 144).

¹¹⁸ Цит. по: Суворов 1876. С. 217.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 1202. Оп. 3. Д. 42 (1700).

сти¹²⁰. Смирением «по монастырскому обычаю» называлось наказание плетью при собравшейся братии.

На ужесточение практики монастырского покаяния повлияла не только лишь светская политика. Среди постановлений Синода достаточно примеров того, как люди были осуждены и отправлены на пожизненную работу в монастырь за незначительные проступки, такие как «продерзости, учиненные в пьянстве»¹²¹.

Таким образом, в России начала XVIII века монастырское подначальство фактически означало заключение в тюрьму – *carcer* – и включало в себя телесные наказания, заключение в кандалы, засовывание кляпа в рот за «продерзостные слова» и т. д.¹²² Поскольку такое лишение свободы часто длилось годами, эта форма наказания была еще более тяжелой, чем телесные штрафы. Самой распространенной формулой приговоров становится «держать в подначальстве скована».

Петр Алексеевич сам ссылал дьяков и слуг своими указами в монастыри, не стремясь к общей юридической кодификации этой санкции. В петровский период покаяние стало частью светского законодательства, хотя распоряжение могло следовать и от светских властей. Покаяние как санкция появилось в 1715 году в Артикуле воинском¹²³. Его назначали в качестве дополнения к светским наказаниям (телесным наказаниям и/или каторге) за прелюбодеяние, рождение незаконнорожденного ребенка, непреднамеренное убийство, богохульство и магические действия¹²⁴. Сравнение Воинского артикула с предыдущим сводом правил, Соборным уложением 1649 года, показывает, что государство распространило свою юрисдикцию на изначально церковные области и что епитимья может стать мерой, налагаемой светскими судами¹²⁵. Артикул Воинский отражал фундаментальную характеристику политики Петра, в которой преступление перед государством и грех перед Церковью были переплетены. По новой логике человек, нарушивший заповеди Бога, в то же время должен был рассматриваться как нарушитель царских законов. Преступления, которые основывались на каноническом праве: богохульство, «блуд», нарушение таинства брака, теперь наказывались светским образом. Грех стал преступлением.

Эксперимент с публичным покаянием

Примечательно изменение формы и логики покаяния по шведскому образцу в Артикуле Воинском: оно должно было быть публичным, поэтому включало в себя публичное признание «грехов» перед собравшейся церковной общиной. Это отражено в синтаксисе декретов: речь идет о публичном совершении покаяния: «принести публично покаяние», а не о «публичном покаянии».

Церковные священники заранее объявляли, что перед литургией общину ожидает публичное принесение покаяния, при котором провинившийся должен был стоять посреди церкви и перечислять свои грехи, затем зачитывался судебный приговор. После прочтения приговора диакон прибавлял: «и ныне он (виновный), ту свою вину исповедуя, приносит покаяние и просит от всемилостивейшего Бога отпущения. Того ради извольте вси православные, слышав оное покаяние, от таких и подобных тому причин остерегаться, а о нем, кающемся, дабы сподо-

¹²⁰ Абрашкевич 1904. С. 518.

¹²¹ Так, по решению Синода в 1729 году иеромонах Мельхисидек был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь за дерзости и пьянства в монастырские труды «скована до кончины жизни». ОДДС. Т. 9. Стб. 551 (Нр. 390, 1729 год).

¹²² Попов 1904. С. 230.

¹²³ Marasina 2016; Марасинова 2017.

¹²⁴ Суворов 1876. С. 179.

¹²⁵ Шаляпин 2013.

бился он от Господа Бога принять прощение, помолитесь»¹²⁶. Преступник полагал три поклона к алтарю и держал покаянное слово, обратившись к народу: «Я, низжайший и всехгрешнейший раб пред Господом богом и пред Вами, православные христиане, за предъявленное мое согрешение, с сокрушением сердца и со осуждением того греха, прошу прощения пред всеми и молю, ради человеколюбия вашего, помолитесь о мне грешном, чтобы оный мой грех от Господа Бога мне остался в жизни сей и в будущем веке. Аминь»¹²⁷. Как уже отметил историк церковного права Н. Суворов, в этом акте трудно не увидеть ближайшего сходства с протестантским публичным церковным покаянием¹²⁸. Действительно, эта форма покаяния, копирувавшая ритуалы протестантской церковной дисциплины, имела что-то от западноевропейских ритуалов стыда¹²⁹, а не от традиционных обычаев православия, в котором не существовало публичного перечисления своих грехов, или, в новой терминологии, «явного церковного покаяния»¹³⁰.

Публичное покаяние действительно практиковалось в петровское время. В 1724 году за клятвопреступление и возбуждение ссоры поручик Щелин принес в Троицком соборе публичное покаяние после литургии, а Тиунской конторе было предписано «руководствоваться в подобных случаях на будущее время этим примером»¹³¹. А в 1725 году Остафий Бобынин, обвиненный своей женой Ириной в «прелюбодействе со многими девками и насилии на глазах ее и матери» должен был принести публично покаяние, а именно: «плакание вне церкви, у притворы стояти сокрушающемся, у каждого входящего в церковь молить, со слезами припадая, молиться за него»¹³². Преступление против таинства брачного союза было дополнительно наказано публичным телесным наказанием: «4 хлыста, дабы на то смотря другим в грехи попадать неповадно было». Эта практика – публичное «плакание» и телесное наказание – являлась копией лютеранского ритуала покаяния за прелюбодеяние. В Балтийских провинциях она сохранилась до 1764 года¹³³.

Покаяние, как оно подразумевалось в Артикуле Воинском, не имело ничего общего с практикой монастырского изгнания, подначальства, которое продолжало существовать в то же время. Здесь, однако, важно отметить, что в текстах закона *покаяние* и *монастырское подначальство* использовались как синонимы. Если сопоставить текст закона с реальностью, быстро становится ясно, что чисто репрессивный характер интернирования был далек от какой-либо заботы о душе. При Петре I монастыри служили лишь заменой тюрем для тех, кто по возрасту или болезни был непригоден для принудительных работ в Сибири.

Подначальство как заключение в *carcer*

В целом лишение свободы как наказание еще не получило широкого распространения при Петре I, хотя и было сформулировано в Регламенте Городского Магистрата: «Смирительные дома», или «цухтгаузы», должны были быть учреждены для мужчин, а прядильные дома – для женщин¹³⁴. Глава 20 Регламента гласит, что сюда должны быть заключены «дети непотребного и невоздержанного жития, расточители имений, рабы непотребного жития, которых

¹²⁶ Цит. по: Суворов 1876. С. 185.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Суворов 1876. С. 186.

¹²⁹ Kluge 1977. P. 51–64.

¹³⁰ О явном покаянии как светским наказании см. том 3 Проекта Уложения Российского Государства (1720-е гг.). РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33/3. Л. 1 об.

¹³¹ ОДДС. Т. 4. Стб. 405 (д. 377, 1724).

¹³² РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 84 (1725).

¹³³ Гольцев 1896. С. 110.

¹³⁴ Филиппов 1891. С. 357.

в службу уже никто не приемлет», а также люди «ленивые, здоровые нищие и гуляки, которые не хотят трудиться за свое пропитание»¹³⁵. Всех их надо отправить в «смирительные дома» и посадить на работу, чтобы они зарабатывали на пропитание и «чтоб никогда праздны не были»¹³⁶. Если фактическое появление цухтгаузов задержалось еще на полвека, то использование монастырей как богаделен и домов для умалишенных активно практиковалось, как будет показано ниже.

То, что в петровский период монастыри, «пространства относительно свободной жизни», стали «пространствами наказания», обусловлено, на мой взгляд, двумя факторами: упадок благочестия у духовенства, который привел к количественному росту практик смирения как формы наказания вместо покаяния; и контекст изменений в организации церкви в петровский период. Одновременно увеличение количества инстанций, которые могли назначить покаяние как форму наказания, оказало еще большее влияние на изменение характера покаяния¹³⁷.

Наследники Петра продолжили использование монастырского подначальства как вида строгого наказания. При первых двух преемниках Петра I, Петре II и Анне Иоанновне, карательная логика монастырской ссылки продолжилась для тех, кто нарушал церковные или светские правила.

Особенно время правления Анны Иоанновны характеризовалось широким применением пыток в ходе расследований. Вместо того чтобы искать свидетелей и улики, был использован испытанный метод выбивания признаний с помощью телесных наказаний. Судебные органы медленно расследовали эти дела. Неэффективность судов в расследовании дел и вынесении приговоров привела к переполненности мест заключения, то есть канцелярских колодничьих, и, соответственно, к плохому обеспечению заключенных, которые вынуждены были заниматься попрошайничеством¹³⁸.

В 1741 году смертная казнь посадского человека Афанасия была замещена наказанием кнутом и ссылкой в монастырь: «Афанасий, посацкий человек за показанную к святой церкви противность и за некоторые непристойные рассуждения вместо смертной казни по учинению наказания кнутом содержать закованного в кандалы под крепким караулом до смерти его неисходно»¹³⁹. Монастырь предстает здесь лишь как место возмездия, как альтернатива смертному приговору.

Борьба с распространенным мнением и неконтролируемым передвижением подданных продолжается. В глазах светской власти именно юродивые теперь осуждаются как «ханжи». Так, в 1730 году был задержан и наказан «лживый ханжа», нищий Филипп Иванов: «бродившего ханжу Филиппа Иванова, который за его лукавство и пронырство, что он носил на себе вериги железные чтобы давали больше денег и почитали за трудника <...> по синодальному определению послан для отсылки на горные сибирские заводы в вечную работу, а не принят того ради, что ссылочные колодники в Сибирь и в другие места из той губернской канцелярии уже направлены, а оного де ханжу послать не с кем. Вместо оной ссылки в Сибирь послать под караулом в Соловецкий монастырь, с кем надлежит на ямских двух подводах. И в том монастыре содержать его Филиппа в монастырских тягчайших трудах неисходно, до кончины жизни его, скована и смотреть за ним накрепко»¹⁴⁰.

Примечательна функциональная дифференциация понятий «монастырское покаяние («подначальство») и «покаяние» в этот период. Монастырское покаяние стало наказанием,

¹³⁵ Там же. С. 358.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ См. подробнее: Шаляпин 2013.

¹³⁸ Пармонов 1904. С. 123–136.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 4500. Л. 12–18 (1741).

¹⁴⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания российской империи. 1890. Т. 7. 134 (Нр. 2360 от 31 июля 1730).

через которое нужно было пройти, чтобы прийти к «настоящему» покаянию. Так, например, обвиненные в прелюбодеянии были отправлены в качестве наказания в монастырь на год для содержания под стражей, и только затем – на свободе – они должны были совершать покаяние под наблюдением духовного отца¹⁴¹.

Если епитимья налагалась синодальными властями, то она должна была постоянно контролироваться местными духовными отцами. В зависимости от усердия кающегося продолжительность покаяния продлевалась или сокращалась – в этом вопросе местный священник консультировался с синодальными властями. После окончания покаянного периода и исповеди духовный отец причащает человека, то есть позволяет ему стать частью общины благочестивых¹⁴².

Подавляющее большинство заключенных монастырей были представителями низшего сословия, и их правонарушения носили либо политико-моральный характер – ложные показания в суде, нарушение таинства брака, преступления против императора (слово и дело), либо возникали из-за тяжелых нищеты или физических и психических заболеваний. Преступления, которые традиционно относились к сфере деятельности церкви, – богохульство, колдовство, переход из греческой православной веры в другую конфессию – наказывались еще более сурово. В этих случаях мы имеем дело со смертными приговорами, когда признание вымогалось под пытками, и лишь в редких случаях казнь заменялась монастырским заключением. Но и это было жестоко – несчастные должны были терпеть в ручных и ножных цепях до самой смерти в абсолютной изоляции.

Высшие классы дворянства имели возможности экономического (коррупция) и социального (связи в аристократических кругах) характера, чтобы избежать монастырского подначальства.

Так было, например, с поручиком Ржевским, которого в 1730 году его жена Анна Ржевская обвинила в прелюбодеянии, пьянстве и насилии. Анна попросила Синод о разводе и, излагая свою просьбу, представила, что муж ее Ржевский «в беспрестанном своем пьянстве, многократно бил ее, жену свою, чему свидетелями были многие высокопоставленные лица, много раз обещался жить мирно, но обещания не исполнял и снова принимался за побои. Кроме того, на глазах ее, жены, многократно прелюбодействовал с разными девками»¹⁴³. За его «непотребную» жизнь был отдан под арест в монастырь, но был отпущен на поруки своего брата, на чем дело в Синоде закончилось. Предположительно, просьба Анны о разводе так и не была удовлетворена.

2. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МОНАСТЫРЕЙ В КОНТЕКСТЕ GUTE POLICEY

Социальные требования того времени также влияли на политику в отношении монастырей. Политический курс Gute Policey определил подавление нищенства, борьбу с беглыми крестьянами и со странствующими монахами¹⁴⁴. Петр значительно расширил функциональность монастырей: для него они стали интересны прежде всего как социальные институты для государства. Не случайно учрежденная в 1707 году первая госпитальная школа содержалась на средства Монастырского приказа¹⁴⁵.

¹⁴¹ ОДДС. Т. 14. Д. 482.

¹⁴² Попов 1904. С. 225.

¹⁴³ ОДДС. Т. 10. Стб. 551/555 (1730. Д. 332).

¹⁴⁴ О государственных мерах по контролю и попечению о бедных см.: Козлова 2010; Лавринович 2007.

¹⁴⁵ Об истории первых медицинских школ в России см.: Чистович 1883.

На первом этапе Петр совместил монашеское изгнание со ссылкой на каторжные работы в Сибирь – карательной практикой, которая теперь все чаще заменяла смертную казнь. Теперь выбор меры наказания руководствовался скорее экономическим рационализмом, а не целью устрашения населения ритуалами казни – *spectacles of suffering*¹⁴⁶. Однако теперь мелких проступков было достаточно, чтобы быть сосланным на принудительные работы. Указ от 19 декабря 1707 года регламентировал, что провинившиеся, которые не подходили для каторги – по возрасту или в результате чрезмерных пыток во время следствия, – должны были быть отправлены в Монастырский приказ, который, в свою очередь, должен был распределять немощных и искалеченных преступников по монастырям. И здесь вопрос о «спасении души» как цели монастырской ссылки не стоял.

Следующий этап в этом направлении Петр начал в 1722 году под руководством Феофана Прокоповича, который помогал ему словом и делом, в «Дополнении к Духовному регламенту», дух которого питался «фундаментальным недовольством жизнью духовенства, монастырской братии и их (отсутствующей) социальной функцией»¹⁴⁷. И снова монастыри предстают здесь как представители института, который ложится грузом на государственную казну и богатеет за счет нее, но не приносит реальной пользы. Так, 18-й пункт предлагает сферы занятия монахов: «Весма монахам праздным быть не допускают настоятели, избирая всегда дело некое. А добре бы в монастырях завести художества, например, дело столярное и иконное»¹⁴⁸. В 45-м пункте «Прибавления о монахах» определялось «Еще при таковых монастырях, идеже обретається многое за потребами доволство, надлежит построить странноприимницы или лазареты, и велеть в них по рассмотрению собрать престарелых, и здравия весма лишенных, кормится собою немогущих, и промышленников о себе неимущих, и велеть таковых в славу Божию потребами покоить»¹⁴⁹.

Рациональный, прагматический подход к монастырям и монастырской жизни отличал политику первого императора России. В этом его поддерживал Феофан Прокопович, вместе с которым он составлял «Объявление о монашестве» (от 31 января 1724 года), в котором прописал, что монашеское обещание должно быть возвращено к своим трем первоначальным пунктам: «нищета, чистота, послушание»¹⁵⁰. Польза, благочиние и труд – главный предмет внимания Феофана: «Особливо же о должном монашестве трудолюбии все мои речи»¹⁵¹. Так, он предложил «старцев по монастырям убавить, а вместо того положить с монастырей пропитание на больных и раненых солдат и драгун»¹⁵².

Сохранилось много заметок Петра, относящихся к устройению монастыря: «Сверх них (монахов. — К. М.) в монастырях надлежит быть отставным солдатам, подкидышам, и учить их грамоте, с некоторою прибавою, а именно грамматика, арифметика 5 частей и геометрия в мужских, но лучше сим ученьям быть в особливом месте под ведением и надсмотром наставника, а не монастыря, чего ради выведенные монастыри и годны к тому будут. А в женских, вместо геометрии, мастерства женские, также хотяб по одному монастырю, что б и языки при том. Також в тех же или в особливых приеме сиротам, у которых нет своих нет, чтоб воспитаны и выучены были, дабы по времени своего возраста все им вручено было»¹⁵³. Поразительно про-

¹⁴⁶ Хотя для политических преступников из ближнего круга Петра жестокие инсценировки казни, конечно, сохранились. См., например, описание ритуала казни Гагарина в дневниковых заметках Берхгольца: Дневник 2000. С. 170.

¹⁴⁷ Верховской 1916. С. 153.

¹⁴⁸ Цит. по: Верховской 1916. С. 97.

¹⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 102.

¹⁵⁰ Там же. С. 137.

¹⁵¹ Чистович 1868. С. 140.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Цит. по: Там же. С. 141.

свещенчески-рационально звучит мысль Петра: «Вытолковать, что всякому исполнения звания есть спасение, а не одно монашество, как в регламенте духовном объявлено»¹⁵⁴.

Прокопович поддерживает Петра доводами из Святых отцов: «Монахи <...> очередно услужить больным могут. Дело же корыстное (прибыльное. – К. М.) будет, если им прикажут изучиться мастерства такого, которого материя недорогая, рукоделие к понятию не трудное, сама сделанная вещь народу потребная <...>. Сие добре заведено и утверждено если будет, то по моему мнению, со временем не востребуют монастыри вотчин, кроме огородной и нечто хлебной земли <...> И такое определение не будет порочно, понеже Василий Великий (кроме иных древних учителей) так, как мы здесь пишем, пишет о деле и мастерстве монашеству прилично, в правилах своих <...> и служения около нищих и больных не исключает»¹⁵⁵.

От монастырей и монахов должна быть польза государству, утверждает Прокопович: «А что говорят моляцца, то и все моляцца, и сию отговорку отвергает Василий Великий. Что же прибыль обществу от сего? Воистину только старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть. Находится же и иной способ жития богоугодный и незазорный, еже служить нищим, престарелым и младенцам»¹⁵⁶.

Мужчины и женщины могли быть приняты в монастыри на содержание, по просьбе военных или адмиралтейских коллегий, по указу царя или по собственному прошению.

Объявление определило «отставных солдат, которые трудится не могут, и прочих нищих росписать по монастырям, по доходам»¹⁵⁷.

Петр I был вдохновлен примерами монастырей в Нидерландах, в немецких землях и во Франции, где многие монастыри с самого начала имели благотворительную функцию или были секуляризованы и имели уже другое назначение. В указе, регулирующем воспитание подкидышей, Петр оговорил, что следует «выписать из Брабандии сирот, которые выучены в монастырях»¹⁵⁸.

Труд, по понятию Петра, должен был стать решающим фактором для монахов в повышении по чину: «Трудами, искусством и добронравием достойных явившихся, по свидетельству архимандрита и директора¹⁵⁹, избирать в знатных монастырей архимандриты, в директора монастыря Невского и семинарийных Санкт Петербургского и московского домов, также и в архиереи, но как в архиереи, так и в архимандриты <...> не производить никому без доклада в Синоде – да и Синод докладывать должен нам»¹⁶⁰. Упомянутые здесь учреждения стали в XVIII веке главными в подготовке кадров духовенства, но и их персонал должен был быть утвержден императором.

Идеи не остались на бумаге. Вскоре после появления указа были предприняты практические шаги, такие как назначение Московского Чудова монастыря и Вознесенского Новодевичьего монастыря местами для больных, стариков и калек, а Первенского монастыря – школой. Петр передал эти монастыри в подчинение Баскакову, капитану лейб-гвардии, которому было приказано вести списки прихода и ухода из этих монастырей. Московский Андреевский монастырь был превращен в воспитательный дом для подкидышей, здесь их кормили за счет Синодальной Коллегии Экономии, которая выделяла на эти цели налоги, собираемые со старообрядцев.

¹⁵⁴ Цит. по: Чистович 1868. С. 141.

¹⁵⁵ Верховской 1916. С. 138.

¹⁵⁶ Там же. С. 147.

¹⁵⁷ Цит. по: Верховской 1916. С. 147.

¹⁵⁸ Цит. по: Верховской 1916. С. 149.

¹⁵⁹ Даже для монашества был назначен достаточно светский директор, который должен был быть назначен архиереем для надзора над монахами.

¹⁶⁰ Цит. по: Верховской 1916. С. 151.

Десять лет правления Анны Иоанновны были отмечены усилением утилитарной тенденции в отношении монастырей. Ее новые положения – богадельни, сиротские приюты и учреждения для изоляции «умалишенных» – появляются в документах еще чаще. В этой области политики царица больше руководствовалась своими ближайшими советниками Эрнстом Йоханом Бироном и Генрихом Йоханом Фридрихом Остерманом, чем желаниями и идеями членов Синода. Остерман, протестант, мыслил явно прагматично; он был озабочен не укреплением лютеранской веры, а принятием известных моделей *Gute Policey* из немецких земель, где секуляризованные монастыри играли важную роль в системе комбинированных учреждений, сочетавших в себе полицейские, исправительные и каритативные функции. Это стало главным направлением политики Анны, ведь число обездоленных людей – отставных солдат, солдатских жен, беглых крестьян и расстриженных священников и монахов – продолжало расти.

В этот период существовало множество указов о монастырской ссылке, изданных Сенатом, Тайной канцелярией или военными командами, без участия Синода и духовенства в разработке приговора. К концу правления Анны Синод стал довольно слабым учреждением¹⁶¹.

Монастырь как приют для «изумленных»

Мишель Фуко показал в своей книге «История безумия в классическую эпоху», как для Западной Европы «тактика изоляции задает рамки для восприятия безумия»¹⁶². «Опыт безумия как болезни – это в то же время опыт безумия как интернирования, наказания, смирения»¹⁶³. Относится ли это и к России? На первый взгляд – да.

В первой половине XVIII века Тайная канцелярия стала тем институтом власти, который решал, как следует обращаться с сумасшедшими. Церковь воспринималась уже не (только) в ее благотворительной ипостаси, а просто как исполнительный орган, отдающий распоряжения о содержании под стражей в определенных монастырях. В 1735 году Тайная канцелярия получила право отправлять провинившихся (преступников по политическим делам, богохульников) в монастыри без представления в Синод.

Как и в Западной Европе, условно различали виды безумия: были «безумные» (в смысле французского *furieux*), что указывает на исходящий от них вред; были «изумленные», в которых диагностировали недостаток ума¹⁶⁴, и были страдающие меланхолией¹⁶⁵, или «черной болезнью», которые склонны к меланхолии, печали и временами бредовым состояниям. Границы между безумцами подвижны и объединены одним – затемнением разума. Но можно заметить различия в тактике работы с ними: иногда сумасшедший – это проблема полиции, иногда – религиозно-воспитательная проблема, иногда – медицинская.

Различные тактики решения проблем, однако, заканчиваются в одном месте: в монастыре. Эта тактика началась в конце XVII века и достигла кульминации при Екатерине II, когда в 1762 году Синод назначил Андреевский монастырь в Москве и Зеленецкий монастырь в Новгороде профильными домами для содержания больных¹⁶⁶, а в 1766 году Спасо-Евфимиев монастырь полуофициально стал центральным учреждением для содержания умалишенных.

Петр I не только начал относиться к проблеме слабоумия со вниманием (см. закон о «дураках» 1723 года¹⁶⁷) и активно использовать монастыри как учреждения социальной

¹⁶¹ См.: Ivanov 2020. P. 127.

¹⁶² Цит. по немецкоязычному изданию: Foucault 2015. P. 119.

¹⁶³ Ibid. P. 107.

¹⁶⁴ Феномен «отсутствия ума» просматривается уже в актах XVII века. См.: Шаляпин, Плотников 2018.

¹⁶⁵ Подробнее о дискурсе меланхолии и обращении с «меленколиками» см.: Махотина 2019.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 32.

¹⁶⁷ Здесь он указал свидетельствовать Сенатом тех, кто «ни в службу, ни в науку не годятся, и если окажется дураком, то жениться не допускать и деревень в наследство не справливать». Так правительство защищало имущество от «растраты

помощи увечным и престарелым. Его указ 1723 года об использовании монастырей как мест для обеспечения старых и больных, расширил новое употребление монастырей для государственных нужд: «Отставных драгунов, солдат престарелых, увечных и раненных, которые пропитания не имеют, отсылать в монастыри <...> Беснующегося отослать в монастырь и впредь таких отсылать в Священный Синод для определения в монастыри, а в монастырях держать их в особом месте, имея над ними надзирание, чтоб они не учинили какова себе повреждения и довольствоваться их как в помянутом указе изображено»¹⁶⁸.

Прокопович был первым, кто предложил создать первый «профильный» монастырь для сумасбродов: Александро-Свирский монастырь – где «изумленные», пятнадцать-двадцать человек, должны были находиться под надзором врача¹⁶⁹.

Однако политика Петра была довольно двусмысленной, что принесло Синоду много проблем в последующие годы. Так, в том же 1723 году он определил «сумасбродных и под видом изумления бываемых, каковые наперед всего аки бы для исцеления посылались в монастыри таковых отныне в монастыри не посылать»¹⁷⁰. Этот указ был опубликован членами Синода Феофосием Яновским, Феофаном Прокоповичем и архиепископом Феофилактом Тверским и положил начало бумажной войне между Синодом, Сенатом и Тайной канцелярией на последующие пятьдесят лет.

После смерти Петра, 12 мая 1725 года, Сенат издает указ «Об отсылке беснующихся в Синод для распределения по монастырям», в котором говорилось о первом указе Петра и определялось так же впредь таких отсылать в монастыри¹⁷¹.

В 1726 году Военная коллегия по указу Екатерины I приказала сумасбродных солдат, содержащихся в Санкт-Петербургском госпитале: «содержать в особых чуланах и когда случится при госпитале работа, тогда посылать их на тоё работу, скованных в цепях и смотреть за ними накрепко, чтоб они и над собою и над другими какого дурна не учинили <...> Буде же они от того содержания и прилежного лечения в надлежащее состояние не придут и, по докторскому свидетельству, явится та болезнь неисцелима или покажется (Как Синод рассуждает) то их изумление от злых духов, тогда кригс коммисариату доносить о том военной коллегии, но понеже беснующихся, для *исправления духовного*, велено отсылать в Синод»¹⁷².

Реальностью же было то, что госпитали часто отказывались принимать душевнобольных и они все равно оказывались в монастырях. Так, в 1731 году архимандрит Новоспасского монастыря Феофил предлагал поместить изумленных иноземцев – колодников Адама Кубе и Матиаса Хрестьяна Кроля, размещенных в его монастыре для лечения, в госпиталь¹⁷³. 15 декабря Синод изъявил согласие на предложение архимандрита. Однако из московской гофшпитали получено было доношение от доктора Николая (Николааса) Бидлоо, что «означенные иноземцы уже раньше были на излечении и надежды на исправление их в уме нет, а держать их в городской гофшпитали невозможно, понеже упрямством, непотребствами и криком чинят другим больным беспокойство»¹⁷⁴. Они остались в Новоспасском монастыре.

Сенат и правительство игнорировали протесты Синода и продолжили ссылку в монастыри умалишенных. Нельзя говорить о том, что монастыри были госпиталями: как уже говорилось, здесь практиковалось *подначальство* в форме изоляции и смирения. Изумленные

имения».

¹⁶⁸ Цитировано в документе о принятии безумного Гавриила Иванова. РГИА. Ф. 796. Оп. 54. Д. 297, 1767 год. Л. 1 об. – 2.

¹⁶⁹ См. также: Шаляпин, Плотников. С. 37.

¹⁷⁰ ПСЗ 1723. Т. 7. Номер 4296.

¹⁷¹ ПСЗ 1725. Т. 7. Номер 4718.

¹⁷² Русский архив. 1876. С. 360.

¹⁷³ ОДДС. Т. 11. Стб. 283 (также: РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 212). 14.06.1731–26.01.1741.

¹⁷⁴ Там же.

часто, как и другие заключенные, забывались и продолжали содержаться в монастырях уже будучи в полном уме.

Эта практика стала широко распространенным явлением, особенно во времена Анны Иоанновны, когда светские институты часто отправляли безумных в монастыри без Синода¹⁷⁵. В 1735 году указ Петра о ссылке изумленных был высочайше подтвержден «по силе означенных Именных 1727 и 1735 г указов повелено было от Синода посылающихся из тайной канцелярии престарелых и в уме поврежденных колодников для исправления принимать в монастыри по прежнему <...> а тайной канцелярии оных колодников <...> отсылать в коллегию экономии, которой, принимая оных отсылать прямо в те монастыри, кто в какой назначен будет, и довольствоваться из оставшимися монастырскими порциями и караул к ним определить из тех же солдат, которые на пропитании при монастырях обретаются».

Безумцы также были очень обременительны для монастырей с точки зрения инфраструктуры, потому что часто солдаты, которые жили в них на пропитании и должны были нести там караульную службу, вели себя очень небрежно. Монахам часто приходилось брать на себя надзор и охрану. Особенно трагический случай с крестьянином Даниилом Ширяевым стал частым аргументом Синода о том, что монастыри не справляются с надзором за умалишенными. Летом 1730 года по просьбе матери Даниила был отдан в Данилов монастырь как одержимый, где его должны были держать в монастырских трудах до излечения. Ширяев был назначен в квасоваренную работу, и «будучи у той работы ввалился в квасной котел в кипятке обварился и умер»¹⁷⁶.

Заключение

Вряд ли российский контекст позволяет нам говорить об «институциональном достижении»¹⁷⁷ – как Фуко утверждал для Западной Европы в отношении интернирования умалишенных. Не существовало системы приютов, подобной «Hospiteaux General», даже если, как отметил Фуко, дома интернирования были схожи с тюрьмами, и часто эти два учреждения путали друг с другом, так что душевнобольные запирались довольно случайно в одном или другом из них. В России мы видим еще большее институциональное смешение. Монастырь стал комбинированной институцией: оставаясь действующей обителью, он объединил в себе функции тюрьмы, богадельни, госпиталя и долгауза. Этим он схож с комбинированными институтами Запада, соединяющими госпиталь, тюрьму и дом приюта¹⁷⁸.

Хотя указ Петра от 1723 года, положивший начало увеличению использования монастырей как приюта для умалишенных, лишь закрепил законодательно уже существующую, традиционно-религиозную практику церковной заботы об «убогих», тем не менее отчетливо виден новый подход к проблеме общественного призрения. Теперь умалишенные были приравнены к больным солдатам, неспособным найти себе пропитание. В мышлении и действиях политических элит можно встретить удивительные пересечения заботы, благотворительности и контроля.

Итак, в начале XVIII века были заложены важнейшие принципы развития практик наказания и исправления. Идеи, заложенные Петром, были воплощены в реальность Екатериной Второй, приказавшей учреждение работных (для «хороших» нищих) и смиренных домов, цухтгаузов (для бедных «от праздности»)¹⁷⁹. По «Уставу о благочинии» (1779–1781) работ-

¹⁷⁵ См. подробнее: Смагина 2013.

¹⁷⁶ ОДДС. Т. 10. Д. 260 от 19 июня 1730 года.

¹⁷⁷ Foucault 2015. Р. 96.

¹⁷⁸ См. статью Фалька Бретшнейдера в этом сборнике.

¹⁷⁹ По Уставу Учреждения о губерниях 1775 года.

ные дома должны были предотвращать подданных от «продерзостей», которым они предаются в отсутствие регулярной работы. Цухтгауз, смиренный дом, назначался за пьянство, ругательства, «непотребство» (проституция, блуд) и «праздношатание». Мораль и нравственность должны были стать предметом забот именно светского, полицейского аппарата. Дискурс «просвященной монархии» соединил в себе возвращение к петровскому идеалу «регулярных» (и регулируемых) подданных и усилил протестантский образ труда как общественно полезного и благочестивого дела.

Еще один интересный момент возвращения Екатерины II к петровским нововведениям можно увидеть в возрождении практики публичного покаяния. Не единственным, но самым известным случаем является кейс убийц Жуковых¹⁸⁰, и фигура титулярного советника Георгия Теплова, составившего вместе с императрицей хореографию ритуала, здесь совершенно не случайна: Теплов был учеником Феофана Прокоповича. Обращаясь к петровским нововведениям, Екатерина не только демонстрировала свою преемственность (Петр Первый – Екатерина Вторая), но и обращалась к знакомым ей практикам *Kirchenzucht*, церковного дисциплинирования, распространенным в протестантских землях. Монастыри в России раннего Нового времени следует рассматривать как комбинированные учреждения как в контексте трансфера знаний с Запада, так и в контексте Реформации.

СОКРАЩЕНИЯ

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ОДДС – Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Священного синода.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственный исторический музей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрашкевич 1904 – *Абрашкевич М. М.* Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. Историко-догматическое исследование. Одесса, 1904.

Верховской 1916 – *Верховской П.* Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. Т. 2: Материалы. Ростов-на-Дону, 1916.

Гольцев 1896 – *Гольцев В.* Законодательство и нравы в России XVIII века. СПб., 1896.

Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725 // Неистовый реформатор. Сост. А. Либерман, В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 105–460.

Козлова 2010 – *Козлова Н. В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010.

Лавринович 2007 – *Лавринович М. Б.* Столичные нищие и формы социального контроля в России 18 века // *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy*, eds. Roger Bartlett & Gabriela Lehmann-Carli. Berlin: Lit Verlag, 2007. С. 403–416.

Марасинова 2017 – *Марасинова Е.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. Очерки общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Махотина 2019 – *Махотина К.* Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как долгаузы в России в 18 веке // *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2019. Vol. 7. С. 21–46.

Милованов 1888 – *Милованов И.* О преступлениях и наказаниях церковных. СПб., 1888.

¹⁸⁰ Описанный в этом сборнике Еленой Марасиновой.

Парамонов 1904 – *Парамонов*. Законодательство Анны Иоанновны. Опыт систематического исследования. СПб., 1904.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания российской империи. СПб., 1890.

Попов 1904 – *Попов А.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.

Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008.

Русский архив 1876 – *Русский архив*. Кн. 2: Содержание умалишенных при Екатерине Первой. 1876. С. 360.

Смагина 2013 – *Смагина С.* Переписка Сената, Синода и Тайной канцелярии о призрении сумасшедших в 18 веке // Печать и слово Санкт-Петербурга. 2013. 1. С. 201–208.

Суворов 1876 – *Суворов Н.* О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876.

Филиппов 1891 – *Филиппов*. Наказания по законодательству Петра Великого. М., 1891.

Чистович 1868 – *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868.

Чистович 1883 – *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1883.

Шаляпин 2013 – *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013.

Шаляпин, Плотников 2018 – *Шаляпин С., Плотников А.* Особенности заключения умалишенных преступников в России XVII–XVIII вв. // Вестник института. Преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42). С. 27–39.

Foucault 2015 – *Foucault M.* Wahnsinn und Gesellschaft. Eine Geschichte des Wahns im Zeitalter der Vernunft. Frankfurt/M., 2015 (21. Auflage).

Ivanov 2020 – *Ivanov A.* A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Madison, 2020.

Kluge 1977 – *Kluge D.* Die Kirchenbuße als staatliches Zuchtmittel im 15.–18. Jahrhundert // Jahrbuch für Westfälische Kirchengeschichte. 1977. Bd. 170. S. 51–64.

Marasinova 2016 – *Marasinova E.* Punishment by Penance in 18th Century Russia. Church Practices in the Service of the Secular State // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. 17. 2 (Spring). P. 305–332.

Фальк Бретшнейдер
«ОБЩИЙ ДОМ»
Многофункциональность заключения и модель
«дома» в германских землях эпохи модерна

В XVII и XVIII веках во всей Европе произошли глубокие изменения в методах наказания, кульминаровавшие великими философскими дебатами эпохи Просвещения, в которых на первый план выходила замена традиционных телесных и смертных наказаний. В течение долгого времени именно эта форма наказаний была в центре внимания исследователей. На самом деле, однако, процесс перехода к современной системе наказания, основанной на тюремном заключении, занял гораздо больше времени; он произошел не как быстрое изменение около 1800 года, как предполагает влиятельная книга Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»¹⁸¹, а скорее в результате длительного периода экспериментов с различными формами наказания в зависимости от отдельных региональных контекстов.

С середины XVI века сюда входили различные учреждения для содержания заключенных. В 1555 году в лондонском замке Bridewell был основан первый европейский приют для мелких преступников, бездомных детей и проституток¹⁸².

В 1595 и 1597 годах соответственно в Амстердаме появились мужской Rasphuis и женский Spinhuis – два учреждения, которые преследовали очень похожие цели¹⁸³. А несколько лет спустя в крупных торговых городах на севере Священной Римской империи (Любек 1602, Бремен 1608/09, Гамбург 1618¹⁸⁴) были созданы первые учреждения, известные как «цухтгаузы» или «работные дома»¹⁸⁵.

Историки уже давно спорят о роли этих институтов. Для правоведов старой школы, появившейся около 1900 года, они были, прежде всего, признаком прогресса и гуманизации наказания. Роберт фон Хиппель, например, считал, что здесь родилась современная «идея реформаторства», то есть идея о том, что было бы более гуманно – и более полезно для общества – не казнить преступников и не гнать их из страны, а исправлять их через труд и молитву¹⁸⁶. С другой стороны, для марксистской социальной науки, возникшей в 1930-х годах, распространение тюремного заключения в Европе раннего модерна отражало конъюнктуру развития населения и рынка труда. Георг Руше и Отто Кирххаймер в своем исследовании «Sozialstruktur und Strafvollzug» («Социальная структура и уголовная система») утверждали, что разрушения Тридцатилетней войны и вызванная ими нехватка рабочей силы были причиной того, что преступников больше не казнили, а приговаривали к принудительным работам¹⁸⁷. Вслед за этим социальная история 1970-х и 1980-х годов интерпретировала «учреждения»¹⁸⁸ как центральные места дисциплинирования, которое пронизывало все общество и было

¹⁸¹ Foucault 1975.

¹⁸² Hinkle 2006.

¹⁸³ Spierenburg 1991.

¹⁸⁴ Brietzke 2000. Географическое распределение немецких учреждений см. на карте в конце статьи.

¹⁸⁵ Цухтгаузом, или смиренным домом, называлось учреждение, в котором заключенных предполагалось «исправлять» трудом. Так же как и «долгауз», это понятие, как и техника обращения с противозаконностью, вошла в XVIII веке и в русский язык (*примеч. пер.*).

¹⁸⁶ Hippel 1932.

¹⁸⁷ Rusche, Kirchheimer 1939.

¹⁸⁸ Учреждения, нем. Anstalt, употребляются здесь и далее следуя концепту Фуко для описания институтов социальной помощи, контроля, дисциплинирования и воспитания как: школа, тюрьма, клиника, казарма, исправительный дом, приют, богадельня (*примеч. пер.*).

направлено на создание современного буржуазного субъекта и его добродетелей, таких как трудолюбие, порядок и чистота. В немецкоязычной научной сфере широкое распространение получили тезис Макса Вебера о рационализации Запада и основанная на нем концепция «социальной дисциплинированности» Герхарда Острайха, в то время как в других странах особое влияние оказало видение Норберта Элиаса о «цивилизационном процессе» Запада и работы Фуко¹⁸⁹. Наконец, начиная с 1990-х годов исследования в значительной степени отказались от таких макроисторических подходов. Их интерес теперь направлен, прежде всего, на вопросы, связанные с обществом заключенных, повседневной жизнью в тюрьме, отношениями с внешним миром или – в последние годы – написанием глобальной истории лишения свободы в период раннего модерна¹⁹⁰. Кроме того, возрос интерес к пространству «учреждений»¹⁹¹.

Увеличение исследовательских вопросов открыло много новых перспектив, но также привело к тому, что некоторые подходы отошли на второй план. К ним относится роль, которую институты играли в формах социального включения и исключения в ранний современный период. Для многих предыдущих интерпретаций точкой отправления было современное буржуазное общество. Это было верно как для традиционной юридической истории, на которую сильно повлияла необходимость легитимизации современной пенитенциарной системы, так и – несмотря на все остальные различия – для «истории настоящего» Фуко¹⁹². Поэтому история тюремного заключения читалась в первую очередь как история социального контроля. Но этот вопрос можно поставить и по-другому, а именно в связи с огромной проблемой интеграции, с которой столкнулось общество раннего модерна. В силу своей во многом жесткой и глубокоиерархичной структуры она столкнулась с формами радикального социального исключения, которые затрагивали до двух третей населения, в зависимости от эпохи. Нищие, старики, больные и инвалиды, «странствующие люди» всех видов начиная с позднего Средневековья все чаще оказывались в маргинальном положении, поскольку общество было неспособно выделить им место в сословном обществе¹⁹³. Это исключение из общества измерялось, прежде всего, тем, что такие люди практически не имели доступа к ресурсам, таким как работа или собственность, которые в первую очередь определяют принадлежность¹⁹⁴. Фуко уже отмечал в своей «Истории безумия», что «великое заточение» XVII и XVIII веков преследовало цель интегрировать изгоев в структуры общества посредством труда и морального воспитания¹⁹⁵. Нидерландский историк Питер Спиренбург утверждает то же самое, указывая в своей книге «The Prison Experience» («Тюремный опыт»), впервые опубликованной в 1991 году, что ранние современные институты лишения свободы соответствовали современной модели домашнего хозяйства и воспроизводили те же патерналистско-семейные формы совместного проживания и экономической деятельности, которые формировали и общество раннего модерна в целом¹⁹⁶. Поэтому тюрьмы для него были не антиполями общества, а наоборот – институционализированными формами передачи его принципов тем, кто ранее к обществу не принадлежал.

Целью данной работы является развитие этих соображений и тезиса о том, что социальная функция учреждений раннего Нового времени заключалась в создании «дома» для тех, у кого его не было. Отправной точкой для этого является наблюдение, которое само по себе банально: многие из ранних современных учреждений заключения носили в своем названии слово «дом». Это особенно ярко проявляется в случае с Tuchthuizen в Голландии и немецкими

¹⁸⁹ Обзорно см.: Finzsch 1996.

¹⁹⁰ Обзор историографии о тюрьмах см.: Bretschneider, Muchnik (в печати) sowie Bretschneider 2001.

¹⁹¹ Bretschneider 2014; Le cloître et la prison: <http://cloitreprison.fr>.

¹⁹² Foucault 1975. P. 43.

¹⁹³ Schubert 1995; Hippel 2013.

¹⁹⁴ Cerutti 2012. P. 231–242.

¹⁹⁵ Foucault 1972, особенно p. 67–109.

¹⁹⁶ Spierenburg 2007.

«Zucht-» и «Arbeitshäusern» (чьё обозначение напрямую восходит к голландской модели). Но в Англии также существовали Workhouses или Houses of correction, где в основном заставляли работать нищих и бродяг¹⁹⁷. На первый взгляд, данное перечисление говорит о том, что это было протестантское явление. На самом деле, ссылка на «дом», похоже, была распространена прежде всего в регионах, порвавших с католической церковью, в то время как в регионах, приверженных католицизму, преобладало понятие «Hospital» – как, например, в знаменитых hôpitaux généraux во Франции¹⁹⁸. Однако, с одной стороны, в смешанной по вероисповеданию Священной Римской империи учреждения назывались Zuchthaus, «цухтгаузами», или Arbeitshaus, «работными домами», повсеместно – независимо от того, была ли это католическая или протестантская территория¹⁹⁹. А во-вторых, термин «дом» использовался и в других местах: часть приюта Сальпетриер в Париже была таким maison de force, в котором в основном содержались проститутки²⁰⁰. В Испании аналогичные функции выполняли casas de recogidas или agerpentidas, существовавшие с XIV века²⁰¹. Основанное в 1703 году папой Климентом XI в Сан-Микеле ди Рома учреждение называлось Casa di correzione; позже аналогичные учреждения появились и в других городах Италии, например в Милане²⁰². В Российской империи среди реформ, начатых Екатериной II, были воспитательный дом (1764) и рабочий дом (1782), оба учрежденные в Москве²⁰³.

Таким образом, хотя понятие «дом» не везде имело одинаковый вес, а его значение было подвержено региональным вариациям, оно, похоже, сохраняло тесную связь с миром заключения на протяжении всей ранней современной Европы. Причины этого очевидны: во всех домодерных обществах, вплоть до XVIII века, интеграция происходила в основном через членство в союзах, ядром которых был «дом», то есть расширенное домохозяйство, группировавшееся вокруг ячейки семьи²⁰⁴. Для того чтобы принадлежать к обществу, необходимо было принадлежать к такому «дому», будь то по рождению или по признанию (например, в контексте работы в качестве слуги или в хозяйстве ремесленника). Такие «дома», в свою очередь, принадлежали другим объединениям людей, например гильдиям, сельским общинам или городам, которые отводили каждому человеку определенное место в сословном обществе²⁰⁵. Для отдельного человека участие в жизни общества могло быть достигнуто только через принадлежность к «дому». Важность этого особенно очевидна в случае тех людей, которые не имели такой связи: нищие, бродяги, «цыгане», странствующие торговцы, игроки, отставные солдаты и многие другие не имели домашних связей и поэтому выпадали из общества в восприятии своих современников²⁰⁶.

Именно здесь, таков мой тезис, берут начало учреждения раннего модерна. Такая позиция, в частности, помогает объяснить многофункциональность многих учреждений, которые, например, всегда включали в себя благотворительные элементы и не могут быть поняты исключительно из философских соображений, экономических мотивов или анонимного процесса дисциплинирования. Правда, данная позиция связана с одной проблемой, особенно в контексте немецкой историографии, а именно темной тенью, которую отбрасывает понятие

¹⁹⁷ Carré 2016.

¹⁹⁸ Carré 2016.

¹⁹⁹ Обзор см.: Krause 1999.

²⁰⁰ Carrez 2005.

²⁰¹ Torremocha Hernández 2018.

²⁰² Toscano 1996.

²⁰³ Bradley 1982. См. статью Екатерины Махотиной в этом сборнике.

²⁰⁴ Eibach, Schmidt-Voges 2015.

²⁰⁵ Luhmann 1998, T. 2. S. 618–634.

²⁰⁶ Hippel 2013.

«всеобщий дом»²⁰⁷, введенное Отто Бруннером в 1950-х годах. По словам Бруннера, домашнее сообщество было основной единицей жизни во времена раннего модерна. Свою основную функцию, обеспечение пропитанием домочадцев, оно выполняло в значительной степени самостоятельно, то есть независимо от других «домов». Домочадцы находились под патриархальным правлением хозяина дома и только через него косвенно участвовали в высших социальных ассоциациях, таких как церковная община, деревня или город²⁰⁸. Этот романтический образ истории, консервативные если не реакционные корни которого трудно скрыть, вызвал многочисленную критику за последние несколько десятилетий, которая в значительной степени дискредитировала эту концепцию²⁰⁹. Я разделяю эту критику. Но она не должна скрывать, что «дом» был центральным элементом мышления и действий многих людей во времена раннего модерна. Поэтому нельзя не принять всерьез существование и действенность модели дома, даже если она понимается как идеологическая конструкция, а не как социальный факт²¹⁰. И это означает, что не следует упускать «дом» из виду именно тогда, когда, как и в случае с цухтгаузами и рабочими домами раннего модерна, речь идет об учреждениях, которые имеют прямые аналогии с этой моделью.

1. «ОДОМАШНИВАНИЕ» ОБЩЕСТВА

Как устоявшийся образец жизни и труда «дом» в некоторых областях раннего современного общества был в процессе распада уже начиная с XV века, например в горнодобывающей промышленности, транспортной отрасли или в некоторых частях ремесла²¹¹. Но в то же время он претерпел значительный идеологический подъем, особенно в отношении патриархальной власти «отца дома» (*pater familias*), которая заняла главное место в концепциях господства и порядка власти²¹². Об этом можно судить, например, по появлению и распространению так называемой «литературы по дому», которая возвращалась к древней теории ойкоса и, в частности, давала указания членам дворянской элиты по хорошему ведению собственного домашнего хозяйства²¹³. Однако учение о доме не только сформировало размышления о том, как лучше всего организовать сельские поместья и другие домохозяйства, но и сформировало самооценку князей, которые также всегда понимали территорию, которой они управляли, как «дом»: притязания на власть легитимировались самосознанием как «отцами дома» своей собственной страны на этом свете, аналогично небесному «отцу». В конце концов, идеология «дома» получила решающий толчок в результате реформации, для представителей которой (прежде всего Мартин Лютер) нравственное существование человека было возможно только в качестве члена «дома» (лучше всего в качестве хозяина или домохозяйки). Поэтому для протестантской теологии морали «дом» совершенно конкретно ассоциировался с идеалами истории спасения о добродетели, смирении и порядке, поэтому для человеческих проповедников «весь мир был ничем иным, как цухтгаузом Бога»²¹⁴.

Эта идеализация «дома» недолго ограничивалась протестантизмом. Начиная с XVII века модель «дома» сформировала в Священной Римской империи германской нации межконфессиональные представления о господстве и конкретные политические меры, которые включали

²⁰⁷ Нем. «*ganzes Haus*» переводится в российской историографии как «всеобщий дом» (*примеч. пер.*).

²⁰⁸ Brunner 1956.

²⁰⁹ См.: Opitz 1994.

²¹⁰ См.: Derks 1996.

²¹¹ Bräuer 2008. S. 76–77.

²¹² Sabean 1990. S. 236.

²¹³ Richarz 1991.

²¹⁴ Так в 1670 году главный священнослужитель саксонского двора Мартин Гейер, цит. по: Brietzke 2000. S. 13.

различные способы управления обществом в целом и обеспечения его хорошего порядка. Хорошее руководство «домашнего отца» своим «домом» при этом выступало в качестве ориентира для хорошего правительств²¹⁵. Поэтому его принципы были неотъемлемой частью понятия «gute Policey», которое современники использовали для описания идеального состояния общества, в котором были возможны порядок, безопасность, процветание и социальный мир²¹⁶. Таким образом, модель «дома» и «gute Policey» были тесно связаны друг с другом. Вот почему цухтгаузы и работные дома также считались важными Policey-учреждениями, главной целью которых было соблюдение норм власти и поддержание хорошего общественного порядка²¹⁷.

Эта тесная связь с мышлением и действиями «gute Policey» также отражалась в том обстоятельстве, что в основном это были государственные учреждения, поддерживаемые городскими или княжескими правительствами; частные цухтгаузы также существовали в империи, но они встречались значительно реже²¹⁸. С другой стороны, общим для всех инициатив, будь то публичных или частных, было то, что они казались современникам панацеей, которая решала почти все социальные проблемы того времени: учреждения должны не только обеспечивать надлежащий уход и лечение бедных или больных подданных, но и привлекать к работе нищих и бродяг, наказывать за преступления и другие формы правонарушений²¹⁹, напоминать нечестивым подданным об их религиозных обязанностях, возвращать непокорную молодежь на путь добродетели и воспитывать детей. Эта многофункциональность кажется трудной для понимания с сегодняшней точки зрения и неоднократно определялась историками как источник «целевых конфликтов и структурных кризисов»²²⁰. С другой стороны, для современников – и не только для властей, но и для многих простых подданных, как мы скоро увидим, – разноплановые институциональные механизмы были далеко не диковинными. Потому что, с одной стороны, они были убеждены, что человек должен работать в любой жизненной ситуации, чтобы увериться в Божественной благодати и, следовательно, в вечном душевном спасении²²¹. А с другой стороны, организация учреждений следовала шаблону, основанному на целостных решениях, а не на функциональной дифференциации: социально-интегративной и действующей во всем обществе модели «дома».

²¹⁵ Holenstein 2003. См. также: Foucault 2004.

²¹⁶ В тему вводит Härter 2000 и Iseli 2009.

²¹⁷ Härter 2005. S. 680.

²¹⁸ Обзор см.: Wagnitz 1791–1794.

²¹⁹ Нормативной базой уголовного правосудия в старой империи был *Peinliche Halsgerichtsordnung* императора Карла V от 1532 года и множество территориальных сводов законов по княжествам и городам.

²²⁰ Schwerhoff 1999. S. 105.

²²¹ Geremek 198; Jütte 2000.

Цухтгаузы в Священной Римской империи, упомянутые в тексте

2. ЦУХТГАУЗ КАК «ДОМ»

Насколько многофункциональными были цухтгаузы раннего Нового времени, насколько они объединяли различные цели под одной крышей, лучше всего можно проследить по часто разнородным группам заключенных, размещенных в них. Так, в курсаксонском «доме бедных, сирот, смирения и работы» в Вальдхайме, основанном в 1716 году, были выделены три категории: во-первых, это были «подначальные»²²², которые понимались как «злые и гнусные грешники», которых следовало «отвратить от их непослушной сущности, наказать пристойно и направить на путь истинный». Под ними подразумевались в основном мелкие преступники, то есть воры, мошенники, прелюбодеи или разбойники, а также странствующие нищие, которых следовало отучить от порока праздности тяжелым трудом. Во-вторых, к ним принадлежали «бедные», под которыми понимались «брошенные, бедные, больные и слабые люди», которые, отлученные от поддержки семьи и общины, зависели от учреждения, которое обеспечивало им «временный приют». Поэтому здесь можно было встретить самых разных нуждающихся, физически или психически больных, старых или обездоленных людей, чьи родственники не могли или не хотели взять на себя заботу или обеспечение. В-третьих, наконец, здесь были дети-сироты без отцов и матерей, которые должны были воспитываться в приюте «к истинному христианству, хорошим порядочным нравам и к прилежному труду»²²³. Под этим подразумевались, во-первых, дети без родителей, а во-вторых, те, чье воспитание не удалось, поэтому их нередко отдавали в приют члены собственной семьи. В остальном это означало не только людей из нижних и маргинальных слоев общества, но отчасти и членов высших сословий, которых в Вальдхайме называли «уважаемыми» заключенными.

²²² Нем. Züchtlinge (примеч. пер.).

²²³ Beschreibung Waldheim 1721. S. 99–100.

За них иногда выплачивались значительные суммы в качестве «расходных денег», что позволяло им иметь особые привилегии: освобождение от трудовых обязанностей, питание из отдельной кухни, собственные спальные палаты, обслуживающий персонал из других заключенных и т. д. Свои блюда они принимали за столом домоуправа, что было не только символическим обменом за уплаченный кошт, но и знаком взаимного уважения и признания чести как общего социального капитала.

Таким образом, наказание, выработка дисциплины, уход и опека, а также воспитание в благочестии, трудолюбии и нравственности были основными задачами учреждения. Их выполнение при этом не было тесно связано, как в современных тюрьмах, с юридической логикой. Например, то, как долго человек оставался в учреждении, было полностью на усмотрении земельной администрации или правительства Дрездена. В отдельных случаях это могло означать, что кого-то досрочно освободили, потому что он вел себя особенно хорошо; однако чаще всего заключенные оставались в заключении дольше, чем первоначально было указано в приговоре, потому что считалось, что они еще не достойны освобождения. Было также немало тех, кто изначально прибыл без определенного срока заключения; в их случае в журнале учета заключенных значилось «до исправления» или «до дальнейшего распоряжения».

Поэтому за такими практиками – и более того, за разнообразием самих групп заключенных – скрывалось хорошее определение того, что делало цухтгауз «домом» в смысле «*gute Policey*»: учреждения были центральным инструментом в политической стратегии правителей, направленной на всестороннее «одомашнивание» общества. Эти учреждения были призваны интегрировать бездомных или людей, вырванных из системы домашнего авторитета, в жизнь в «доме» или вернуть их в нее. Эта модель социального существования была не только привилегирована властями, но и возведена в норму.

Таким образом, задача учреждений должна была заключаться в выполнении функций дома, связанных с защитой и регулированием, там, где другие «дома» отсутствовали или были неспособны к этому. Поэтому в них оказывались воры, прелюбодеи, проститутки, нищие и бродяги, больные, а также непокорные дети: всем им не хватало одного и того же: упорядоченной жизни в упорядоченном «доме».

Между тем учреждения в какой-то степени можно понимать как «образцовые дома» властей. Созданные и поддерживаемые самими правителями, они служили для демонстрации и реализации повсеместно распространяемых принципов хорошего ведения хозяйства и, в более общем смысле, «*gute Policey*».

Не случайно в знаменитом «Универсальном лексиконе» Иоганна Генриха Цедлера говорилось, что цухтгауз – это «дом или здание, которое содержится властью»²²⁴. Большое значение, которое придавалось учреждениям как части концепции порядка всего общества, можно считать, например, с их внешнего облика. Хотя во многих случаях прибегали к уже существующим зданиям (например, дворцов, замков или крепостей), всегда уделяли внимание архитектурному языку, который позволял правителям представлять себя в соответствии с патерналистским идеалом заботливого, назидательного и, при необходимости, карающего «отца города» или «отца страны» (*ил. 1*).

Помимо этих символических аспектов, модель «дома» формировала реальность учреждений на языковом уровне – мы уже обращали на это внимание. Трансфер понятий, правда, заключался не только в названиях учреждений. Во многих местах глава заведения назывался «отцом дома»; соответственно, была «мать дома», как правило, его жена²²⁵. В определенном смысле они составляли «правлящую пару» цухтгауза²²⁶. Другими обозначениями были «отец

²²⁴ Zedler 1732–1754. Vol. 63 (1750). Sp. 1008.

²²⁵ Так, например, в городском учреждении в Лейпциге: Schimke 2016.

²²⁶ О значении супружеского партнерства для домохозяйства раннего Нового времени: Wunder 1992. S. 137–138.

порки» (в Инсбруке), «отец смиряющий» (в Детмольде в графстве Липпе) или «мастер смиряющий» (в Майнце)²²⁷.

Иногда это продолжалось в группе заключенных, чьи особо надежные члены, которым поручался надзор за остальными, получали звание «старейшин стола» или «отцов салона» (или «матерей»). Иногда мы наблюдаем это и в группе заключенных, чьи особо заслуживающие доверия члены, которым поручали надзор за другими, назывались «старейшинами стола» или «отцами гостиной» (или соответственно, «матерями гостиной»²²⁸). Однако в XVIII веке были распространены и другие названия, такие как «управляющий домом» (Вальдхайм), «директор» (Пфорцхайм в Бадене), «комиссар» (Оснабрюк) или «инспектор» (в некоторых австрийских учреждениях), что дает понять, что учреждения были частью городских или государственных администраций²²⁹. Но и в таких случаях «домашний отец» оставался ролевой моделью: так, в 1605 году настоятелю Любекского дома, именованному «кухонным хозяином», велели «вести себя как отцу дома в своем доме», а в 1726 году венскому администратору велели управлять доверенным ему учреждением как «хорошему отцу»²³⁰.

Ил. 1. Государственная курсаксонская тюрьма-цухтгауз в Вальдхайме (основана в 1716 году)

Кроме того, на внутреннюю организацию учреждений сильно повлияли принципы эффективного финансового управления. Правда, не везде царил порядок; в источниках постоянно встречаются и жалобы на «хаотические условия»²³¹. Как раз это, однако, указывает на то, что беспорядок не считался нормальным состоянием. Скорее, во многих местах можно обна-

²²⁷ Ammerer, Weiß 2006. S. 103; Frank 1992. S. 282; Härter 2005. S. 687.

²²⁸ Пример см.: Scheutz 2006. S. 76.

²²⁹ Bretschneider 2008a. S. 96; Stier 1988. S. 140; Rudolph 2000. S. 175; Stekl 1978. S. 152.

²³⁰ Brietze 2000. S. 168; Scheutz 2006. S. 74.

²³¹ Stier 1988. S. 126.

ружить стремление реализовать практику ведения домашнего хозяйства, соответствующую собственным требованиям, с помощью подробных распоряжений, инструкций по обслуживанию персонала или постоянно принимаемых административных распоряжений. Это включало в себя создание административного штаба, который часто включал значительно больше сотрудников, которые заботились об административных или экономических процессах, чем о надзоре. Например, в курсаксонских цухтгаузах за администрацию отвечали управдомы, секретарь дома, бухгалтер и актуарий. Закупщики, пекари, мясники и пивовары заботились о предоставлении продовольственного пропитания, «отцы дома» и «матери дома» организовывали их распределение. Семейный врач и домашний хирург заботились о соблюдении гигиены и организовывали уход за больными. Духовная работа и преподавание были возложены на домашних проповедников и школьных учителей. Для непосредственного надзора за заключенными, обычно размещенными в коллективных спальнях, в саксонских заведениях, насчитывающих до 600 жителей, были только от двух до четырех надзирателей²³².

В конце концов, многие подданные тоже воспринимали заведения как «дома» и требовали хорошего руководства ими. Например, в Лейпциге в 1724 году Софи Фишманн, которая содержалась в городском цухтгаузе, называемом «Георгиевским домом», жаловалась на плохую еду и жестокое обращение надзирателей. Ее вывод: в заведении «здесь и там был беспорядок», потому что отец и мать дома пренебрегали возложенными на них обязанностями²³³. В Майнце беспорядок в учреждениях заставил городского смотрителя заявить, что «в мире не было ни одного цухтгауза, а он видел многие, в котором было бы такое плохое домашнее хозяйство, как здесь»²³⁴. Такие оценки из уст простых людей подтверждают общий вывод: модель «дома» была не только принципом, навязанным «сверху», но и поддерживалась в качестве социальной нормативной базы широкими слоями общества. Это распространялось и на среду самых бедных, где такие ценности, как честный труд или поддержание порядка в доме, также разделялись, потому что они обещали участие в общественной жизни и принадлежность к обществу²³⁵.

Это также означает, что понимание представления об «одомашнивании» общества лишь как репрессивного проекта властей, искажает реальность. Государственные требования о регулировании часто поступали в военном облачении, но они не только постоянно принимались населением, но и присваивались, трансформировались и использовались для реализации собственных интересов. Подданные интегрировали пенитенциарные учреждения в свою «экономику потребностей», то есть иногда сами просили о приеме, но особенно подавали прошения о размещении родственников, друзей, дворовых, соседей или членов общины, которые были бедными, больными или нуждались иным образом²³⁶. Значительное давление, создаваемое «снизу» на «верхи», могло зайти при этом так далеко, что намерения властей оказывались на заднем плане. О цухтгаузе в Вюртембергском Людвигсбурге в 1746 году говорилось, что учреждение превратилось в «госпиталь» из-за множества больных заключенных. В Гамбурге еще в 1689 году жаловались, что бесчисленные маленькие дети, которых нужно было опекать в цухтгаузе, отвлекают остальных заключенных от работы. А в саксонском Торгау в 1782 году из-за увеличения просьб о приеме больных людей пришлось снова открыть цухтгауз, первоначально предназначенный лишь как исправительное учреждение, для нуждающихся подданных²³⁷.

²³² Bretschneider 2008a. S. 547–549. Сюда же направлялись увечные солдаты для охраны учреждения.

²³³ Stadtarchiv Leipzig, Ratsarchiv, Stiftsakten, III.A.17, fol. 35–37.

²³⁴ Härter 2005. S. 688.

²³⁵ Bräuer 2008. S. 123–127.

²³⁶ Hatje 2008, а также с фокусом на заботу о нищих: Dinges 1988.

²³⁷ Schnabel-Schüle 1997. S. 138; Brietzke 2000. S. 453–454; Bretschneider 2008a. S. 181, 200.

Еще более весомым аргументом в пользу наделения пенитенциарного учреждения «домашними» функциями со стороны подданных (что терпелось и часто даже поощрялось властями) было принудительное заключение в тюрьму нарушителей спокойствия из семьи или соседства. Неоднократно в источниках встречаются «злодеи дома» – то есть мужья, которые, пьянствуя или играя, растратили доходы домохозяйства, не выполняли свою роль домохозяина, угрожали чести семьи и тем самым ставили под угрозу существование собственного дома²³⁸. Так же часто встречаются непослушные дети и подростки, которых поместили в учреждение по просьбе их родителей. Таким образом, подданные делали разрешение частных бытовых конфликтов объектом заботы правителей, поскольку знали, что согласны с ними в определении проступка, на который жалуются.

И они использовали «дома» власти – вполне по их собственным представлениям, – чтобы исправить в них неудачное домашнее воспитание, восстановить потерянный авторитет или обеспечить соблюдение права на пропитание и также, особенно для женщин, восстановить гендерно-специфические пространства для маневра²³⁹.

3. «ОБЩИЙ ДОМ»

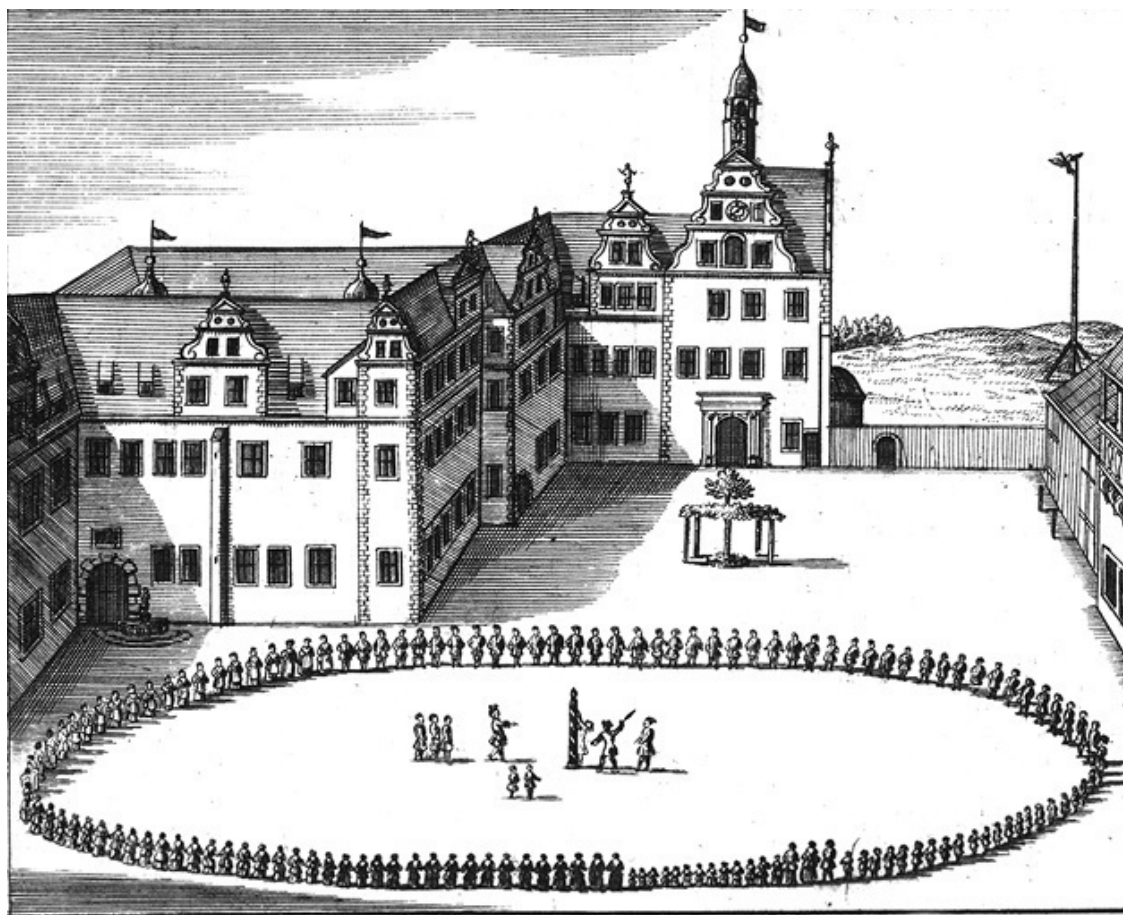
Таким образом, репрессии и дисциплинирование, с одной стороны, а также защита и забота – с другой, не исключали друг друга. Эти функции не обязательно были востребованы одним и тем же способом – и не обязательно были востребованы теми же социальными акторами. Но в целом они были результатом общей заботы о упорядоченном «доме», что включало передачу в руки властей всех тех, кто не мог или не хотел вписаться в рамки нормальной домашней жизни. Это схождение интересов нашло свое выражение и на финансовом уровне. Так, в Кур-Саксонии доходы от государственных цухтгаузов были, как надеялись и требовали власти, не от труда заключенных, а из других источников, как показывает обзорная таблица 1781–1815 годов: основная часть денег поступала от специально проведенной лотереи (30%), от принудительного сбора всех земельных чиновников (6%), церковных собраний (4%), а также «оплаченного кошта», приходов или семей, которые размещали родственника в одном из приютов. Кроме того, 28% финансировались за счет налогов. Прибыль от мануфактур учреждений, с другой стороны, не была внесена в таблицу – по причине того, что в Вальдхайме, например, годовая прибыль от работы заключенных составляла всего 1700 талеров, что было почти мизерной суммой с учетом расходов, которые составляли 23 170 талеров в год²⁴⁰.

Такие цифры не вызывают удивления, если немного лучше знать внутреннюю организацию пенитенциарных учреждений. На первый взгляд, жизнь там характеризовалась строгими правилами: чрезвычайно плотный и строго расписанный распорядок дня, который тесно связывал работу и религиозную деятельность и предусматривал лишь несколько перерывов, например на прием пищи, соответствовал внушительному арсеналу дисциплинарных наказаний от заключения на хлебе и воде (форма покаяния, перенятая из монастырской традиции), применения цепей или железных ножных шаров до публичной порки у «позорного столба» во внутреннем дворе учреждения (ил. 2).

²³⁸ Holenstein 2003. S. 697–711; Brietzke 2000. S. 389–412; Stier 1988. S. 53, 91–92. Это походило на практику «lettres de cachet» во Франции. См.: Farge, Foucault 1982.

²³⁹ Eisenbach 1994. S. 206–228; Stier 1988. S. 78–97; Frank 1992. S. 277–279; Härter 2005. S. 691–692.

²⁴⁰ Bretschneider 2008a. S. 194–195.

*Die Straff=Settle
und Willkommen der neuen Züchtlinge.*

Ил. 2. Позорный столб во дворе саксонской государственной тюрьмы-цухтгауза в Вальдхайме

Несомненно, что эти наказания, вытекающие из права домашнего смирения, которое «отцы дома» имели право осуществлять повсеместно в обществе в отношении своих подчиненных, будь то женщины или дети, служанки или батраки, торговцы или слуги²⁴¹, применялись. Однако их показательная демонстрация в отчетах, напечатанных учреждениями или другими изданиями, служила прежде всего для того, чтобы успокоить общественное мнение, которое, как гласила анонимная публикация, опубликованная в Лейпциге в 1802 году, считало, что «колодникам было слишком хорошо в этих домах»²⁴². Однако в повседневной жизни в учреждениях преобладали «мягкие» техники власти, которые основывались на коммуникации, понимании и взаимном обмене. Этому способствовал дисбаланс в (большом) количестве заключенных и (малом) числе надзорного персонала, поэтому взаимосвязанные действия всех субъектов пенитенциарной системы почти обязательно характеризовались определенной гибкостью²⁴³. Однако социальное взаимодействие в учреждениях в еще большей степени определялось тем, что они были «комбинированными учреждениями», то есть объединяли под одной крышей разные

²⁴¹ Lüdtke 1991. S. 47.

²⁴² Anonym 1802. S. 77.

²⁴³ Bretschneider 2015. См. также: Elias 1971.

цели²⁴⁴. В саксонских приютах большинство заключенных не работали на фабриках, а ухаживали за многочисленными больными и нуждающимися в уходе заключенными, которые также жили там. Другие заключенные выполняли работу по дому, то есть помогали печь, варить или готовить, раздавали еду, шили одежду или стирали, убирали палаты и комнаты, ухаживали за скотом или обрабатывали огород. Другие работали в качестве прислуги у различных должностных лиц дома. Другими словами, их деятельность была направлена в первую очередь на обеспечение «бытовых потребностей», например снабжение питанием, на которое также имели право заключенные пенитенциарных учреждений и работных домов²⁴⁵.

В то же время деятельность заключенных также служила главной этической цели общества раннего модерна, которая заключалась в демонстрации трудом благочестивого, честного образа жизни, свободного от праздности. Именно поэтому многие учреждения содержали мануфактуры, хотя прекрасно знали, что они убыточны. В Вальдхайме, например, в 1718 году было отмечено, что шерстяная мануфактура была открыта там «ни в коем случае не ради прибыли»; напротив, ее функционирование даже потребовало дополнительных затрат, которые тем не менее были приняты, чтобы «постоянно обеспечивать работой множество присутствующих и пресекать вредное безделье»²⁴⁶. И уже в 1790 году администратор цухтгауза в Пфорцхайме (памятуя о плачевном финансовом положении учреждения) считал все «пенитенциарии не экономическим учреждением – но необходимым и драгоценным злом»²⁴⁷. Речь шла не о прибыли и не об адаптации к абстрактным нормам, таким как порядок, трудолюбие или пунктуальность, а об интеграции в рамки общего ведения хозяйства.

Такая ситуация давала заключенным большое пространство для действий. Это также создавало благоприятные условия для более или менее легальной социализации в тюрьмах, которая могла доходить и до многочисленных сексуальных контактов, в результате которых женщины-заключенные рожали в цухтгаузах детей²⁴⁸. Кроме того, в этих взаимодействиях нередко участвовали сотрудники тюремного персонала, которые часто были выходцами из той же социальной среды, что и люди, за которыми они должны были следить. Совместное распитие алкоголя или курение трубки, игра в карты, а иногда даже воровство предметов из кухни или кладовой и продажа их за пределами заведения были частым явлением²⁴⁹. В результате отношения между двумя группами постоянно колебались между кнутом и пряником. Тюремщики и надзиратели зависели от заключенных в «социальной игре» пенитенциарного учреждения, которая могла быть достигнута не столько насилием и угнетением, сколько материальными и социальными транзакциями, важнейшей из которых было существование самих учреждений. Для многих заключенных это была не только форма принуждения, но и ресурс, который в обмен на хорошее поведение предлагал отапливаемое помещение, регулярное питание, медицинскую помощь, которую трудно было получить во внешнем мире, и честную работу, что было, возможно, самым важным в сословном обществе раннего Нового времени, построенном на чести его членов.

Все это не делало пенитенциарные учреждения раем на земле. Страдания также были в них ежедневным гостем. В обществе, в котором насилие повсеместно считалось законным средством принуждения других к исполнению своей воли, в котором большинство людей жили в крайне тяжелых материальных и социальных условиях и в котором защита от таких рисков, как старость, болезнь или инвалидность, была в значительной степени индивидуализирована

²⁴⁴ Bräuer 1997. S. 35.

²⁴⁵ О понятии «бытовых потребностей» (Hausnotdurft) см.: Blickle 1980; о снабжении учреждений: Thoms 2005.

²⁴⁶ Цит. по: Bretschneider 2008a. S. 140.

²⁴⁷ Stier 1988. S. 176.

²⁴⁸ Bretschneider 2011.

²⁴⁹ Wolter 2003. S. 348; Stier 1988. S. 152; Härter 2005. S. 689; Bretschneider 2008a. S. 156.

и основывалась в первую очередь на семье и близком социальном окружении, условия жизни в приютах едва ли отличались от тех, которые можно было ожидать в других местах. Это, в свою очередь, относится и к конкретным формам, которые принимала институционализированная социальная жизнь. Семейные структуры определяли социальное взаимодействие как внутри, так и вне учреждений. Таким образом, в доме почти всегда жили не только заключенные, но и члены персонала – исключения делались только для врачей или священнослужителей, которые не работали исключительно на учреждение²⁵⁰. Это домашнее сообщество всех людей, живущих и работающих в тюрьме, поддерживалось и укреплялось многочисленными ритуальными практиками. Они включали в себя общие молитвы несколько раз в день и церковные службы в тюремных церквях. Однако, прежде всего, коллективный характер «дома» выражался в ритуале застольной общины, который был связан с монашескими традициями, а также встречался в других учреждениях раннего Нового времени, например в госпиталях. Еду ели вместе за столами, расставленными в порядке в трапезной, а ритуальное освящение, предназначенное для общей трапезы, поддерживалось чтением религиозных текстов с кафедры или стоячего стола во время трапезы²⁵¹ (ил. 3).

²⁵⁰ Rudolph 2000. S. 177; Brietzke 2000. S. 573.

²⁵¹ Bretschneider 2008a. S. 80–81; Finzsch 1990. S. 119; Hatje 2008. S. 81.

Ил. 3. «Мужской салон» в тюрьме-цухтгаузе Вальдхайм

Как и общество раннего модерна в целом, пенитенциарная система была пронизана многочисленными проявлениями неравенства, которые частично являлись следствием внутренних правил тюрьмы (например, распределение между различными категориями заключенных), а частично – следствием сословных различий. Кроме того, во всех сферах деятельности учреждения существовало разделение полов, которое, однако, сводилось на нет многочисленными возможностями столкнуться друг с другом на работе, в церкви или по другим поводам. Однако, помимо всех этих различий, принцип «дома» удерживал вместе сообщество людей, живущих в учреждении. Каждый цухтгауз и рабочий дом образовывали обширное хозяйство, которое, как матрешка, складывалось из множества более мелких хозяйств²⁵². Так, члены персонала жили в учреждении со своими семьями, то есть с женами и детьми²⁵³, и в состав семьи часто входил обслуживающий персонал из числа заключенных. Они, в свою очередь, жили группами в салонах, где, в свою очередь, образовывали небольшие домашние хозяйства под присмотром «отцов салонов» или «матерей салонов». Однако это не привело к созданию четкой структуры уровней, которые можно было бы четко отделить друг от друга. Скорее, различные домашние хозяйства перетекали друг в друга, что также означало, что роли часто пересекались. Например, воспитатель или надзиратель был «главой семьи» в своем собственном доме и в определенной степени также по отношению к заключенным, находящимся под его надзором, но в то же время он был «жителем» пенитенциарного учреждения и «службой» своего начальства. Пример социального микрокосма пенитенциарного учреждения также показывает огромный спектр форм жизни, которые охватывала модель «дома» в период раннего модерна²⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это возвращает нас на круги своя: в названии этого текста намеренно говорится об «общем доме», а не о «всеобщем»²⁵⁵. Пенитенциарные учреждения и рабочие дома раннего Нового времени не были самодостаточными социальными, экономическими и правовыми единицами, а во многом были переплетены с окружающим обществом. Они были частью муниципальных или суверенных администраций и, следовательно, подлежали контролю со стороны властей. Кроме того, они почти никогда не были финансово самоокупаемыми, а зависели от субсидий. Сюда же относятся многочисленные отношения экономического плана: такие материалы, как мука, дерево, масло или ткани для изготовления одежды, учреждения получали извне и продавали продукцию, произведенную на мануфактурах, на местных или региональных рынках. В приюты также регулярно приходили посетители: предприниматели, которые вели здесь производственный бизнес, походники, нашедшие приют на ночь, любопытные, которым было интересно, что происходит внутри, или жители окрестных кварталов и деревень, посещавшие службы в тюремных церквях. Поэтому границы между внутренним и внешним миром были проницаемы – это касалось даже заключенных, которых нередко нанимали в качестве поденных рабочих к фермерам в окрестностях и которые строили или ремонтировали дороги, работали на полях учреждений или выполняли поручения в городе. Таким образом, пенитенциарные учреждения раннего периода не были «всеобщими домами» в понимании Отто Бруннера.

²⁵² Spierenburg 2007. S. 106.

²⁵³ См., к примеру, описание жизни поэта Кристиана Дитриха Граббе (1801–1836), который вырос в цухтгаузе Детмольда. Grabbe 1960–1973, здесь Vol. 5. S. 164.

²⁵⁴ Troßbach 1993. S. 282.

²⁵⁵ «Ganzes Haus», «Всеобщий дом», как мы уже обсуждали выше, является концептом Отто Бруннера.

Не следует также понимать их характеристику как «общие дома» как романтизацию. Эти учреждения воплотили в себе усилия, несомненно, исходящие от властей, но разделяемые значительной частью населения, по превращению «дома» в ядро социальной интеграции, которая во многом характеризовалась насилием и принуждением, но в то же время предоставляла возможности для социального участия тем, кто ранее был лишен их. Эти учреждения характеризовались авторитарным патернализмом в той же степени, что и модель «дома», служившая им образцом для подражания; однако они были в равной степени связаны со всеми другими «домами» в регионе усилиями их обитателей по обеспечению собственного существования и, таким образом, существования самого «дома» посредством труда. В этом отношении они не представляли собой маргинальную область социума, в которой формы жизни и экономической деятельности были бы принципиально иными²⁵⁶. Напротив, они были связаны со стремлением реализовать идеальную концепцию общества путем переноса модели «дома», ставшей нормой повсеместно, на тех людей, которые до сих пор от нее уклонялись или были исключены из нее.

Перевод с немецкого Екатерины Махотиной

БИБЛИОГРАФИЯ

Ammer, Weiß 2006 – *Ammerer G., Weiß A. S.* «Jede Besserung... ist dem Staate nützlich». Das Innsbrucker Zucht-, Arbeits- und Strafhaus 1725–1859 // Ammerer G. (Hrsg.) Strafe, Disziplin und Besserung. Österreichische Zucht- und Arbeitshäuser von 1750 bis 1850. Frankfurt/M. u. a., 2006. S. 97–129.

Anonym 1802 – *Anonym.* Warum werden so wenige Sträflinge im Zuchthause gebessert? Leipzig, 1802.

Beschreibung Waldheim 1721 – Beschreibung des Chur-Sächsischen allgemeinen Zucht= Waisen= und Armen=Hauses, welches Se. Königl. Maj. in Pohlen und Churfl. Durchl. zu Sachsen [...] Anno 1716. allergnädigst aufrichten lassen. Dresden; Leipzig, 1721.

Blickle 1980 – *Blickle R.* Nahrung und Eigentum als Kategorien in der ständischen Gesellschaft / Schulze Winfried (Hrsg.). Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität. München, 1980. S. 73–93.

Bradley 1982 – *Bradley J.* The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia // The Russian Review. 1982. 41. 4. S. 427–444.

Bräuer 1997 – *Bräuer H.* Der Leipziger Rat und die Bettler. Quellen und Analysen zu Bettlern und Bettelwesen in der Messestadt bis ins 18. Jahrhundert. Leipzig, 1997.

Bräuer 2008 – *Bräuer H.* Armenmentalität in Sachsen 1500 bis 1800. Essays. Leipzig, 2008.

Bretschneider 2003 – *Bretschneider F.* Humanismus, Disziplinierung und Sozialpolitik. Theorien und Geschichten des Gefängnisses in Westeuropa, den USA und in Deutschland / Ammerer G., Bretschneider F., Weiß A. S. (Hrsg.). Gefängnis und Gesellschaft. Zur (Vor-) Geschichte der strafenden Einsperrung = Comparativ. Leipziger Beiträge zur Universalgeschichte und vergleichenden Gesellschaftsforschung. 2003. 13. 5/6. S. 18–49.

Bretschneider 2008a – *Bretschneider F.* Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen im 18. und 19. Jahrhundert. Konstanz, 2008.

Bretschneider 2008b – *Bretschneider F.* Die Geschichtslosigkeit der Totalen Institutionen. Kommentar zu Erving Goffmans Studie «Asyle» aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive // Wiener Zeitschrift zur Geschichte der Neuzeit. 2008. 8. 1. S. 135–142.

²⁵⁶ Как, например, модель «тотального института» Ирвинга Гоффмана (Goffman 1961), которая также используется для анализа учреждений раннего Нового времени: Bretschneider 2008b.

Bretschneider 2011 – *Bretschneider F.* «Unzucht im Zuchthaus». Sexualité, violence et comportements sociaux dans les institutions d'enfermement au XVIIIe siècle // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 2011. 38. S. 77–92.

Bretschneider 2014 – *Bretschneider F.* Spaces of Confinement. Institutional Stabilization and Eigensinn – the Case of Saxony / Friedrich K., Bailey G., Veit P. (Hrsg.) Die Erschließung des Raumes: Konstruktion, Imagination und Darstellung von Räumen und Grenzen im Barockzeitalter. Wolfenbüttel; Wiesbaden, 2014. S. 97–113.

Bretschneider 2015 – *Bretschneider F.* Violence et obéissance. La place et le rôle des châtiments corporels dans les établissements d'enfermement aux XVIIIe et XIXe siècles / Bretschneider F., Claustre J., Heullant-Donat I., Lusset E. (Hrsg.) Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (IVe–XIXe siècle). Paris, 2015. S. 253–291.

Bretschneider, Muchnik – *Bretschneider F., Muchnik N.* The Transformations of Confinement in a Global Perspective (c. 1650–1800) / Rousseaux X. (Hrsg.) A Global History of Crime and Punishment in the Enlightenment. London.

Brietzke 2000 – *Brietzke D.* Arbeitsdisziplin und Armut in der Frühen Neuzeit. Die Zucht- und Arbeitshäuser in den Hansestädten Bremen, Hamburg und Lübeck und die Durchsetzung bürgerlicher Arbeitsmoral im 17. und 18. Jahrhundert. Hamburg, 2000.

Brunner 1956 – *Brunner O.* Das «ganze Haus» und die alteuropäische «Ökonomik» / ders., Neue Wege der Sozialgeschichte. Vorträge und Aufsätze. Göttingen, 1956. S. 33–61.

Carré 2016 – *Carré J.* La Prison des pauvres. L'Expérience des workhouses en Angleterre. Paris, 2016.

Carrez 2005 – *Carrez J.-P.* Femmes opprimées à la Salpêtrière de Paris. Paris, 2005.

Cerutti 2012 – *Cerutti S.* Etrangers. Étude d'une condition d'incertitude dans une société d'Ancien Régime. Montrouge, 2012.

Derks 1996 – *Derks H.* Über die Faszination des «Ganzen Hauses» // Geschichte und Gesellschaft. 1996. 22. S. 221–242.

Dinges 1988 – *Dinges M.* Stadtarmut in Bordeaux 1525–1675. Alltag, Politik, Mentalitäten. Bonn, 1988.

Eibach, Schmidt-Voges 2015 – *Eibach J., Schmidt-Voges I.* (Hrsg.) Das Haus in der Geschichte Europas. Ein Handbuch. Berlin; Boston, 2015.

Eisenbach 1994 – *Eisenbach U.* Zuchthäuser, Armenanstalten und Waisenhäuser in Nassau. Wiesbaden, 1994.

Elias 1984 – *Elias N.* What Is Sociology? New York, 1984.

Farge, Foucault 1982 – *Farge A., Foucault M.* Le Désordre des familles. Lettres de cachet des Archives de la Bastille au XVIIIe siècle. Paris, 1982.

Finzsch 1996 – *Finzsch N.* Elias, Foucault, Oestreich: On a Historical Theory of Confinement / Finzsch N., Jütte R. (Hrsg.) Institutions of Confinement: Hospitals, Asylums, and Prisons in Western Europe and North America, 1500–1950. Cambridge, 1996. S. 3–16.

Foucault 1972 – *Foucault M.* Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, 1972.

Foucault 1975 – *Foucault M.* Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris, 1975.

Foucault 2004 – *Foucault M.* Sécurité, Territoire, Population. Cours au Collège de France 1977–1978. Paris, 2004.

Frank 1992 – *Frank M.* Kriminalität, Strafrechtspflege und sozialer Wandel. Das Zuchthaus Detmold 1750–1801 // Westfälische Forschungen. 1992. 42. S. 273–308.

Geremek 1988 – *Geremek B.* Geschichte der Armut. Elend und Barmherzigkeit in Europa. München u. a., 1988.

Goffman 1961 – *Goffman E.* Asylums: Essays on the social situations of mental patients and other inmates. New York, 1961.

Grabbe 1960–1973 – *Grabbe Ch. D.* Werke und Briefe. Historisch-kritische Gesamtausgabe in sechs Bänden, hrsg. von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, bearb. von Alfred Bergmann. Emsdetten, 1960–1973.

Härter 2000 – *Härter K.* (Hrsg.) *Policey und frühneuzeitliche Gesellschaft*. Frankfurt/M., 2000.

Härter 2005 – *Härter K.* *Policey und Strafjustiz in Kurmainz. Gesetzgebung, Normdurchsetzung und Sozialkontrolle im frühneuzeitlichen Territorialstaat*. Frankfurt/M., 2005.

Hatje 2008 – *Hatje F.* Institutionen der Armen-, Kranken- und Daseinsfürsorge im nördlichen Deutschland (1500–1800) // Scheutz M., Sommerlechner A., Weigl H., Weiß A. S. (Hrsg.) *Europäisches Spitalwesen. Institutionelle Fürsorge in Mittelalter und Früher Neuzeit*. Wien u. a., 2008. S. 307–350.

Hinkle 2006 – *Hinkle W. C.* *A History of Bridewell Prison, 1553–1700*. London, 2006.

Hippel 1932 – *Hippel R. von.* *Die Entstehung der modernen Freiheitsstrafe und des Erziehungs-Strafvollzugs*. Jena, 1932.

Hippel 2013 – *Hippel W. von.* *Armut, Unterschichten, Randgruppen in der Frühen Neuzeit* = *Enzyklopädie deutscher Geschichte*, 34. München, 2013.

Holenstein 2003 – *Holenstein A.* «Gute Policey» und lokale Gesellschaft im Staat des Ancien régime. Das Fallbeispiel der Markgrafschaft Baden-(Durlach). Epfendorf, 2003.

Iseli 2009 – *Iseli A.* *Gute Policey. Öffentliche Ordnung in der Frühen Neuzeit*. Stuttgart, 2009.

Jütte 2000 – *Jütte R.* *Arme, Bettler, Beutelschneider. Eine Sozialgeschichte der Armut*. Weimar, 2000.

Krause 1999 – *Krause Th.* *Geschichte des Strafvollzugs. Von den Kerkern des Altertums bis zur Gegenwart*. Darmstadt, 1999.

Le cloître et la prison – Le cloître et la prison. Webdocumentary von Bretschneider, Falk, Claustre, Julie, Heullant-Donat, Isabelle et Lusset, Elisabeth. 2018. <http://cloitreprison.fr>.

Lüdtke 1991 – *Lüdtke A.* Einleitung. Herrschaft als soziale Praxis / Lüdtke A. (Hrsg.) *Herrschaft als soziale Praxis. Historische und sozial-anthropologische Studien*. Göttingen, 1991. S. 9–63.

Luhmann 1998 – *Luhmann N.* *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. 2 Bde. Frankfurt/M., 1998.

Opitz 1994 – *Opitz C.* *Neue Wege der Sozialgeschichte? Ein kritischer Blick auf Otto Brunners Konzept des «ganzen Hauses»* // *Geschichte und Gesellschaft*. 1994. 20. S. 88–98.

Petit et al. 2002 – *Petit J.-G., Castan N., Faugeton C., Pierre M., Zysberg A.* *Histoire des galères, bagnes et prisons en France de l'Ancien Régime*. Toulouse, 2002.

Richarz 1991 – *Richarz I.* *Oikos, Haus und Haushalt. Ursprung und Geschichte der Haushaltsökonomik*. Göttingen, 1991.

Rudolph 2000 – *Rudolph H.* «Eine gelinde Regierungsart». *Peinliche Strafjustiz im geistlichen Territorium. Das Hochstift Osnabrück (1716–1803)*. Konstanz, 2000.

Rusche, Kirchheimer 1939 – *Rusche G., Kirchheimer O.* *Punishment and Social Structure*. New York, 1939.

Sabeau 1990 – *Sabeau D.* *Das zweischneidige Schwert. Herrschaft und Widerspruch im Württemberg der frühen Neuzeit*. Frankfurt/M., 1990.

Scheutz 2006 – *Martin S.* «Hoc disciplinarium... erexit». *Das Wiener Zucht-, Arbeits- und Strafhaus um 1800 – eine Spurensuche* // Ammerer G., Weiß A. S. (Hrsg.) *Strafe, Disziplin und Besserung. Österreichische Zucht- und Arbeitshäuser von 1750 bis 1850*. Frankfurt/M. u. a., 2006. S. 63–96.

Schimke 2016 – *Schimke D.* *Fürsorge und Strafe. Das Georgenhaus zu Leipzig 1671–1871*. Leipzig, 2016.

Schnabel-Schüle 1997 – *Schnabel-Schüle H.* *Überwachen und Strafen im Territorialstaat. Bedingungen und Auswirkungen des Systems strafrechtlicher Sanktionen im frühneuzeitlichen Württemberg*. Köln u. a., 1997.

Schubert 1995 – *Schubert E.* Fahrendes Volk im Mittelalter. Bielefeld, 1995.

Schwerhoff 1999 – *Schwerhoff G.* Historische Kriminalitätsforschung. Tübingen, 1999.

Spierenburg 1991 – *Spierenburg P.* The Prison Experience. Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. New Brunswick; London, 1991.

Stekl 1978 – *Stekl H.* Österreichs Zucht- und Arbeitshäuser 1671–1920. Institutionen zwischen Fürsorge und Strafvollzug. Wien, 1978.

Stier 1988 – *Stier B.* Fürsorge und Disziplinierung im Zeitalter des Absolutismus. Das Pforzheimer Zucht- und Waisenhaus und die badische Sozialpolitik im 18. Jahrhundert. Sigmaringen, 1988.

Thoms 2005 – *Thoms U.* Anstaltskost im Rationalisierungsprozess. Die Ernährung in Krankenhäusern und Gefängnissen im 18. und 19. Jahrhundert. Stuttgart, 2005.

Torremocha Hernández 2018 – *Torremocha Hernández M.* Cárcel de mujeres en el Antiguo Régimen. Teoría y realidad penitenciaria de las galeras. Madrid, 2018.

Toscano 1996 – *Toscano P.* Roma produttiva tra Settecento e Ottocento. Il San Michele a Ripa Grande. Rom, 1996.

Troßbach 1993 – *Troßbach W.* Das «ganze Haus» – Basiskategorie für das Verständnis der ländlichen Gesellschaft deutscher Territorien in der Frühen Neuzeit? // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1993. 129. S. 277–314.

Wagnitz 1791–1792 – *Wagnitz H. B.* Historische Nachrichten und Bemerkungen über die merckwürdigsten Zuchthäuser in Deutschland, 2 Bde. Halle/S., 1791–1792.

Wolter 2003 – *Wolter St.* «Bedenket das Armuth». Das Armenwesen der Stadt Eisenach im ausgehenden 17. und 18. Jahrhundert. Almosenkasse – Waisenhaus – Zuchthaus. Göttingen, 2003.

Wunder 1992 – *Wunder H.* «Er ist die Sonn, sie ist der Mond». Frauen in der frühen Neuzeit. München, 1992.

Zedler 1732–1754 – *Zedler J. H.* Grosses Vollständiges Universal-Lexikon. 63 Bde. и 4 Erg.bde. Leipzig; Halle/S., 1732–1754.

Ксавье Руссо
ДИСЦИПЛИНИРОВАТЬ, ИСПРАВЛЯТЬ, НАКАЗЫВАТЬ
Многоликость тюремного заточения в
Габсбургских Нидерландах (1550–1795)

Историография практик тюремного заключения значительно расширилась за последние десятилетия, озадачиваясь не только появлением в наше время образа уголовно-наказующей тюрьмы (*prison pénale*), служащего эталоном для различных форм «дисциплинаризации» западного населения, но также интересуясь и отношениями, которые связывают эту тюрьму с «великим заточением» в тюрьму бедняков и бродяг при Старом режиме, через английскую и голландскую модель Bridewell/Tuchthuis XVI века для расселения этих бедняков и бродяг²⁵⁷. В последнее время историки заинтересовались огромным разнообразием мест заточения монастырского, дворянского и городского типов, существующих в Средние века. Но в целом именно появление образцовой модели пенитенциарной тюрьмы (*prison pénale*), концентрирующей в себе уголовный гуманизм, тоталитаристскую институцию и социальную дисциплину, что, следовательно, делает XVIII и XIX века доминирующими в историографии. Эти исследования движимы четырьмя перспективами: интеллектуальными «моделями», которые оправдывают лишения свободы, влиянием государственных властей и частных предпринимателей на реализацию этих идей (строительство и организация мест для тюремного заключения, мобилизация производственных сил, борьба с бедностью), характеристиками заключенного в тюрьму населения и, наконец, повседневной жизнью в замкнутых тюремных пространствах. Эти исследования повседневной жизни на уровне самих заключенных или их охранников ставят особый акцент на пространственном измерении практик тюремного заточения²⁵⁸.

Такой пространственный поворот, затрагивающий все социальные науки, привносит новизну в изучение практик тюремного заключения, по крайней мере, на трех уровнях, таких как: материальная составляющая мест заточения, пространственные ограничения социальных отношений и культурные практики. Наше исследование посвящено этим вопросам, рассматриваемым в пространстве, которое Питер Шпиренбург определил как один из центров развития тюремных практик: города Северо-Западной Европы²⁵⁹ и, в частности, одна достаточно урбанизированная со времен Средневековья зона вокруг княжеств Фландрии и Брабанта, постепенно интегрированная Европой в качестве составной политической единицы под названием Нидерланды, в ходе политики Габсбургов Испании (XVI–XVII века), а затем Австрии (XVIII век).

В Габсбургских Нидерландах историографические дебаты сосредоточены на попытке габсбургского правительства императрицы Марии Терезии и ее сына Иосифа II вынудить элиты богатых провинций Нидерландов основать *провинциальные исправительные дома*, чтобы собрать вместе всех девиантных личностей, бродяг и осужденных²⁶⁰. Предназначавшиеся для Французской революции, два сооружения, открытые в Генте для Фландрии в 1774 году и в Вильворде для Брабанта в 1779 году, способные вместить несколько сотен заключенных, стали символами нововведений тюремного заключения в Западной Европе²⁶¹. Захват Нидерландов

²⁵⁷ Gutton 1974; Geremek 1987; Spierenburg 1984; Spierenburg 1990; Spierenburg 1991/2007; Fijnaut, Spierenburg 1990; Finzsch, Jütte 1996.

²⁵⁸ Ignatieff 1978; Bretschneider 2008; Klewin 2010; Heullant-Donat 2011; Heullant-Donat 2015; Delpal, Faure 2010.

²⁵⁹ Spierenburg 1991/2007.

²⁶⁰ Stroobant 1900; Bonenfant 1926; Bonenfant 1934; Rousseaux 1997; Dupont-Bouchat, Rousseaux 2001.

²⁶¹ De Pauw 1981; Soly, Lis 1993; Rombaut 1983; Uytterhoeven 1989; Van Opdenbosch 1968; Vandekerckhove 1964; Vanderwiele 1971; Dendas 2002; Parée 2002.

революционной Францией в 1795 году сделал эти здания двумя архетипами наказующих учреждений: центральными домами содержания под стражей²⁶², оказавшимися теперь совершенно необходимыми согласно двум новым уголовным кодексам, республиканскому (1791) и наполеоновскому (1810).

Недавние исследования показывают, что эти провинциальные дома не были рождены ex nihilo и что структуры или практики тюремного заключения существовали и ранее. В первой части нашей статьи мы осветим существование еще одной модели пространства заточения: *городских домов дисциплины* (tuchthuizen²⁶³), появившихся в XVI веке. Затем мы сфокусируемся на практиках некарательного (или неуголовного. – *Примеч. пер.*) тюремного заключения в XVIII веке на примере Брюгге²⁶⁴. Наконец, мы вернемся к роли провинциальных исправительных учреждений (correctiehuizen/исправительные дома) в процессе преобразования уголовного правосудия и в приумножении случаев тюремных заключений в приговорах уголовных судов в XVIII веке.

1. ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И РЕГЛАМЕНТ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОТ ДОМОВ ДИСЦИПЛИНЫ (1550–1795) К ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ ДОМАМ (1770–1795)

В городах Брабанта дисциплинарные дома были введены по образцу домов города Амстердама, возведенных в конце XVI века: в Антверпене (1613), в Брюсселе (1625) и во Фландрии: в Генте (1626) и в Брюгге (1672, 1717). Другие были установлены в Ипре, Кортрейке и были сделаны попытки в Мехелене²⁶⁵. Французская модель *общепрофильного госпиталя* вдохновит затем города Льеж (1685), Тонгр (1684) и Маастрихт (1738), находящийся под властью епископального княжества города Льеж. Сравнительное исследование²⁶⁶ позволяет сделать некоторые выводы о городской «модели» и ее вариантах, а также об эволюции этой модели с XVI по XVIII век.

Как городское учреждение, дисциплинарный дом был навеян работами гуманистов, таких как Хуан Луис Вивес (1526) и Дирк Корнхерт (1587)²⁶⁷, о роли гражданских властей в помощи бедным и бродягам и опеке над ними. Он располагался в самом сердце города, и его социальные функции были направлены на объединение различных групп людей без работы вокруг производственных инструментов, чтобы с помощью социальной политики бороться с угрозой дезинтеграции городского общества. Можно сравнить организацию этих заведений с Rasphuis и Spinhuis в Амстердаме. В городах XVI–XVIII веков их организация зиждется на трех эшелонах: государственная организующая власть, группа посредников, отвечающих за контроль, и директор. Что касается городских домов дисциплины, то здесь городские магистраты несут ответственность за строительство и назначение директора, оплачиваемого городом, который окружает себя десятком сотрудниками (портье, мастера и служащие), а также врач, хирург и местный священник элемеозинарий²⁶⁸. В провинциальных же исправительных учреждениях в конце XVIII века это уже сами провинциальные государственные органы власти, объединяющие на уровне княжества представителей элит Старого режима, это они теперь

²⁶² Petit 1990; Rousseaux Dupont-Bouchat 1999.

²⁶³ Здесь и далее: дисциплинарный дом (*примеч. ред.*).

²⁶⁴ Bocher 1988.

²⁶⁵ Decuyper 1991; Van der Auwera 1999.

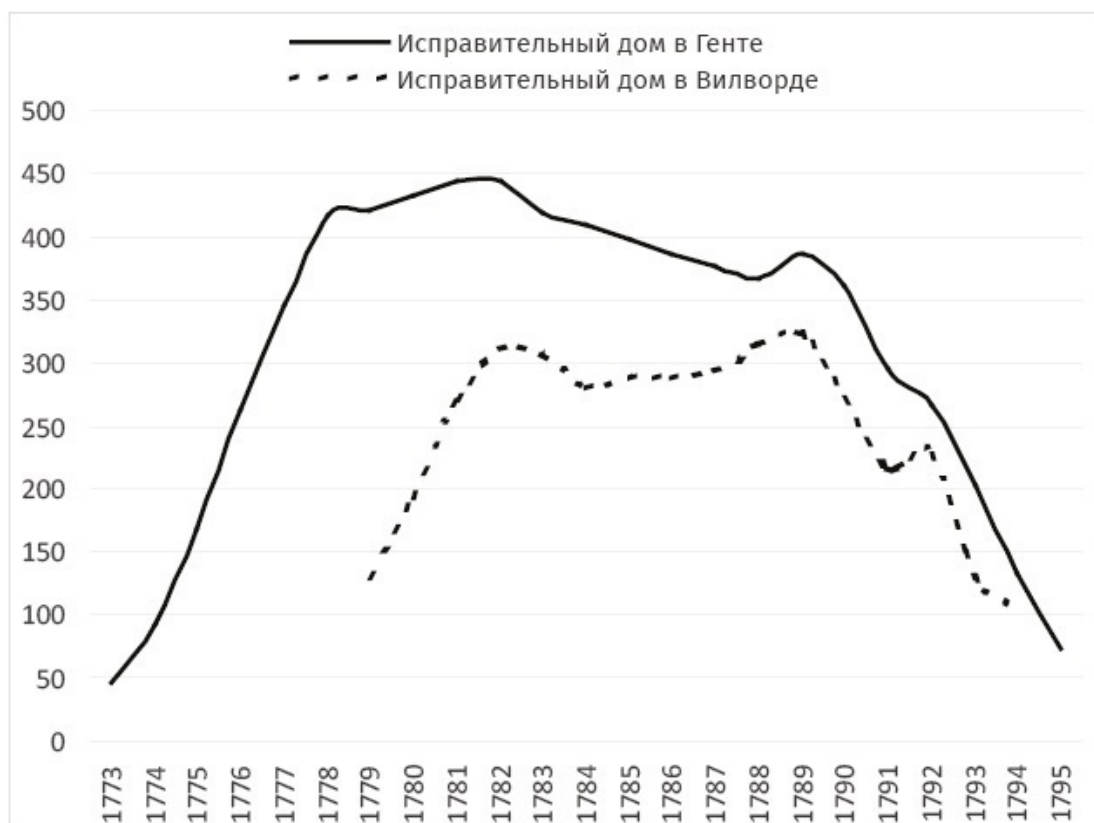
²⁶⁶ De Zutter 2007.

²⁶⁷ Vives 1526; Coornhert 1587.

²⁶⁸ Специальный священник, ответственный за распределение милостыни, этот чин (aumônier) постепенно исчезает со времен Французской революции (*примеч. пер.*).

организуют и контролируют функционирование учреждения через комитет уполномоченных комиссаров. Персонал здесь уже более многочисленный и более военизированный, применительно к доле осужденных среди заключенных.

Финансовое управление учреждений варьируется в зависимости от города или княжества. Идеальная модель предусматривала самофинансирование за счет труда заключенных. Ни в одном из изученных случаев эти учреждения не могли функционировать без ежегодных субсидий со стороны города или княжеств, к которым они относились. Режим содержания под стражей строго регламентирован в отношении питания и присмотра за узниками, особое внимание также уделяется физическому, религиозному и моральному здоровью заключенных.

Ил. 1. Население провинциальных исправительных домов (1773–1795) (среднее годовое).
Источник: Uytterhoeven 1989. P. 163–170; Rombaut 1983

Подход, основанный на изучении населения, позволяет выявить общую структуру городских мест тюремного заключения. В отношении tuchthuizen (дисциплинарных домов) Антверпена и Брюсселя мало что известно о населении до XVIII века²⁶⁹. Зато имеются цифры для дисциплинарного дома в Генте и для двух домов в Брюгге (Rasphuis и Spinhuis). Данные по двум провинциальным исправительным учреждениям более точны. В первую очередь бросается в глаза изменение общих масштабов заключения. Если в домах дисциплины Гента, Брюгге, Антверпена или Брюсселя насчитывается около сотни мест, то в новых пространствах тюремного заключения конца XVIII века (в исправительных домах) количество заключенных варьируется около цифры 400. Так, в мужском доме города Брюгге (Rasphuis) в 1739 году было около два-

²⁶⁹ Lis, Soly 1996.

дцати мужчин, а в 1772 году их уже 90²⁷⁰. То же самое в двух исправительных домах в XVIII веке, особенно после 1750 года.

Получается, что исправительные учреждения не сразу заменили городские дома дисциплины, но какое-то время сосуществовали с ними. Провинциальные исправительные дома полностью заполняются в 1770-х и 1780-х годах, затем их население снижается в 1790-х годах, во время революционных волнений к концу Старого режима.

Заключенные под стражу становятся таковыми по решению властей в соответствии с двумя принципами: либо по запросам, поступающим от отдельных лиц, чаще всего семей, к городским властям (bottom-up: снизу вверх), либо через прямые указания политических или судебных властей (top-down: сверху вниз). Можно констатировать, что количество заключенных, содержащихся под стражей по просьбе частных лиц, в новых исправительных учреждениях постепенно снижается: идет переход от более чем 50% запросов в дисциплинарных домах Гента и Брюсселя в первые две трети XVIII века к меньшей цифре, до около 20–30%, в исправительных домах (correctiehuizen) Гента и Вильворде между 1772 и 1795 годами²⁷¹.

В действительности их население было гораздо более многочисленным, а прирост в основном связан с заключением в них девиантных личностей и злоумышленников по решению властей. Преобразование этих пространств позволяет увеличить улов девиантного населения, при этом полностью посвятив систему заключения под стражу запросам от частных лиц. Другими словами, в 1770-х годах процесс «дисциплинаризации» снизу сопровождается процессом «дисциплинаризации» сверху. Новые исправительные дома позволят властям сажать в тюрьму больше осужденных. Эти новые пространства тюремного заключения сочетают в себе традиционные дисциплинарные ограничения свободы и новые формы заточения под стражу.

Распределение заключенных в зависимости от их пола также дает информацию об эволюции практик тюремного заключения. Снижение количества женщин, содержащихся в новых исправительных домах, связано с заметным увеличением числа лиц, осужденных судами, в основном мужчин. Что же касается распределения по возрасту, то разрозненные данные, собранные для различных институций²⁷², выявляют два феномена. Во-первых, в домах дисциплины очень велико присутствие молодежи²⁷³. Половина задержанных моложе 20 лет, а треть – от 20 до 30 лет. Там, где, согласно данным, имеет место разделение по полу, заключенные мужчины оказываются моложе (60% из них менее 20 лет), в то время как многим женщинам уже от 20 до 30 лет (40%). В исправительных же учреждениях зато средний возраст заключенных увеличивается, доминирующей категорией становится возраст от 20 до 30 лет, а средний возраст мужчин, как правило, приравнивается к возрасту женщин. Это еще раз указывает на то, что судебные репрессии в основном нацелены на взрослых мужчин (в возрасте от 20 до 39 лет) и вызывают старение населения узников из-за более длительных сроков заключения, чем в домах tuchthuizen. Следует также отметить, что как в домах дисциплины, так и в исправительных учреждениях большинство заключенных как мужчин, так и женщин происходят из текстильного и сельскохозяйственного секторов, то есть тех, которые доминировали и затем находились в кризисном состоянии²⁷⁴ в двух провинциях Фландрии и Брабанта в XVIII веке.

Официальные причины тюремного заключения сложны. Тем не менее сравнение четырех домов дисциплины и двух исправительных домов позволяет выявить основные формы поведения, на которые направлено заключение под стражу. Случаи Брюгге и Брюсселя подтверждают, таким образом, два классических вывода о гендерном разделении среди девиантных форм

²⁷⁰ Mahy 1982. P. 210.

²⁷¹ De Zutter 2007. P. 164.

²⁷² De Zutter 2007. P. 169.

²⁷³ Lis, Soly 2001.

²⁷⁴ De Zutter 2007. P. 175.

поведения, ведущих к лишению свободы²⁷⁵. Первой причиной задержания среди мужчин были кражи, а среди женщин – сексуальные преступления, в качестве следующих причин затем добавятся общественные беспорядки, дезертирство и отказ от работы. Как показал Спиренбург, говоря о городах Республики Соединенных провинций, или северной Германии, несмотря на то что дома дисциплины были учреждены городскими властями, не руководствуясь уголовной логикой (не преследуя цель покарать преступников. – *Примеч. пер.*), они, однако, функционировали затем как учреждения в распоряжении правосудия для наказания других правонарушений²⁷⁶. Возведение исправительных учреждений в Генте и Вильворде не меняет распределения заключенных по гендерному типу. Нарушения морального порядка (сексуальные девиантности, проституция) участились, так же как и содержание в тюрьме бродяг²⁷⁷. Появляются также заключения в тюрьму политических оппонентов в рамках беспорядков в конце Старого режима (Брабантская революция 1787–1789 годов, Французская революция 1789–1795 годов).

На продолжительность содержания под стражей могут влиять многие факторы. В XVII веке длительность заключения может не уточняться, в частности, для случаев содержания под стражей по просьбе частных лиц, которое может продолжаться до момента полного исправления заключенного, когда его сочтут достаточным. Указанные же сроки едва ли превышают 5 лет. Однако в XVIII веке приговоры уже удлиняются. В дисциплинарных домах Гента и Брюсселя можно найти приговоры сроком до 25 лет или даже пожизненно. Только лишь с указом от 10 октября 1774 года австрийским правительством во время открытия исправительного дома в Генте власти наконец обязали каждую уголовную юрисдикцию уточнять срок предписанного приговором наказания. Становится ясно, что дома дисциплины обычно подразумевают короткие наказания или же тюремное заключение неопределенного срока, в то время как исправительные дома расширяют палитру наказаний, даже если последние длятся в среднем от одного до шести лет. На практике же различные причины могли ускорить освобождение заключенных: хорошее поведение, болезнь, вступление в брак или в армию, прошение о помиловании²⁷⁸. Эти меры, изначально оставленные на усмотрение директоров или городской администрации, все больше контролируются затем центральным правительством посредством практик помилования от лица на уровне власти суверена²⁷⁹.

Наконец, что касается пространственной организации этих мест, наблюдается перемещение институций. Если дома дисциплины были вписаны в самое сердце городских центров, то исправительные дома нуждаются в земельном участке вокруг них или же в больших зданиях и поэтому располагаются в пригородах или даже на городских окраинах. Дом в Генте построен по новаторскому²⁸⁰ плану на юге города, а дом в Вилворде расположен в 15 км от Брюсселя, в бывшем дворце, подаренном правительством. Оба дома расположены недалеко от развитой водной артерии.

²⁷⁵ Ibid, tab. 36 p. 178 et 38 p. 184.

²⁷⁶ Ibid. P. 185; Spierenburg 1991.

²⁷⁷ Изгнанные из города за свои преступления личности иногда становились бродягами за пределами городских стен. Если же они возвращались в город (в поисках пропитания, например), то такое поведение расценивалось как прерывание ими изгнания (то есть предписанной им меры наказания) и как непослушание, за что им грозило уже тюремное заключение в виде следующей меры наказания (*примеч. пер.*).

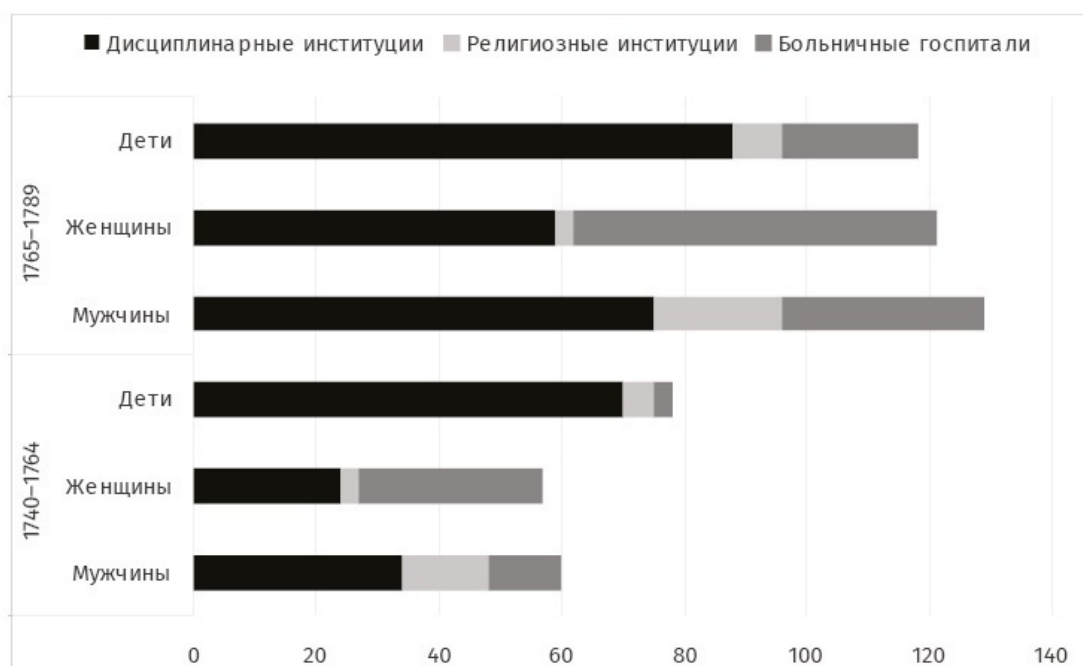
²⁷⁸ De Zutter 2007. P. 187–193.

²⁷⁹ Bruneel 1986.

²⁸⁰ Идея здания была предложена реформатору Жан-Жаку Филиппу Вилену XIII отцом-иезуитом Клюкманом, который посетил тюрьму Сен-Мишель, построенную архитектором по имени Фонтана в 1703 году по инициативе папы Климента XI для молодых преступников (Visschers 1872. P. 24). Известно, что отец Клюкман внес свой вклад в реализацию задуманного вместе с архитектором Мальфэсоном.

2. СМЕНА ПЕРСПЕКТИВЫ: ПРАКТИКА ИНТЕРНИРОВАНИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СЛУЧАЙ БРЮГГЕ)

Создание специализированных институций тюремного заключения не устраняет тем не менее разнообразия мест и структур индивидуального заточения. Мы показали, что, как и в других регионах²⁸¹, власти городов в Нидерландах рассматривают запросы об индивидуальном интернировании по просьбе частных лиц или властей. Это касается таких городов, как Антверпен, Брюссель, Гент²⁸². В городе Брюгге 563 запроса, адресованные магистрату с целью заключения под стражу мужчин, женщин и несовершеннолетних в период между 1740 и 1789 годами, еще раз подтверждают значимое место женщин и несовершеннолетних в этих запросах частного происхождения²⁸³. Точно так же и новые учреждения XVII или конца XVIII века не препятствовали существованию других мест заключения в соответствии с конкретными нуждами: обычных тюрем, больниц для больных, монастырей братьев Алексиаан (или братьев Целлитов) или еще мест заключения для людей, считающихся сумасшедшими²⁸⁴. Независимо от демографических вариаций населения, рост числа заключенных полностью характерен для последней трети XVIII века и также подтверждается десятью ежегодными пополнениями на 10 000 жителей в период с 1740 по 1764 год, вплоть до двадцати одного пополнения в год между 1765 и 1789 годами. В первый период 65% интернированных находились в дисциплинарных учреждениях, 11% – в монастырях, 24% – в госпиталях. А в период с 1765 по 1789 год 60% находились в дисциплинарных учреждениях, 32% – в монастырях и 8% – в больницах²⁸⁵.

²⁸¹ Emmanuelli 1974; Spierenburg 1984.

²⁸² Lis, Soly 1984; Lis, Soly 1990; Lis, Soly 1996; Soly, Lis 1997; Boudens 1992; Van Waeijenberge 1994.

²⁸³ Bocher 1988.

²⁸⁴ Boudens 1992; Decuyper 1991; Van Der Auwera 1999; Van Waeijenberge 1994; Vanhoye 1986; Verstraete 1994; Neuville 2009; Vennekens 2014.

²⁸⁵ Bocher. P. 298.

Ил. 2. Распределение интернированных в Брюгге по месту содержания под стражей (1740–1789). Источник: Bocher 1988. P. 182–184

Движение, наблюдаемое в Брюгге, характерно и для города Гента. Между 1700 и 1750 годами среднегодовое количество хранимых актов колебалось от 1,45 до 3,4 запроса. В течение следующих трех десятилетий это среднегодовое значение выросло с 6,9 (1750–1759) до 17,1 (1760–1769), затем 21,8 (1770–1779)²⁸⁶. Каковы бы ни были различия в хранении архивов, во второй половине XVIII века количество случаев заключения по запросам со стороны семей увеличилось, в то время как городская демография осталась на прежнем уровне или даже уменьшилась. Полностью очевидно, что в городских сообществах помещение под стражу заключенных по просьбе частных лиц, под контролем властей, было основной практикой лишения свободы, в то время как уголовные суды, даже в городах, чаще прибегали к изгнанию и наказанию. Конечно, здесь следует сделать уточнение путем включения лиц, осужденных в рамках других юрисдикций, в контекст общей юрисдикционной конкуренции: на местном уровне (городская система юрисдикции Брюгге (*l'échevinage*)²⁸⁷), на уровне региональных юрисдикций (округ Франк-Брюгге²⁸⁸, провинциальный Совет Фландрии, военная полиция Фландрии) или центральных (военные юрисдикции Нидерландов). Ситуация меняется после 1765 года. Правительство Габсбургов стремится изменить пенитенциарную систему, находящуюся в основном в руках местной элиты. К моменту, когда правительство Вены наконец «вдохнуло» дебаты в среду нидерландской элиты, практики тюремного заключения уже имели долгую историю. Однако же для этих практик характерна институциональная фрагментация, присущая Нидерландам, которая представляет собой множественность пространств тюремного заключения (замки, городские ворота, монастыри, лесничества). Плотность населения, в частности во Фландрии и Брабанте, обуславливает примат городской модели тюремного заключения, разделяемой в отношении к группам населения, воспринимаемым как девиантные (дети-бунтари, сумасшедшие, больные, старики, бродяги, проститутки, пьяницы, личности насильственного характера и воры).

3. НОВОЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МОДЕЛЬ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ДОМА (1765–1795)

Инициатором реформирования мест содержания под стражей в Нидерландах становится австрийское правительство. В обращении от 7 августа 1765 года, вдохновившись идеями Чезаре Беккариа, Габсбурги запросили различные провинциальные советы правосудия рассмотреть вопрос об отмене пыток и клеймения заключенных²⁸⁹. Не ссылаясь на автора, текст обращения включает в себя элементы аргументации и терминологию из французской версии трактата «О преступлениях и наказаниях» (*Des délits et des peines*)²⁹⁰. Эта просьба тем не менее натывается на отказы земельных советов Мехелена, Фландрии, Брабанта, Люксембурга, Намюра, Турне, Эно и Гельдерланд. Однако австрийское правительство возобнов-

²⁸⁶ Van Waijenberghe 1994; Vennekens 2014.

²⁸⁷ Особый тип системы судебной организации, при которой суд первой инстанции состоит одновременно из профессиональных судей (магистратов города, называемых *échevin*) и председателей из народа. Последние могут быть обычными гражданами или же лицами, способными выполнять функции судьи в силу своей профессии или своих навыков. Все суды в рамках *échevinage* специализируются на типе споров, например споры об имуществе (*примеч. пер.*).

²⁸⁸ Феодалная область *Franc de Bruges* известна как самая большая в графстве Фландрии, за которой со времен Средневековья сохранялась юрисдикционная целостность. Она располагалась вокруг города Брюгге и включала присоединенную к ней область Франк (*примеч. пер.*).

²⁸⁹ Bonenfant 1934; Dupont-Bouchat 1986; Dupont-Bouchat 1987.

²⁹⁰ Hubert 1897. P. 96.

ляет свой запрос о рассмотрении дела 24 февраля 1771 года, предварительно озаботившись тем, чтобы попросить у президента Великого совета Мехелена, то есть у высшей инстанции в Нидерландах, Госвина де Фирланта, отчет, написанный под заголовком «Наблюдения о пытках» (*Observations sur la torture*). Тем временем в 1771 и 1775 годах Жан-Жак Филипп Вилен XIII, Главный балы²⁹¹ города Гента, направляет государству Фландрии два своих «Мемуара о способах исправления преступников и бездельников в их собственных интересах и о том, как сделать их полезными для государства». Эти два мемуара частично объясняют инициативу по возведению первого исправительного дома в Генте (1772–1774)²⁹².

Наперекор продолжающимся недомолвкам со стороны провинциальных властей касательно этих нововведений в области уголовных наказаний, императрица Мария Терезия решает отменить пытки в военных юрисдикциях и оставить принятие всякого решения о применении пыток или смертной казни на усмотрение правительства. Каковы же обстоятельства повседневной жизни судов в Габсбургских Нидерландах? Ряд локальных исследований показывает, что эволюция практики тюремных заключений особенно заметна в области телесных наказаний²⁹³. Снижение случаев смертной казни, безусловно, является частью общей и долгосрочной тенденции к уменьшению количества смертных приговоров и полных экзекуций, начиная с XVII века. В Мехелене и Брюсселе количество казней значительно сократилось в XVII и особенно в XVIII веке²⁹⁴. В Брюсселе палачи казнили сорок человек в XVIII веке, в то время как население города увеличивалось²⁹⁵. В Антверпене смертная казнь составляла 18% приговоров в начале и в середине века и лишь 1% в последней четверти века. В городе Генте количество смертных приговоров снизилось до 1,1% в 1775–1784 годах²⁹⁶. В таком маленьком городке, как Турнхаут, было казнено двенадцать человек (почти все бродяги) в период с 1702 по 1748 год, когда была произведена последняя казнь²⁹⁷. Такая же тенденция проявляется в применении *телесных наказаний*, например публичного выставления заключенного, закованного в *колодки*, а также на *позорном столбе*. В Мехелене последнее наказание плетьюми датируется 20 октября 1773 года, а последнее клеймо – 1741 годом²⁹⁸. В Антверпене же наказание кнутом, которое применялось в 57% случаев до 1760 года, в конце века лишь изредка упоминается в качестве дополнительного наказания. В Турнхауте последнее клеймо раскаленным железом датируется 1748 годом, а последнее публичное выставление заключенного на позорном столбе – 1752 годом²⁹⁹. Таким образом, все эти показатели ясно подчеркивают все более редкое использование телесных наказаний во второй половине XVIII века, свидетельствуя если не о проникновении идей просветителей, то по крайней мере об эволюции восприимчивости к телесным наказаниям среди местных судей в Нидерландах.

Что касается *изгнания* из пределов города, то его эволюция в городе Антверпен очень впечатляет: затронув 52% осужденных в период с 1700 по 1764 год, количество изгнанных падает до 15% в период с 1764 по 1775 год, а затем до 5% в период с 1775 по 1784 год. В Генте более 50% приговоров с XVII века по первую четверть XVIII века предписывают изгна-

²⁹¹ Балы – чин официального судебного исполнителя для определенной области, представитель высшей власти на конкретной территории (*примеч. пер.*).

²⁹² Lenders 1958; Bosch 1961.

²⁹³ Deroisy 1957; Deroisy 1965; Dupont-Bouchat, Rousseaux 2001; Maes 1947; Maes 1978; Roets 1982; Roets 1987; Vanhemelryck 1981.

²⁹⁴ Maes 1947. P. 387; Vanhemelryck 1964–1965. P. 186.

²⁹⁵ Vanhemelryck 1964–1965. P. 186.

²⁹⁶ Roets 1987. P. 95.

²⁹⁷ Vinck 1979–1981. P. 79.

²⁹⁸ Maes 1947. P. 421–422.

²⁹⁹ Vinck 1979–1981. P. 84.

ние. Этот показатель падает до 24% в 1755–1764 годах, а затем до 8,6% в 1775–1784 годах³⁰⁰. Однако вышестоящие юрисдикции все более сопротивляются этим изменениям. Так, например, Совет Фландрии продолжал изгонять приговоренных из графства вплоть до 1794 года. В целой группе провинций, только встающих на путь объединения, где циркуляция изгнанников по территории, наполненной различными микроюрисдикциями, порождает небезопасные условия: изгнание в провинциальном масштабе остается единственной приемлемой практикой.

Прибегание к тюремному заключению в качестве судебного наказания возрастает еще до изменения тюремного ландшафта и используется в противовес по отношению к наказаниям в виде изгнания. В Генте количество тюремных заключений, которое не превышает 3,6% приговоров в XVII веке, возрастает до более чем 39% случаев в 1755–1764 годах и достигает 57% приговоров между 1775 и 1784 годами после возведения провинциального дома в Генте³⁰¹. В Антверпене же тюремное заключение объявляют в 69% судебных решений в период между 1775 и 1794 годами; осужденных обычно направляют в провинциальную исправительную колонию в Вильворде или же в различные коммунальные центры содержания под стражей, Steen или Amigo, или даже в религиозные учреждения, такие как монастыри братьев Целлитов (братья Аллексиане). Движение затрагивает и небольшие города. В Нивелле приговоры к краткосрочным заключениям в местных тюрьмах исчезают после 1780 года, уступая место длительным срокам (на 3,5 или 6 лет) тюремного заключения с отбыванием в новом провинциальном исправительном учреждении в Вилворде³⁰². В Турнхауте судьи выносят первый местный приговор к шести неделям тюремного заключения в 1779 году; далее все пять последних обвинительных приговоров (1784–1788) предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 3 лет, отбываемое в провинциальном исправительном учреждении в Вильворде. В Совете Фландрии первые приговоры к тюремному заключению датируются 1764 годом, в то время как начиная с 1773 года все больше распространяется наказание в виде отправки в исправительные дома³⁰³. В Совете Намюра их количество увеличивается после 1777 года³⁰⁴.

Как видно из дисциплинарных практик, осуществляемых в городах по отношению к девиантным группам населения, создание крупных провинциальных исправительных домов Фландрии и Брабанта сыграло важную роль в привлечении осужденных из многих средних городских юрисдикций, таких как в Нивелле³⁰⁵. В отличие от XVII века, в эти дома также принимали заключенных из юрисдикций, контролируемых центральным правительством: военных юрисдикций и специализированных юрисдикций, предназначенных для поимки дезертиров и бродяг. Прекращение преследований за религиозные преступления, сокращение количества телесных наказаний и позорящих ритуалов, постепенное снижение количества изгнаний, компенсируемых длительным заключением в исправительных учреждениях, – все эти согласующиеся между собой элементы подтверждают реализацию на практике местных юрисдикций идей реформирования, эмблематичным выражением которых Беккариа стал в Нидерландах. Обратной стороной или минусом этой тенденции является настойчивое упорство провинциальных Советов сохранить традиционное использование наказаний, в то время как большие и малые города осваивают все более современный репрессивный профиль, в значительной степени подпитываемый опытом городских учреждений дисциплины.

³⁰⁰ Roets 1981.

³⁰¹ Ibid.

³⁰² Dupont-Bouchat in d'Arras d'Haudrecy 1976. P. 168–170.

³⁰³ Roets 1981. P. 226.

³⁰⁴ Steffens 1987. P. 410.

³⁰⁵ Dupont-Bouchat in d'Arras d'Haudrecy 1976. P. 152.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синтез различных исследований о городских институциях, о практиках помещения под стражу или об уголовных юрисдикциях позволяет несколько выйти за пределы архивов Старого режима и, в частности, понять перемещения людей путем изучения пространств изгнания или пространств тюремного заключения в их последовательности³⁰⁶. Эти исследования также проливают свет на отсрочки практик предписываемых наказаний и на сами пределы невозможного дисциплинарного проекта, направленного на тело применительно к «плавающему»³⁰⁷ населению, будь то традиционные телесные наказания или же принудительный труд в местах содержания под стражей. Случай Нидерландов, помещенный в контекст всей своей исторической глубины времен, тем не менее позволяет нам понять эволюцию форм тюремного заключения. Таким образом, практики *tuchthuis* являются ответом на проект дисциплинаризации через *труд*. Городской дисциплинарный дом удовлетворяет дисциплинарные запросы, исходящие как снизу (от семей), так и сверху (от властей). Дисциплинарная модель городского типа является ответом на нужды городских сообществ, по которым ударил экономический кризис, связанный с укреплением социальных связей, которым угрожают беспорядки и бедность³⁰⁸. Разнообразие запросов, пространств и периодов продолжительности тюремного заключения проливает свет на процессы дисциплинаризации, пересекающиеся с требованиями населения и элит. В контексте *Aufklärung* и просветителей учреждение исправительного дома явилось ответом на рост населения 1750-х годов, а также на сельскохозяйственный и текстильный кризис. Провинциальный дом сочетает в себе традиционные городские дисциплинарные практики с желанием выследить бродяг в деревнях и проституток в городах, а также предложить альтернативу судебным приговорам, наносящим удар по телу смертью, клеймом, кнутом или изгнанием. Унифицированная, милитаризованная и предпринимательская модель исправительного дома обещает стать для либеральных элит привлекательным инструментом, который финансируется Нидерландами и который поддержали Габсбурги из центра, стремящиеся модернизировать администрацию империи. Карта графа Феррари, воплощающая собой пространственную эпоху правительства Габсбургов, предъявляет нам новое учреждение – исправительный дом в Генте. В ракурсе культурной и материальной истории, исходя из оптики концептов *дисциплины*, *исправительных практик* и *наказания*, три модели политического и социального вмешательства ясно вырисовываются в «идеалтипичных» нормативных архитектурах. Любопытно, что идеологическая отсылка к слову «дом» сохраняется на протяжении всех великих преобразований XVI–XIX веков. Дом *Tuchthuis* в XVI–XVII веках представляет собой городское здание, вдохновленное моделью средневекового монастыря. Концепт «дома» отсылает к корням коммунальной организации в семейной модели городских буржуа. Однако же провинциальный исправительный дом XVIII века, будучи результатом споров традиционных элит Старого режима с повелениями модернизирующегося правительства, является частью территориальной экспансии княжеств эпохи модерна. Будучи плодами Французской революции, «дома» задержания и заточения наполеоновской модели (1810) заставляют переосмыслить городское общественное пространство в новом пространственном измерении, а именно в масштабе циркуляций и концентрации масс на национальном уровне: казармы, завод, каторга. Вероятно, стечение ограничений в постройке монументальных сооружений позволяет объяснить, почему именно такой концепт, как «тюрьма», стал лабораторией репрессивных практик

³⁰⁶ Winter 2004.

³⁰⁷ Плавающее население – люди, переходящие от одного округа к другому, непостоянные жильцы или те, чья административная запись осуществляется в округе, отличном от их фактического проживания (*примеч. пер.*).

³⁰⁸ Lis, Soly 1990; Lis, Soly 1993.

в национальных государствах в последующие века. Как бы то ни было, дисциплинарный дом, исправительный дом и центральный дом (*maison centrale de détention*) в Нидерландах представляют собой места заключения, соответствующие ключевым моментам (1550, 1770, 1810) экономических, политических и культурных преобразований в данных самых густонаселенных регионах Западной Европы. Трансформация пространств тюремного заключения выявляет изменение масштабов в социальной и политической организации. На рубеже XIX века, чтобы лучше управлять «плавающим» населением, национальное государство пришло на смену местному сообществу и региональным элитам. Городской дом сделался национальным домом.

Перевод с французского Екатерины Оде

БИБЛИОГРАФИЯ

Bocher 1988 – *Bocher S.* Opsluiting op verzoek te Brugge in de 18de eeuw (1740–1789). Gent, 1988 (UGent, mémoire de licence en histoire, inédit).

Bonenfant 1926, 1927 – *Bonenfant P.* Les origines et le caractère de la réforme de la bienfaisance publique aux Pays-Bas sous le règne de Charles-Quint // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1926. Vol. 5. P. 887–904; 1927. Vol. 6. P. 207–230.

Bonenfant 1934 — *Bonenfant P.* Le problème du paupérisme en Belgique à la fin de l'Ancien Régime. Bruxelles, 1934.

Bosch 1961 – *Bosch J.-W.* Beccaria et Voltaire chez Goswin de Fierlant et quelques autres juristes belges et néerlandais // *Revue d'histoire du Droit*. 1961. Vol. 29. P. 1–21.

Bretschneider 2008 — *Bretschneider F.* Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen im 18. und 19. Jahrhundert. Constance, 2008.

Bruneel 1986 — *Bruneel C.* Le droit pénal dans les Pays-Bas autrichiens: les hésitations de la pratique (1750–1795) // *Etudes sur le 18e siècle*. 1986. Vol. 13. P. 35–66.

Coornhert 1587 – *Coornhert D.* V. Boeventucht ofte middelen tot mindering der schadelijke ledighgangers. Amsterdam, 1587.

Heullant-Donat et al. 2011 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* (Eds) Enfermements. Le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle). Paris, 2011.

Heullant-Donat et al. 2015 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* (Eds) Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (IVe–XIXe siècle). Paris, 2015.

Hubert 1987 — *Hubert E.* La torture aux Pays-Bas autrichiens pendant le XVIIIe siècle. Bruxelles, 1987.

Ignatieff 1978 — *Ignatieff M.* A Just Measure of Pain. The Penitentiary in the Industrial Revolution 1750–1850. New York, 1978.

Klewin, Sälter 2010 — *Klewin S. R., Sälter H. G.* (Eds) Hinter Gittern. Zur Geschichte der Inhaftierung zwischen Besserung und politischem Ausschluss vom 18. Jahrhundert bis zu Gegenwart. Leipzig, 2010.

Lenders 1958 – *Lenders P.* De eerste poging van J. J. P. Vilain XIII tot het bouwen van een correctiehuis (1749–1751) // *Zuidnederlandse Maatschappij voor Taal- en letterkunde en Geschiedenis*. 1958. Vol. 12. S. 297–302.

Lis, Soly 1984 — *Lis C., Soly H.* Policing the Early Modern Proletariat 1450–1850 // *Levine D.* (Ed.) *Proletarianization and family history*. Orlando, 1984. P. 163–217.

Lis, Soly 1990 — *Lis C., Soly H.* Te gek om los te lopen? Collocatie in de 18de eeuw. Turnhout; Brepols, 1990.

Lis, Soly 1996 — *Lis C., Soly H.* (Eds) *Disordered Lives: Eighteenth-Century Families and their Unruly Relatives*. Oxford: Polity Press, 1996.

Lis, Soly 2001 – Lis C., Soly H. (Eds) Tussen dader en slachtoffer. Jongeren en criminaliteit in historisch perspectief. Bruxelles, 2001.

Maes 1947 — *Maes L. T.* Vijf eeuwen stedelijk strafrecht. Bijdrage tot de rechts- en cultuurgeschiedenis der Nederlanden. Anvers, 1947.

Mahy 1982 — *Mahy F.* De Brugse tuchthuizen in de 17de en 18de eeuw: een onderzoek naar hun maatschappelijke functie. 2 v. Gand, 1982 (UGent, mémoire de licence en histoire, inédit).

Parée 2002 — *Parée D.* Une grande prison sous le régime français: la maison centrale de détention de Vilvorde // *Annales de la Société royale d'archéologie de Bruxelles*. 2002. Vol. 64. P. 274–278.

Petit 1990 — *Petit J. G.* Ces peines obscures. La prison pénale en France (1780–1875). Paris, 1990.

Roets 1981 — *Roets A. M.* De sociale aspecten van de misdadigheid te Gent in de achttiende eeuw. Gand, 1981 (UGent, mémoire de licence en histoire, inédit).

Roets 1982 — *Roets A. M.* Vrouwen en criminaliteit: Gent in de achttiende eeuw // *Tijdschrift voor Geschiedenis*. 1982. 95. P. 363–378.

Roets 1987 – *Roets A. M.* «Rudessen, dieften ende andere crimen». Misdadigheid te Gent in de 17de en de 18de eeuw. Een kwantitatieve en kwalitatieve analyse, 1987 (UGent, thèse de doctorat en histoire, inédite).

Rousseaux 1989 — *Rousseaux X.* L' incrimination du vagabondage en Brabant (14e–18e siècles). Langages du droit et réalités de la pratique // *Langage et Droit à travers l'histoire. Réalités et fictions*. Louvain; Paris, 1989. P. 147–183.

Rousseaux 1997 — *Rousseaux X.* Doctrines criminelles, pratiques pénales, projets politiques: le cas des possessions habsbourgeoises (1750–1790) // Porret M. (Ed.) *Cesare Beccaria (1738–1794) et la culture juridique des Lumières*. Actes du colloque européen de Genève, 25–26 novembre 1994. Genève, 1997. P. 223–252.

Rousseaux et al. 1999 – *Rousseaux X., Dupont-Bouchat M. S., Vael C.* (Eds) *Révolutions et Justice pénale en Europe (1780–1830)*. Modèles français et traditions nationales. Paris: L' Harmattan, 1999.

Soly, Lis 1993 – *Soly H., Lis C.* Opgepakt of uitgestoten: gevangen in het provinciaal correctiehuis te Vilvoorde, 1779–1784 // *Soly H., Vermeir R.* (Eds) *Beleid en bestuur in de Oude Nederlanden*, Liber amicorum Prof. Dr. M. Baelde. Gand, 1993. P. 251–269.

Spierenburg 1984 — *Spierenburg P.* The emergence of carceral institutions: prisons, galleys and lunatic asylums (1550–1900). Rotterdam, 1984.

Spierenburg 1990 — *Spierenburg P.* Boeventucht en vrijheidstraffen: Coornherts betekenis voor het ontstaan en de ontwikkeling van het gevangeniswezen in Nederland // *Fijnaut C., Spierenburg P.* (Eds) *Scherp toezicht: Van «Boeventucht» tot «Samenleving en Criminaliteit»*. Arnhem, 1990. P. 11–30.

Spierenburg 1991 — *Spierenburg P.* The Prison Experience. Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. New Brunswick; London, 1991 (2e ed. Amsterdam, 2007).

Steffens 1987 — *Steffens M. P.* Des délits et des peines. L' activité pénale du conseil Provincial de Namur (1747–1786). Louvain-la-Neuve, 1987 (UCLouvain, mémoire de licence en histoire, inédit).

Stroobant 1900 — *Stroobant L.* Le rasphuys de Gand. Recherches sur la répression du vagabondage et sur le système pénitentiaire établi en Flandre au XVIIe et au XVIIIe siècle. Gand, 1900.

Uytterhoeven 1989 — *Uytterhoeven L.* Enkele aspecten van het provinciaal correctiehuis van Gent (1773–1794). Gand, 1989 (UGent mémoire de licence en histoire, inédit).

Van der Auwera 1999 — *Van der Auwera J.* De vruchteloze initiatieven tot oprichting van tucht-, rasp-, correctie-, of werkhuizen te Mechelen in de 17de–18de eeuw // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1999. Vol. 77. 2. P. 933–963.

Van Opdenbosch 1968 — *Van Opdenbosch M.* Het provinciaal correctiehuis te Gent (1776–1792) en de gevangenen van het land van Aalst. Louvain, 1968 (KUL, mémoire de licence en histoire, inédit).

Van Waeijenberge 1994 — *Van Waeijenberge F.* Collocatie te Gent, 1750–1779. Gand, 1994 (UGent, mémoire de licence en histoire, inédit).

Vandekerckhove 1964 — *Vandekerckhove F.* Het gevangeniswezen te Gent, vanaf het midden der XVIde eeuw tot aan de Franse Revolutie. Louvain, 1964 (KU Leuven, mémoire de licence en histoire, inédit).

Vanderwiele 1971 — *Vanderwiele R.* Het provinciaal correctiehuis te Vilvoorde (1773–1794). Louvain, 1971 (KUL, mémoire de licence en histoire, inédit).

Vanhemelryck 1964–1965 — *Vanhemelryck F.* De beul van Brussel en zijn werk (XIVe–XIXe eeuw) // *Bijdragen en Mededelingen voor de Geschiedenis der Nederlanden*. 1964–1965. Vol. 19. P. 181–216.

Vanhemelryck 1981 — *Vanhemelryck F.* De criminaliteit in de ammanie van Brussel van de Late Middeleeuwen, tot het einde van het Ancien Regime (1404–1789). Bruxelles, 1981.

Vanhoye 1986 — *Vanhoye M.* De Hallepoort: een halve eeuw gevangenisleven (tweede helft van de 18de eeuw) // *Tijdschrift voor Brabantse Geschiedenis*. 1986. Vol. 3. P. 110–178.

Vennekens 2014 — *Vennekens V.* Collocatie op verzoek in Gent, 1700–1750. Een eerste verkenning van dronkaards, waanzinnigen, deugnieten en hun familie. Gand, 2014 (UGent, mémoire de maîtrise en histoire, inédit).

Verstraete 1994 — *Verstraete I.* De Alexianen te Gent en hun zorg voor krankzinnigen en onhandelbaren tijdens de late zeventiende en de achttiende eeuw. Gand, 1994 (UGent, mémoire de licence en histoire, inédit).

Vilain XIII 1775 — *Vilain XIII J. J. P.* Mémoire sur les moyens de corriger les malfaiteurs et les fainéants à leur propre avantage et de les rendre utiles à l'État. Gand, 1775.

Vinck 1978, 1979–1981 — *Vinck L.-A.* De criminaliteit te Turnhout (1700–1789) // *Taxandria*. 1978. 50. P. 40–83; 1979–1981. 51–53. P. 55–99.

Visschers 1872 — *Visschers A.* Système pénitentiaire. Notice sur la construction de la maison de force de Gand, décrétée par les États de Flandre en 1711 et sur les deux mémoires rédigés par le vicomte J.-P. Vilain XIII, au sujet de l'établissement de cette maison, en 1771 et en 1775: suivie de quelques considérations sur la marche et le développement du système pénitentiaire. Bruxelles, 1872.

Vives 1526 — *Vives J. L.* De subventionne pauperum Sive de Humanis Necessitatibus. Bruges, 1526. Constantinus Mattheuussen, Charles Fantazzi (Eds). Leiden, 2002 (Works. Vol. 4).

Winter 2004 — *Winter A.* «Vagrancy» as an Adaptive Strategy: The Duchy of Brabant, 1767–1776 // *International Review of Social History*. 2004. Vol. 49–2. P. 249–277.

Ирина Ролдугина
МЕЖДУ НАКАЗАНИЕМ И ИСПРАВЛЕНИЕМ
Режим заключения Калининского
дома (1750–1759) и его специфика

Калининская комиссия и Калининский дом практически синонимичные термины, но в контексте представленной статьи, я бы хотела обратить внимание на важную деталь. Комиссия обозначает активное расследование, которое длилось всего несколько месяцев. Его штаб-квартира располагалась в Калининском доме, куда свозили и допрашивали задержанных. Именно там впоследствии большинство из них и проведет почти десять лет жизни. Калининская комиссия (1750–1759), возникшая по указанию императрицы Елизаветы Петровны из локального расследования в столице о «блудливых женках» и эволюционировавшая в отдельную структуру со своим штатом и специфическими функциями, лишь недавно привлекла внимание историков³⁰⁹. При этом до сих пор в поле зрения специалистов попадало не само учреждение, а социальные процессы, обусловившие его появление. Речь идет о возникновении публичного, светского дискурса сексуальности, расщеплении старорусского понятия «блуд», распространении среди титулованного столичного дворянства идей либертинажа, появлении культуры интимного досуга и профессионализации сексуальных услуг, для которой эксплуатация женщины была нормой, но сексуальное насилие эксцессом. В представленном тексте внимание смещается на Калининский дом, просуществовавший девять лет, и новаторские принципы его работы. Особенности устройства, характерные для этого учреждения, позволяют утверждать о принципиальной разнице в подходах к идее заключения по сравнению с монастырской пенитенциарной практикой, которая на тот момент являлась наиболее распространенной формой наказания неволей³¹⁰. Калининская комиссия долгое время оценивалась в историографии как курьез, а личное участие Елизаветы Петровны в ее создании, скорее, понижало экспериментальное значение учреждения, выводя на первый план весьма субъективное толкование ее личности: «Сплетни, слухи об интимной жизни придворных были для Елизаветы всегда любимым развлечением. Ради них государыня оставляла всякие важные дела; она углублялась в разбирательство семейных скандалов, вела допросы об обстоятельствах супружеских измен, тайных адюльтеров»³¹¹.

В данной статье предложен другой взгляд: действительно, точечные изменения в пенитенциарной практике елизаветинского царствования не носили систематического характера и не администрировались строго очерченным кругом реформаторов. Вместе с тем в статье будет показано, что источником инициатив в области переустройства светского заключения становились именно Елизавета Петровна и ее ближайшее окружение. Изменения в этой сфере, к которым относится и организация Калининского дома, свидетельствовали об идущем процессе переосмысления самой сути наказания как акта устрашения не только провинившегося, но и остального общества. Мишель Фуко называл этот феномен *правилом побочных эффектов*: «наказание должно оказывать наибольшее воздействие на тех, кто еще не совершил проступка»³¹². Проблематизируя эволюцию правосудия и наказания Старого режима в XVIII веке во Франции, философ постструктуралист отмечал постепенный переход от идеи правосудия как отдельных показательных репрессий, обеспечивающих поддержание правопорядка в обще-

³⁰⁹ Ролдугина 2016. С. 29–71; Fedyukin 2017. P. 907–930.

³¹⁰ Шаляпин 2013. См также статью Екатерины Махотиной в этом сборнике.

³¹¹ Анисимов 2000. С. 126.

³¹² Фуко 2018. С. 116.

стве благодаря устрашающему воздействию на воображение свидетелей судебной расправы, к новой логике – «не наказывать меньше, но наказывать лучше»³¹³. Однако и это рассуждение невозможно механически соотнести с возникновением Калинкинского дома и объяснить его появление только лишь стремлением к рационализации наказания, потому что до его возникновения власти города уже находили более простой способ разбирательств с «женками и девками в непотребствах», о котором будет сказано ниже. Скорее, речь идет о том, что в какой-то момент этот способ показался властям, а именно Елизавете Петровне, недостаточным и неэффективным перед явлением то ли греховной, то ли светской криминальной природы, то ли вовсе легитимной практики интимного досуга. Именно эта растерянность со стороны властей перед появлением публичного, стихийного дискурса сексуальности, развивавшегося в самом европеизированном городе и тот факт, что следствие не закончилось поимкой, а эволюционировало в специально организованное пенитенциарное пространство, говорит о том, что власти видели перед собой в том числе и серийных нарушителей общественной морали и городского порядка.

По сути Калинкинская комиссия оказалась интервенцией в социальную стихию города, нацеленной на прояснение до того момента невербализированного явления, которое в современном обществе называется *сексуальностью*. Восприятие ситуации как эксцесса повлияло на итоги следствия: большинство *изобличенных* остались в Калинкинском доме и оказались участниками поневоле экспериментального пенитенциарного проекта. Петербург как место возникновения Калинкинской комиссии и пространство, высветившее проблематику стихийной, замеченной властями сексуальности, не случаен. В середине XVIII века он продолжал оставаться динамично развивающимся городом. Инерция воплощения петровских грандиозных и вместе с тем детальных замыслов растянулась на десятилетия³¹⁴. Уникальность городской социальной ткани Санкт-Петербурга объясняется не только его столичным статусом, но соединением нескольких факторов: двор и дипломатический корпус соседствовали с расквартированными армейскими соединениями и целыми слободами городских жителей, включая иностранцев, обслуживающих ее императорское величество и ее придворных. Близость к Европе крупнейшей северной морской гавани России и, соответственно, постоянный людской поток придавали городу своеобразную энергию и космополитичность. Продолжающийся строиться Санкт-Петербург привлекал массы квалифицированных и неквалифицированных рабочих людей со всей страны. В первой половине XVIII века значительная часть жителей столицы принадлежала к категории бесхозяйных людей³¹⁵. Еще одним специфическим фактором являлось отсутствие социальной замкнутости, «особенно в средних городских слоях»³¹⁶. Все это свидетельствует в пользу развитости публичного пространства или, еще точнее, пространства межсословной коммуникации. Действительно, принцип петербургского градостроительства изначально был новаторским и не соответствовал устройству других российских городов: «в городе преобладал принцип смешанных поселений иностранцев и россиян, коренного и пришлого населения»³¹⁷. В отличие, например, от Немецкой слободы в Москве, которая «оставалась самобытным поселением, своеобразным западным „миром“»³¹⁸. Чтобы выживать в северной столице, люди вступали в бесчисленные деловые и личные контакты с представителями очень разных и в других обстоятельствах достаточно разведенных друг от друга групп. По замечанию Ольги Кошелевой, население Санкт-Петербурга, как нигде в империи, не поддава-

³¹³ Там же. С. 100.

³¹⁴ Очерки 1955. С. 38–39.

³¹⁵ Семенова 1974. С. 192.

³¹⁶ Семенова 1970.

³¹⁷ Семенова 1998. С. 13.

³¹⁸ Ковригина 1998. С. 377.

лось бюрократическому описанию через категории «чинов» и «рангов», а состояло из общностей, «которые не могли фигурировать в административных списках»³¹⁹. Кроме того, веротерпимость и интенсивность контактов русского населения с иностранцами в Санкт-Петербурге были беспрецедентными³²⁰.

Рационализация усилий в управлении страной, внедрение камералистских принципов и стремление к максимальному использованию человеческих и природных ресурсов на фоне все более глубокого контроля со стороны государства за всеми аспектами частной и публичной жизни³²¹ влекли за собой специфические ситуации, в которых граница между закрепленным в законе порядком «законным» и не регламентированным новаторством размывалась ради достижения нужного результата в конкретном деле. В историографии одним из недавних примеров такого «гибридного» подхода является деятельность Ваньки Каина, чей казус «сыщика из воров» подробно описан Евгением Акельевым³²². Отказавшись от экзотизации случая Каина, которая имеет длинную традицию в историографии, Акельев показывает, что его деятельность занимала уникальную «гибридную социальную нишу» на границе легальной и нелегальной деятельности и «обеспечивала гибкость для экспериментального поиска новых форм сыска в интересах государства, но формально частным лицом»³²³. Интервенция Калининской комиссии в неконтролируемую, бурно развивающуюся область частного досуга и платной интимности, в западной историографии называемой полусветом (*demimond*)³²⁴, также представляла собой гибридный и экспериментальный маневр. Анализируя особенности Калининской комиссии как места заключения, нельзя не вспомнить контекст первой половины XVIII века, который мог повлиять или по крайней мере быть учитываемым фоном для осознания необходимости диверсификации пенитенциарной системы: постоянное расширение практики заключения в монастыри «изумленных» и недееспособных уголовных преступников оспаривалось Синодом, но продолжало действовать³²⁵.

Необходимость ссылки провинившихся или просто «шатающихся баб» в прядильные дома или *шпингаузы*, а также в мануфактурные дома настойчиво проводилась в петровских указах и повторялась в законодательстве Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны³²⁶. Однако их повторяемость, скорее, свидетельствует в пользу слабой, нерегулярной исполнимости и не устоявшейся практики их применения в целом. Главная полицмейстерская канцелярия Санкт-Петербурга вела ведомость о «приводах в оную» пойманных в «непотребстве женок и девок» начиная с 1741 года³²⁷. Обвинение в «прелюбодействе с разными чинами» соседствовало с обвинением в «блудном падении», «блядовстве» и в сводничестве. После публичного наказания кошками или кнутом на Морском рынке женщин отдавали на поруки мужьям, родственникам или знакомым мужского пола, готовым подписать «рописку», некоторых высылали «за заставу», ссылаясь при этом и на Соборное уложение и Воинский артикул³²⁸. Обращает на себя внимание полное отсутствие ссылок на церковное участие, за исключением случаев, когда кто-либо из задержанных хотел поменять веру или же сочетаться браком, в таком случае в дело вступала духовная консистория. И даже если наложения епитимьи женщины все-таки не избе-

³¹⁹ Кошелева 2004. С. 158.

³²⁰ Семенова 1998. С. 215.

³²¹ Raeff 1975.

³²² Акельев 2018.

³²³ Там же. С. 298.

³²⁴ Kushner 2015.

³²⁵ Шаляпин 2013. С. 139–141.

³²⁶ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 5. № 3213 (20 июня 1718); Т. 5. № 3306 (13 февраля 1719); Т. 6. № 4094 (20 сентября 1722); Т. 6. № 4047 (9 июля 1722); Т. 6. № 8224 (1 сентября 1740); Т. 13. № 9571 (27 января 1749).

³²⁷ РГАДА. Ф. 8 (Калининская комиссия и преступления против нравственности). Д. 4. Л. 1–10.

³²⁸ Там же. Л. 18 об.

гали, городские власти не уделяли этому аспекту никакого внимания: это, как и произвольность соотношения терминологии с фабулой дела, свидетельствует о том, что церковный дискурс сексуальности, всегда подразумевающий ограничение и контроль, оказывался не востребовавшимся светской властью, которая оценивала ситуацию с точки зрения общественной морали, а не только греха.

«СКОЛЬКО ИХ, БЛЯДЕЙ, СЫСКАНО»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЛИНКИНСКОЙ КОМИССИИ

Одним из первых действий, которое в итоге приведет к созданию Калининской комиссии, был устный приказ императрицы Елизаветы Петровны, данный ей в Петергофе действительному статскому советнику, одному из самых приближенных людей, Василию Демидову³²⁹ 28 июня 1750 года: «ехать в Санкт Петер Бурх и сыскать непотребную женку иноземку, называемую Дрезденшу, которая нанимая знатные дома, держит у себя скверных женок и девок, выписывая из чужих краев, взять под караул в крепость со всею ее компаниею, да и в протчих вольных домах и других непотребных местах по ее и другим показаниям таковых непотребных женок и девок, приехавших сюда из Гданска и из других чужестранных мест, хотя б кои и во услужении у кого были, собрать всех в крепость и означенной Дрезденше учиня наказание публично кнутом, всех их посадя на пакет бот, отправить морем за границу и тамо их высадить, объявля им здесь чтоб им впредь в Россию отнюдь не приезжали под жестоким наказанием»³³⁰.

Очевидно, что изначально у императрицы не было долгоиграющего плана, и облава на Анну Фелкер по прозвищу Дрезденша разрабатывалась как спецоперация. На следующий день императрица детализировала свое указание, снова устно, приказав расспрашивать всех задержанных об их знакомых, а также поднять архив Главной полицмейстерской канцелярии и «справитца по приводам таких непотребных, кому оные на росписки отданы или по другим обстоятельствам розведав всех таковых где находится»³³¹.

Императрицу держали в курсе дела и регулярно информировали о подвижках через Демидова. Как опытный царедворец он, с одной стороны, аккуратно предупреждал ее о том, что дело далеко от завершения, с другой, акцентировал внимание на быстром результате: «А по роспросам надеюся нарочитое стадо собрать их может, ибо как слышу, многие места на Адмиралтейской и Литейной стороны и на Васильевском острове наполнены, да и в Миллионной есть. Ныне же по улицам такая тишина быть стала, что и учрежденные пекеты спокойно стоят»³³².

Еще в начале июля планов на длительное заключение не существовало, напротив, 8 июля кабинет-секретарь императрицы писал Демидову из Царского Села, что Елизавета Петровна «изволит приказывать указ писать», в котором «чужестранных непотребных» предполагалось вывести из столицы «морем», а также интересовалась подробностями расследования и в частности допросов: «сколько их, блядей, сыскано, откуда, кто их выписал и почему к Дрезденше пристали»³³³. Демидов из Санкт-Петербурга на следующий день рапортовал, что на все эти вопросы ответить пока не может, так как «обстоятельных роспросов им еще не было для того, что они спрашиваются толко о пристанях и компаниях и потому собираются, чтоб не упустить

³²⁹ Кабинет-секретарь императрицы, однофамилец знаменитых заводчиков, был сыном священника и поступил на государственную службу в 1709 году. В 1725 году был определен секретарем к генерал-фельдмаршалу Репнину, с 1735 года служит в Военной коллегии, а в Кабинет попал в 1742 году. Его «скаска»: РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора при Сенате). Оп. 1. Ед. хр. 439. Л. 196 – 196 об.

³³⁰ РГАДА. Ф. 8. Д. 2. Л. 1.

³³¹ Там же. Л. 5.

³³² Там же. Л. 8а.

³³³ РГАДА. Ф. 8. Д. 2. Л. 13.

время и тех оговорных, а з завтрашнего числа буду расспрашивать о всех их обстоятельствах и по роспросам когда их к вывозу нарочитая партия соберется»³³⁴.

Елизавета Петровна внимательно следила за расследованием, и, похоже, у нее были и другие источники информации, помимо Демидова. Она знала, что многие из «непотребных» жили в качестве «матрес» у ее ближайших сановников. Например, у камергера графа Федора Андреевича Апраксина (1703–1754), у барона Сергея Григорьевича Строганова (1707–1756). Очевидно, она подозревала, что благодаря связям многие из женщин могут избежать наказания и черпала информацию о расследовании из нескольких источников: «По писму вашему ее императорскому величеству донесено и изволила приказывать вам отписать, что известно ее величеству, якобы по улицам всяких девок и баб в подозрении объявления Дрезденшина хватают и посадя за караул паки отпускают не сыскав причины для чего хватаны, то чтобы того не было, о том указала вам подтвердить. Но токмо тех по указу ее величества брать, о коих явно по доказательству и по общему слуху известно, что обретаются в непотребстве»³³⁵. К 10 июля было задержано 70 женщин – докладывал Демидов³³⁶. Елизавета Петровна подробно инструктировала Василия Демидова о технике допроса и, подозревая, что чиновники Главной полицеймейстерской канцелярии могут быть небеспристрастны, специально оговаривала: «токмо при сих вопросах полицейским никому не быть. И им о том знать не давать. И что явитца, о том писать»³³⁷.

В определенной мере к созданию Комиссии подтолкнули обстоятельства. Демидов писал императрице, что арестованные содержатся в тесноте, а для проведения допросов буквально нет места: «в крепости ныне они со утеснением, все казематы в ревелине заняты. Как содержать, так и спрашивать их негде. И ныне то производитца в сарае»³³⁸. В том же письме от 12 июля Демидов выдвигает идею: «не соизволит ли ее императорское величество указать тое комисию производить в Калинкинском каменном доме, ибо он в стороне и во отдалении от города стал». Елизавета Петровна одобрила план, что не стало для Демидова, который понимал серьезность отношения императрицы к расследованию, неожиданностью. Уже 16 июля Комиссия работала на новом месте в каменном доме за Фонтанкой на месте деревни Калинкиной³³⁹. В этом же письме он приводил поразительную подробность: некоторые женщины, «а паче главная», очевидно, он имел в виду Анну Фелкер, жаловались чиновнику, вольно или не вольно воспроизводя троп протестантской этики о труде как средстве лечить душу, «что им без дела скучно; и понеже в том доме нашлось довольное число прядильных инструментов и льну готового, то приказал я им для забавы [пока следствие кончится и резолюция воспоследует] роздать немецкия прялки и протчие инструменты к тому принадлежащие, дабы хлеба не даром ели»³⁴⁰. Место было хорошо известно властям: сначала там располагалась основанная в 1718 году при Петре и довольно значительная по размерам казенная Екатерингофская полотняная мануфактура³⁴¹, затем с 1734 года полковой двор Измайловского полка, включая «полковую артиллерию и прочие тягости». В 1746 году было решено возобновить мануфактуру, потратив из казны на работу и материал 2698 рублей³⁴². Во главе производства поставили поручика Бориса Шаблыкина, впоследствии бессменного комиссара Калинкинского дома. Непо-

³³⁴ Там же. Л. 15.

³³⁵ Там же. Л. 45.

³³⁶ Там же. Л. 48.

³³⁷ Там же. Л. 52.

³³⁸ Там же. Л. 55; очевидно, имелся в виду Иоанновский рavelин Петропавловской крепости.

³³⁹ Это место известно с XVII века как финская деревня Кальюла. Русские поселенцы изменили название. См.: Исаченко 2002. С. 184.

³⁴⁰ РГАДА. Ф. 8. Д. 2. Л. 61 об.

³⁴¹ Мешалин 1940. С. 39–47.

³⁴² РГАДА. Ф. 8. Д. 1. Л. 60.

средственню запустить производство готовились летом 1750 года. Шаблыкин нанимал мастеров, совершал последние приготовления, среди которых значится и покупка 20 кнутов по 5 копеек каждый³⁴³. Помещения были просторными. Палаты Калинкинского дома обогревали 24 деревянных и каменных печи³⁴⁴.

Сыск тем временем постоянно продлился ввиду новой информации, поступавшей от задержанных. Так, Демидов, лично проводивший допросы, получив сведения о том, что многие «непотребные» скрываются в Кронштадте, 1 августа пишет в Главную полицмейстерскую канцелярию, побуждая провести рейды и там: «приказать по всем островам от полиции определенным командам таких непотребных жен и девок и сводниц смотреть и пристойным образом розведывая оных ловить и приводить в главную полицию, а оттуда з запискою присылать в комиссию в калинкинский дом»³⁴⁵. Активный сыск велся весь август. К концу месяца Демидов осознает, что первоначальные намерения выслать «иноземоков» вступают в противоречие в действительностью, учитывая, что среди задержанных оказывается множество местных женщин, некоторые из которых к тому же были замужем за местными жителями. Озабоченный этим, Василий Демидов пишет императрице 22 августа 1750 года: «И хотя Ваше Величество соизволили при посылке меня из Петергофа указать по окончанию следствия Дрезденшу наказав кнутом выслать за границу <...> но всем ли то учинить?»³⁴⁶ Перечисляя группы задержанных, он тут же сам предлагает решение: «мужья с женами и холостые и мужики и бабы, вдовы, також и самые блудницы девки, хотя немцы да поданные и уроженцы великороссийския. Не соизволите ли ваше величество указать сослать в Оренбург?»³⁴⁷ Елизавета Петровна «изволила сама все читать» – отмечает Черкасов в ответном письме Демидова, но на главный вопрос она не ответила: «о прочих по тому доношению делах дать никакой резолюции не изволила»³⁴⁸.

Комиссия между тем осваивалась на новом месте, вступая во взаимодействия с другими государственными ведомствами. Так, Комиссия обратилась в Санкт-петербургскую губернскую канцелярию с просьбой прислать «для содержания некоторых арестантов шестерых ножных желез з замками». Ответ свидетельствует о том, что для государственных служащих статус комиссии был непонятен, а вовлечение Елизаветы Петровны, по-видимому, неизвестным, что предопределило дерзкую резолюцию: «хотя таковые ножные железа и имеются, точию оные положены на содержащихся в остроге по важным делам колодниках, а излишних желез и замков, которые б можно было ныне в помянутую комиссию отпустить, при канцелярии не имеетца»³⁴⁹.

В ноябре 1750 года Демидов обращается к императрице намного более прямолинейно, представляя рад деталей. Он пишет, что в комиссии находится 193 человека и еще примерно 250 числятся в списках: «и ежели оные сысканы будут, то чрез них и еще большее число умножится <...> А и непотребных всех искоренить невозможно <...> Понеже по высочайшему вашего величества соизволению чрез ту комиссию таковые непотребные и с ними сообщающиеся в немалой уже страх приведены и тех их богу противные поступки весьма поутихли и немалою частью сокращены <...> Не соизволите ли ваше императорское величество приобщенной при сем формуляр указа всемилостивейше апробировать, дабы чрез то всяк мог ведать, что та комиссия уже окончилась, страх же впереди всегда останется»³⁵⁰. В проекте указа Демидов детально изложил действия, которые бы позволили закрыть следствие и распустить Комиссию,

³⁴³ РГАДА. Ф. 8. Д. 1. Л. 94.

³⁴⁴ Там же. Л. 93.

³⁴⁵ РГАДА. Ф. 8. Д. 2. Л. 92.

³⁴⁶ Там же. Л. 100.

³⁴⁷ Там же. Л. 100 об.

³⁴⁸ Там же. Л. 110.

³⁴⁹ Там же. Л. 115.

³⁵⁰ Там же. Л. 133 – 133 об.

среди них публичные наказания кнутом и плетью пойманных мужчин и женщин, «вдов и девок», то есть незамужних женщин, отправить в прядильную работу, а замужних вместе с супругами сослать в Оренбург, где последних определить в военную службу. Впоследствии Демидов еще дважды – в 1755 и 1758 годах – будет спрашивать у императрицы «указу», но ответа не последует³⁵¹. И хотя прямых свидетельств участия Елизаветы Петровны в деятельности Калинкинского дома в источниках начиная с 1751 года нет, очевидно, что она не забыла о его существовании. Более того, работа этого места, требовавшая немалых расходов, охраны, нанятых канцеляристов, – конечно, не могла обойтись без высочайшей, судя по всему, устной санкции³⁵².

Ни в Оренбург, ни «за море» заключенные не отправились. Часть из них выходила на протяжении всех девяти лет, а перед роспуском Калинкинского дома из него освободили последних арестантов – 70 женщин и 4 мужчин³⁵³. Условия, в которых они содержались, были исключительными в контексте пенитенциарной практики рассматриваемого периода.

«БЕЗ ПОНУЖДЕНИЯ»: ЗАКЛЮЧЕНИЕ В КАЛИНКИНСКОМ ДОМЕ

Уже в июле 1750 года Демидов поднял вопрос о лечении, в котором нуждались многие арестованные: «Для некоторого следствия имеется в Калинкинском каменном доме Комиссия и в ней немалое число арестантов, между которыми находятся больные, коим надлежит кровь пустить и болезни их осматривать и пользоваться, а лекаря нет, того ради имеет главная Медицинская канцелярия приказать определить, кого из лекарей с медикаментами, дабы по времени когда оной потребен, мог туда приезжать»³⁵⁴. Впоследствии он вел изнурительную переписку с Медицинской канцелярией для того, чтобы больные французской болезнью не оказались без медицинской помощи и инфекция не распространилась, добившись в результате визитов подлекаря³⁵⁵. В ноябре 1750 года лекарства (порошки, мази, капли, пластырь) принимали 81 человек³⁵⁶. Впрочем, до конца проблему медицинского ухода уладить не удалось, Демидов не платил Медицинской канцелярии, чем вызывал раздражение медиков. В конце концов обязанность была возложена на одного из арестованных – врача Иоганна Гинца³⁵⁷. Тем не менее очевидно, что для Демидова ответственность за здоровье подопечных была одной из первоочередных забот.

Содержание заключенных и приговоренных в XVIII веке описано в многочисленных источниках, суммировав которые, можно назвать несколько констант, характеризующих жизнь в застенке: теснота, духота, голод. И даже масштабный перевод Сысского приказа и острога при нем с 1752 года с Красной площади на окраину города – Калужский житный двор, где были возведены казармы для колодников, объяснялся не заботой о заключенных, а «исключением колодников из публичной жизни города»³⁵⁸. Устройство быта заключенных Калинкинского дома в этом контексте выглядит исключительно. Задержанных женщин и мужчин содержали в разных помещениях, больные размещались в «особливом покое». Арестантов не заковывали в кандалы, они имели возможность мыться в бане, работали по графику и получали за свой труд деньги, которые тратили в продуктовой лавке неподалеку. При заключенных женщинах

³⁵¹ Там же. Л. 152, 166.

³⁵² Расходы на канцеляристов несли те ведомства, откуда они были взяты. См.: РГАДА. Ф. 8. Д. 41. Л. 19 об.

³⁵³ РГАДА. Ф. 8. Д. 13. Л. 31.

³⁵⁴ РГАДА. Ф. 8. Д. 41. Л. 39.

³⁵⁵ Там же. Л. 48 – 48 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 54–56.

³⁵⁷ Там же. Л. 73 об. – 74. Впрочем, затем он был отлучен от этого, как «подозрительный» человек «в предрезостях», см.: РГАДА. Ф. 8. Д. 132. Л. 49 об.

³⁵⁸ Акельев 2012а.

дежурила «прядельная мастерица» (одна или несколько), помогавшая им в работе, а также токарь Иван Хаданов, чинивший сломанное оборудование. Во избежание конфликтов между двумя группами женщин-заключенных – русскими и иностранками – в итоге было организовано две прядельных: «русская» и «немецкая». Женщин определяли на работу не автоматически, этому предшествовало получение «назначения», включавшее осмотр у врача, а также беседу с комиссаром Борисом Шаблыкиным об обязанностях и особенностях работы. Так, на 30 января 1751 года, согласно «Реестру по комиссии Калинкинского каменного дому донные не назначенных в работу», четыре россиянки и 13 иностранок «назначения» не получили. Распокаясь бюджетом, Шаблыкин получал солидные суммы на развитие производства. Так, 7 ноября 1750 года Демидов приказал выдать ему 200 рублей «на фабричные расходы». Причем Демидов призывает не экономить и покупать качественный материал: «ручные трубы которые лутчее, а имянно буковые, кои хотя ценою повыше подрядных сосновых, однако могут быть прочные»³⁵⁹.

По-видимому, специфический характер заключения в какой-то мере осознавался колодниками – Шаблыкин регулярно жаловался на них Демидову: «Является к работе все малое число, не более 30 и 40 человек на день, но и те, не видя себе никакого страха, работают весьма ленокно, и понуждений, как моих, так и мастерицы, не слушают»³⁶⁰. Демидов инструктировал Шаблыкина в таких случаях лишать заключенных кормовых денег, составлявших 3 копейки в день³⁶¹, мужчин, которые уваливали от работы, он разрешил сечь кошками. Мужчины не работали на полотняном производстве, считавшемся исключительно женской работой, и в основном обслуживали дом: плотничали, рубили дрова, пилили камни. Те, кто владел ремеслом, находили работу в заключении. Например, портной Андрей Пумлин, арестованный за организацию «вечеринок» и сводничество, занимался починкой одежды караульных офицеров³⁶². Вместе с тем Демидов весьма четко высказался об ограничении физического насилия: «А к тому их принуждению давать комиссару помощи от команды, однако при том офицеру смотреть, чтобы в том принуждении *побои* никакие не имели»³⁶³. И хотя использование труда заключенных само по себе не являлась новшеством, занятость заключенных Калинкинского дома значительно отличалась от работ на каторге не только *содержанием* исполняемых работ, но и *отношением* власти к самим заключенным. Караульные офицеры, понимая специфический статус охраняемых субъектов, на многие вещи смотрели сквозь пальцы. Так, заключенные имели карандаши, бумагу, регулярно писали письма. Иногда они вместе развлекались. Накануне Нового года, 29 декабря 1750 года, женка Марфа Трофимова, «которая комедию играть умеет», переодевшись в солдатский мундир, плясала в караульной. Вечер закончился в кабаке у Калинкинского моста, где на свои деньги Марфа купила солдатам водки³⁶⁴. Сами заключенные заботились об условиях жизни и по возможности улучшали их. В 1756 году, когда «у двери петли казенные от ветхости изломались и от того была немалая стужа», арестанты по инициативе заключенной сводницы Устиньи Носовой собрали деньги на новые петли, а купить и установить их попросили другого заключенного – Матвея Косулина по прозвищу Колченогий, который отправил на Морской рынок солдата³⁶⁵. Организовывая свой быт и досуг, заключен-

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 8. Д. 8. Л. 13.

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 8. Д. 188. Л. 8.

³⁶¹ РГАДА. Ф. 8. Д. 81. Л. 38. Введение кормовых денег для колодников было осуществлено лишь в 1752 году не вошедшим в ПСЗ указом, который подтверждал предыдущий указ 1749 года, запрещавший водить колодников по улицам для сбора подаяния. Указ 1752 года повторно утверждал это положение и прописывал источники кормовых денег: «велеть довольствовать их по силе указов кормовыми деньгами тех, кои содержатся по интересным делам, выдачей из казны, а по челобитчиковым делам – от тех челобитчиков». См.: Акельев 2012б. С. 357–358.

³⁶² РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 128.

³⁶³ РГАДА. Ф. 8. Д. 188. Л. 9.

³⁶⁴ РГАДА. Ф. 8. Д. 187. Л. 114 – 114 об.

³⁶⁵ РГАДА. Ф. 8. Д. 186. Л. 19–20.

ные Калинкинского дома выступали как активные субъекты, а не пассивные объекты государственного контроля.

Еще одна важная деталь организации жизни в Калинкинском доме – отсутствие священника, хотя, согласно источникам, «имеется церковь Святыя Великомученицы Екатерины, при которой приделана деревянная колокольня»³⁶⁶. Тем не менее священник приходил в Калинкинский дом лишь в тех случаях, когда возникала нередкая необходимость крестить родившегося у арестантки ребенка или в случае смерти. Но ни о предписанных к исполнению покаяниях, ни об организации отправления религиозных обрядов заключенными в источниках не упомянуто ни слова. Например, при Сыскном приказе «для исповедания и увещевания колодников» служил священник и его имя вписано в расходные книги³⁶⁷.

Параллельно с работой Калинкинской комиссии женщин, уличенных в прелюбодеянии в Санкт-Петербурге, суд приговаривал к ссылке в Оренбург. Так, например, Дарья Григорьева, жена рейтара Михаила Бунина, за «безаконное ее лейб-гвардии Преображенского полка с солдатом Иваном Рябининым сожитие и прелюбодейство» в 1750 году сначала была отослана в духовную консисторию, а затем в губернскую канцелярию «для учинения ей наказания и ссылки в Оренбург»³⁶⁸. По-видимому, власти руководствовались Артикулом Воинским (артикул 170), применявшимся к женам военных и предписывавшим за прелюбодеяние ссылку на каторгу.

Очевидно, что и Елизавета Петровна, и власти низших инстанций на уровне интуиции разделяли такие эпизоды и следствие, которым занималась Калинкинская комиссия. Устройство Калинкинского дома и его особенности не были достаточно вербализованы, но отразили стихийно зреющую идею о наказании как об опыте, который может быть благотворным для арестанта. За этим стоял Василий Демидов, рекомендовавший в духе правосудия закрыть комиссию уже в 1750 году, ведь «страх же впереди всегда останется». Это предложение императрица отвергла, а комиссия была распущена лишь в 1759 году. Мотивы ее закрытия также не нашли отражения в документах. Скорее всего, императрица отдала устное распоряжение, как не раз делала на начальном этапе организации Калинкинского дома.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акельев 2012a — Акельев Е. В. «И впредь в Кремле колодников отнюдь держать не велеть»: эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII века // https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011435. 10.12.2012.

Акельев 2012б — Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира во времена Ваньки Каина. М., 2012.

Акельев 2018 — Акельев Е. В. «Сыщик из воров» Ванька Каин. Анатомия «гибрида» // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 257–304.

Анисимов 2000 — Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2000.

Исаченко 2002 — Исаченко В. Г. Архитектура Санкт-Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 2002.

Ковригина 1998 — Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М., 1998.

Кошелева 2004 — Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004.

³⁶⁶ РГАДА. Ф. 8. Д. 1. Л. 118.

³⁶⁷ Акельев 2012б. С. 37.

³⁶⁸ РГАДА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 21. Л. 390.

Мешалин 1940 – *Мешалин И. В.* Промышленность г. Новгорода в XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 39–47.

Очерки 1955 – Очерки истории Ленинграда. Период феодализма // Академия наук СССР, Институт истории. Л., 1955. С. 38–39.

Ролдугина 2016 — *Ролдугина И. А.* Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII века: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–71.

Семенова 1970 — *Семенова Л. Н.* Источник о первой в России переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 года) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. III. Л., 1970.

Семенова 1974 — *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.

Семенова 1998 — *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга. СПб., 1998.

Шаляпин 2013 — *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013.

Fedyukin 2017 — *Fedyukin I.* Sex in the City that Peter Built: The Demimonde and Sociability in Mid-Eighteenth Century St. Petersburg // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76 (4). P. 907–930.

Kushner 2015 – *Kushner N., Hafter D. H.* (Ed.) The Business of Being Kept. Elite Prostitution as Work // *Women and Work in Eighteenth-Century France*. Louisiana, 2015.

Raeff 1975 — *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80 (5). P. 1221–1243.

Город и тюрьма

Жюли Клостр и Пьер Брошар

ПАРИЖСКИЕ ТЮРЬМЫ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Новые пути исследования

Наше представление о тюрьмах средневекового Парижа в значительной степени искажено рассказами, которые создавались в основном в XIX веке. На протяжении XIX века тюрьма постепенно начинает доминировать в пенитенциарной сфере, что дает начало широкому описанию тюрем в качестве современного пенитенциарного института и появлению интереса к их предшествовавшей истории. В период, когда французское общество³⁶⁹ обсуждает повсеместное распространение тюремного наказания и другие юридические новации, особый интерес вызывают средневековые тюрьмы Парижа: он служит пищей для создания воображаемой картины городского дна, а также для ряда глубоких исследований³⁷⁰. В связи с этим в сфере внимания оказываются старинные места заключения, разрушенные в последние десятилетия XVIII или в начале XIX века: Фор-л'Эвек, Пти-Шатле³⁷¹, Бастилия и Гран-Шатле. Интерес к старым тюрьмам растет вместе с модой на Средневековье, так что они становятся важными символами «старого Парижа», наряду с собором Парижской Богоматери³⁷². Собственно археологический подход к старым тюрьмам остается в зачаточном состоянии – архитектор Эжен Виолле-ле-Дюк, прославившийся реставрацией стольких зданий французского Средневековья, интересуется постройками в Сенсе, Пьерфоне и Каркассоне, но не в Париже³⁷³, – зато воскрешением исторических тюрем Парижа настойчиво занимаются историки старого Парижа и судебных нравов³⁷⁴. Из заданной ими традиции описания пенитенциарных заведений прошлого необходимо одновременно взять лучшее и отмежеваться от порожденных ею искажений.

Литература о старинных тюрьмах Парижа являет две повторяющиеся характерные черты. С одной стороны, она составляет списки старинных тюрем, предлагая для каждой из них заметку, где собраны примечательные истории об известных заключенных, добытые из исторических хроник, – эта форма использована Жаком Иллерэ в его знаменитой работе 1956 года³⁷⁵. С другой стороны, труды, посвященные истории судебных порядков, опираются в основном на нормативную документацию (королевские указы и уложения тюрьмы Гран-Шатле)³⁷⁶. Таким образом, наука XIX века оставила в наследство привычку к фундаментальной шкале прочтения – в масштабе здания – и к двум типам документации – хроники и законодательные акты (уложения). Однако никто из историков не освоил эту тему, и мы не располагаем научным исследованием по тюрьмам средневекового Парижа, в отличие от тюрем Парижа XVIII века³⁷⁷. Безусловно, была изучена долговая тюрьма в том виде, в каком она практиковалась в Париже, а также некоторые административные инструменты, разработанные в этих парижских тюрь-

³⁶⁹ Petit 1990.

³⁷⁰ Kalifa 2013.

³⁷¹ Amalvi 2002; Alexander 2007; Fiori 2012; Claustre 2015. P. 63–64.

³⁷² Amalvi 2002; Alexander 2007; Fiori 2012; Claustre 2015. P. 63–64.

³⁷³ Viollet-le-Duc 1854–1868.

³⁷⁴ Dulaure 1829. P. 305–307; Leber 1838. P. 169; Desmaze 1866.

³⁷⁵ Hillairet 1956.

³⁷⁶ Claustre 2015.

³⁷⁷ Abdela 2019.

мах³⁷⁸, но еще многое предстоит сделать, чтобы создать общую историю тюрем средневекового Парижа³⁷⁹. В этой статье мы закладываем некоторую основу: сначала мы предлагаем краткий обзор ситуации – обширный, но не окончательный, затем даем пути его интерпретации. В основном здесь речь пойдет о различных уровнях анализа и осмысления документальных данных с целью создания основ аргументированной истории тюрем средневекового Парижа.

В МАСШТАБЕ ГОРОДА: «ГНЕЗДО УЗИЛИЩ И ТЕМНИЦ»?

Составить перечень средневековых тюрем Парижа – значит обнаружить «гнездо узилищ и темниц»³⁸⁰, хотя количество заключенных, продолжительность содержания под стражей и условия содержания имели мало общего с современными тюремными реалиями или даже с реалиями XVIII века³⁸¹.

Фактически, в стенах Парижа между XIII и XV веками подтверждено существование не менее 24 мест лишения свободы. Мы говорим здесь о местах, которые использовались для содержания под стражей на многолетней основе, а не спорадически, поскольку в любом более или менее крупном частном доме возможно было временное использование одного или нескольких помещений для задержания людей. Так случилось, например, в 1307 году при аресте парижских тамплиеров, когда несколько десятков из них были доставлены в парижские особняки Барбо, Прейи и особняк епископа Шалонского и содержались там три или четыре месяца³⁸². Общее количество мест заключения – 24 – не учитывает также тюрьмы монастырей и обителей, где содержались провинившиеся священнослужители³⁸³. Включенные в наш перечень церковные тюрьмы предназначались для содержания мирян, подпадающих под судебную юрисдикцию соответствующих церковных приходов. Наконец, предлагаемый новый список нельзя считать исчерпывающим и не исключено, что вскоре он может быть несколько пересмотрен в сторону увеличения.

Итак, в нижеследующей таблице мы собрали основную хронологическую информацию об этих местах содержания под стражей. В правом столбце указаны даты или дата, доказанная или весьма вероятная, первого использования в качестве тюрьмы для каждого из этих мест, известная благодаря архивным документам (картотеки, книги, судебные реестры и т. д.) и хроникам³⁸⁴. Таким образом, указанные даты являются самыми ранними из известных на сегодняшний день, но не исключено, что для некоторого количества тюрем эти даты могут отодвинуться еще дальше во времени.

Таблица. Места заключения Парижа, существование которых подтверждено в период Средневековья (XIII–XV века)

³⁷⁸ Claustre 2007; Claustre 2010; Claustre 2015.

³⁷⁹ Claustre 2007; Claustre 2010; Claustre 2015.

³⁸⁰ Alhoy, Lurine 1846. P. II.

³⁸¹ Abdela 2019. P. 14–19.

³⁸² Demurger 2015. P. 52.

³⁸³ Lusset 2017.

³⁸⁴ Подробные ссылки в: Claustre, готовится к публикации 1.

<i>Местонахождение</i>	<i>Первое использование в качестве тюрьмы</i>
Дворец острова Сите: Грос-тур/Консьержери	1265 ? 1339/1381
Гран-Шатле (Большой замок)	ок. 1154 ? 1214
Пти-Шатле, или Шатле дю Пти-Пон (Малый замок, или Замок у Малого моста)	1214
Донжон Лувра	1214
Сент-Антуанская Бастида, или Бастилия	1418
Фор-Левек	ок. 1230
Тюрьма канцлера Нотр-Дам	1213; окончание: 1222
Тюрьма епископского дворца, затем официала	1310 ? 1338
Тюрьма капитула Нотр-Дам	1251; 1261
Тюрьма Сен-Мерри	1253
Тюрьма Сен-Бенуа-ле-Бьентурне	1384 или даже 1364
Тюрьма Отель-Дье	1497
Тюрьма аббатства Сен-Жермен-де-Пре	1272
Тюрьма аббатства Сент-Женевьев	1252
Тюрьма капитула Сен-Марсель	1313
Тюрьма Тамплъ	1289
Тюрьма приората Сент-Элуа (Сите)	1418?
Тюрьма приората Сент-Элуа (правый берег Сены)	1274?
Тюрьма аббатства Сен-Мартен-де-Шан	ок. 1270; 1333
Тюрьма приората Сен-Дени-де-ла-Шарт	?
Тюрьма аббатства Сен-Виктор	1306
Тюрьма аббатства Сен-Маглуар	1269?
Тюрьма аббатства Тирон	1275
Тюрьма аббатства Монмартра	1317 или даже 1295

Собранные данные показывают, что у всех этих 24 мест содержания под стражей был разный возраст и разный срок существования. Так, на рубеже XIII–XIV веков насчитывается 18 тюрем на 250 000 жителей, а в конце XV века – 23 тюрьмы на 150 000 жителей: падение парижского населения стало следствием начавшейся в 1348 году пандемии черной чумы. Большинство из этих мест заключения, вероятно, было сооружено во второй половине XIII века – только четыре четко засвидетельствованы до 1250 года – и только в это время тюрьма становится для парижан привычным заведением. Эта хронология совместима с относительной пространственной концентрацией тюрем, расположенных в центре города, на острове Сите и на подступах к Сене, внутри городских стен XIII века. Но она, прежде всего, показывает, что не позже середины XIII века каждый более или менее значительный парижский дворянин имел у себя тюрьму. Действительно, из этих 24 тюрем, функционировавших между 1200 и 1500 годами, только пять – первая пятерка в таблице – были королевскими тюрьмами. Остальные в основном подчинялись церковным властителям города: епископу, капитулу собора Парижской Богоматери, монашеским или каноническим общинам, основанным до 1200 года. Нищенству-

ющие ордена, основанные в XIII веке и придерживающиеся принципов бедности и смирения, исключали отправление судебной практики.

Тюрьма как реалья в средневековом Париже была обозначена довольно нечетко, но при этом важно помнить, что ни одно из упомянутых мест заключения не предназначалось специально для выполнения тюремной функции: каждое из них возникло в результате приспособления одной или нескольких комнат в многофункциональном здании военного и/или судебного назначения, часто – крепости³⁸⁵ (Лувр, Гранд и Пти-Шатле, Тампль, Фор-л'Эвек, Бастилия, башни Пале-Рояля) и в котором часто размещался суд (Гран-Шатле, Фор-л'Эвек, Консьержери, Тампль, Пале-Рояль и т. д.). В Париже не предпринималось строительство специального тюремного здания, в отличие от Флоренции с ее тюрьмой «Стинчи», построенной около 1300 года³⁸⁶. Эта относительная неопределенность мест заключения, которая никоим образом не является специфической для Парижа, затрудняет определение их местоположения и датировку историком: с одной стороны, перепрофилирование или простое обустройство частей зданий оставляет мало документальных следов, а с другой стороны, на основании упоминания о разном заключении человека в каком-либо месте следует остерегаться делать выводы о систематическом и регулярном использовании этого места в качестве тюрьмы.

Кроме того, некоторые из этих мест, хотя и стали символом истории старых тюрем, похоже, использовались в этом качестве лишь изредка и для содержания заключенных исключительного статуса. Так, донжон Лувра и Бастилия были темницами для важнейших исторических персонажей, считавшихся врагами короля: графа Феррана в 1214 году при Филиппе II Августе, сторонников Арманьяков в 1418 году, епископа Верденского, кардинала Балю и Шарля д'Арманьяка при Людовике XI и т. д. Поэтому не следует считать их репрезентативными в качестве парижских тюрем.

Наконец, большинство из 24 отмеченных в документах тюрем были по-видимому небольшими. Если в некоторых из них было несколько тюремных помещений (около пятнадцати в Большом Шатле), если вместимость Большого Шатле в конце XV века превышала сотню заключенных, согласно тюремной книге 1488–1489 годов³⁸⁷, то другие, вероятно, сводились к одной комнате внутри здания (Сен-Бенуа, Сен-Маглуар). Все эти тюрьмы, бесспорно многочисленные, все же не образуют «систему цитаделей, предназначенных для содержания преступников», которую любит описывать историография XIX века³⁸⁸. Как же тогда понять значение и использование такой тюремной системы в средневековом Париже? Мы предлагаем здесь несколько методологических направлений: прежде всего, выбор определенного типа документа, затем методы чтения (ГИС и сетевой анализ) и, наконец, различные уровни анализа.

ВНУТРИ/СНАРУЖИ: АРЕСТОВЫВАТЬ ЛЮДЕЙ, ЧТОБЫ ВЛАДОВАТЬ НАД ГОРОДОМ

Приведенный выше обзор показывает, что с XIII века наличие тюрьмы считалось необходимым для всякого дворянина, претендующего на определенные права и на получение определенных доходов от своих подданных, и воспринималось как признак «благородства» и «суверенности, независимости»³⁸⁹, по словам Жака д'Аблежа, юриста XIV века, имевшего в равной степени отношение к тюрьме Шатле и к тюрьме аббатства Сен-Дени³⁹⁰. Поэтому множествен-

³⁸⁵ Telliez 2011.

³⁸⁶ Geltner 2008. P. 18.

³⁸⁷ Paris, Arch. Nat., Y 5266.

³⁸⁸ Alhoy, Lurine 1846. P. II.

³⁸⁹ Laboulaye, Dareste 1868. P. 94.

³⁹⁰ Claustre 2015.

ность парижских тюрем не должна удивлять: она – точное отражение распыленности феодальной власти в Париже или, скорее, инструмент локального дворянского соперничества: множество конкурирующих дворянских юрисдикций утверждали свои прерогативы на городском пространстве за счет содержания множества тюрем.

В контексте множественности полномочий по заключению в тюрьму, когда каждый вельможа стремился сохранить и даже расширить свою юрисдикцию, каждая тюрьма имела свой собственный радиус охвата – как пространственного, так и демографического. Это можно понять из реестра заключенных – типа документа, который возник в XIV веке и представляет собой «регистрационную книгу» (журнал или переплетенный том), в котором в хронологическом порядке записываются имена лиц, заключенных в тюрьму данного судебного подчинения³⁹¹. Регистры этого типа, периодически сохранявшиеся, сначала использовались историками судебной системы и преступности как источник данных о типах преступлений и правонарушений, а также о социологии девиантного поведения³⁹². Однако они могут быть мощными административными инструментами и даже настоящими социальными операторами, классифицируя арестованных и воздействуя на них путем публичного указания фамилий, места жительства, вида занятий, причины ареста, даты поступления и выхода на свободу, судебного решения. При рассмотрении с точки зрения эффективности их деятельности они позволяют понять, как юрисдикция далекого прошлого пыталась воздействовать на окружающее общество.

Из всех тюрем средневекового Парижа сохранились только один реестр заключенных Шатле и фрагменты другого реестра заключенных за 1412 год, а также реестр заключенных юрисдикции капитула Нотр-Дам за 1404–1406 годы (Arch. Nat. Z2/3118)³⁹³. Хотя сохранились только два непосредственных свидетельства по средневековому Шатле, мы смогли доказать, что ведение этих списков заключенных засвидетельствовано здесь не позднее, чем с 1320 года, то есть задолго до 1499 года, когда королевским указом была предписана систематическая регистрация заключенных³⁹⁴. Первые книги, сохранившиеся в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре и Консьержери-дю-Пале, датируются XVI веком, но мы знаем, что аналогичные реестры велись в епископальном церковном суде Парижа в XIV веке, самое позднее в 1385 году³⁹⁵. Таким образом, реестр заключенных является инструментом, принятым в значимом количестве парижских судов в конце Средневековья: в королевской юрисдикции Шатле, епископской юрисдикции церковного суда, капитулярной юрисдикции Нотр-Дама, даже королевской юрисдикции Консьержери и дворянской – Сен-Жермен-де-Пре.

На примере Шатле уже было показано, что при такой регистрации суд и его тюрьма действуют в рамках времени города³⁹⁶. Мы ставим себе здесь задачу показать, что тюрьма точно так же воздействовала и на городское пространство. Действительно, реестр 1488–1489 годов, к которому будет относиться исследование, не только указывает фамилии арестованных и судебных приставов, производивших арест, но и дает пространственную информацию: адрес проживания заключенного, а иногда и место ареста, с ориентацией относительно сети населенных пунктов округа (приходов) либо дорожной сети города (улицы, площади, мосты, перекрестки, порты). Таким образом, хотя в реестре заключенных ничего не говорится о распределении заключенных внутри тюрьмы, он содержит немало пространственных данных, касающихся арестов, произведенных королевскими приставами за пределами крепости Шатле. Эти дан-

³⁹¹ Bimbenet-Privat 1995.

³⁹² Gauvard 1991. P. 36; Chiffolleau 1984. P. 227.

³⁹³ Arch. Nat., Y 5266, 1488–1489; Gauvard et al. 1999; Arch. Nat. Z2/3118.

³⁹⁴ Claustre 2010; Ordonnances XXI, 197.

³⁹⁵ Bimbenet-Privat 1995; Petit 1919. P. 126.

³⁹⁶ Claustre (в печати 2); Schmitt 2016.

ные не задокументированы иным способом, поскольку рапорты, которые составляли приставы, не подлежали систематическому сохранению. Однако арест был очень конкретным способом проецирования власти в пространство. Способом тем более действенным, что сроки тюремного заключения были относительно короткими: в 1412 году, как и в 1488–1489 годах, доля заключенных, покинувших Шатле на следующий день, составляла 70%. Таким образом, опыт тюремного заключения во многом был связан с арестом. В этом смысле средневековое тюремное пространство, освоенное начиная с XIX века таким количеством выдуманных образов, не ограничивалось стенами тюрьмы, а распространялось, за счет действий приставов, на улицы города и дороги превожа. Разумеется, аресты были лишь частью пространственной деятельности судебных приставов: осуществляемые ими публичные призывы и оглашение документов³⁹⁷, торги с молотка, конфискация имущества и приведение осужденных к месту казни предполагали множество других перемещений. Но остальные действия приставов Шатле не так хорошо задокументированы, как аресты.

Вопросы, на которые пытается ответить наш анализ пространственных данных из судебной книги 1488–1489 годов, касаются территориального аспекта деятельности Шатле: были ли приставы распределены по географическим секторам, была ли их работа организована по пространственному принципу? Можно ли говорить о повсеместном присутствии королевской юрисдикции? Ответы на эти вопросы важны для выяснения того, как юрисдикция могла воспринимать и задавать городское пространство в конце Средневековья. В то время поимка людей была далеко не очевидным делом во многих регионах Европы, но при этом в иных местах она была мощным инструментом утверждения власти³⁹⁸.

Наши исследования, основанные на использовании одного образца из судебной книги Шатле 1488–1489 годов, носят предварительный характер. Полный судебный регистр насчитывает 220 листов и охватывает период с 14 июня 1488 года по 31 января 1489 года с пропуском дат 13–15 января между листами 204 и 205, при общем числе в 229 дней, 1874 задержаний и более 2500 узников. Выбранный образец соответствует 57 листам, 472 единицам текста за период с 30 сентября по 29 ноября 1488 года, то есть четверти от общего объема реестра, 26,6% от количества описанных дней функционирования и 1/4 от общего объема зарегистрированных задержаний. Транскрипция этих 57 листов позволила сформировать базу данных полуавтоматическим способом, сохранив только аресты, произведенные приставами (в основном работающими днем) и сторожами (ночью), и оставив в стороне записи, соответствующие срокам, объявленным в тюрьме уже заключенным туда задержанным. Арестов за пределами Шатле насчитывается 373, они касаются 512 заключенных и были произведены в основном 153 приставами (354 ареста) и, во вторую очередь, сторожами (19 арестов). Посмотрим на места, где действовали эти люди. По внутреннему пространству города сведения о местах ареста были стандартизированы и привязаны к уличной кодировке, предложенной платформой и ГИС ALPAGE³⁹⁹. Аресты, произведенные сторожами, очень специфические и немногочисленные⁴⁰⁰, были исключены из последующего анализа. Аресты, произведенные судебными приставами Шатле в октябре и ноябре 1488 года, были осуществлены на 101 проезде/дороге Парижа. Хотя делать окончательные выводы на основании двухмесячной выборки надо очень осторожно, карта 1, где фигурируют эти проезды, кажется весьма показательной. Она показывает, прежде всего, что люди Шатле действовали в масштабе всего города: задействованы оба берега Сены и остров Сите. Однако калибровка пространственной информации в регистре – средняя: места задержания указаны там по дорогам, гораздо реже по домам и вывескам (названиям

³⁹⁷ Novak 2021.

³⁹⁸ Prétou 2015; Roussel 2015; Grillo 2017.

³⁹⁹ <https://alpage.huma-num.fr>.

⁴⁰⁰ Об этом: Claustre (в печати 1).

лавок), которые к тому же было бы трудно привязать к местности, – так что карта 1, отражающая маршруты, преувеличивает размеры реального пространства действий приставов Шатле. Несмотря на такое документальное подспорье, явственно видны некоторые пробелы. При внимательном чтении можно выделить группы улиц, на которых приставы вообще не производят арестов: западная часть левого берега на дорогах аббатства Сен-Жермен-де-Пре, восточная часть города вокруг монастыря Нотр-Дам, северо-западная четверть правого берега на дорогах епископата⁴⁰¹. Это говорит о том, что права на дороги и проезды представляли собой нечто гораздо большее чем просто городское обременение для владевших ими дворян⁴⁰²: они также были связаны с властью арестовывать людей.

Карта 1. Проезды/дороги Парижа, на которых приставы Шатле осуществляют задержания

Пойдем дальше: организовывал ли Шатле эти аресты в пределах Парижа, и если да, то как? Находится ли это в пределах шестнадцати парижских кварталов, которые складываются между XIV и XVI веками и чьи военные и финансовые реалии хорошо известны в XIV и XV веках, но полицейские реалии зафиксированы менее четко?⁴⁰³ Наблюдая за улицами, где действуют наиболее активные приставы, мы видим, что их индивидуальное оперативное простран-

⁴⁰¹ Noizet et al. 2013.

⁴⁰² Weidenfeld 1996.

⁴⁰³ Descimon, Nagle 1979; Favier 1970; Guerout 1972; Thilliez 1946. P. 156; Vidoni 2018.

ство, видимо, не структурировано по кварталам, которые, кстати, и не упоминаются писарем тюрьмы в судебной книге. С другой стороны, выборка хорошо подкрепляет идею о том, что полицейская деятельность Шатле вписана в определенные географические секторы города с XV века⁴⁰⁴, но посредством действий «дознавателей» Шатле, то есть следователей, количество которых было установлено в 16 человек, и эта цифра совпадает с числом кварталов. Так, 69 арестов произведены приставами «под началом» 13 дознавателей, то есть в рамках расследований, проведенных этими уполномоченными по проведению расследования, и, по всей видимости, каждый из этих дознавателей работал преимущественно в определенном секторе города. В Париже наиболее активными следователями (три и более ареста) были Гийом дю Валь де Мерси и Жан Гийебоном в северо-восточной четверти, Николя Пуассонье на южном берегу.

Особым представляется случай Пьера Ассайи, который ведет активную деятельность на обоих берегах и на острове, но оказывается, что сам он личность отнюдь не типичная: бывший секретарь дофина Людовика был назначен внештатным дознавателем (вдобавок к 16 существующим) в Шатле после того, как дофин взойшел на престол⁴⁰⁵.

Таким образом, представляется, что та часть работы приставов по аресту людей, которая выполнялась по представлению дознавателей (то есть пятая часть работы), вписывается в определенные пространственные рамки. Эти наблюдения наводят на мысль, что организация арестов могла строиться в основном по принципу связей, а во вторую очередь – географии: эту гипотезу позволяет подтвердить сетевой анализ.

Поэтому были закодированы отношения пристава/приставы (отношения по объединению между приставами, производящими аресты вместе) и отношения сержант/дознаватель (приказные отношения между дознавателями и приставами). В составленном графике не учитываются аресты, произведенные одним сержантом, в количестве 152 человек (42% случаев). С другой стороны, учитываются аресты, произведенные как в Париже, так и за его пределами. Затем на том же графике были представлены эти отношения как множество граней, пристава и дознаватели были представлены в виде пучков (в форме человеческой фигурки для первых и креста для вторых), чтобы оценить всю систему сотрудников Шатле, состоящую из дознавателей и приставов.

На этом графике мы видим небольшое количество малых изолированных сообществ – шесть небольших команд, насчитывающих 17 человек в общей сложности – и большое, многочисленное и тесное сообщество, насчитывающее 136 приставов и 13 дознавателей. В центре последнего – ядро из примерно 30 приставов и 4 очень активных дознавателей. Фактически, с одной стороны, всего 27 приставов проводят половину задержаний, а 32 производят как минимум 7 арестов каждый. Они также составляют повторяющиеся команды приставов, то есть команды, дважды или более действующие в данной выборке. К этому ядру из примерно тридцати приставов время от времени добавляется еще сотня человек. С другой стороны, это ядро тесно связано с дознавателями Гийомом дю Валь де Мерси, Жаном Гийебоном, Филиппом Дю Фур и Пьером Ассайи, причем последний даже занимает центральное место на графике. Другими словами, группа из представленных в выборке 153 приставов, по-видимому, опирается на структуру из примерно тридцати очень активных приставов, возможно, практически профессиональных, которыми руководят дознаватели, над которыми стоит еще сверхштатный дознаватель, назначенный королем. Следовательно, мы можем думать, что организация деятельности по задержанию носит, прежде всего, иерархический и личностный характер и, во вторую очередь, топографический, поскольку, по всей видимости, к секторам города в большей степени привязаны дознаватели, а не пристава. Таким образом, распространение юрисдикции Шатле на пространство Парижа, если его рассматривать на примере такого специфического

⁴⁰⁴ Thilliez 1946. P. 156.

⁴⁰⁵ La Mare 1705. I. P. 192.

действия, как арест, по-видимому, строится скорее на логике личных отношений, структурирующей группы ее служителей, чем на топографическом прочтении этого городского пространства в целом, которое однако же намеком задается этой институцией. Эту гипотезу, основанную на выборке, представляющей 1/5 судебного регистра, стоило бы все же проверить на книге в целом.

Связи между приставами и дознавателями Шатле, производящими аресты

НА МИКРОЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ДИНАМИКА ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА С ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Если благодаря деятельности приставов и королевских дознавателей тюрьма Шатле действовала в масштабе всего города, то со всеми остальными парижскими тюрьмами дело обстояло иначе. Множественность парижских тюрем позволяет по-новому взглянуть на средневековый правовой плюрализм⁴⁰⁶ с помощью многоуровневого подхода: средневековые права, которые осуществлялись в одних и тех же пространствах, не все действовали в одинаковых масштабах, и конкуренция дворянских прав, царившая в Париже, частично была структурирована причудливой системой уровней. Поэтому в этой последней части мы рассмотрим функционирование тюремного плюрализма на другом уровне и с другими типами документов. Мы возьмем в качестве примера одну из зон, куда, видимо, не простиралась деятельность приставов Шатле в 1488 году, – восточную часть острова Сите, окрестности собора Нотр-Дам, с четырьмя тюрьмами, созданными двумя сеньорами, епископом и кафедральным капитулом.

⁴⁰⁶ Arabeyre, Poncet 2019.

В качестве сеньора епископ имел в Париже своего прево, который одновременно управлял его доходами и судил его подданных. *Кирия* этого епископского прево, его суд, рассматривающий гражданские и уголовные дела, заседала в здании Фор-л'Эвек, расположенном на набережной правого берега, напротив Пале-Рояля и в 300 метрах от Королевского Шатле. Именно здесь располагались знаменитые епископские тюрьмы вплоть до 1674 года, когда они стали королевскими⁴⁰⁷. Но у епископа были, ближе к собору, другие тюрьмы, менее известные историографии и более трудные для определения. У него действительно были тюрьмы во дворце на острове Сите, перестроенном, когда на его южном фланге началось строительство готического собора, несколько раз расширявшемся и по-новому обустраиваемом в последующие столетия. Эти тюрьмы использовались для содержания под стражей мужчин и женщин, осужденных прево или официалом. Последний был судьей, назначенным епископом для собственно церковных и духовных дел. Суд этого официала оформился в самом начале XIII века, первое известное свидетельство использования печати суда официала датируется 1205 годом⁴⁰⁸. Под него подпадали священнослужители, не принадлежащие к религиозным общинам отдельной юрисдикции, а также миряне за все проступки, имеющие отношение к вере и таинствам⁴⁰⁹: богохульство, участие в мессе, крещение, брак... Между серединой XIII и началом XIV века документация иногда плохо разграничивает тюрьмы епископского дворца, тюрьмы епископа и тюрьмы, где содержались по приговору официала или церковного суда, поэтому мы с большой осторожностью указывали дату для этой епархиальной тюрьмы в предыдущей таблице (первая половина XIV века). Но окрестности Нотр-Дама были местом отправления собственно церковного правосудия епископа, а его удельное (в качестве сеньора-распорядителя земельного удела) правосудие отправлялось в другом месте – на правом берегу в Фор-л'Эвек и в деревнях, которыми он владел в окрестностях Парижа.

Окрестности Нотр-Дама также были сектором, где располагались судебные участки капитулярного удела, хотя капитул имел и местные отделения за пределами города, в деревнях, которыми он владел. Первой засвидетельствованной тюрьмой, связанной с капитулом собора, является тюрьма канцлера, одного из восьми сановников капитула, которая была запрещена папой начиная с 1222 года и снова запрещена в 1231 году, в то время как этот канцлер Нотр-Дама претендовал на отправление правосудия в отношении магистров и студентов только что созданного Парижского университета. По-видимому, он прожил очень недолго: первое свидетельство его существования относится к 1213 году⁴¹⁰.

Во второй половине XIII века, хотя капитул мог сам выносить судебные решения в ходе трех еженедельных собраний, где по уставу собирались пять десятков его членов, капитул добавил себе значительный штат судебных работников, под началом судьи, называемого мирским казначеем. Он содержал свою тюрьму на острове Сите, сначала, в середине XIII века, примыкавшую к его погребам, затем переведенную на улицу Сен-Пьер-о-Беф, менее чем в 50 метрах от монастыря Нотр-Дам⁴¹¹. Такое закрепление тюрьмы на острове Сите было хорошим способом для капитула поддерживать в своей юрисдикции восточную часть острова, в противовес епископу, в основном распоряжавшемуся на правом берегу (его удельная юрисдикция на острове Сите была очень узкой, но для церковного суда имела отдельную тюрьму⁴¹²). Фактически, повседневная охрана большей части собора и его окрестностей осуществлялась приставами капитула, а не приставами епископа. Кроме того, церковные суды трех архидиа-

⁴⁰⁷ Funck-Brentano 1912.

⁴⁰⁸ Tryoen Laloum 2020. P. 126.

⁴⁰⁹ Donahue 2007.

⁴¹⁰ Denifle 1889, n°16, 75.

⁴¹¹ Bloch 1996; Noizet 2016. 48 fig. 9.

⁴¹² Noizet 2016.

конов Парижа, Жозаса и Бри, которые дополняли деятельность епископального церковного суда в масштабе Парижской епархии, не имели своей собственной тюрьмы, и они использовали не тюрьму церковного суда епископата, а тюрьму капитула, полноправными членами которой являлись архидиаконы⁴¹³. Это неизбежно усиливало активность этой тюрьмы, способствовало циркуляции людей в ее окрестностях и делало юрисдикционную власть капитула на острове Сите ощутимей.

Наконец, четвертая тюрьма, чье существование подтверждено в конце XV века в окрестностях Нотр-Дама, также состоит под началом ее капитула. Действительно, госпиталь Отель-Дье, соседствовавший с епископским дворцом на его западной стороне, имел собственную тюрьму, предназначенную для персонала, состоящего из нескольких десятков монахов, монахинь и obsługi⁴¹⁴. Однако с начала XI века он находился под непосредственным началом капитула и оставался в этом состоянии до начала XVI века. Кристина Жеанно рассказала о конфликте, который возник в конце XV века между капитулом и Отель-Дье, поскольку капитул в 1482 году вознамерился реформировать больничную общину⁴¹⁵. Создание капитулом в стенах Отель-Дье новых тюрем, где плохо обращались с монахинями, сыграло значительную роль в эскалации этого конфликта в 1497–1498 годах⁴¹⁶, что привело к тому, что в последующие десятилетия капитул был отстранен от надзора за больницей, который был передан городу и аббатству Сен-Виктор.

Строительство и обустройство новых тюрем, как средство продемонстрировать присутствие сеньора: канцлер Нотр-Дама опробовал эту тактику в начале XIII века, капитул снова проделал это в конце XV века относительно персонала больницы Отель-Дье. Обе попытки не увенчались успехом – папа в первом случае и парламент во втором потребовали отказаться от этих тюрем. Но они показывают важность, придаваемую местам заключения в микролокальном масштабе именно здесь, на восточной оконечности острова Сите. Концентрация внимания на тюрьмах, возможно, выражена в этом пространстве тем более, что два доминирующих владельца, епископ и капитул собора, не могли соперничать в вопросе о месте исполнения смертной казни. В самом деле, у капитула была своя лестница правосудия около порта Сен-Ландри, в сторону севера в непосредственной близости от монастыря, а лестница правосудия епископа располагалась на паперти собора, но ни один из них не имел виселицы ни на острове Сите, ни вообще в Париже⁴¹⁷. Каменная арочная виселица епископа располагалась в Сен-Клу, а виселица капитула – в Мон-сюр-Орж⁴¹⁸. Не имея возможности проводить смертную казнь в Париже, епископ и капитул следили за тем, чтобы там действовали тюрьмы, где проявлялась их власть над мужчинами и женщинами того времени.

Таким образом, в микролокальном масштабе конкуренция между сеньорами, по-видимому, сыграла важную роль в расширении системы городских тюрем. Наверняка так же обстояло дело и в масштабах всего города. Эта динамика не исключала всякого рода сотрудничества. Например, когда священнослужители, арестованные королевскими приставами, доставлялись в церковный суд или когда прево был вынужден использовать «тюрьмы, арендованные у Консьержери или в других местах Парижа»⁴¹⁹. Доминировало соперничество между сеньорами за установление своего права арестовывать людей, но, вероятно, оно смягчалось актами сотрудничества, которые иногда были необходимы, чтобы социальная жизнь не тормозилась жесто-

⁴¹³ Pommeray 1933; Lefebvre-Teillard 1973; Vondrus-Reissner 1988; Vann Sprecher 2016.

⁴¹⁴ Coynecque 1889. P. 27, 54.

⁴¹⁵ Jehanno 2013.

⁴¹⁶ Jehanno 2011. P. 533–534; Coynecque 1889. Pièce XII, 322.

⁴¹⁷ Gauvard 2018. P. 26.

⁴¹⁸ Ecorchard 2020. Annexe.

⁴¹⁹ Tuetey 1903–1915. II. P. 274.

ченными конфликтами юрисдикций, как это иногда случалось – например, в Альби в конце XIII века между епископом и королем⁴²⁰.

Видимо, придется еще расширить фокус исследования и учесть не только уровень города и его предместий, включая Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Марсель. Действительно, с одной стороны, разумно было бы использовать региональный масштаб. Когда в 1308 году разобщали тамплиеров, арестованных в Париже осенью предыдущего года, то их отправляли в два других места в городе, а также в двадцать пять населенных пунктов Иль-де-Франса, Нормандии, Пикардии и в окрестности Санса⁴²¹. Помимо этого исключительного эпизода, большинство сеньоров, содержавших тюрьмы в Париже, располагали владениями во всем парижском регионе или даже за его пределами и создавали в некоторых своих деревнях, иногда очень рано, системы правосудия. Так аббатство Сент-Женевьев начиная с 1224–1225 годов имело тюрьму на своих землях Рони, жители которой оспаривали свою феодальную зависимость от аббатства⁴²². Взаимное подчинение и разделение обязанностей между этими различными местами заключения одних и тех же сеньоров заслуживает более тщательного изучения. А карьера такого деятеля, как Жак д'Аблеж, написавшего одно тюремное уложение для аббатства Сен-Дени и другое для Шатле в Париже, подтверждает уместность регионального масштаба⁴²³. С другой стороны, по крайней мере две парижские тюрьмы распространялись на более обширную территорию, если не на королевство, по крайней мере на его северную половину: Консьержери, тюрьма Парламентского суда и Шатле, ряд их прево обозначались как «реформаторы, судьи и особые уполномоченные» в области особо тяжких преступлений в масштабах всего королевства⁴²⁴.

Париж с его 24 тюрьмами позднего Средневековья во многих отношениях может показаться исключительным случаем: в масштабе средневековой Европы столица французского королевства была демографическим монстром. Но выдвинутые здесь предположения на уровне города и на уровне части квартала, вероятно, применимы к другим городам. Складывается впечатление, что XIII век обозначает некий порог в обустройстве тюрем⁴²⁵. Феодальное соперничество проявлялось также и в способности сеньоров содержать места заключения, направлять большое количество людей на улицы для проведения арестов, создавая таким образом свое собственное пространство власти. Парижская документация того времени немногословна в описании внутреннего устройства тюрем, но больше пишет о самом факте их существовании и об арестах и по-своему доказывает, что функция тюремного заключения, мыслимая в то время как функция непосредственного спасения души, осуществлялась как внутри тюрьмы, так и за ее стенами.

Перевод с французского Аллы Беляк

СОКРАЩЕНИЯ

Arch. Nat. – Archives nationales de France/Национальный архив Франции.

BNF – Bibliothèque nationale de France/Национальная библиотека Франции.

⁴²⁰ Biget 2014.

⁴²¹ Demurger 2015. P. 91.

⁴²² Bloch 1996. P. 250.

⁴²³ Claustre 2015.

⁴²⁴ Ordonnances VIII. P. 443; XIII. P. 509–510.

⁴²⁵ Heullant-Donat et al. 2011. P. 24–32.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alexander 2007 – *Alexander M.* Medievalism. The Middle Ages in modern England. New Haven; Londres, 2007.
- Alhoy, Lurine 1846 – *Alhoy M., Lurine L.* Les prisons de Paris. Paris, 1846.
- Amalvi 2002 – *Amalvi C.* Le goût du Moyen Âge. Paris, 2002.
- Arabeyre, Poncet 2019 – *Arabeyre P., Poncet O.* (Ed.) La Règle de l'unité ? Le juge et le droit dans la France moderne (XVe–XVIIIe siècle). Paris, 2019.
- Biget 2014 – *Biget J-L.* La justice temporelle des évêques d'Albi aux XIIIe et XIVe siècles // Fourniel B. (Ed.) La justice dans les cités épiscopales du Moyen Âge à la fin de l'Ancien régime. Toulouse, 2014. P. 101–126.
- Bimbenet-Privat 1995 – *Bimbenet-Privat M.* Écrous de la justice de Saint-Germain-des-Prés au XVIe siècle. Paris, 1995.
- Bloch 1996 – *Bloch M.* Blanche de Castille et les serfs du chapitre Notre-Dame // Rois et serfs et autres écrits sur le servage. Paris, 1996. P. 206–244.
- BNF Fr. 10816 – Jacques d'Ableiges. Grand coutumier de France. Paris, BNF Fr. 10816.
- Chiffolleau 1984 – *Chiffolleau J.* Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle. Paris, 1984.
- Claustre 2010 – *Claustre J.* Écrits du guichet. L'avènement d'un gouvernement des détenus au XIVe siècle // Foronda F., Barralis C., Sère B. (Ed.) Violences souveraines au Moyen Âge. Travaux d'une école historique. Paris, 2010. P. 91–100.
- Claustre 2015 – *Claustre J.* Les règlements de geôle médiévaux. Jalons pour l'étude d'un genre // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F. (Eds.) Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (IVe–XIXe siècle). Paris, 2015. P. 63–87.
- Claustre (в печати 1) – *Claustre J.* Les espaces carcéraux de Paris // Charageat M., Claustre J., Lusset E., Vivas M. (Ed.) Les espaces carcéraux au Moyen Âge: approche interdisciplinaire des territoires et des matérialités de l'incarcération médiévale. Bordeaux, 2023.
- Claustre (в печати 2) – *Claustre J.* Le temps des écrous (Châtelet de Paris, XIVe–XVe siècle) // Andrieu E., Delivré F., Morsel J., Theis V. (Ed.) Le pouvoir des listes au Moyen Âge III – Temps et espace. Paris, 2023.
- Cohen 1996 – *Cohen E.* Peaceable domain, certain justice. Hilversum, 1996.
- Demurger 2015 – *Demurger A.* La persécution des Templiers. Journal (1305–1314). Paris, 2015.
- Descimon, Nagle 1979 – *Descimon R., Nagle J.* Les quartiers de Paris du Moyen Âge au XVIIIe siècle. Evolution d'un espace plurifonctionnel // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. 1979. P. 34–35.
- Desmaze 1866 – *Desmaze C.* Les pénalités anciennes. Supplices, prisons et grâce en France d'après des textes inédits. Paris, 1866.
- Donahue 2007 – *Donahue C.* Law, Marriage, and Society in the Later Middle Ages. Arguments About Marriage in Five Courts. Cambridge, 2007.
- Dulaure 1829 – *Dulaure J-A.* Histoire physique, civile et morale de Paris, depuis les premiers temps historiques jusqu'à nos jours. T. 4. Paris, 1829.
- Ecorchard 2020 — *Ecorchard L.* Les lieux de justice parisiens à la fin du Moyen Âge. Structures, usages et symboliques. Mémoire de Master 2 soutenu à l'université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. 2020.

Favier 1970 – *Favier J.* Les contribuables parisiens à la fin de la guerre de Cent Ans. Les rôles d'impôt de 1421, 1423 et 1438. Genève, 1970.

Fiori 2012 – *Fiori R.* L'invention du vieux Paris. Naissance d'une conscience patrimoniale dans la capitale. Wavre, 2012.

Funck-Brentano 1912 – *Funck-Brentano F.* La Bastille des Comédiens: Le For l'Evêque. Les Comédiens au For l'Evêque // Bulletin de la société d'histoire du théâtre. 1912. Vol. 3–4. P. 3–94.

Gauvard 1991 – *Gauvard C.* «De grace especial». Crime, État et société en France à la fin du Moyen Âge. Paris, 1991.

Gauvard 2018 – *Gauvard C.* Condamner à mort au Moyen Âge. Paris, 2018.

Gauvard et al. 1999 – *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A.* Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre d'écrous de 1412 // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1999. Vol. 157. P. 567–606.

Geltner 2008 – *Geltner G.* The Medieval Prison. A Social History. Princeton, 2008.

Grillo 2017 – *Grillo P.* Du cri à la patrouille: l'ordre public dans les communes italiennes (1250–1350) // Revue historique. 2017. Vol. 682. P. 251–266.

Guérout 1972 – *Guérout J.* Fiscalité, topographie et démographie à Paris au Moyen Âge // Bibliothèque de l'école des chartes. 1972. Vol. 130. P. 33–129.

Heullant-Donat et al. 2011 – *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* Introduction // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) Enfermements. Le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle). Paris, 2011. P. 15–35.

Hillairet 1956 – *Hillairet J.* Gibets, piloris et cachots du vieux Paris. Paris, 1956.

Jehanno 2011 – *Jehanno C.* Entre le chapitre cathédral et l'hôtel – Dieu de Paris: les enjeux du conflit de la fin du Moyen Âge // Revue historique. 2011. Vol. 659. P. 527–559.

Jehanno 2013 – *Jehanno C.* La cathédrale Notre-Dame et l'Hôtel-Dieu de Paris au Moyen-Âge: l'histoire d'une longue tutelle // Giraud C. (Ed.) Notre-Dame de Paris 1163–2013. Turnhout, 2013. P. 403–418.

Kalifa 2013 – *Kalifa D.* Les bas-fonds. Histoire d'un imaginaire. Paris, 2013.

Laboulaye, Dareste 1868 – *Laboulaye E., Dareste R.* (Ed.) Grand coutumier de France. Paris, 1868.

Lamare 1705 – *Lamare N. de.* Traité de la police. Paris, 1705–1738.

Leber et al. 1838 – *Leber C., Salgues J.-B., Cohen J.* Collection des meilleures dissertations, notices et traités particuliers relatifs à l'histoire de France: composée en grande partie de pièces rares ou qui n'ont jamais été publiées séparément, pour servir à compléter toutes les collections de mémoires sur cette matière. T. XIX. Paris, 1838.

Lefebvre-Teillard 1973 – *Lefebvre-Teillard A.* Les officialités à la veille du Concile de Trente. Paris, 1973.

Lusset 2017 – *Lusset E.* Crime, châtimement et grâce dans les monastères au Moyen Âge (12e–15e siècle). Turnhout, 2017.

Mercier 1783 – *Mercier L.-S.* Tableau de Paris. T. VI. Amsterdam, 1783.

Noizet 2016 – *Noizet H.* Dominer l'île de la Cité: Les espaces du pouvoir seigneurial du chapitre de Notre-Dame // Backouche I. et al. (Ed.) Notre-Dame et l'Hôtel de Ville: incarner Paris du Moyen Âge à nos jours. Paris, 2016. P. 33–51.

Noizet et al. 2013 – *Noizet H., Bove B., Costa L.* (Ed.) Paris de parcelles en pixels. Analyse géomatique de l'espace parisien médiéval et moderne. Paris, 2013.

Novak 2021 – *Novak V.* L'espace du cri à Paris aux XIVe–XVIe siècles: recherches sur les «lieux accoutumés» // Revue historique. 2021. Vol. 696.

Ordonnances – *Ordonnances des rois de France de la 3e race.* 21 vol. Paris, 1723–1849.

Petit 1919 – *Petit J.* (Ed.) *Registre des causes civiles de l'officialité épiscopale de Paris, 1384–1387.* Paris, 1919.

Petit 1990 – *Petit J.-G.* *Ces peines obscures. La prison pénale en France (1780–1875).* Paris, 1990.

Pommeray 1933 – *Pommeray L.* *L'officialité archidiaconale de Paris aux XVe et XVIe siècles.* Paris, 1933.

Prétou 2015 – *Prétou P.* *La prise de corps à la fin du Moyen Âge: pistes et remarques sur l'interaction avec la foule // Chauvaud F., Prétou P. (Ed.) L'arrestation. Interpellations, prises de corps et captures depuis le Moyen Âge.* Rennes, 2015. P. 29–43.

Roussel 2015 – *Roussel D.* *La légitimité de la contrainte à l'épreuve de la rue: les sergents et la prise de corps à Paris au début de l'époque moderne // Chauvaud F., Prétou P. (Ed.) L'arrestation. Interpellations, prises de corps et captures depuis le Moyen Âge.* Rennes, 2015. P. 45–62.

Schmitt 2016 – *Schmitt J.-C.* *Les rythmes au Moyen Âge.* Paris, 2016.

Tanon 1877 – *Tanon L.* *Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs, à Paris, au XIVe siècle.* Paris, 1877.

Tanon 1883 – *Tanon L.* *Histoire des justices des anciennes églises et communautés monastiques de Paris.* Paris, 1883.

Telliez 2011 – *Telliez R.* *Geôles, fosses, cachots... Lieux carcéraux et conditions matérielles de l'emprisonnement en France à la fin du Moyen Âge // Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E. (Ed.) Enfermements. Le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle).* Paris, 2011. P. 169–182.

Thilliez 1946 – *Thilliez P.* *Les commissaires au Châtelet de Paris des origines à 1560 // Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1922 pour obtenir le diplôme d'archiviste paléographe.* Paris, 1946.

Tryoen Laloum 2020 – *Tryoen Laloum L.* *L'écrit au chapitre de Notre-Dame de Paris au XIIIe siècle. Thèse soutenue à l'université Versailles.* Saint-Quentin, 2020.

Tuetey 1903–1915 – *Tuetey A.* *Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris, 1417–1435.* Paris, 1903–1915.

Vann Sprecher 2016 – *Vann Sprecher T. D.* *The Marketplace of the Ministry: The Impact of Sacerdotal Piecework on the Care of Souls in Paris, 1483–1505 // Speculum.* 2016. Vol. 91–1. P. 149–170.

Vidoni 2018 – *Vidoni N.* *La police des Lumières. XVIIe–XVIIIe siècle.* Paris, 2018.

Viollet-le-Duc 1854–1868 – *Viollet-le-Duc E.* *Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle.* Paris, 1854–1868.

Vondrus-Reissner 1988 – *Vondrus-Reissner J.-G.* *Présence réelle et juridiction ecclésiastique dans le diocèse de Paris (fin Xvème – 1530) // Histoire, Économie et Société.* 1988. Vol. 7. P. 41–53.

Weidenfeld 1996 – *Weidenfeld K.* *La police de la petite voirie à Paris à la fin du Moyen Âge.* Paris, 1996.

Александр Воробьев
МОСКОВСКИЕ БОЛЬШИЕ ТЮРЬМЫ В XVII ВЕКЕ
Организация и административные практики

Одной из черт Московского царства как централизованного государства стало оформление и усложнение организации, приведение в систему многих институтов общества, среди которых были и пенитенциарные учреждения. Самой крупной и значительной из тюрем XVI – начала XVIII века были так называемые Московские большие тюрьмы⁴²⁶.

История изучения Московских больших тюрем началась совсем недавно. Несмотря на то что еще дореволюционные исследователи, безусловно, знали об этом учреждении и упоминали его на страницах своих трудов⁴²⁷, специальных трудов о нем до сих пор не существует. Лишь в последнее десятилетие благодаря работам А. В. Сумина и автора данной статьи история этой столичной пенитенциарной институции постепенно стала приобретать очертания и наполняться фактическим материалом⁴²⁸.

Гораздо больше в историографии повезло столичным тюрьмам XVIII века, которые пришли на смену Московским большим тюрьмам. До революции о подведомственных Сыскному приказу (1730–1763)⁴²⁹ тюрьмах писали Н. Е. Северный и А. А. Голубев⁴³⁰, но затем вплоть до недавнего времени тема эта была забыта. Ситуация изменилась благодаря многочисленным работам Е. В. Акельева по истории преступности и тюрем в Москве XVIII века⁴³¹.

Особенности истории изучения пенитенциарных учреждений столицы по большей части объясняются количеством и характером сохранившихся источников. Если, изучая тюрьму XVIII века, историк может опереться на подлинное делопроизводство Сыскаго приказа, управлявшего ею, то, исследуя деятельность Московских больших тюрем, приходится полагаться на источники, напрямую с ней не связанные. Архив Разбойного приказа⁴³², которому были подведомственны Московские большие тюрьмы, сохранился очень плохо, однако эту лакуну можно отчасти компенсировать имеющимися документами из канцелярий других учреждений, которые вели переписку с приказом по вопросам, связанным с функционированием данных тюрем.

Основная задача данной статьи состоит в том, чтобы дать общее представление об истории Московских больших тюрем и бытовавших в ней административных практиках. Изложенные факты, помимо прочего, могут быть использованы для компаративных исследований пенитенциарных учреждений разных стран. Это направление представляет особенный интерес, поскольку Н. Ш. Коллманн не так давно убедительно показала, что Европа и Россия в целом двигались к строительству империи одинаковыми маршрутами, характерными для большинства государств Нового времени⁴³³. Насколько вывод, сделанный Коллманн, будет применим к пенитенциарным учреждениям России и Европы? Насколько много сходства обнару-

⁴²⁶ Это учреждение не имело постоянного названия. В источниках оно еще часто называлось тюрьмами или тюремным двором.

⁴²⁷ См., например: Забелин 1895. С. 387.

⁴²⁸ Воробьев 2012; Сумин 2019.

⁴²⁹ Не следует путать это учреждение с Разбойным (Сыскным) приказом, который был упразднен в 1701 году.

⁴³⁰ Северный 1872; Голубев 1884.

⁴³¹ См., например: Акельев 2012; Акельев 2019.

⁴³² Разбойный приказ в конце XVII века несколько раз менял свое название, в связи с чем здесь и далее мы будем использовать оба названия этого учреждения – Разбойный и Сыскаго приказ – в зависимости от времени, к которому относятся сведения о нем.

⁴³³ Коллманн 2016. С. 522–525.

жится между работой и организацией мест заключения разных стран и каковы будут различия между тюрьмами этих государств? Эти вопросы ждут ответа.

Кроме того, в предлагаемом исследовании мы хотим выдвинуть рабочую гипотезу, которая может пролить свет на роль Московских больших тюрем в развитии пенитенциарных учреждений России. Суть гипотезы состоит в том, что столичная тюрьма являлась своеобразным полем для экспериментов тех или иных практик, которые затем могли переноситься в другие тюрьмы Московского царства. К сожалению, в рамках данной статьи возможно лишь подкрепить эту гипотезу небольшим количеством фактов, но хочется надеяться, что со временем, когда провинциальные тюремные учреждения XVII века будут изучены лучше, исследователи смогут дать ясный ответ на вопрос о том, какое место занимали Московские большие тюрьмы в пенитенциарной системе той эпохи.

РАЗБОЙНЫЙ ПРИКАЗ ВО ГЛАВЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

В XVI–XVII веках главным центральным учреждением России, отвечавшим за организацию и осуществление борьбы с преступностью, был Разбойный приказ⁴³⁴, в его подчинении находилась большая часть тюрем государства, в том числе так называемые Московские большие тюрьмы. Еще с начала третьей четверти XVI века известно о существовании тюрем Разбойного приказа в Москве, охранявшихся посадскими людьми, сторожившими их поочередно⁴³⁵. Кроме того, в самом здании приказов, возведенном в конце XVI века в Кремле, находились особые помещения («черные палаты») для содержания подследственных. Однако в них пребывало меньше узников, чем на тюремном дворе.

Статус тюрем Разбойного приказа середины XVII века был четко определен в Соборном уложении. Места заключения, находившиеся в Москве, строились и обеспечивались на казенные средства, а провинциальные тюрьмы содержало местное население⁴³⁶. Что же до Московских больших тюрем, то уточнить их правовое положение позволяет неизвестный ранее указ Михаила Федоровича⁴³⁷ 1644 года о запрещении сажать в московские тюрьмы по некоторым из видов преступлений, а также о необходимости разрешения судей Разбойного приказа для заключения под стражу и освобождения из московских тюрем на поруки или отдачи под надзор приставов тех колодников, которые находятся в тюрьме с нарушением данного указа⁴³⁸.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, ЗДАНИЯ И ВМЕСТИМОСТЬ МОСКОВСКИХ БОЛЬШИХ ТЮРЕМ

Достоверно известно, что по меньшей мере с конца XVI века до начала XVIII века Московские большие тюрьмы располагались на территории Китай-города, в северо-восточной части Зарядья, неподалеку от Варварских ворот⁴³⁹ и занимали площадь 821,5 квадратной сажени (более 3700 квадратных метров). Что касается численности узников, то наиболее точные данные имеются для середины XVII века. Так, 13 апреля 1655 года в тюрьме (имеются в виду Московские большие тюрьмы) и на Бархатном дворе, судя по всему, относившемуся к при-

⁴³⁴ Подробнее о Разбойном приказе см.: Воробьев 2012.

⁴³⁵ ПРП 1956. С. 359.

⁴³⁶ Соборное уложение 1987. С. 128.

⁴³⁷ Михаил Федорович Романов (1596–1645) – первый русский царь из династии Романовых, правивший с 1613 по 1645 год.

⁴³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 190. Л. 137–139.

⁴³⁹ Акельев 2019. С. 290.

казу Новой четверти, находился 541 человек, включая пленных поляков и женщин с детьми, а на следующий день к ним прибавилось еще 29 человек, присланных на тюремный двор. Из них 377 человек сидели на тюремном дворе, включавшем в себя мужскую и женскую тюрьмы, и 193 – на Бархатном дворе⁴⁴⁰.

Интересные сведения о внутреннем устройстве и численности узников Московских больших тюрем содержатся в расходной записке о раздаче денег от имени Алексея Михайловича⁴⁴¹ заключенным в Рождественский сочельник 24 декабря 1664 года. На территории тюрьмы имелось восемь изб, где содержались колодники: опальная (98 человек), барышкина (98 человек), заводная (120 человек), холопья (68 человек), сибирка (79 человек), разбойная (160 человек), татарка (87 человек), женская (27 человек). Всего же жалованье по 50 копеек каждому получили 647 человек, из которых 8 были тюремными сторожами⁴⁴².

Как ясно из названий изб на тюремном дворе, в них могли содержаться заключенные с разными правонарушениями – беглые холопы (холопья), разбойники (разбойная), преступники, возможно связанные с торговлей лошадьми (барышкина), лица, совершившие административные правонарушения или попавшие в опалу (опальная), а также главари разбойных и воровских шаек или зачинщики других преступлений (заводная). Отдельные избы были для женщин, татар, жителей Сибири или тех, кто, вероятно, был прислан из Сибирского приказа (сибирка).

В 1672 году во время похорон патриарха Иосафа II⁴⁴³ раздали по алтыну 680 заключенным Московских больших тюрем. Кроме того, в это же время в приказах находился еще 431 колодник⁴⁴⁴. Таким образом, данные за вторую половину XVII века позволяют отметить незначительное увеличение количества заключенных. Это объясняется тем, что тюрьма уже была перенаселена и не могла вместить всех, кого следовало сюда отсылать. При этом даже в первой четверти XVII века пенитенциарная система позволяла в случае большой необходимости на короткое время разместить на тюремном дворе и в других местах более двух тысяч человек⁴⁴⁵. Очевидно, что в регулярном режиме работы тюрьмы Москвы в XVII веке могли вмещать около тысячи человек, и по достижении этого числа власти уже начинали говорить о перенаселенности мест заключения.

АДМИНИСТРАЦИЯ И ПЕРСОНАЛ МОСКОВСКИХ БОЛЬШИХ ТЮРЕМ

Во главе Московских больших тюрем стояли дворские, обычно набиравшиеся из числа московских дворян. Срок службы на этой должности мог быть довольно долгим. Например, в феврале 1617 года⁴⁴⁶ дворским был назначен Афонасий Кононов, который продолжал находиться на своем посту и спустя более семи лет в 1624 году⁴⁴⁷. Дворские должны были уметь

⁴⁴⁰ ЧОИДР 1887. С. 22–23, 100.

⁴⁴¹ Алексей Михайлович Романов (1629–1676) – второй русский царь из династии Романовых, правивший с 1645 по 1676 год.

⁴⁴² ЧОИДР 1887. С. 100.

⁴⁴³ Иосаф II (?–1672) – патриарх Московский и всея Руси (1667–1672).

⁴⁴⁴ Забелин 1902. С. 587.

⁴⁴⁵ По сообщению дворского Афанасия Коконова, возглавлявшего Московские большие тюрьмы во время осады Москвы королевичем Владиславом в 1618 году, здесь находилось более двух тысяч человек заключенных, в основном военнопленных (АМГ 1890. С. 193).

⁴⁴⁶ Эта дата также является самым ранним из известных нам упоминаний о Московских больших тюрьмах в начале XVII века.

⁴⁴⁷ АМГ 1890. С. 194.

читать и писать, хотя бы для того, чтобы утверждать собственной подписью прием и освобождение узников⁴⁴⁸.

Служба в дворских не считалась почетной, и отправлявшие ее дворяне старались как можно быстрее вернуться к военной службе, а потому нередко относились к своим обязанностям пренебрежительно. Известен принятый Алексеем Михайловичем указ 1663 года, рассылавшийся дворским и запрещающий вывозить тела умерших заключенных на улицу и перекрестки («кресцы»). Дворские были обязаны немедленно отдать труп родственникам для захоронения или, если родных не могли найти, требовалось сообщить об этом в Разбойный приказ, выдававший деньги на погребение⁴⁴⁹. В самом начале XVIII века приказ все также продолжал за свой счет хоронить одиноких колодников, тела которых увозились в убогие дома⁴⁵⁰.

Как глава тюрьмы дворский нес персональную ответственность за порядок на ее территории. Одной из проблем, о которой сохранившиеся источники упоминают не так часто, были постоянные побегі заключенных. Именно за непредотвращение побегов колодников в 1669 году был отставлен дворский Игнатий Захряпин, а его обязанности поручили Денису Ульянову. Впрочем, для того чтобы побегі прекратились, одного дворского было мало, поэтому власти решили приискать еще одного дворянина на эту должность, из чего видно, что руководить тюремным двором могло несколько человек⁴⁵¹.

В прямом подчинении у дворских находился особый «московского тюремного двора подъячий»⁴⁵², занимавшийся делопроизводством Московских больших тюрем. К ним был прикреплен и находившийся на жалованьи Разбойного приказа священник, он «ведал духовностью» колодников, то есть проводил церковные службы, совершал таинства, исповедовал заключенных⁴⁵³. За непосредственный надзор за заключенными отвечали выборные целовальники и сторожа⁴⁵⁴. В тюрьме также служили палачи, пристава и недельщики. Формально они относились к персоналу Разбойного приказа и бывали в тюрьме по необходимости.

Известно, что в ряде случаев руководство и служащие тюрьмы жили неподалеку от нее. Так, в 1626 году Михаил Федорович своим указом повелел снести самовольно возведенные дома с дворами тюремного подъячего и трех тюремных сторожей, потому что их жилье, стоявшее рядом с тюрьмами, подошло слишком близко (четыре сажени) к крепостной стене⁴⁵⁵. Какое-то время до 1656–1957 года на Ипатьевской улице неподалеку от тюремного двора проживал его начальник – дворский Дмитрий Пестриков⁴⁵⁶.

Как следует из приведенных данных, персонал тюрьмы был немногочисленным, особенно учитывая, что во второй половине XVII века Московские большие тюрьмы оказались переполнены. Основная причина того, что в тюрьме было слишком много заключенных, состояла в перегруженности делами судебного аппарата, не успевавшего оперативно выносить приговоры заключенным. В России раннего Нового времени само по себе тюремное заключение редко являлось наказанием, а потому пребывание в тюрьме длилось вплоть до исполнения при-

⁴⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 219. Л. 166.

⁴⁴⁹ ПСЗ Т. 1. № 336.

⁴⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 48. Л. 22 об.

⁴⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 421. Л. 29–30.

⁴⁵² АИЮЗР 1892. С. 454.

⁴⁵³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 8. Л. 8.

⁴⁵⁴ По Соборному уложению все они должны были получать жалованье от выбиравшего его населения черных, тягловых, то есть облагавшихся налогами и податями слобод (Соборное уложение, там же). Вероятно, такая практика уходит корнями в середину XVI века, когда выборные из числа горожан начинают привлекаться к охране тюрем в Москве (ПРП 1956, там же). Однако известно, что в некоторых случаях лица, исполнявшие эти обязанности, могли получать деньги и от государства. Например, в 1615 году Нижегородская четверть переслала Разбойному приказу 42 рубля на выплату жалованья тюремному дьячку, целовальникам и сторожам (РИБ 1912. С. 269).

⁴⁵⁵ Шокарев 2012. С. 71.

⁴⁵⁶ Забелин 1891. С. 13.

говора⁴⁵⁷. Чтобы ускорить вынесение последнего, правительство постоянно требовало от судей как можно быстрее решать судебные дела, держать колодников в тюрьме в течение ограниченного времени (несколько недель или месяц), регулярно проводить ревизии заключенных⁴⁵⁸, сверяться со списками колодников для выявления тех, кто находится в заключении больше необходимого.

ПЕРЕПОЛНЕННОСТЬ МОСКОВСКИХ БОЛЬШИХ ТЮРЕМ

В 1672 году указом царя Алексея Михайловича Разбойному приказу было запрещено принимать без особой необходимости колодников из других городов из-за переполненности («многолюдства») Московских больших тюрем, а недавно доставленных заключенных отправлять обратно в те места заключения, откуда их прислали⁴⁵⁹. В 1673 году власти повторили эту норму, уточняя, что землевладельцам также запрещено приводить своих людей, уличенных в преступлениях, на тюремный двор. Исключение было сделано лишь для землевладельцев Московского уезда, который издавна входил в непосредственную юрисдикцию Разбойного приказа⁴⁶⁰.

В 1676 году в самом начале своего царствования Федор Алексеевич⁴⁶¹ принял указ, в котором от руководства Разбойного приказа требовалось скорейшим образом решать дела и выпускать колодников из тюрем, в особых сложных случаях для вынесения приговора дело докладывалось царю⁴⁶².

Для того чтобы ускорить судопроизводство и разгрузить Московские большие тюрьмы, правительство в 1683 году повелело ускорить следственные процедуры, разрешив пытаться заключенных даже в том случае, если истцы не явятся к сроку на суд⁴⁶³.

Перенаселение Московских больших тюрем усугублялось, вероятно, и тем, что в самом начале 1680-х годов⁴⁶⁴ руководству Разбойного приказа запретили держать колодников «за решеткою и под приказом (то есть в подвальных помещениях. – А. В.)» и распорядились перевести их на тюремный двор⁴⁶⁵.

ПРОБЛЕМЫ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ТЮРЕМНОЙ ОБЩИНЫ ПРОПИТАНИЕМ

Наряду с переполненностью тюрьмы другой проблемой для Разбойного приказа было обеспечение пропитания колодников. Дело в том, что последние часто не получали от государства никаких средств для приобретения пищи, а потому должны были обеспечивать себя сами. Неудивительно, что руководство приказа не запрещало заключенным подрабатывать ремес-

⁴⁵⁷ О длительном пребывании в тюрьмах и медлительности правосудия, которое способствует бегству заключенных и умножению преступности, писал и И. Т. Посошков: «А естли бы и у нас в Руси воров и разбойников вьскоре вершили и по иноземски и за малые вины смерти предавали бе<з> спуску и без отлагателства, то велми бы страшно было воровать» (Посошков 1951. С. 161, 151).

⁴⁵⁸ ПСЗ Т. 2. № 815.

⁴⁵⁹ ПСЗ Т. 1. № 527.

⁴⁶⁰ ПСЗ Т. 1. № 538.

⁴⁶¹ Федор Алексеевич Романов (1661–1682) – третий русский царь из династии Романовых, правивший с 1676 по 1682 год.

⁴⁶² ПСЗ Т. 2. № 626.

⁴⁶³ ПСЗ Т. 2. № 1032.

⁴⁶⁴ Данный законодательный акт был ошибочно датирован публикаторами. Это видно из того, что упоминаемый в тексте документа глава Разбойного приказа В. Ф. Извольский именуется стольником, хотя Извольский еще в 1682 году стал думным дворянином (Лисейцев и др. 2015. С. 154–155). По нашему предположению, указ относится к самому началу 1680-х годов.

⁴⁶⁵ ПСЗ Т. 3. № 1345.

лами, получать передачи и брать деньги у родных и друзей. Среди прочего тюремные сидельцы даже занимались своеобразной коммерческой деятельностью, давали жителям столицы деньги под заклад одежды и других вещей. Мы знаем об этом благодаря тому, что по приговору Боярской думы, адресованному дворскому Денису Ульянову, взимание вещей под заклад колодниками было запрещено. Нарушителей из числа заключенных ждал кнут, а пришедших к ним с воли для заклада – конфискация принесенных с собой вещей⁴⁶⁶.

Перечисленные источники дохода играли важную роль, но все же они были вторичными по отношению к выпрашиванию милостыни, которое и давало основные средства к существованию. Об этом, в частности, и говорит поданная царю в 1641 году челобитная тюремной общины Московских больших тюрем.

В данном прошении говорится, что после пожара 1626 года тюремные сидельцы были временно переведены в застенки у Никольских ворот Кремля. Еще тогда царь позволил колодникам просить милостыню не только у Никольских и Фроловских ворот, но и у храма Казанской иконы Божьей Матери, располагавшегося прямо у Красной площади. Через пятнадцать лет ситуация изменилась. Заключенные жаловались, что их не всегда выпускали искать подаяния на привычные места, а когда им случалось бывать в Никольских воротах, то с ними неизменно «конкурировали» татары, получавшие столько же, сколько и остальные узники, каждому из которых в лучшем случае доставалось по «копеешному хлебу или по колачику». Тюремная община из более чем пятисот человек остро ощущала несправедливость такого положения дел, поскольку заключенных татар насчитывалось всего шесть человек.

Сидельцы Московских больших тюрем били челом царю, чтобы им снова было дозволено просить милостыню на том же месте, что и раньше, но теперь уже отдельно от татар. В своем прошении челобитчики особо подчеркивали, что они всегда просили подаяния, пребывая скованными цепями под охраной сторожей, никому не мешая и не вредя⁴⁶⁷.

Существовал и еще один способ получить пищу – принудительные работы. На данный момент единственным известным нам упоминанием о них является тот факт, что в 1653 году Разбойный приказ специально отрядил дворянина Михаила Киреевского к «сарайному заводу», где под его руководством заключенные, возможно, участвовали в производстве кирпича для строительства или ремонта Московских больших тюрем⁴⁶⁸.

Наконец, торговцы (так называемые «хлебники»), продававшие хлеб около тюрем, получали право сбывать свои товары в столь выгодном месте с дозволения Сыскного (Разбойного) приказа в обмен на раздачу заключенным милостыни. Размер хлебного подаяния определялся договором и, вероятно, был непостоянен⁴⁶⁹, но и это должно было хоть сколько-нибудь облегчать положение колодников.

Известны случаи, когда царская власть даже старалась вмешиваться в ход жизни тюремной общины, желая облегчить материальное положение ряда ее представителей. 13 ноября 1680 года указ Федора Алексеевича отменил «влазное»⁴⁷⁰ – традиционный денежный взнос новичка-заключенного за право находиться в тюремной общине, таким образом власти хотели облегчить положение бедных колодников, не имеющих средств⁴⁷¹ для внесения влазного⁴⁷².

⁴⁶⁶ ПСЗ Т. 1. № 448.

⁴⁶⁷ ПРП 1959. С. 228–230.

⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 206. Л. 138.

⁴⁶⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 8. Л. 3 об. – 4.

⁴⁷⁰ Следует сказать и об иной, как мы полагаем, ошибочной интерпретации слова «влазное». По ничем не подтвержденному мнению П. В. Седова «„влазное“ было традиционной, незаконной платой заключенных в тюрьму в пользу своих охранников, которые могли даже не выпускать „до ветру“ тех, кто скупился на такие подношения» (Седов 2006. С. 415), хотя в самом тексте указа ясно читаем: «и впредь тюремным сидельцам влазного с новоприводных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку иметь не велено» (ПСЗ Т. 2. № 845). Любопытно, что само слово «влазное» именно в этом значении просуществовало по крайней мере до XIX века включительно (Грачев 2005. С. 93).

⁴⁷¹ Похоже, именно за таких колодников внес 2 рубля «влазного» патриарх Никон во время раздачи милостыни в москов-

Причем известно, что властное до этого взимали тюремные общины и в провинциальных тюрьмах, например в елецкой тюрьме в 1623 году⁴⁷³.

Большие перемены в обеспечении пропитания колодников должен был внести указ, принятый Алексеем Михайловичем 25 октября 1662 года. Этот законодательный акт разрешил выдачу поденного денежного жалования для заключенных черных палат московских приказов, а также установил, что с 1 декабря того же года следовало выделять столько же денег на корм всем колодникам в других городах страны. Своим появлением данный указ обязан челобитной колодников черных палат, просивших обеспечить их пропитание, подобно тому как это уже было сделано для заключенных Московских больших тюрем, о выплате денег которым известно с первых лет после Смуты. Так, с марта по декабрь 1614 года Разбойный приказ получил из Владимирской и Нижегородской четвертей 195 рублей, а с февраля по август 1615 года – 400 рублей из Нижегородской четверти. Все эти деньги предназначались на корм заключенных⁴⁷⁴.

Не менее интересно и то, за чей счет предлагалось ежедневно выделять денежные суммы на содержание колодников в Москве. Можно было бы ожидать, что это бремя на себя возьмет Разбойный приказ, отвечавший за тюрьмы, но его бюджет был недостаточен для подобных расходов⁴⁷⁵. Именно поэтому обеспечивать колодников должен был приказ Большого прихода, который выделял средства по ежемесячной росписи, присылаемой из Разбойного приказа. Скорее всего, из этого же источника поступали деньги и для колодников Московских больших тюрем. Особенно важно отметить, что в данном случае именно Московские большие тюрьмы стали пионером в выплате денежного содержания для заключенных, и на их опыт ссылались заключенные черных палат, просившие о таком же пожаловании⁴⁷⁶.

О реализации данного указа 1662 года известно немного. Очевидно, что кормовые деньги продолжали платить и после смерти Алексея Михайловича. Это ясно из указа Федора Алексеевича от 13 ноября 1676 года, запретившего выдавать кормовые деньги беглым крестьянам и зависимым людям, которых теперь должны были обеспечивать их владельцы⁴⁷⁷. К сожалению, на данный момент нам не известно, продолжалась ли выплата кормовых денег в конце XVII – начале XVIII века в Москве и проводилась ли она вообще сколько-нибудь долго в других городах России.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПРОВИНЦИИ В СРАВНЕНИИ С МОСКОВСКИМИ БОЛЬШИМИ ТЮРЬМАМИ

Крупный тюремный двор имелся не только в Москве, но и в Великом Новгороде и Ярославле. В последнем, кстати, даже известно о существовании особой должности главы тюремного двора подобной дворскому. В 1625 году эти обязанности исполнял Борис Царегородцев, «которому тюрьмы приказаны», а в подчинении у Царегородцева находился сторож, хранивший у себя тюремные ключи⁴⁷⁸.

ских тюрьмах в 1653 году (Забелин 1902. С. 577).

⁴⁷² ПСЗ Т. 2. № 845.

⁴⁷³ Новомбергский 2004. С. 293.

⁴⁷⁴ РИБ 1912. С. 90, 247, 254, 256–257, 262–265, 267–269, 273–274.

⁴⁷⁵ Разбойный приказ не обладал постоянными фиксированными (так называемыми «окладными») доходами, а величина его бюджета зависела от собираемых пошлин. Составители финансовой ведомости Сысного (Разбойного) приказа за 1701 год утверждали, что в этом учреждении «денег збираетца в год неравно, бывает по пяти и по шти, и по семи сот рублей в год». Судя по всему, в течение XVII века годовой доход Разбойного приказа также не превышал 700 рублей (Воробьев 2019. С. 313–314).

⁴⁷⁶ ПСЗ Т. 1. № 328.

⁴⁷⁷ ПСЗ Т. 2. № 669.

⁴⁷⁸ Сумин 2019. С. 178.

В отличие от Московских больших тюрем места заключения в провинции отличались меньшей организованностью и масштабом. Обыкновенная провинциальная тюрьма вмещала всего несколько десятков колодников, и крайне редко их число переваливало за полсотни. Например, в шацкой тюрьме в 1626 году сидело 26 заключенных, в елецкой тюрьме в 1636 году – 16, а в 1685 году – 22 человека соответственно, в небольшом городе Кашире в тюрьме томилось всего лишь 5 человек⁴⁷⁹. Кроме того, за пределами Москвы тюрьмы обслуживались только сторожами, их не всегда хватало, чтобы надзирать за преступниками, не говоря уже о том, что здесь не имелось собственного руководства с делопроизводителем.

В XVII веке в тюрьмах некоторых городов священники проводили службы, но в ту пору это еще не стало общей практикой и делалось по случаю. Так, в Ельце посаженный в тюрьму священник ежедневно совершал богослужения по собственной инициативе⁴⁸⁰, а в Вологде в марте 1652 года по указу Алексея Михайловича духовенство местных церквей приглашалось в губную избу к тюремным сидельцам, ожидавшим смертной казни, «для пения заутрени и часов, и вечерни»⁴⁸¹. Однако, насколько нам известно, ни в одном из городов священник не был в штате местных учреждений и не получал оклада. К концу столетия практика привлечения священнослужителей к службе в тюрьме, вероятно, получает все более широкое распространение. Хочется думать, что и в данном случае пионером выступили Московские большие тюрьмы, где эта практика существовала в наиболее институцированной форме.

Особенностью провинциальной тюрьмы было и то, что она не знала разделения преступников на отдельные группы и не подразумевала их отдельного содержания. Единственное исключение состояло в разделении всех заключенных на две условные категории – тех, кто совершил административное правонарушение, и тех, кто обвинялся в наиболее тяжких преступлениях – разбое, краже и убийстве. Представители первой категории сажались в так называемую «опальную» тюрьму, а второй – в «разбойную» тюрьму. В отличие от Московских больших тюрем, где для женщин имелось специальное пространство, в провинции для их заключения не было особых тюрем, но все же их содержали отдельно от прочих колодников. Обычно женщина ожидала своей участи, прикованной к стулу, в здании одного из органов местного управления – в губной или воеводской избе.

ВЫВОДЫ

Подобный высокий уровень организации Московских больших тюрем кажется естественным в свете знакомства с пенитенциарными системами более позднего времени, но для России раннего Нового времени он был исключительным. Опираясь на исследования Е. В. Акельева⁴⁸², можно полагать, что и в первой половине XVIII века московские тюрьмы не претерпели существенных изменений.

Другой важный вывод состоит в том, что уездные тюрьмы значительно уступали по организации Московским большим тюрьмам. Еще более важно то, что последняя, по-нашему мнению, стала местом для административных экспериментов, своеобразным плацдармом для введения новых административных практик. Вслед за столичной тюрьмой в уездных местах заключения со временем появятся принудительные работы, священники, разделение на мужскую и женскую тюрьму, а также увеличение объема средств, которые местные власти станут расходовать на заключенных и улучшение условий их содержания.

⁴⁷⁹ Глазьев 2019. С. 315; Ляпин 2019. С. 325; Барышникова 2019. С. 336.

⁴⁸⁰ Ляпин 2019. С. 324.

⁴⁸¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1139. Л. 1 об.

⁴⁸² Акельев 2019; Акельев 2012.

Успехи власти в области организации Московских больших тюрем объясняются двумя причинами. С одной стороны, в столице Московского царства находились все основные органы власти, разбирались многочисленные судебные дела, что привело к исключительной для того времени концентрации заключенных, быт которых следовало каким-то образом организовать и безопасно встроить в жизнь города. С другой стороны, Разбойный приказ в Москве при поддержке других центральных учреждений располагал необходимыми средствами (в том числе и финансовыми) для решения различных проблем, связанных с управлением тюрьмой.

Жизнь не ставила перед провинциальными пенитенциарными учреждениями подобных задач и тем более не давала им значительных средств для решения текущих проблем. И все же опыт управления Московскими большими тюрьмами, как нам кажется, постоянно оказывал на них существенное влияние, поскольку Разбойный приказ, разрабатывая новые правовые нормы для уездных тюрем, всегда делал это, учитывая опыт главной тюрьмы Московского царства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акельев 2012 — *Акельев Е. В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

Акельев 2019 — *Акельев Е. В.* «И впредь в Кремле колодников отнюдь держать не велеть»: эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII в. // *Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография.* Иваново, 2019. С. 289–307.

АМГ 1890 — *Акты Московского государства.* Т. I. СПб., 1890.

АИЮЗР 1892 — *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.* Т. XV. СПб., 1892.

Барышникова 2019 — *Барышникова А. Е.* Каширская тюрьма в XVII в. // *Выхорь С. С., Сумин А. В. (Ред.) Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография.* Иваново, 2019. С. 331–337.

Воробьев 2012 — *Воробьев А. В.* Разбойный приказ в XVI – начале XVII века: эволюция, руководство и административная практика // *Российская история.* 2012. № 1. С. 17–30.

Воробьев 2019 — *Воробьев А. В.* «Приказ малodelной и безкорысной»: финансовая деятельность Сыскаго (Разбойного) приказа и его упразднение в начале XVIII в. // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 305–314.

Глазьев 2019 — *Глазьев В. Н.* Воронежская тюрьма в XVII в. // *Выхорь С. С., Сумин А. В. (Ред.) Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография.* Иваново, 2019. С. 308–319.

Голубев 1884 — *Голубев А. А.* Сыскаго приказ 1730–1763 гг. Отделение второе. Содержание документов Сыскаго приказа // *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции.* Кн. 4. М., 1884.

Грачев 2005 — *Грачев М. А.* От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона. СПб., 2005.

Забелин 1895 — *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. М., 1895.

Забелин 1902 — *Забелин И. Е.* История города Москвы. Ч. 1. 1902.

Забелин 1891 — *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы по определению Московской городской думы. Ч. 2. М., 1891.

Коллманн 2016 — *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени М., 2016.

Лисейцев и др. 2015 – *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. А.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

Ляпин 2019 – *Ляпин Д. А.* Елецкая тюрьма в XVII в. // Выхорь С. С., Сумин А. В. (Ред.) Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография. Иваново, 2019. С. 320–330.

Новомбергский 2004 – *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государева: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.). Т. I. М., 2004.

ПРП 1956 – Памятники русского права. Вып. IV. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVI вв. М., 1956.

ПРП 1959 – Памятники русского права. Вып. V. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. М., 1959.

Посошков 1951 – *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.

ПСЗ Т. 1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1. СПб., 1830.

ПСЗ Т. 2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 2. СПб., 1830.

ПСЗ Т. 3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 3. СПб., 1830.

РИБ 191 – Русская историческая библиотека. Т. XXVIII. Приходно-расходные книги Московских приказов. Книга первая. М., 1912.

Северный 1882 – *Северный Н. Е.* Описание документов Сысского приказа 1730–1763 гг. Отделение первое. Устройство, состав и делопроизводство Сысского приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 2. СПб., 1872.

Седов 2006 – *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

Соборное уложение 1987 – Соборное уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987.

Сумин 2019 – *Сумин А. В.* Система лишения свободы России в конце XV – XVII в. // Выхорь С. С., Сумин А. В. (Ред.) Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография. Иваново, 2019. С. 175–186.

ЧОИДР 1887 – Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин души // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. С. 1–128.

Шокарев 2012 – *Шокарев С. Ю.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012.

Симон Кастанье

МОБИЛИЗАЦИЯ СВЯЗЕЙ И ДЕНЕГ В ПАРИЖСКИХ ТЮРЬМАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В XVIII веке в парижских тюрьмах, как и в любых других местах принудительного заключения, существовать без денег было невозможно. Для заключенных, которые содержатся в двух десятках тюрем, расположенных в центре города, эта необходимость платить составляет дополнительное ограничение, еще сильнее разлучающее их с окружающим городским пространством. Заключенным приходится платить за свою камеру, за еду и даже за исполнение их поручений в городе. Вдобавок внутри тюрьмы деньги играют роль социального маркера. Дело в том, что в XVIII веке распределение заключенных по камерам зависело не от причины их нахождения в тюрьме (ожидание суда или исполнения приговора либо исполнение приговора уже вынесенного), но от того, сколько денег они платили за свою камеру тюремщику, который в этом отношении уподоблялся трактирщику, сдающему комнаты клиентам. Неудивительно, что сохранившиеся свидетельства узников этого времени демонстрируют постоянную нужду в деньгах и неотвязные мысли о том, как их достать⁴⁸³.

Особенно остро этот вопрос стоял перед определенной категорией заключенных – теми, кто был посажен в тюрьму за долги; именно они станут главными героями нашей статьи. Характерные черты экономики Старого порядка – недостаток наличных денег и важная роль кредита, а потому долги в этот период лежали в основе экономических обменов⁴⁸⁴. В подобных условиях тюремное заключение неисправных должников становится одной из главных гарантий возвращения кредита, какую судебная система предоставляет кредиторам⁴⁸⁵. В самом деле, если должник не способен ни заплатить, ни прийти к соглашению с кредитором, дело может быть передано в суд – либо гражданский, либо торговый. После объявления приговора, если должник не может заплатить, кредитор имеет право настаивать на его аресте (для альтернативного варианта – ареста имущества – требовалась другая юридическая процедура). Чтобы выйти на свободу, арестант должен был либо полностью заплатить долг кредитору, либо прийти с ним к соглашению; поскольку кредитор как сторона, участвовавшая в судебном процессе, был причастен к лишению должника свободы, он обязан был оплачивать его питание, а значит, имел право контролировать срок его содержания в тюрьме. Число заемщиков, посаженных в тюрьму за неуплату долга, было весьма значительным: в парижских тюрьмах во второй половине XVIII века их насчитывалось от четырех до пяти тысяч в год⁴⁸⁶. Деньги были для этих людей главным средством освобождения. Они же давали возможность продолжать участие в экономической жизни и бороться против негативных последствий пребывания в тюрьме, прежде всего против исключения из социальной и экономической жизни.

Между тем возможности добывать и откладывать деньги в тюрьме значительно сужаются. Конечно, недавние работы западных историков подчеркивают *открытость* тюрем до 1789 года, несхожую с полной изолированностью от внешнего мира, характерной для более позднего периода⁴⁸⁷. В самом деле, при Старом порядке доступ в тюрьмы был в дневное время открыт для городского населения, и горожане в немалом числе являлись туда для общения с заключен-

⁴⁸³ Garnot, Gougis 1994.

⁴⁸⁴ Hoffman et al. 2001; Fontaine 2008; Hardwick 2009.

⁴⁸⁵ О заключении в тюрьму за долги в Европе в XVIII веке см.: Bonini 1991 (о ситуации в Италии); Paul 2019; Wakelam 2020 (о положении в Великобритании).

⁴⁸⁶ Подсчет сделан на основе реестра тюрьмы Ла-Форс за 1788 год, где указаны все, кто был посажен за неуплату долгов начиная с 1783 года (Archives de la Préfecture de Police de Paris, AB 321).

⁴⁸⁷ Innes 1980; Dégez-Selves 2013; Abdela 2017; Muchnik 2019.

ными, которых запирали в камеры только на ночь. Кроме того, внутри некоторых тюрем осуществлялась – правда, в большинстве случаев не самими заключенными – коммерческая деятельность, например работали небольшие питейные заведения, где заключенные могли выпить и закусить⁴⁸⁸. Тем не менее тюремное заключение существенно ограничивало сферу действия арестантов и прежде всего их экономическую деятельность, поскольку заниматься каким-либо трудом в тюрьме было очень нелегко. Ни в юридических, ни в административных документах мы практически не находим следов такой деятельности, а те случайные упоминания, которые все-таки встречаются, заставляют думать, что формы труда в заключении были сугубо маргинальными и сводились к мелкой ручной работе, не требовавшей богатого набора инструментов, – такой, как кройка и шитье⁴⁸⁹.

Следовательно, если люди, находившиеся в парижских тюрьмах во второй половине XVIII века, желали раздобыть денег на уплату своего долга, им приходилось искать другие пути и мобилизовывать экономические ресурсы, иначе говоря, использовать экономические активы, не находившиеся непосредственно в их руках. Отсюда необходимость активизировать в масштабах всего города связи родственные, профессиональные или дружеские и с их помощью получать доступ к этим финансовым источникам.

Итак, необходимо понять, с какой целью привлекались финансы и каким образом заключенные получали к ним доступ, а для этого – оценить степень влияния тюремного пространства на экономическую мобилизацию, ибо происходит она на границе между тюрьмой и окружающим ее городским пространством.

В поисках ответа на эти вопросы мы обратились прежде всего к нотариальным документам – редким архивным источникам, которые дают представление о финансовом положении заключенных при Старом порядке⁴⁹⁰. Кроме того, были изучены административные документы из фонда Генерального прокурора, отвечавшего за парижские тюрьмы⁴⁹¹, и реестры заключенных, позволившие очертить общие контуры этого типа тюремного заключения⁴⁹². Мы исследовали положение в четырех тюрьмах: Большом Шатле, Консьержери, Фор-л'Эвек и Ла-Форс. Эти королевские тюрьмы, располагавшиеся в центре столицы, составляли основу парижской тюремной системы. Их центральное местоположение и близость как от главных административных зданий, так и от густонаселенных кварталов превращали их в неотъемлемую часть повседневной жизни парижан.

Сначала мы опишем основные формы мобилизации экономических и социальных ресурсов в этих тюрьмах, а затем перейдем к тому, как влияло на мобилизацию этих ресурсов тюремное пространство. Наконец, в конце статьи мы попытаемся понять, как переплеталась мобилизация экономического капитала с мобилизацией капитала социального⁴⁹³, на примере такого явления, как поручительство.

⁴⁸⁸ Abdela 2017; Dégez-Selves 2013.

⁴⁸⁹ «Записка о внутреннем распорядке тюрем», посвященная «молодой модистке, приносившей работу даме, заключенной в тюрьме» (BNF, Joly de Fleury, volume 519, folio 348). Другое свидетельство затруднений, с которыми сталкивались те, кто искал работу, находясь в тюрьме, содержится в докладе о тюрьмах, составленном Лавуазье в 1787 году. В этом докладе говорится, что следует предоставлять заключенным работу и ради их здоровья, поскольку в этом случае они смогут себя обеспечивать, и ради поддержания порядка в тюрьмах; из этого следует, что трудовая деятельность в тюрьме была не слишком распространена (Lavoisier 1865).

⁴⁹⁰ Archives Nationales, minutier central, études notariales (в дальнейшем MC/ET). Для написания этой статьи была просмотрена сотня нотариальных актов.

⁴⁹¹ BNF, collection Joly de Fleury.

⁴⁹² Archives de la Préfecture de Police de Paris, registre d'écrou de la prison du Grand Châtelet de 1770 à 1772 (AB 219); Archives de la prison de l'Hôtel de la Force de 1788 à 1792 (AB 321).

⁴⁹³ «Социальный капитал – совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных связей» (Bourdieu 1980). Что же касается экономического капитала – это совокупность экономических активов того или иного индивида (имение и доходы).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В ПАРИЖСКИХ ТЮРЬМАХ

Сначала следует обрисовать контуры экономической деятельности людей, заключенных в тюрьму за неуплату долгов, какой она предстает в нотариальных актах, а затем выявить то, что касается непосредственно экономической мобилизации. Нотариусы, разумеется, играли важную роль не только в тюремном мире, поскольку нотариальные акты представляли собой одну из основ экономической жизни при Старом порядке, в особенности в том, что касалось договоров займа между частными лицами⁴⁹⁴. Когда вчитываешься в нотариальные акты, подписанные отбывающими наказание неисправными должниками, прежде всего отмечаешь многообразие нотариальных операций, охватывающих почти все формы экономической активности: арестанты покупают, продают, уступают, берут займы, а порой даже дают в долг... В этом смысле они ничем не отличаются от всех прочих парижан XVIII века. Напротив, экономические цели подобных актов весьма специфичны, поскольку все три наиболее распространенные формы экономической активности заключенных несут на себе отчетливую печать тюрьмы. В самом деле, неисправные должники стремятся в первую очередь заплатить долги, а также расторгнуть контракты на оказание услуг, в которых они не нуждаются, пока находятся в тюрьме (квартирная плата, найм⁴⁹⁵, жалованье лакеев или слуг...); ведь все это лишь увеличивает их долги. Итак, расторжение старых контрактов – это самая насущная необходимость для заключенного, ведь каждый следующий день в тюрьме увеличивает сумму его долгов, и если он не примет меры, его может постигнуть судьба того заключенного, который в 1772 году признал, что он «из-за длительного пребывания в тюрьме потерял какую бы то ни было возможность расплатиться с долгами»⁴⁹⁶. Судя по нотариальным актам, первые экономические действия арестантов, отбывающих наказание за неуплату долгов, направлены именно на упорядочивание своего экономического положения, то есть на приведение своих финансов в соответствие со статусом заключенного. Эти первые действия еще нельзя назвать мобилизацией ресурсов в полном смысле слова, они направлены скорее на предотвращение роста долгов в будущем или, по крайней мере, их максимальное ограничение.

Некоторые заключенные, негоцианты или торговцы, не только упорядочивают свое финансовое положение, но и продолжают вести дела. Впрочем, подобные случаи встречаются редко, и если такие заключенные прибегают к услугам нотариусов, значит, дело у них очень прибыльное и они не могут его не продолжать. Таков, например, торговец галантерейным товаром по фамилии Жильбер, который содержался в Консьержери и в феврале – марте 1761 года подписал пять различных актов: он брал в долг, выплачивал долг и даже предоставлял отсрочку одной из своих должниц⁴⁹⁷. Гораздо чаще заключенные, желающие продолжать экономическую деятельность, делают это руками своих родственников, которым выписывают доверенность. Доверенности эти позволяют родственникам не только участвовать от лица заключенного в судебных разбирательствах, но и вести его дела. Таков случай парижского буржуа по фамилии Гуверн, который в апреле 1787 года подписал доверенность на имя своей жены. В доверенности перечислено все, чем жена имеет право заниматься вместо мужа, дабы социально-экономическая жизнь супружеской пары не прервалась, а нам это позволяет судить о деятельности мужа. Основной источник доходов Гуверна – многочисленные ренты, вечные и пожизненные, а также сдача внаем недвижимости. Так вот, он предоставляет жене право распоряжаться всеми его

⁴⁹⁴ Hoffman et al. 2001.

⁴⁹⁵ Archives Nationales, MC/ET/XCI/1218 (расторжение договора о найме от 21 января 1784 года).

⁴⁹⁶ MC/ET/LXV/374.

⁴⁹⁷ MC/ET/CVIII/541; MC/ET/XIX/760; MC/ET/V/521.

делами, в частности инвестировать деньги по собственному выбору, а также преследовать по суду неисправных плательщиков. В доверенности подчеркивается, что муж ждет от жены проявления инициативы («пустить суммы, от указанных выплат и продаж полученные, на такие дела, какие сей даме наиболее выгодными покажутся») и даже разрешает жене тратить деньги на непредвиденные нужды («и вообще все то совершать, что она необходимым сочтет»)⁴⁹⁸. Заключение, в большинстве своем мужчины, как правило, выписывают доверенности на имя женщин, жен или дочерей, не только потому, что им доверяют, но и потому, что те, как правило, в курсе всех дел своих мужей и отцов. Доверенность позволяет женщинам временно занять место отца семейства и продолжить торговлю, в которой они наверняка принимали участие и прежде. От доверенного лица требуются надежность и компетентность: по всей вероятности, именно по этой причине другие доверенности выписаны на судейских (прокуроров или адвокатов), которые зачастую осведомлены о состоянии дел арестантов и могут быть им полезными благодаря своим юридическим познаниям. Доверенности, о которых идет речь, позволяют нам оценить масштаб тех видов деятельности, которые заключенные полагают наиболее важными для своего экономического существования.

Впрочем, гораздо чаще среди нотариальных актов встречаются бумаги другого рода. Примерно в трех четвертях случаев заключенные хлопочут об уплате своих долгов. Здесь возможны два варианта. Довольно большое число документов касается рассрочки платежа; здесь зачастую обозначаются все этапы грядущих выплат с точными датами, благодаря чему кредитор получает новые гарантии возвращения всей суммы. Не менее значительная часть нотариальных актов посвящена мобилизации активов – процедуре, которая непосредственно связана со спецификой тюремного заключения за неуплату долгов. В самом деле, неисправному должнику, посаженному в тюрьму, могут предъявить иски об уплате и другие кредиторы. Чем больше этих судебных разбирательств, тем больше обязательств у должника; бывает так, что ему приходится удовлетворять требования десятка кредиторов одновременно. Во всех таких случаях заключенный должен либо выплатить всю сумму долга, либо заключить с каждым из кредиторов отдельное соглашение. О величине тех сумм, какие предстоит изыскать, можно судить по общим суммам долга неисправных должников, отбывавших наказание в тюрьмах в конце Старого порядка: если долг одному кредитору равнялся в среднем 1300 ливров, общая сумма всех невыплаченных долгов, приводивших должника в тюрьму, достигала 6000 ливров. Деньги огромные; чтобы это понять, достаточно знать, что строительный рабочий-поденщик или каменщик в конце Старого порядка зарабатывал в год не больше 150 ливров⁴⁹⁹.

В зависимости от экономического положения заключенных можно выделить три типа мобилизации активов. Первый – *делегирование долгового обязательства*, то есть ситуация, когда попавший в тюрьму должник переводит свое долговое обязательство третьей стороне, по отношению к которой сам выступил кредитором. В этом случае должник мобилизует деньги, которые третье лицо должно ему самому, и превращает своего должника в должника своего кредитора, которому и предоставляет право взыскивать деньги с этого третьего лица. Так, например, поступил в 1771 году кровельщик Деше, и это помогло ему выйти на свободу. Попав 3 августа в Большой Шатле за невыплаченный долг в 292 ливра, он покинул тюрьму уже два дня спустя, поскольку заключил соглашение со своим кредитором, торговцем по фамилии Деманда. Деше не уплатил взятую им в займы сумму непосредственно своему кредитору, но передал ему право на взыскание денег за работы, которые он сам произвел в доме некоей графини. Скорее всего, Деше предпочел такой способ потому, что сам не мог добиться выплаты или, по крайней мере, был лишен такой возможности, находясь в заключении⁵⁰⁰. Таким обра-

⁴⁹⁸ MC/ET/VI/857.

⁴⁹⁹ Braudel, Labrousse 1993.

⁵⁰⁰ MC/ET/LXXXV/635.

зом должник демонстрирует кредитору свою платежеспособность. При этом кредитор, как следует из нотариального акта, сохраняет все свои права по отношению к должнику, включая право вновь отправить его в тюрьму. Делегируя свое долговое обязательство, заключенный в тюрьму заемщик не освобождается от обязанности выплатить долг; он остается должником до тех пор, пока его кредитор не получит на руки всю сумму. В данном случае мы имеем дело с переводом социально-экономических отношений, создавшихся в момент взятия денег в долг. Происходит пассивная мобилизация социальной связи, поскольку второй должник не предупрежден, по крайней мере напрямую, об этом делегировании долгового обязательства. Однако эта операция вполне отвечает критериям активной финансовой мобилизации, поскольку делегированное долговое обязательство оказывается таким же средством освобождения, каким была бы денежная сумма.

Второй тип мобилизации актива – *заключение нового долгового обязательства*, с тем чтобы деньги, взятые займы у третьего лица, пустить на выплату того долга, который привел должника в тюрьму. По этому пути пошел уксусник по фамилии Бешо, заключенный в тюрьму Большой Шатле в 1770 году; проведя в заключении несколько месяцев, он берет займы у своего брата, парижского овощника, 600 ливров, которые обязуется вернуть «наличными деньгами, имеющими хождение»⁵⁰¹, и это позволяет ему очень скоро выйти на свободу. В данном случае должник мобилизует семейные связи для получения суммы, необходимой для уплаты старого долга, и берет эту сумму займы под залог своего имущества. Подобные долговые обязательства обрисовывают карту связей, пригодных к мобилизации; на первом месте здесь стоят связи профессиональные (в основном собратья по ремеслу, но также и профессиональные ростовщики), а на втором – родственные. Возможность взять займы у новых лиц означает, что кредит не исчез полностью.

Наконец, третий тип мобилизации, к которому заключенные прибегают лишь в крайнем случае, если они находятся в тюрьме уже очень долго, – это продажа своих активов, всего, что может быть продано быстро и за неплохую цену. Нередко арестанты продают свою одежду и мебель; так, например, поступил виноторговец по фамилии Кален: он продал свою мебель, личные вещи, одежду и даже винный погреб в общей сложности за 2500 ливров – отличный результат, свидетельствующий о том, что до ареста Кален был человеком зажиточным. Булочнику, попавшему в тюрьму в 1751 году, пришлось ради выхода на свободу продать целых три лавки на центральном рынке⁵⁰². Тюремное заключение заставляет неисправных должников пускаться во все тяжкие, мобилизовывать весь капитал, которым они располагают, включая обращаемое в недвижимость движимое имущество (вплоть до мебели и одежды, которые современники считают «спасательной доской»). К такому превращению имущества в финансовый ресурс парижане XVIII века, как правило, прибегают вследствие жизненных неудач, то есть непредвиденных обстоятельств, имеющих длительные неприятные последствия. Люди, находящиеся на свободе, используют подобные ресурсы только в случае тяжелой болезни, но долговая тюрьма не оставляет им выбора⁵⁰³.

В целом совершенно очевидно, что типы мобилизации зависят от социально-экономических характеристик заключенного, но также – и даже в большей степени – от длительности его нахождения под замком. Почти половина неисправных должников выходит на свободу через пять дней или даже раньше, но бывает и по-другому: некоторые заключенные проводят под замком несколько месяцев. Чем дольше человек остается в тюрьме, тем меньше у него возможностей заплатить долг, поэтому он предпринимает попытки обратить в деньги имущество наименее мобильное, которое трудно продать быстро или которое он мечтал сохранить для себя

⁵⁰¹ MC/ET/LXXXV/631.

⁵⁰² MC/ET/LXXXV/528.

⁵⁰³ Farge 1986. Voir MC/ET/LXXXV/529.

(мебель и одежда). Истощаются и возможности мобилизовать доступные связи; заключенному отказывают в кредите собратья по профессии и ему остается надеяться только на семью. Таким образом, и круг активов, и круг связей, доступных для мобилизации, сужаются параллельно. С течением времени шансы должника выплатить долг уменьшаются. Тут в игру вступают кредиторы. По прошествии некоторого времени неисправные должники все-таки выходят на свободу с разрешения кредиторов, которым надоедает кормить его в тюрьме, и они предоставляют ему отсрочку. Кредиторы понимают, что человеку, находящемуся в тюрьме, найти средства для уплаты долга гораздо сложнее.

ПРОСТРАНСТВА И МЕСТА МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ

Тому, кто хочет понять, как происходит мобилизация экономических и социальных ресурсов, следует принять в расчет специфику пребывания в тюрьме и оценить интенсивность его влияния на действующих лиц и их действия. В камеры узников запирают только на ночь; днем они имеют право свободно передвигаться внутри тюрьмы, но не могут покинуть ее пределы. Между тем тюремное пространство ограничивает возможности экономической мобилизации.

Все дело в том, что составить нотариальный акт можно только в одном определенном месте внутри тюрьмы. При подписании такого акта обязаны присутствовать одновременно и нотариус, и заключенный. Поскольку заключенные выйти из тюрьмы не могут, нотариус или его помощник должен явиться в тюрьму, а уж потом дать бумагу на подпись второй стороне в своем кабинете. Это усложняет экономические операции, замедляет вступление нотариальных актов в силу и, скорее всего, увеличивает цену услуги. Вдобавок даже внутри самой тюрьмы заключенные не могут общаться с нотариусом где попало – например, в своей камере, где им было бы гораздо комфортнее обсуждать свои финансовые дела. Чтобы акт считался законным, он должен быть подписан в одном-единственном месте – между двумя низкими тюремными воротами, одни из которых выходят на улицу, а другие – во внутренний двор тюрьмы. Пространство, располагающееся между ними, – это вход в тюрьму, и там всегда находятся один или несколько стражей, следящих за теми, кто входит в тюрьму и кто из нее выходит. Юридически это пространство считалось в то время «местом свободы». Формула эта повторяется во всех нотариальных актах; она известна юрисконсультам⁵⁰⁴. Поскольку всякое соглашение, для того чтобы войти в законную силу, должно быть подписано свободно, без принуждения, следовало отыскать юридический способ выделить внутри тюремного пространства, где человек по определению лишается всякой свободы, такое место, где он мог бы считаться свободным⁵⁰⁵. Некоторые нотариусы, чтобы развеять всякие сомнения в законности составленного акта, специально подчеркивают это обстоятельство: «Дано между двумя воротами сей тюрьмы как в месте свободы ради действенности и законности сего документа»⁵⁰⁶. Сравнительный оборот («как в месте свободы») указывает на то, что перед нами своеобразная юридическая *фикция*⁵⁰⁷, пытающаяся совместить требование свободы с реальностью заточения. Созданию фикции благоприятствует то обстоятельство, что указанное пространство располагается неподалеку от входа

⁵⁰⁴ «Поскольку заключенный заинтересован в том, чтобы вести переговоры со своими кредиторами, заключать с ними соглашения или улаживать с другими заимодавцами, дабы доставить себе средства выйти на свободу, назначено в тюрьмах место, где возможно подписать законное соглашение, располагается же это место между двумя воротами. Там заключенный считается свободным» (статья «Тюрьма», Guyot 1783. P. 253).

⁵⁰⁵ «Поскольку тюрьма не предназначена для отбывания каких-либо наказаний, кроме лишения свободы, это единственное ограничение, какому подвергается человек, там заключенный» (Ibid.).

⁵⁰⁶ MC/ET/LXXXV/528.

⁵⁰⁷ Отчасти похожие формы античных и средневековых юридических фикций изучены в статье «Fictio legis. Власть римской фикции и ее средневековые границы» (Thomas 1995).

в тюрьму, а значит, и от выхода из нее. Когда заключенный направляется подписывать нотариальный акт, он проделывает путь обратный тому, какой привел его в тюрьму. Так вот, необходимость подписывать документы именно в этом месте существенно осложняет ситуацию, поскольку там на тесном пятчке чаще всего толпится очень много народу и соблюдать конфиденциальность практически невозможно.

Насколько можно судить, перечень пространств, в которых заключенные могут заключать соглашения, очень ограничен. Помимо пространства между двумя воротами к ним, по видимому, относится и канцелярия, поскольку в некоторых актах имеется уточнение, гласящее, что заключенный поставил свою подпись между воротами, другие же подписывающие стороны находились в канцелярии⁵⁰⁸. Там обстановка более спокойная, и стороны могут вести переговоры, о чем свидетельствуют тюремные реестры. Кроме того, канцелярский служащий служит связующим звеном между тюрьмой и внешним миром, в том числе финансовым посредником, когда относит вклады по доверенности к ближайшему нотариусу⁵⁰⁹. Наконец, последние места мобилизации ресурсов – те, где заключенные создают себе *пространство для маневра*⁵¹⁰. Арестанты могут говорить о делах со своими близкими в камерах, тюремном дворе или даже питейных заведениях внутри тюрьмы⁵¹¹. К несчастью, сохранилось слишком мало свидетельств о формах и типах использования этих пространств, в которых заключенные имели право принимать посетителей.

Тюрьмы, созданные для того, чтобы лишать людей свободы и держать их под замком, не предназначены для решения экономических вопросов. Итак, человеку, попавшему в тюрьму, труднее мобилизовать ресурсы; заключенный волен принимать посетителей, но он в большой степени утрачивает возможность проявлять инициативу, в том числе экономическую. Чтобы общаться с нотариусом, чтобы написать родственникам и попросить у них денег, чтобы обратиться к кредитору – для всего этого чаще всего приходится прибегать к услугам *комиссионера*, завсегдатая тюрьмы (он либо живет и работает поблизости, либо постоянно занимается исполнением чужих поручений), а он требует плату за каждую комиссию, будь то доставление писем, покупка пищи или каких-то вещей. Из всего сказанного следует, что заключенному легче мобилизовать ближайшие социальные связи, чем дальние экономические. Именно это частично объясняет обращение к практике поручительства.

КОГДА СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СТАНОВИТСЯ КАПИТАЛОМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ: ПРАКТИКА ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

Под конец мы хотели бы рассмотреть вопрос о поручительстве, который позволяет объединить все темы, затронутые выше (долг, деньги, связи). Практика поручительства позволяет также наглядно показать превращение социальных связей в финансовый ресурс, поскольку поручительство третьего лица дает должнику возможность выйти на свободу без уплаты всего долга целиком; кредитор при этом получает право требовать уплаты недостающей суммы с лица, ставшего поручителем. Должник прибегает к этому средству, если ему не удастся мобилизовать достаточно денег, чтобы заплатить долг, но удастся конвертировать свой социальный капитал⁵¹² (то есть совокупность своих связей и знакомств) в капитал экономический.

⁵⁰⁸ MC/ET/LXXXV/528.

⁵⁰⁹ MC/ET/VI/861.

⁵¹⁰ De Certeau 1990.

⁵¹¹ BNF, Joly de Fleury, volume 519, folio 348. См. также письма Панталеона Гужи, касающиеся питейного заведения в тюрьме Консьержери (Garnot, Gougis 1994). Следует подчеркнуть, что тюремные уставы (например, общий устав 1717 года или принятый в феврале 1782 года устав тюрьмы Ла-Форс) никак не затрагивали этот вопрос и в числе прав и обязанностей заключенных указывали только обязанность не покидать пределов тюрьмы.

⁵¹² Bourdieu 1980.

Кроме того, наличие поручителя свидетельствует о недоверчивости кредитора, сомневающегося в том, что он в конце концов получит всю сумму долга. Именно с таким кредитором имел дело Этьенн Карон, литейщик, задолжавший слишком большому числу кредиторов и неспособный удовлетворить их всех с помощью своих экономических активов. Заключенный в Большой Шатле 7 августа 1770 года за неуплату долга в 1400 ливров двум кредиторам по трем искам, он, мобилизовав доступные ресурсы, выходит на свободу в тот же самый день, то есть с исключительной быстротой⁵¹³. С одним из своих кредиторов он расплачивается, делегировав ему ту сумму, которую должна ему самому религиозная конгрегация Святой Женевиевы за проданные ей предметы культа из золота и серебра (подсвечник, крест, дарохранительница). В этом случае для своего освобождения он просто превращает собственных должников в должников своего кредитора. Однако, несмотря на это, кредитор соглашается выпустить его на свободу, только если он представит два поручительства, и притом на очень суровых условиях. Жена и брат Карона совместно ручаются за него своей свободой и своим имуществом «настоящим и будущим». Чтобы удовлетворить второго кредитора, которому он должен 200 ливров, Карон прибегает к поручительству Клода Бернара Эбана, тоже литейщика. Тот ручается при необходимости выплатить эти 200 ливров, и кредитор соглашается на освобождение Карона благодаря одному поручительству.

На этом примере мы видим, что существовали две разновидности поручительства, каждая со своей особой целью. Поручительство первого типа служит не для получения отсрочки платежа, но для того, чтобы гарантировать кредитору выплату всей суммы долга. Второе – поручительство более классическое, которое позволяет содержащемуся в тюрьме должнику не тратить ради освобождения собственные деньги, но использовать социальный и экономический кредит другого лица. Такое поручительство укрепляет и освежает долг, который должник даже не начал выплачивать. Разумеется, выбор того или иного типа поручительства зависит от величины долга, но также и от отношений между должником и кредитором. Рассматриваемый пример ясно показывает, что важны и суммы долга, и отношения должник/кредитор. Так, второй кредитор отправляет неплательщика в тюрьму только ради того, чтобы напомнить о своей власти, но удовлетворяется поручительством, не распространяющимся на все имущество. Напротив, первому необходимы целых два поручительства, хотя ему гарантирована выплата долга с некоторой отсрочкой.

Преимущество поручительства заключается в том, что его можно пустить в ход очень быстро; люди, прибегающие к нему, находятся в тюрьме совсем недолго⁵¹⁴. Так, из всех заемщиков, посаженных за долги в Большой Шатле с июля 1770 по март 1772 года, к поручительству прибегли 45 арестантов из 291, и пробыли они в тюрьме в среднем три дня, тогда как для всех вообще неисправных должников средний срок тюремного заключения равнялся 48 дням. Среди тех, кто ручается за должников, большинство составляют братья по ремеслу или соседи, а также жены. Теснота социальных связей оказывается в данном случае преимуществом, поскольку позволяет прийти на помощь очень быстро. Поручительство – большая удача для должника, но не следует забывать, что оно укрепляет власть кредитора, поскольку позволяет ему расширить круг предметов, которыми он может завладеть, и приобрести власть не только над должником, но и над другими людьми, включая жену должника, если за мужа ручается она. В самом деле, люди ручаются чаще всего своей свободой и своим имуществом, а это дает кредитору уверенность в том, что он не останется внакладе, даже если супруги разделят капитал – что часто случается при банкротствах, когда жена спасает часть имущества, по

⁵¹³ MC/ET/LXXXV/528.

⁵¹⁴ Например, в марте 1788 года один сапожник, посаженный в тюрьму своим кредитором кожевником из-за трех исков на общую сумму около 1000 ливров, выходит на свободу уже через два дня, благодаря поручительству торговца Жана Клода Деланонса, который не только ручается за должника, но и платит из своего кармана 652 ливра (Archives de la Préfecture de Police de Paris, AB 321).

суду отделив его от имущества мужа. Таким образом, для должника поручительства – обоюдо-острое оружие, свидетельство чего – содержащиеся в реестрах сведения о людях, попавших в тюрьму вследствие солидарного поручительства. Кредитор оценивает качество поручительства – и может даже, как в примере, приведенном выше, потребовать целых два поручительства, что вообще-то представляет собою исключение из правила, поскольку обычно одного поручительства оказывается достаточно. Чтобы не платить наличными, поручители делают залогом собственную свободу. А потому в случае неуплаты они сами могут попасть в тюрьму, и именно эта гарантия превращает поручительство в экономический капитал, поскольку лишь если человек лишается свободы, его личность обретает цену – прямо или опосредованно, путем мобилизации активов или социальных связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами формы мобилизации носят сугубо институциональный характер: они совершаются при посредничестве нотариуса и нуждаются в подписании законных документов; однако предварительно должник должен обсудить множество вопросов с теми, на кого он рассчитывает. И вот эти этапы мобилизации ускользают от взора историка, поскольку носят сугубо неформальный характер. В самом деле, если обратиться к тюремным реестрам, становится очевидно, что лишь очень малой части освобождений предшествует составление нотариального акта. Тем не менее, поскольку внеюридические соглашения часто заключаются на тех же основаниях, что и юридические⁵¹⁵, мы можем предположить, что описанные в нашей статье способы выхода на свободу благодаря мобилизации активов и связей составляли довольно значительную долю от общего числа освобождений. В самом деле, некоторые соглашения не нуждаются в нотариальном заверении и могут быть заключены в частном порядке: таковы заключение нового долгового обязательства, договоренность от отсрочке платежа, некоторые делегирования и т. д. Впрочем, тем, кто остается в заключении в течение длительного периода, все-таки приходится прибегать к услугам нотариуса; это случается, если за время, проведенное в тюрьме, должник теряет доверие кредитора или если сумма долга очень велика.

Нотариальные акты позволяют оценить, какие формы финансовой и социальной мобилизации были доступны для неисправных должников, заключенных в тюрьму. Они вписываются в особый социально-экономический контекст – контекст общества, которое зиждется на долгах и кредитах; члены его привыкли жонглировать долговыми обязательствами. Долги в таком обществе – органическая составляющая межличностных отношений; уплата их осуществляется с помощью социализированных средств, и рассматривать ее следует в контексте определенных социально-экономических отношений⁵¹⁶. Поэтому в экономической и социальной мобилизации, к которой прибегают должники, нет ничего удивительного⁵¹⁷. Однако в данном случае она сопровождается некоторыми ограничениями, которые влияют на решения, принимаемые арестантами. Так, лишение свободы заставляет должников, попавших в тюрьму, предпочитать быстрые решения, а следовательно, задействовать лишь ближайшие связи. Прежде всего арестанты обращаются к личным активам и, в частности, к долговым обязательствам, которые переписывают на собственных должников, перекладывая на них обязанность выплатить необходимую сумму. Затем они мобилизуют семейные и профессиональные связи, чтобы мобилизовать активы других социально-экономических кругов. Если же эти два источника

⁵¹⁵ Piant 2015; Garnot 2000: внеюридическими считаются все соглашения, которые могли бы быть заключены по суду, но заключены во внесудебном порядке двумя сторонами в присутствии третьей, способствующей достижению согласия и обладающей определенной легитимностью в глазах сторон (кюре, нотариус и пр.).

⁵¹⁶ Zelizer 2005.

⁵¹⁷ Fontaine 2008.

оказываются исчерпанными, должникам остается лишь прибегнуть к своим «неприкосновенным запасам», что может грозить им по выходе из тюрьмы потерей социального статуса. Таким образом, параллельно происходят два процесса: по прошествии времени должники мобилизуют активы, которые наименее легко обращаются в деньги или которые прежде стремились сохранить, и задействуют все более и более близкие связи.

Таким образом, разговор об экономических стратегиях неисправных должников, заключенных в тюрьму, нельзя вести, не оценивая одновременно их активы и их связи. Это смешение денег и социальных контактов на руку кредиторам, которые, конечно, желали бы получить все свои деньги сразу, но еще больше заинтересованы в том, чтобы гарантировать себе возмещение денег в будущем, а следовательно, приветствуют вовлечение в дело многочисленных родственников и знакомых заключенного; это обнадеживает кредиторов и укрепляет их веру в долговые обязательства заемщика. В этом смысле можно сказать, как ни парадоксально, что попадание должника в тюрьму оживляет долговые отношения: оно заставляет должника активировать их, в частности, предоставляя социальные гарантии. Кроме того, тюремное заключение помогает кредитору оценить способность должника мобилизовать свои связи. Именно это происходит, когда должник прибегает к поручительству, которое позволяет ему быстро выйти на свободу, не отдавая кредитору всю сумму долга. Эта практика доказывает, что для кредитора цель заключения должника в тюрьму – получить новые гарантии выплаты долга, поскольку он утратил доверие к старым. Поэтому он связывает должника новой сетью обязательств, которая в данном случае дублируется солидарной ответственностью поручителя и должника.

Наконец, изучение мобилизации активов и связей помогает также оценить воздействие тюремного заключения на должников: им приходится постоянно отыскивать себе пространство для маневра внутри тюрьмы, в частности для обсуждения экономических вопросов. Ведь деньги, с одной стороны, материализуют отсутствие свободы, поскольку к тюремным стенам, ограничивающим свободу заключенного, прибавляются также стены финансовые. Но, с другой стороны, те же самые деньги связывают заключенного с социально-экономической жизнью за стенами тюрьмы. Деньги служат медиатором между тюрьмой и внешним миром, поскольку они не могут существовать в отсутствие породивших их социальных связей – тех самых связей, которые и дают должникам надежду выйти из тюрьмы на свободу.

Перевод с французского Веры Мильчиной

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Guyot 1783 – *Guyot*. Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile, criminelle canonique et bénéficiale. Paris, 1783.

Lavoisier 1865 — *Lavoisier A.-L.* Oeuvres de Lavoisier. Paris, 1865.

Исследования

Abdela 2017 – *Abdela S.* Formes et réformes: la prison parisienne au XVIIIe siècle, thèse de doctorat soutenue le 22 septembre 2017 à l'université de Caen Normandie. Caen, 2017.

Bonini 1991 – *Bonini R.* La carcere dei debitori: linee di una vicenda settecentesca. Torino, 1991.

Bourdieu 1980 – *Bourdieu P.* Le capital social // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. Vol. 31. P. 2–3.

Braudel, Labrousse 1993 – *Braudel F., Labrousse E.* Histoire économique et sociale de la France. Volume II (1660–1789): Des derniers temps de l'âge seigneurial aux préludes de l'âge industriel. Paris, 1993.

De Certeau 1990 – *De Certeau M.* L'invention du quotidien, tome 1: Arts de faire. Paris, 1990.

Dégez-Selves 2013 – *Dégez-Selves C.* Une société carcérale: la prison de la Conciergerie (fin XVIe – milieu XVIIe siècles), thèse de doctorat soutenue le 16 octobre 2013 à l'université Paris-Sorbonne. Paris, 2013.

Farge 1986 – *Farge A.* La vie fragile. Violence, pouvoirs et solidarité à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 1986.

Fontaine 2008 – *Fontaine L.* L'économie morale: Pauvreté, crédit et confiance dans l'Europe préindustrielle. Paris, 2008.

Garnot, Gougis 1994 – *Garnot B., Gougis P.* Vivre en Prison au XVIIIe Siècle: Lettres de Pantaléon Gougis, Vignerons Chartrain, 1758–1762. Paris, 1994.

Garnot 2000 – *Garnot B.* Justice, infrajustice, parajustice et extrajustice dans la France d'Ancien Régime // Crime, Histoire & Sociétés. 2000. Vol. 4. P. 103–120.

Hardwick 2009 – *Hardwick J.* Family Business: Litigation and the Political Economies of Daily in Early Modern France. Oxford, 2009.

Hoffman et al. 2001 – *Hoffman P.-T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L.* Des marchés sans prix: Une économie politique du crédit à Paris, 1660–1870. Paris, 2001.

Innes 1980 – *Innes J.* The King's Bench prison in the later eighteenth century: law, authority and order in a London debtors' prison // Brewer J., Styles J. (Ed.) An Ungovernable people. The English and their law in the seventeenth and eighteenth centuries. New Brunswick, 1980.

Muchnik 2019 – *Muchnik N.* Les prisons de la foi. L'enfermement des minorités (XVI–XVIIIe siècle). Paris, 2019.

Paul 2019 – *Paul T.* The Poverty of Disaster. Debt and Insecurity in Eighteenth-Century Britain. Cambridge, 2019.

Piant 2015 – *Piant H.* Une justice ordinaire: Justice civile et criminelle dans la prévôté royale de Vaucouleurs sous l'Ancien Régime. Rennes, 2015.

Thomas 1995 – *Thomas Y.* Fictio legis. L'empire de la fiction romaine et ses limites médiévales // Droits. Revue française de théorie juridique. 1995. Vol. 21. P. 17–63.

Wakelam 2020 – *Wakelam A.* Credit and Debt in Eighteenth-Century England. An Economic History of Debtor's Prisons. Londres, 2020.

Zelizer 2005 – *Zelizer V.* La Signification sociale de l'argent. Paris, 2005.

Наталья Мучник
«AS A LITTLE CITY IN A COMMONWEALTH
(КАК МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД В СОДРУЖЕСТВЕ)»
Жизнь квартала в тюрьмах XVI–
XVII веков (Англия, Франция, Испания)

В их совместно написанном памфлете «Счетное содружество, или Путешествие на адский остров», опубликованном в Лондоне в 1617 году, поэт Уильям Феннор и драматург Томас Дэккер, которые оба познали тюрьму, иронически описывают ее как commonwealth: сообщество в миниатюре, имеющее свою социальную структуру и свои иерархии, но где встречаются все типы личностей и зол английского общества⁵¹⁸. Они разворачивают сатиру, вводя понятие the hole (дыра) и определяя его через понятие hell (ад), говоря о некоторых темницах, где в заточении находятся самые бедные, как «маленький город в содружестве (Commonwealth)»⁵¹⁹. Этот образ тюрьмы как микрокосм, как такая синекдоха общества, несмотря на все потрясения, которые производит само заточение, обнаруживается во многих описаниях тюремного заключения в Европе в период с XVI по XVIII столетие. Социальная неоднородность заключенных отчасти объясняет разнообразие условий их инкарцерации (содержания под стражей. – *Примеч. пер.*), будь то речь об их питании, их жилье, об их отношениях с внешним миром или с надсмотрщиками тюрьмы. Последние же составляют тоже заинтересованную часть этого общества вместе с их семьями⁵²⁰; именно они способствуют структурированию различных кварталов, которые и составляли пространства заточения; сами же эти пространства были предельно разнообразны в этот период.

Мое исследование основано на английском, французском и испанском случаях, в которых места лишения свободы и даже в более широком рассмотрении сами социополитические структуры, в которые эти места вписываются, обнаруживают достаточное количество аналогий для проведения сравнительного подхода. Среди этих мест тюремного заключения мое внимание будет сосредоточено в основном на городских тюрьмах, часто примыкающих к судам, от которых они зависят или которые занимают ранее существовавшие здания (городские ворота, крепости, темницы, дворцы и т. д.), а также на одном типе заключенных: обвиняемых или осужденных по вопросу веры. В частности, речь идет о криптоиудеях в Испании, которых преследовала инквизиция между XVI и XVIII веками, а также (крипто) католиках в Англии после установления протестантской Реформы в середине XVI века и (крипто) протестантах во Франции до и особенно после запрета протестантизма законом об Отмене Нантского эдикта в 1685 году⁵²¹. Их заключение под стражу является одновременно как превентивным арестом на время судебного разбирательства, потому что такова мера безопасности, которая должна способствовать процессу, но оно также является и уголовным наказанием уже после осуждения, часто в ожидании другой формы наказания (казнь, изгнание и т. д.).

Таким образом, нам предстоит вернуться к особенностям иерархизаций в пенитенциарном обществе (1), которые имеют как материальные, так и символические проявления и отголоски. Одно из таких самых значимых проявлений касается структурирования тюремного пространства, которое разрезается на кварталы (2). Способы его социализации во многом напоминают «территории маневрирования» в описаниях социолога Ирвина Гоффмана. Социа-

⁵¹⁸ Fennor 1617; Ahnert 2013. P. 198–199.

⁵¹⁹ Fennor 1617. P. 82. См.: Pendry 1974. Т. 1. P. 94–95; Salgado 1977. P. 172.

⁵²⁰ Члены семей самих надсмотрщиков тоже проживали в тюрьме на постоянной основе (*примеч. пер.*).

⁵²¹ Более подробно об этих заключенных см.: Muchnik 2019.

бельность и циркуляции заключенных по-разному вписываются в это пространство, официально или неофициально, несмотря на то что они преодолевают стены тюрьмы в попытках захватить окружающие сообщества.

1. ИЕРАРХИЗАЦИИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ СООБЩЕСТВЕ

Прежде чем говорить об иерархиях, нам следует дать определение карцеральных сообществ: являются ли они, подобно «тотальным институциям», как их определил Гоффман, «одновременно и редуцированной моделью, и карикатурой глобального общества»⁵²²? Имеет ли тут место некая последовательность или, скорее наоборот, переструктурирование социальных ролей? Современная тюремная социализация не раз выступала предметом многочисленных дискуссий, особенно вокруг процесса «призонизации» («отюремнивания». – *Примеч. пер.*), о котором говорил Дональд Клеммер⁵²³. По его словам, когда заключенные приспосабливаются к порядкам, установленным в тюрьмах и в определенной степени принимают саму общую культуру тюрьмы или «inmate code» («кодекс заключенных»), они порывают с внешними ценностями и способами социализации. Адаптация заключенных к тюремным условиям идет рука об руку с интеграцией новых социальных ролей, связанных с различными преступлениями, совершенными ими, а также с возрастающей солидарностью по отношению к другим заключенным, порожденной схожими условиями жизни и теми нехватками чего-либо, с которыми они сталкиваются в тюрьме. Однако следует отметить, что этот процесс приспособления варьируется в зависимости от самих индивидуумов и их личностей, от заведений и от окружающих сообществ, а также от проведенного в тюрьме времени и от тех связей и отношений, которые заключенные имеют за пределами тюрьмы. Более того, в XVI–XVIII веках эти вариации в структурах, которые по своей природе очень неоднородны и которые в значительной степени оставлены на усмотрение тюремщиков, в частности касательно перемещений заключенных, имеют большее значение, чем в более поздние периоды. Сегодняшние подходы к тюрьмам скорее принимают во внимание первичную культуру каждого из заключенных, которая, с учетом типов правонарушений, порождает столько же субкультур: происходит, таким образом, привнесение ценностей и референтов из внешнего мира. Между прочим, помимо описаний этих приспособлений и обходных путей, которые осуществляются узниками, уже Гоффман говорил о «привнесенной культуре», которую не удастся стереть пенитенциарному учреждению.

Совсем недавно эта открытость тюрьмы (по отношению к внешнему миру. – *Примеч. пер.*) была выделена историографическими исследованиями, такой подход очень соответствует специфике тюремного заключения в XVI–XVIII веках, а также разнообразию карцеральных культур. Микросообщества, которые там разворачиваются, изучаются, таким образом, в зависимости от их собственных референтов, но всегда в отношении с референтами из «окружающих их социальных экосистем», используя удачное выражение Филиппа Комбесси касательно современных тюрем⁵²⁴. Так, существует некий континуум между тюрьмой и окружающим обществом, особенно в XVI–XVIII веках, когда внутренняя проницаемость⁵²⁵ между ними была еще сильнее, чем сегодня. Этот континуум проявляется, как правило, в реконституировании и в мобилизации заключенными их сетей взаимознакомств, предшествующих тюремному заключению или же в формировании околотюремной общественности, объединяющей всех посети-

⁵²² Robert Castel, в введении к: Goffman 1968. P. 30.

⁵²³ Clemmer 1958. P. 299.

⁵²⁴ Combessie 1994.

⁵²⁵ Пропускная способность общества (в тюремную систему просачиваются элементы из внешнего общества и наоборот), которое отличалось особой «пористостью» в том смысле, что оно не создавало никаких внутренних препятствий для проходимости через него одним и другим (*примеч. пер.*).

телей и родственников, которые взаимодействуют с заключенными более или менее регулярно. Этот континуум становится тем более заметен, чем сильнее внешние вмешательства (посетители, поставщики и пр.), которые часто вступают во взаимодействие с узниками, оказывают влияние на их общественность и на их траектории – особенно когда заключенные содержатся под стражей в их родном регионе – и сверх того, влияют на нормы и на функционирование тюремного общества вместе взятые.

Неравенство режимов лишения свободы в зависимости от индивидуумов, от их социального статуса и от их финансовых ресурсов или же от стадии процесса или предписанных мер, характеризует тюремную систему Старого режима. Это неравенство сильно проявляется, потому что заключенные покрывают в таком случае гораздо более широкий социальный спектр, чем сегодня, из-за широты разнообразия совершенных ими деяний, в которые входит в особенности заключение под стражу за долги. Эта гетерогенность особенно проявляется в различиях касательно правонарушений заключенных, например, по вопросам веры, в той же степени это касается возраста, поскольку среди заключенных встречаются как молодые-взрослые, так и пожилые люди, а также пола, так как велико присутствие женщин. Это количество женщин и относительная смешанность тюремных пространств, как по половым различиям, так и в плане социоэкономических позиций, составляют одну из особенностей не только здесь рассматриваемых популяций, но, в более широком смысле, вообще пенитенциарных сообществ в эпоху модерна по сравнению с современными тюремными сообществами, которые в целом оказываются более однородными. Тюрьма – это «сообщество тотального дефицита», фракционное, в котором всякий комфорт порождает различия⁵²⁶. В XVII веке в парижских тюремных учреждениях существуют три основные формы проживания – даже если и гамма тарифов оказывается, на самом деле, более широкой: те из заключенных, кто спит на соломе, те, у кого есть кровать, и те, кто вдобавок может есть за консьержским столом⁵²⁷ (столом тюремщика. – *Примеч. пер.*). Эти формы разрозненности отражаются в различающихся правах на оплату проживания и охраны (уплата за «жилье в камере», или «gîte de geôlage» во Франции, плата за carcerage в Испании и уплата prison-fees в Англии), которые заключенные каждодневно выплачивают тюремщикам. Невыплаты этих пошлин могут к тому же повлечь за собой дисциплинарные взыскания и даже помешать освобождению из тюрьмы в конце тюремного заключения. Поэтому каждый этап карцеральной жизни, начиная с вопросов о питании, белья или свечей и заканчивая железом с цепями, предполагает свои финансовые платежи со стороны самих заключенных, с самого своего момента прибытия в тюрьму заключенные тут же оплачивают «пошлины за входение и за выход» (droit d'entrée et d'issue во Франции и entry/entrance fee в Англии). Эти выплаты предназначаются не только надсмотрщикам. Например, оплата «droit de bienvenue» (прав за входение в тюрьму) или «provosté» (entrada или bienvenida в Испании) выплачивается (новоприбывшими заключенными. – *Примеч. пер.*) самому долгосидящему заключенному в их камере, называемому «doyen» (дуайен) или «prévôt» во Франции. Этот ритуал задает иерархии в пенитенциарном сообществе и показывает, что формы контроля осуществляются одновременно и со стороны официальных авторитетов, и со стороны заключенных.

Если бедные зависят от трибуналов, от пожертвований, или от так называемого во Франции и в Испании «хлеба короля», самые богатые пользуются, следовательно, некоторым комфортом. Помимо того что у них есть слуги – или рабы, особенно в Испании, – которые поступают в тюрьму вместе с их господами, они пользуются более изысканными услугами питания, некоторые имеют доступ к столу тюремщиков или получают питание от своих близких извне. В

⁵²⁶ Delarue 2012. P. 89, 93.

⁵²⁷ Degez-Selves 2013. Т. 1. P. 220–221. Те же тарифы объявлены парижским парламентом 11 декабря 1697 года, см. в Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque Nationale de France): Ms. Joly de Fleury 1287, f°6.

тюрьме Дюнкерка в 1695 году комиссар города отмечает, что «каждому заключенному полагается три четверти белого хлеба из муки биз⁵²⁸ в день, две с половиной унции сыра и одна пинта легкого пива, заключенный уплачивает за это четыре соля», но добавляет, что «те, кто питается за хозяйским столом, уплачивая при этом 30 солей, живут достаточно хорошо»⁵²⁹. Речь идет не только о финансовых возможностях заключенных, но и об их социальном статусе. В лондонской тюрьме The fleet градация в типах пайков осуществляется согласно суммам, установленным в 1592 году: lord (лорд духовный или мирской) должен уплачивать около 33 шиллингов в неделю, рыцарь (un knight) или доктор платит 18 (или 16) шиллингов и шесть пенсов, а вот esquire (оруженосец, без титула, но член дворянства gentry), gentleman или yeoman (крестьянин собственник) всего 10 шиллингов⁵³⁰. В некоторых случаях выплаты подразделяются даже на титулы знати (герцог, маркиз, граф и т. д.)⁵³¹. Иерархизация устанавливается также касательно одежды, белья и постели. Например, узникам Инквизиции разрешается принести с собой некоторые объекты мебели и предметы, они также могут вернуть часть своих личных вещей, конфискованных судом, или получить плоды от их продажи. Этим объясняется вместительный гардероб и богатая мебель, которые Ана де Деза имела в декабре 1561 года в своей «розовой камере» во время заключения в замке Триана, который был крепостью Инквизиции в Севилье. Инвентарь включал деревянную кровать, жаровню, котел, стол и скамейки, три матраса, подушки, простыни, коврики, книги, прялки, а в сундуке – рубашки, носовые платки и другую одежду. Надо сказать, что молодая женщина, обвиненная в протестантизме и приговоренная в апреле 1562 года к шести годам тюремного заключения и конфискации трети ее имущества, принадлежала к знатной семье в этом регионе⁵³². Но чаще всего мебель арендует надзиратель. Однако узники могут получать деньги, еду или одежду извне. Благодарственные записки женщин, заключенных в тюрьму за протестантизм в башне Тур де Констанс, в крепости Эг-Морт (Aigue-Mort) на юге Франции, показывают, что они получали рис и чечевицу, а также масло, мыло, дерево и ткани, которые пересылали им их родственниками или благодетели снаружи⁵³³.

Финансовые ресурсы или социальный статус, безусловно, не единственные факторы, влияющие на иерархизацию в тюрьме. Другие критерии способствуют также учреждению различных социальных позиций в тюремном обществе (авторитетные или нет, эти позиции в тюрьме могут отличаться от социальных ролей, которые заключенные имели вне тюрьмы. – *Примеч. пер.*). Так, например, обстоит дело с количеством лет, проведенных в одном тюремном учреждении, в течение которых заключенный приобретает знание официальных и неофициальных правил тюремной жизни, знакомства с надсмотрщиками, охранниками и сообществом заключенных, владение языком, тюремным временем и пространством, все это позволяет им наращивать сеть внутренних и внешних знакомств. В остальном в определенном количестве тюремных камер «старейшины» образуют целую институционализированную категорию, служащую посредником для тюремщиков и надзирателей, которых обычно совсем немного по сравнению с большим количеством заключенных в камерах⁵³⁴. К тому же различные гонорары, выплачиваемые новичками своему «дуайену», представляют собой дань уважения или даже обозначают признание этой формы авторитета. Во Франции эти «prévôts des chambres» (начальники комнат) держат у себя ключи от так называемой «коробки для бедных», в которую они собирают

⁵²⁸ Хлеб, испеченный из особенной цельнозерновой жерновой муки, называемой «биз». Здесь, вероятно, имеется в виду белый хлеб, так как обыкновенно он имеет коричневый оттенок.

⁵²⁹ Национальный архив (Paris, Archives Nationales [AN]), Marine, B6/88, fol. 129r. и Forget 1971. P. 154.

⁵³⁰ De Clifton Parmiter 1988. P. 32, 39, а также Roche Dasent 1890–1907. Т. XXIII. P. 109, 306.

⁵³¹ О тюрьме The Fleet см.: Pendry 1974. Т. 2. P. 188.

⁵³² Мадрид, Национальный исторический архив: Madrid, Archivo Histórico Nacional [AHN], секция Инквизиции [INQ], Liasse 2943 (46) и Boeglin 2003. P. 282.

⁵³³ Lettres de Marie Durand 1986. P. 26–27, 109–111, 127, 129 и т. д.

⁵³⁴ О роли посредников см., например: Abdela 2017. P. 575–577.

милостыню, контролируют пожертвования своих товарищей по заключению, хранят уплату за «право комнаты», оплату «удобств» (свечи, слуги и т. д.), и эти начальники комнат могут также получать поддержку со стороны «совета» и «сержантов» (других «старейшин») ⁵³⁵. В некоторых лондонских тюрьмах, таких как Wood Street Counter, совет из «двенадцати старейших (old) заключенных» помогает их «старшему стюарду» (Master Steward) заведовать «дырой» (hole), одним из самых неблагополучных районов тюрьмы ⁵³⁶. Есть там и женщины, которых тоже возглавляет одна самая давняя заключенная «старейшина» в начале XVII века ⁵³⁷. В остальном нередко бывает, что и сами stewards, или дуайены каждого округа, избираемые своими сокамерниками, тоже являются самыми давними в своем месте заключения.

Различные социальные модусы дифференциации в тюремном обществе также находят продолжение и в пространственном отношении, подразделяя кварталы тюремного пространства в зависимости от статуса доходов заключенных. Таким образом, если эти места оказываются очень разнородными между собой, потому что обустроены в уже существующих сооружениях, то и внутри себя каждый район также оказывается гетерогенным. Эта гетерогенность особенно отмечена тем обстоятельством, что тюрьмы часто соседствуют с трибуналами, к которым они привязаны, и еще от того, что в них проживают надсмотрщики на том же основании, что и заключенные.

2. СОСТАВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Тюрьмы организованы согласно их структурам и практическому поведению действующих лиц, они подразделяются на подпространства, ограниченные двумя порогами: материальными и символическими границами.

Кроме трибуналов, которые, как уже сказано, часто соседствуют с тюрьмами или даже пристроены к ним, первое подразделение касается кварталов тюремщиков и надзирателей. Жилище тюремщиков и их семей располагается, как правило, у входа в тюрьму, вероятно, затем, чтобы наблюдать за проходящими и входящими в нее людьми. Именно таким образом оно примыкает к грэффу (к административному первому корпусу. – *Примеч. пер.*) парижской тюрьмы Консьержери в XVII веке ⁵³⁸ или еще, например, ко входному двору здания Инквизиции в Толедо в конце XVI века ⁵³⁹. Примечательно также, что квартиры тюремщиков часто (но не всегда) находятся довольно далеко от самих тюремных камер, что может затруднять их наблюдения за заключенными. Однако и здесь, конечно же, различные службы и свобода действий, предоставляемые определенным заключенным, в особенности наиболее обеспеченным, часто способствуют стиранию этой границы. Так, например, в парижской тюрьме Консьержери, опять же в XVII веке, комната тюремщика (так называемого «консьержа» ⁵⁴⁰), обозначенная в источниках как «комната дома консьержа», расположенная на первом этаже, использовалась как столовая для тех заключенных, которые имеют право есть «за столом тюремщика», а иногда эту комнату использовали даже для проведения допросов. Жилье тюремщика, расположенное у входа в здание тюрьмы и рядом с проходными воротами, состояло, как правило, из первого наземного этажа и еще двух этажей сверху (всего три этажа. – *Примеч. пер.*), подвала, сада и около шести спальных комнат. Что же касается привратников, то даже если они и про-

⁵³⁵ Lalanne 1892. P. 84; Degez-Selves 2013. Т. 1. P. 392–398.

⁵³⁶ Fennor 1617. P. 82.

⁵³⁷ Bagwell 1644. P. 72.

⁵³⁸ Degez-Selves 2013. Т. 1. P. 174–175.

⁵³⁹ АНН INQ, MPD 54.

⁵⁴⁰ (Уточнение автора) Здесь слово «консьерж» относится именно к тюремщику. Речь не идет о привычных нам функциях консьержа (как, например, часто употр. «консьерж в здании»). Консьерж – название тюремщика во всех тюрьмах во Франции, которые относятся к типу консьержери (conciergerie) в этот исторический период (*примеч. пер.*).

живают обычно в городе, в их распоряжении тоже имеется комната в самой Консьержери⁵⁴¹. Однако нередко, по сравнению с быстро растущим количеством задержанных, жилое пространство персонала тюрьмы оказывается чрезвычайно урезанным. Так часто бывает, например, в инквизиционных тюрьмах, где зачастую приходится создавать новые камеры для заключенных в квартирах самих инквизиторов, что происходит, например, в Севилье в июне 1659 года⁵⁴². Следует также учитывать присутствие и проживание в тюрьмах людей, не имеющих явной связи с узниками. Такое использование пространства, часто унаследованное от давних обычаев, показывает смешанность этих мест тюремного заключения. Сингуляризация фактических мест заключения – довольно медленный процесс, о чем свидетельствуют, например, в Англии многократные заявки Тайного королевского совета в отношении лондонского Тауэра. Будучи проинформирован о том, что «многие люди действительно проживают в лондонском Тауэре, не имея там ни служб, ни функций», Тайный совет в июле 1620 года приказал запретить использование Тауэра в качестве жилого помещения. Однако даже в апреле 1626 года Совету все еще приходится направлять требование лейтенанту Тауэра о том, чтобы «жилища и комнаты», сдаваемые в аренду частным лицам, включая людей, унаследовавших право использования этих помещений от их отцов, «возвратились в подразделение, к которому они действительно принадлежат по праву»⁵⁴³.

Эта смежность тюремных подпространств, часто с размытыми границами, акцентируется также со стороны самих заключенных. Путаница усилена тем обстоятельством, что случаи единичного заключения в камеру, в смысле заточения одного человека в отдельное пространство, приходится на меньшинство в течение XVI–XVIII веков, за исключением определенных периодов судебного процесса или для состоятельных заключенных. Чаще всего заключенных селят по несколько человек в одной комнате, иногда это большие общие залы: 19 человек проживают в одной из комнат инквизиторских тюрем Севильи в 1578 году и 31 человек в 1740 году в главном зале башни Тур де Констанс⁵⁴⁴.

Действительно, различие проводится не столько в соответствии с преступлениями, в которых они обвиняются или за которые они осуждены, как, например, это будет сделано во многих тюрьмах XVIII века⁵⁴⁵, сколько в зависимости от их финансовых ресурсов и/или их социального статуса. Более того, некоторые юрисдикции, такие как инквизиционные суды, даже придерживаются принципа смешивать в одной камере обвиняемых за разные преступления, чтобы избежать между ними сговоров, которые могут помешать нормальному ходу судебных разбирательств. Только лишь разделение заключенных по половому признаку кажется более-менее общим для многих тюрем. Таким образом, определенные части тюрем или некоторые из камер специально были отведены для женщин. Например, в королевской тюрьме Севильи, в небольшом здании, датированном 1569 годом, располагается, согласно источникам: «женская тюрьма», в которой есть собственная отдельная входная дверь, а также небольшой двор, часовня и лазарет⁵⁴⁶. Тут речь идет, безусловно, о принципиальной позиции касательно разделения женщин и мужчин, потому как зачастую в это время эта практика еще мало применима. Например, в мае 1562 года, снова в Севилье, но на этот раз в инквизиторской тюрьме, инквизиторы бьют тревогу о том, что дверь, разделяющая мужские и женские комнаты, оказалась «без замка»⁵⁴⁷. Точно так же и в Лондоне в 1617 году две из принятых мер лордом-мэром

⁵⁴¹ Degez-Selves 2013. Т. 1. Р. 181–182.

⁵⁴² AHN INQ, Liasse 2943 (72).

⁵⁴³ Roche Dasent 1890–1907. Т. XXXVII. С. 238; Т. XL. С. 435–436, а также Murray 2009. Р. 152–153.

⁵⁴⁴ González de Caldas 2004. Р. 266 и Krumenacker 2009. Р. 82.

⁵⁴⁵ В Англии, например, целое пространство, даже целое крыло в тюрьмах – в особенности когда эти тюрьмы перестроены – отводятся для заключенных в тюрьму за долги.

⁵⁴⁶ Copete et Verger 1990. Р. 116–120.

⁵⁴⁷ AHN INQ, Liasse 2943 (60).

Лондона в A Proclamation for Reformation of abuses, in the Gaole of New-gate (Провозглашение о реформировании абьюзивных случаев в тюрьме Нью-Гейт) касаются контактов между мужчинами и женщинами. Пятый пункт, таким образом, призывает следить за тем, чтобы мужчины и женщины не содержались вместе и «не встречались ни в одном месте указанной тюрьмы, кроме как во время богослужения»⁵⁴⁸. Только лишь в XVIII веке разделение между мужчинами и женщинами становится по-настоящему всеобщим. Также в XVIII веке умножается количество учреждений, предназначенных для женщин, даже если некоторые из них на самом деле восходят к XVII веку, например «галерки» (galeras), исправительные дома для женщин «плохой жизни» (см. ниже) в Испании или же исправительный дом в Salpêtrière, основанный в Париже в 1656 году для проституток⁵⁴⁹.

Однако это не касается разделений между заключенными, основанных на критериях по финансовым ресурсам и их социальным статусам. На протяжении всей эпохи модерна эти различия очень заметны. Этот критерий разделения не является ни строго европейским, поскольку он соблюдался в то же время в тюремном комплексе Коденмачо в Токио, установленном в 1610-х годах⁵⁵⁰, ни специфическим для эпохи Старого режима, поскольку он существовал уже в Средние века в тюрьме Шатле [Châtelet], в Париже, среди прочих критериев⁵⁵¹. Так, например, в XVII веке в тюрьме Консьержери «Маленький двор», или «Двор благородных господ», был отведен для самых «почетных» и богатых категорий заключенных, которые пользовались удобствами в соседних комнатах, в частности индивидуальной или общей кровати. Там они находились «в полной безопасности от плохой компании», в то время как вокруг основного тюремного двора «Прео» (Préau⁵⁵²) располагались так называемые «солоньи», то есть тюремные камеры для самых бедных. Если заключенные «Маленького двора» могут ходить по «Прео», то обратное запрещено⁵⁵³. Такие разделения существуют также и в Англии: в тюрьме Poultry Counter в начале XVII века самым комфортным кварталом тюрьмы считается «The Master's side» (Хозяйская часть), где каждодневные пошлыны, которые оплачивают заключенные, являются самыми высокими, затем идет «the Knight's ward» (Палата рыцаря) и наконец «Two-penny ward» (Палата двух пенни). В «дыру», упомянутую Уильямом Феннором в нашей вводной цитате, были отправлены самые скромные: те, кто сам не может оплачивать свое содержание и часто находится на содержании благодаря пожертвованиям и милостыням. Эти пространственные различия зависят не только от финансовых средств, но и от социального статуса или от образа преступлений. Так обстоит дело с «комнатой милостыни» в тюрьме города Лилля, в которой протестант Жан Мартей, приговоренный к галерным работам, ожидает цепи для отправления в Дюнкерк в 1701 году после его перевода из башни Сен-Пьер, предназначенной для галерных рабочих. Эта «комната милостыни» действительно была «очень большой и вмещала шесть кроватей для двенадцати гражданских заключенных, которые всегда были людьми уважительными, – пишет Мартей, – необычными». Комната, впрочем, пользовалась благами, получая «полностью всю ту благотворительность, которая делалась в этой тюрьме», а она была «обычно значительная»⁵⁵⁴.

Следовательно, жить в одном из таких районов, обеспечивающих комфорт и позволяющих продемонстрировать свое социальное положение, становится главной проблемой. Отсюда вполне понятно то беспокойство и тот страх классового понижения, которые Джерард

⁵⁴⁸ By the Maior 1617.

⁵⁴⁹ Barbeito Carnero 1991.

⁵⁵⁰ Botsman 2005. P. 62.

⁵⁵¹ Claustre 2007. P. 203.

⁵⁵² Словом Préau обозначают обычно крытый внутренний двор учреждения, который располагается под крышей и по которому, следовательно, можно прогуливаться даже в дождь (примеч. пер.).

⁵⁵³ Degez-Selves 2013. Т. 1. P. 184, 186, 189, 191, 194.

⁵⁵⁴ Marteilhe 1757. P. 120–121.

Даудалл, ирландский католик, по всей видимости, заключенный в лондонской тюрьме Гейтхаус (Gatehouse) в 1670-х годах, неоднократно упоминает в своей книге *Just and Sober Vindication in opposition to several Injustices Practised against him* (1681) («Справедливое и трезвое оправдание в противовес нескольким несправедливостям, практикуемым против него»). Его страх перед необходимостью вернуться на «полки в общей стороне (the commun side)», которых он избежал бы благодаря финансовой поддержке католических деятелей, касается как его комфорта, так и его репутации⁵⁵⁵. Доказательство тому также – страх узников в парижской тюрьме Консьержери, которые опасаются сосуществовать с «соломенными» (бедняками. – *Примеч. пер.*), со «срезателями кошельков» (воры, срезающие кошельки. – *Примеч. пер.*) из тюремного двора «Прео», в случае если они больше не смогут оплачивать свое проживание в «Маленьком дворе» с «благороднейшими особами»⁵⁵⁶. Сожительство с заключенными низших категорий, которые часто соответствуют определенным правонарушениям, таким, например, как кража – а нарушение это карается довольно строго, – представляется, таким образом, как способ обесчестить человека, как посягательство на целостность его личности (и на его социальный статус), которая, конечно, отражается во взгляде посетителей на него. Таков, например, случай Луизы де Карвахаль-и-Мендоса, происходящей из высшей аристократии Испании и ревностной католички, приехавшей в Лондон в 1605 году, чтобы поддержать заключенных католиков, особенно священников. В своих письмах она неоднократно упоминает, как стыдно видеть священников, вынужденных жить среди разного рода преступников, часто «низкого происхождения». 17 июля 1607 года она объясняет сестре Магдалене де Сан-Херонимо, испанской монахини, основательнице тюрем для женщин «плохой жизни», называемых *galeras*, что:

Есть много женщин-заключенных в тюрьме Newgate, где находятся семь священников и три или четыре брата-мирянина, все собраны вместе в большом зале, потому что они слушали мессу; но преследователи их не видели, потому что трое или четверо католиков, находившихся там в качестве заключенных, насильно задержали тех у входа; и по этой причине все четверо, о которых идет речь, были доставлены в место, где находятся воры и убийцы. Я пошла туда увидеться с ними, и мне было так нестерпимо грустно видеть себя посреди такого скопища (*espesa chusma*) плохих людей <...> и я нашла там хороших, узниками закованными в тяжелые цепи⁵⁵⁷.

Подобно тому как делается различие между хорошими и плохими бедными, теми, кому помогают, и теми, кого запирают и отправляют работать, так и «хорошие» заключенные – а здесь именно священники представлены как добродетельные и невинные, в других местах они представляют категорию богатых – должны быть защищены от риска заражения, физического и морального, вызванного близостью к преступникам «низкого происхождения». Два года спустя Луиза де Карвахаль сообщает, что у тех, кто отказался принести присягу на верность новому государю, ставленнику по декрету 1606 года, была конфискована вся их собственность и они были приговорены «к пожизненному заключению и к пребыванию в месте, где находятся злодеи и воры», что по ее мнению, является дополнительным наказанием. Она с негодованием добавляет, что «восемь дней назад именно таким образом осудили семерых почтенных католиков и двух или трех женщин; и они сейчас находятся среди этого сброда <...>. Я не решаюсь, как правило, даже войти туда без постоянного сопровождения тюремщика»⁵⁵⁸.

Вырисовывается, следовательно, целая география ограничений со своими населенными и с более или менее привилегированными пространствами. Так, например, можно противо-

⁵⁵⁵ Dowdall 1681. P. 10, 12.

⁵⁵⁶ Degez-Selves 2013. Т. 1. С. 219.

⁵⁵⁷ Carvajal, Mendoza 1965. P. 22 (письмо 81).

⁵⁵⁸ Ibid. P. 310 (письмо 120).

поставить «черные карцеры» особо сурового режима заключения в парижской тюрьме Консьержери – часто бывает, что это довольно темные комнаты с толстыми стенами – так называемым «светлым карцером», где заключенные пользуются большей свободой⁵⁵⁹. Можно также вспомнить, что во французских тюрьмах (в парижской Консьержери, в Тур де Констанс в Эг-Морт и т. д.) существовал входной зал, или вестибюль, «между двумя входными пунктами», такой вестибюль находился между первым пунктом (стойкой-окошком у входа в тюрьму) и второй стойкой (открывающей доступ непосредственно в места содержания под стражей). Этот зал представлял собой место относительной свободы, где заключенные могли действовать как «свободные люди»⁵⁶⁰: там они заключали договоры с нотариусом, принимали клерков, судебных приставов и т. д. Каждое пространство тюрьмы является настоящей «территорией социализации» и обладает собственной автономией, обозначенной названием места и его границей, а также порогом, который представляют собой суммы платежей, дающих доступ к нему. Одно место запросто может быть присвоено какой-либо группой заключенных, которая устанавливает там свои ценности и свои культурные ориентиры. Возможность продолжать оплачивать пошлины, связанные с присутствием в этом квартале тюрьмы, поддерживает различие между *insiders* (инсайдерами) и *outsiders* (аутсайдерами), как мы видели на примере заключенного в тюрьму Gatehouse Джерарда Даудалла, который боялся, что ему придется вернуться к людям «низшего происхождения» на «*common side*» (на общую сторону). И это не считая, конечно, того, что вся процедура эволюционирует, и наличия готовности у самих заключенных, которые тоже влияют на формирование этих мест жизни и на способы содержания в неволе. В некотором смысле эти подпространства напоминают «территории маневров», описанные Гоффманом как убежища узников от «тотальных институций». Они находятся на полпути между «*group territories*», территориями, «занимаемыми» некоторыми группами заключенных, и «*free places*», «свободными зонами» (в том числе от дополнительных сборов или уплат. – *Примеч. пер.*), открытыми, в принципе, для всех⁵⁶¹. В этих местах «слежка и запреты явно пущены на самотек; там узник может предаваться целому ряду запрещенных занятий, чувствуя себя в некоторой степени в безопасности <...>. Персонал тюрьмы не знает о существовании этих занятий или, если узнает, предпочитает либо избегать их, либо же вовсе оставляет свои руководящие функции, когда входит в это пространство»⁵⁶².

В этих отчетливых пространствах, частично или символически закрытых, заключенные могут найти формы свободы, полезные для их социализаций и дальнейших циркуляций, оба эти аспекта оказываются иерархизированы в соответствии с индивидуальными особенностями заключенных.

3. СОЦИАБИЛИЗАЦИИ И ЦИРКУЛЯЦИИ

Циркуляции (перемещения заключенных по территории тюрьмы. – *Примеч. пер.*) и контроль над ними представляются одной из центральных задач существования в карцеральном пространстве. И здесь эти циркуляции снова зависят от множества факторов, начиная от расположения и состояния зданий до личностей тюремщиков, включая финансовые и социальные ресурсы узников. С одной стороны, приходы-уходы, пограничный характер заключения (во время судебного процесса) и переводы заключенного из одного места в другое, препятствуют формированию кругов общения (социальностей). Мобильность или, по крайней мере, контроль мобильности (внутренних и внешних перемещений) оказываются в этом смысле реша-

⁵⁵⁹ Degez-Selves 2013. Т. 1. Р. 185.

⁵⁶⁰ Ibid. Т. 1. Р. 179; Bost 1922; Bost 1923. Р. 229–230, 48.

⁵⁶¹ Goffman 1968. Р. 294, 285.

⁵⁶² Goffman 1968. Р. 285–286.

ющими. Таким образом, перевод узника может представляться властям как способ разрушить его сети знакомств и, следовательно, его символический капитал. Так было с братьями Антонио и Диего де Авила, родом из Осуны, из Андалусии, запертыми в тюрьму Инквизицией за криптоиудаизм в Мадриде, где они проживают. Инквизиторы и правда сообщают в июле 1687 года, что братья Авила «покрывают и находятся в тесной дружбе со всеми обвиняемыми, содержащимися в этих тюрьмах»; они коммуницируют со многими из них, вследствие чего «узники, заключенные в этом трибунале (в этой тюрьме), перестали давать признательные показания, а некоторые начали это делать»⁵⁶³.

С другой стороны, надо сказать, что циркуляции осуществляются ежедневно, в зависимости от возможностей, которые позволяет планировка зданий, ресурсы узников и воля надсмотрщиков. Что касается циркуляций людей извне во внутрь (тюрьмы), тюремщики и их помощники регулируют частоту посещений родственниками или разного рода поставщиками (промышленных продуктов или питания и т. д.). Более того, довольно часто посетители, родственники заключенных или неизвестные люди, деятели благотворительности, пришедшие поддержать их, могут проникнуть в самое сердце тюремных камер. Учреждение комнаты для свиданий, предназначенной для регулирования и контроля контактов с посторонними, остается, на самом деле, редкостью, по крайней мере в XVI и XVII веках; даже если некоторые помещения тюрьмы играют эту роль, например ранее упомянутая «стойка на входе» в парижской тюрьме Консьержери. Касательно же циркуляций людей изнутри во вне (тюрьмы) охранники позволяют самым обеспеченным заключенным или тем, кто пользуется особыми связями, выходить на более или менее длительное время с охранником, оплачиваемым заключенным, или же без него, или отправлять письма, которые, при удачном стечении обстоятельств, не будут подвергнуты цензуре. Для священников, заключенных в тюрьму в Англии, возможен выход наружу при обещании снова вернуться в тюрьму. Поскольку, как объясняет священник Томас Блюет, в 1601 году, будучи сам уполномочен покинуть свое место заключения в тюрьме Фрамлингхэм, на северо-востоке Лондона: «в Англии в тюрьмах или в других местах принято на время освобождать священника под его честное слово (*in verbo*), даже когда ему грозит смертная казнь, как я неоднократно сам мог это констатировать»⁵⁶⁴. Более того, охранники нанимались специально, чтобы сопровождать заключенных во время их выходов из тюрьмы, чтобы «*go abroad* (выйти вовне)», согласно выражению, используемому в источниках для обозначения этого явления. В лондонской тюрьме *The Fleet* к 1619 году насчитывалось около двадцати охранников, основная функция которых заключалась в сопровождении заключенных за 20 пенсов в день по сравнению с 4 шиллингами в день в тюрьме *King's Bench*⁵⁶⁵.

Такие меры используются также во Франции, хотя и в менее институционализированной степени, чем в Англии. Так, например, письмо канцлера, графа де Поншартрэна, сообщает нам в январе 1694 года, что Пьер Попайяр Павиллуа, врач, арестованный вместе с пастором Полем Карделем, который был заключен в тюрьму в Бастилии в марте 1689 года, а затем переведен в январе 1693 года в тюрьму *Pont de l'Arche* в Нормандии, покидал ее «часто под предлогом посещения больных в близлежащих приходах»; Поншартрен настаивал, и не удивительно, на том, что это «полностью противоречило воле короля»⁵⁶⁶. Внутри стен циркуляция появляется даже в секретных тюрьмах Инквизиции, предназначенных для подсудимых во время судебного разбирательства, где они, как предполагается, должны быть изолированы, чтобы не мешать процессу. В качестве доказательства можно привести дело Гонсало Баэс де Пайба, родом из региона Мурсии, заключенного в Толедо за криптоиудаизм, в 1655 году он воспользовался

⁵⁶³ AHN INQ, Книга 517, fol. 121r.-v.

⁵⁶⁴ Londres, The National Archives, State Papers (12/283a) f°135r.

⁵⁶⁵ Harris 1879. P. 77; Mynshul 1618.

⁵⁶⁶ Ravaisson Mollien 1877. P. 181.

своими выходами-приходами, в частности во время еды, чтобы собрать птичьи перья и иметь возможность ими писать. Пайба также разработает сложные коды для общения со своими сокамерниками и с внешним миром, когда он снова окажется в заключении, на этот раз в пенитенциарной тюрьме Инквизиции Valladolid в 1660 году⁵⁶⁷.

В целом попытки обойти тюремную систему и различные практики сопротивления проскальзывают в ее же зазоры, благодаря, например, слишком хрупким дверям или отверстиям в стенах. Заключенные могут воспользоваться плохим состоянием или неисправностью внутренних устройств безопасности, как пассивных (ворота, двери и т. д.), так и активных (надзорный персонал). Так, в мае 1651 года, во время заключения в инквизиционной тюрьме Гранады, Педро Маркос де Эспиноса признался, что покидал свою камеру более десяти раз, чтобы отправиться в камеру своего брата Хуана. Описание маневра следующее: «оторвав кирпич на уровне петель решетчатой двери своей камеры, он мог снять его, снять саму дверную раму от этой двери и выйти; затем он снимал обломанную доску от первой двери своей камеры, просовывал руку, открывал замок»⁵⁶⁸ и выходил. Религиозные ритуалы, совершаемые совместно заключенными за преступления вероисповедания, показывают величину масштабов такого обхода системы. Эти практики также становятся более интенсивны благодаря физической близости и концентрации в определенных заведениях (многих практикующих одну и ту же религию заключенных. – *Примеч. пер.*), например католических священников в лондонских тюрьмах или (крипто)протестантов на юго-востоке Франции, а также в определенные периоды сильных репрессий. Так обстоит дело, например, после так называемых католических заговоров против правящего суверена (заговор Бабингтона (Babington Plot) в 1586 году, папский заговор (Popish Plot) в 1678 году и т. д.), которые привели к многочисленным арестам или во время волн инквизиторских репрессий против криптоиудействующих, например в 1590–1600 или в 1640-х годах. Но эти обходные практики, парадоксальным образом, могут быть дозволены некоторыми тюремщиками при финансовой компенсации или же без таковой⁵⁶⁹. В тюрьме Gatehouse в Глостере стражники уступили священнику Джону Пибуш – ранее принявшему сан священника в Реймсе и арестованному в 1593 году — «отдельную камеру», чтобы там служить мессу для католических посетителей. Это не помешает ему сбежать в феврале 1595 года, затем он снова будет схвачен и заключен в тюрьму в Лондоне до самой смертной казни⁵⁷⁰. В следующем веке, в 1688–1689 годах, тюремщик в консьержери в Руане пожаловал Жану Тирелю, нормандскому пастору, приговоренному к галерным работам в 1686 году, а также его протестантским сокамерникам определенные свободы, широко используемые ими в их тайной культурной жизни. Тирель мог свободно циркулировать по зданию, чтобы якобы утешить тех, кто был приговорен к галеркам, и даже после его смерти многие из них продолжали воссоединяться, чтобы вместе молиться⁵⁷¹.

Определенные места тюрьмы, своего рода «ниши» в тюремном пространстве, оказываются избраны для запрещенных практик и контактов или, конечно, для побегов. Это касается, например, помещений, отведенных для больных, будь то целые госпитали или только части тюрьмы. Сдерживающие обстоятельства, наложенные на заключенного, там оказываются смягчены приходами и уходами лечащего персонала и близких. В своем письме от 16 декабря 1720 года Луи Бальтазар де Риквар, интендант военно-морского флота, сообщив о том, что узники Нантского замка, которые должны были отплыть на Мартинику, сбежали, также предупреждает о том, что:

⁵⁶⁷ AHN INQ, Liasses 3124 и 136 (7), а также Willemse 1974, T. 1. P. CXXII–CXXIII.

⁵⁶⁸ AHN INQ, Liasse 2633 (97).

⁵⁶⁹ Muchnik 2019.

⁵⁷⁰ McClain 2004. P. 74; Butler, Burns 1998. P. 196–197.

⁵⁷¹ Legendre 1704. P. 89–90; AN, TT 264/22, ff°949–952.

«в больнице, куда помещают больных заключенных, нет комнат, куда их можно было бы поместить отдельно от других свободных больных <...>. Мы наблюдаем, как заключенных размещают в верхние залы, откуда им не сбежать через окна, но очень легко – через дверь, которую нельзя закрывать, так как в любой момент приносят бульоны и лекарства».

Поэтому интендант советует заковать их в кандалы на кроватях или устроить в замке специальную тюрьму для больных. В противном случае, – заключает он, – «все, кого положат в больницу, сбегут»⁵⁷².

К таким «нишам» можно также отнести таверны и другие питейные заведения, которые открываются в самом вольере или в непосредственной близости от тюрем, часто под эгидой тюремщиков. Например, огромная королевская тюрьма города Севильи в конце XVI века насчитывала целых четыре заведения, где продавались напитки и другие продукты, а в парижской тюрьме Консьержери были также кабаре, в том числе кабаре «Малого двора», известное как «Музыка», отведенное для самых привилегированных, вплоть до 1640-х годов⁵⁷³. К социальным связям, которые устанавливаются между заключенными, добавляются также отношения, складывающиеся с охранниками. Доказательство тому – обвинения, выдвинутые в 1611 году против Симона Лопеса Риваса, тюремщика Инквизиции в Сантьяго-де-Компостела. Свидетель сказал, что «тот приглашал богатых заключенных к своему столу и информировал о ходе их судебного процесса». Более того, такое трапезничество включало также и родственников заключенных: в таверне, которую Ривас обустроил в самом здании следственного трибунала, напротив тюрем, встречались «много подозрительных людей гебраической нации и родители заключенных»⁵⁷⁴. Эти отношения, часто более интимные в случае женщин – при всей невозможности оценить оказываемое давление – конечно, обусловлены социальным статусом одних и других⁵⁷⁵.

Становится понятно, в заключение, что благодаря денежному соглашению с тюремщиками и с охранниками, задержанные имеют иерархизированные преимущества в зависимости от квартала тюрьмы, в котором они проживают. Социальный статус, финансовые ресурсы, связи, доступные заключенным, создают в тюрьме своего рода географию свободы. Она допускает их социабельность и мобильность, которые прямо противоположны идеям неподвижности и изоляции, обычно ассоциируемым с тюремным заключением. Они показывают всю двусмысленность тюрьмы Старого режима: одновременно открытую и закрытую, обособленную, но в то же время образующую континуум с принимающим обществом. Связи с внешним миром действительно постоянны. Составляя пароксизм этой внутренней проницаемости, инквизиторские покаянные тюрьмы в Испании, где осужденные бродят по городу в течение дня, чтобы собрать на пропитание, лондонские *rules* (правила), а также округа вокруг определенных тюрем, где заключенные (часто за долги) могут проживать, оставаясь вписанными в тюремный регистр, свидетельствуют о сложности статуса узников в Европе эпохи модерна. На самом деле этот статус не столько определяет присутствие в тюрьмах и, следовательно, заточение, сколько само условие: не быть свободным с юридической точки зрения. Это не означает тем не менее, что места действительного заключения не являются пространствами сильного принуждения и насилия. Просто системы правосудия не хотели брать на себя все аспекты жизни узников тюрем, чтобы привести их затем к искуплению, да и были далеки от того, чтобы найти на это средства.

Перевод с французского Екатерины Оде

⁵⁷² AN Marine, B3/264, fol. 486v.–487v

⁵⁷³ De Chaves 1999. P. 232; Degez-Selves 2013. T. 1. P. 195.

⁵⁷⁴ AHN INQ, Liasse 2043 (4); Contreras 1982. P. 350.

⁵⁷⁵ Muchnik 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abdela 2017 – *Abdela S.* Une incursion dans le quotidien carcéral parisien: l'affaire Ravinet (Juillet 1737) // Dix-huitième siècle. 2017. Vol. 49. P. 569–587.
- Ahnert 2013 – *Ahnert R.* The rise of prison literature in the sixteenth century. Cambridge, 2013.
- Bagwell 1644 – *Bagwell W.* The Merchant Distressed His Observations, When he was a Prisoner for debt in London, in the yeare of our Lord 1637... Londres, 1644.
- Barbeito Carnero 1991 – *Barbeito Carnero I.* Cárceles y mujeres en el siglo XVII. Madrid, 1991.
- Boeglin 2003 – *Boeglin M.* L'Inquisition espagnole au lendemain du Concile de Trente. Le tribunal du Saint-Office de Séville (1560–1700). Montpellier, 2003.
- Bost 1922–1923 – *Bost C.* Les prisonniers d'Aigues-Mortes et les notaires. Documents P. Falgairolle // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français. 1922. Vol. 71. P. 144–152, 228–243; 1923. Vol. 72. P. 44–51, 143–148.
- Botsman 2005 – *Botsman D. V.* Punishment and Power in the Making of Modern Japan. Princeton; Oxford, 2005.
- Butler, Burns 1998 – *Butler A., Burns P.* Butler's Lives of the Saints. February. Collegeville, 1998.
- By the Maior 1617 – *By the Maior.* A Proclamation for reformation of abuses, in the Gaole of New-gate. Londres, 1617.
- Carvajal y Mendoza 1965 – *Carvajal y Mendoza L. de.* Epistolario y poesías. Madrid, 1965.
- Claustre 2007 – *Claustre J.* Dans les geôles du roi. La prison pour dette à Paris à la fin du Moyen Âge. Paris, 2007.
- Clemmer 1958 – *Clemmer D.* The Prison Community. New York, 1958.
- Contreras 1982 – *Contreras J.* El Santo Oficio de la Inquisición de Galicia (poder, sociedad y cultura). Madrid, 1982.
- Combessie 1994 – *Combessie P.* L'ouverture des prisons et l'écosystème social environnant // Droit et Société. Revue internationale de théorie du droit et de sociologie juridique. 1994. Vol. 28. P. 629–636.
- Copete, Verger 1990 – *Copete M.-L., Verger E. J.* Criminalidad y espacio carcelario en una cárcel del Antiguo Régimen. La cárcel real de Sevilla a finales del siglo XVI // Historia Social. 1990. Vol. 6. P. 105–125.
- De Chaves 1999 – *De Chaves C.* Relación de la cárcel de Sevilla // Hernández Alonso C., Sanz Alonso B. (Ed.) Germanía y sociedad en los Siglos de Oro. La cárcel de Sevilla. Valladolid, 1999. P. 225–316.
- De Clifton Parmiter 1988 – *De Clifton Parmiter G.* The Imprisonment of Papists in Private Castles // Recusant History. 1988. Vol. 19. P. 16–38.
- Degez-Selves 2013 – *Degez-Selves C.* Une société carcérale: la prison de la Conciergerie (fin XVIe – milieu XVIIe siècles). Thèse d'histoire de l'université Paris-Sorbonne, 2013.
- Delarue 2012 – *Delarue J. M.* Continuité et discontinuité de la condition pénitentiaire // Revue du MAUSS. 2012. Vol. 40. P. 73–102.
- Dowdall 1681 – *Dowdall.* Mr. Dowdall's just and sober vindication in opposition to several injustices practised against him, by some of his fellow prisoners in the gate-house prison of Westminster although reputed priests, Jesuits, and sufferers for Christs sake. Londres, 1681.
- Fennor 1617 – *Fennor W.* The Compters common-wealth, or A voiage made to an infernall iland long since discovered by many captaines, seafaring-men, gentlemen, marchants, and other tradesmen but the conditions, natures, and qualities of the people there inhabiting, and of those that trafficke with them, were never so truly expressed or lively se foorth... Londres, 1617.

Forget 1971 – *Forget M.* Des prisons au bagne de Marseille: la charité à l'égard des condamnés au XVIIe siècle // XVIIe siècle. 1971. Vol. 90–91. P. 147–174.

Goffman 1968 – *Goffman E.* Asiles. Études sur la condition sociale des malades mentaux et autres reclus. Paris, 1968.

González de Caldas 2004 – *González de Caldas M. V.* ¿ Judíos o cristianos ? El Proceso de Fe. Sancta Inquisitio. Seville, 2004.

Harris 1879 – *Harris A.* The Œconomy of the Fleete or An Apologetical Answeare of Alexander Harris unto XIX Articles sett forth against him by the Prisoners. Londres, 1879.

Krumenacker 2009 – *Krumenacker Y.* Marie Durand, une héroïne protestante? // Clio. Femmes, genre, Histoire. 2009. Vol. 30. P. 79–97.

Lalanne 1892 – *Lalanne L.* Mémoire sur les prisons de Paris en 1644 // Bulletin de la Société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France. 19e année. 1892. P. 82–86.

Legendre 1704 – *Legendre P.* Histoire de la persecution faite à l'Eglise de Roüen sur la fin du dernier siecle. Rotterdam, 1704.

Lettres de Marie Durand 1986 – Lettres de Marie Durand (1715–1776), texte revu, annoté et présenté par Étienne Gammonet. Montpellier, 1986.

Marteilhe 1757 – *Marteilhe J.* Mémoires d'un protestant Condamné aux Galères de France pour cause de Religion; écrits par lui même... Rotterdam, 1757.

McClain 2004 – *McClain L.* Lest We Be Damned. Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559–1642. New York; Londres, 2004.

Muchnik 2019 – *Muchnik N.* Les prisons de la foi. L'enfermement des minorités, XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 2019.

Murray 2009 – *Murray M.* Measured Sentences: Forming Literature in the Early Modern Period // Huntington Library Quaterly. 2009. Vol. 72. P. 147–167.

Mynshul 1618 – *Mynshul G.* Certaine Characters and Essayes of Prison and Prisoners Compiled by Novus Homo A Prisoner in the King's Bench. Londres, 1618.

Pendry 1974 – *Pendry E. D.* Elizabethan Prisons and Prison Scenes. Salzbouurg, 1974.

Ravaissou Mollien 1877 – *Ravaissou Mollien F.* (Ed.) Archives de la Bastille. Documents inédits. Vol. IX. Règne de Louis XIV (1687 à 1692). Paris, 1877.

Roche Dasent 1890–1907 – *Roche Dasent J.* (Ed.) Acts of the Privy Council of England, 1542–1604. Londres, 1890–1907. 32 vols.

Salgado 1977 – *Salgado G.* The Elizabethan Underworld. Londres, 1977.

Willemse 1974 – *Willemse D.* Un «portugués» entre los castellanos: el primer proceso contra Gonzalo Baez de Paiba, 1654–1657. Paris, 1974.

Елена Бородина
СОДЕРЖАНИЕ КОЛОДНИКОВ В
ЕКАТЕРИНБУРГЕ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Изучение истории русской тюрьмы имеет длительную традицию, начало которой следует отнести к середине XIX столетия. Интерес к развитию тюремных структур и повседневному быту заключенных был обусловлен необходимостью преобразования тюремной системы в России в годы Великих реформ 1860–1870-х годов. Именно в этот период складывается такое направление исследований, как тюремоведение, которое включало не только анализ современного состояния тюрем Российской империи, но и их возникновение, эволюцию политики государства в отношении наказания. Кроме того, история тюрем и наказания интересовала историков, занимавшихся введением в научный оборот источников по ранним периодам российской истории.

Данное тематическое поле остается актуальным, так как позволяет лучше осознать сущность взаимоотношений между властью и обществом в исторической ретроспективе⁵⁷⁶. На сегодняшний день сложилось несколько подходов к изучению истории тюрьмы: тюрьма как часть системы наказания (практика социального контроля); тюрьма как часть аппарата государственного управления; тюрьма как социальная общность и тюрьма как место заключения известных исторических деятелей и лидеров мятежей и восстаний⁵⁷⁷. Несмотря на разнообразие взглядов на изучение мест заключения, многие историки пенитенциарной системы в России называют важным этапом для ее складывания рубеж XVIII–XIX веков. Данное утверждение связывается с первыми попытками целенаправленного создания государственной властью тюремной сети в Российской империи. Несмотря на это, говорить о полном отсутствии тюрем в стране до указанного периода не следует.

Первые упоминания о заключении в тюрьму как самостоятельной мере наказания содержатся в источниках, датируемых XV–XVI веками⁵⁷⁸. Соборное уложение 1649 года также включало несколько десятков статей, в которых тюремные сроки были карой за различные проступки и преступления. Тем не менее места заключения не являлись базовым элементом системы государственного контроля и принуждения.

В отличие от современного понимания, слово «тюрьма» в России раннего Нового времени использовалось для обозначения здания, в котором находились содержащиеся под стражей. Наряду с ним в источниках можно найти названия: темница, тюремная изба, тюремный двор, тюремный острог, тюремный замок, колодничья, колодничьи палаты и некоторые другие⁵⁷⁹. В свою очередь, заключенные обычно именовались тюремными сидельцами или колодниками. Последнее слово отражало практику содержания находившихся в заточении, которых для предотвращения побегов заключали в деревянные колодки или кандалы⁵⁸⁰. Кроме того, с начала XVIII века заключенных стали также называть арестантами⁵⁸¹. По-видимому, это наименование было заимствовано из немецкого языка и связано с активной переработкой и адаптацией западноевропейского законодательства в России.

⁵⁷⁶ Rousseaux 1997.

⁵⁷⁷ Анисимов 1999; Есипов 1880; Гернет 1941; Кодан 1983; Коллманн 2016; Марголис 1995; Сергеевский 1887; Фойницкий 2000; Ядринцев 1872; Schmidt 1996 и др.

⁵⁷⁸ Сумин 2019. С. 129; Фойницкий 2000. С. 292.

⁵⁷⁹ Анисимов 1999. С. 589; Сергеевский 1887. С. 172–173; Сумин 2019. С. 128.

⁵⁸⁰ Сергеевский 1887. С. 194.

⁵⁸¹ Фасмер 1986. С. 85.

Отношение к тюрьме начинает меняться в годы правления Петра Великого, так как масштабные реформы и участие России в Северной войне требовали максимального напряжения всех сил государства. Монарх также уделил большое внимание таким наказаниям, как каторга и ссылка, которые на долгое время стали важным источником практически бесплатной рабочей силы на заводах и фабриках. Как и другие тюремные сидельцы, каторжане и некоторые группы ссыльных содержались в тюрьме и имели общее название – колодники.

Уже в середине XVII века перед властью встала проблема переполненности тюрем. Одним из путей выхода из сложившейся ситуации стала отсылка заключенных на окраинные территории, которая интенсифицировалась к концу столетия. Так, в январе 1696 года было принято решение об отправке в Верхотурье тюремных сидельцев из Вологды, а также всех ссыльных московских приказов. В грамоте верхотурскому воеводе повелевалось создать места для содержания вновь прибывших: «построить двор со стоячим тыном и поставить в нем сколько изб пристойно»⁵⁸². С 1699 года начинается перевод колодников в Азов, где они трудились под контролем Адмиралтейств-коллегии⁵⁸³. С 1705 года организуется их переброска на строительство Санкт-Петербурга⁵⁸⁴.

К началу 1720-х годов в Российской империи существовало несколько коллегий, в сфере ведения которых находилось распределение колодников-каторжан. Наибольшее значение среди них имели Адмиралтейств-, Берг- и Мануфактур-коллегии, которые были заинтересованы в использовании дешевой рабочей силы на разнообразных предприятиях. Каторжные, отбывавшие наказание в районе Санкт-Петербурга, подчинялись преимущественно Адмиралтейств-коллегии. В ведении Мануфактур-коллегии оказались осужденные, отбывавшие наказание в европейской части России. Размещение каторжных и ссыльных к востоку от Уральских гор находилось в сфере ведения Берг-коллегии. Заводские поселения и слободы Урала также стали местами концентрации заключенных.

В историографии проблема роли пенитенциарной системы в становлении населенных пунктов России раннего Нового времени недостаточно изучена. Особенно это касается городов Урала, который долгое время считался частью Сибири. Исследования об истории Сибири преимущественно посвящены колонизации и хозяйственному освоению региона, оценкам его роли в становлении структуры тюрем Российского государства⁵⁸⁵. При этом в значительной части работ рассматривается жизнь осужденных на восточных окраинах Российской империи второй половины XIX – начала XX века⁵⁸⁶. Лишь немногие ученые берутся за исследование более ранних периодов истории русской тюрьмы, реконструируя, например, быт осужденных на Нерчинских заводах, где отбывали наказание декабристы⁵⁸⁷.

Таким образом, социальная ситуация на уральских промышленных предприятиях еще требует изучения. Несмотря на упоминания об использовании труда каторжных и ссыльных на промышленных предприятиях Урала, условия их существования по большей части остаются неизвестными, а роль мест заключения в жизни заводских поселений требует отдельного исследования. Исключение составляет несколько статей Николая Семеновича Корепанова о Заречном тыне в Екатеринбурге – месте содержания раскольников⁵⁸⁸. Настоящая статья призвана разобраться с вопросом о влиянии тюремных структур на социальную действительность Екатеринбурга XVIII века, определить, насколько важным было их воздействие на производственные процессы его фабрик. Следует предположить, что тюрьма на территории завода-кре-

⁵⁸² ПСЗ. Т. 3. С. 218–219.

⁵⁸³ ПСЗ. Т. 3. С. 636; ПСЗ. Т. 4. С. 210, 217, 228.

⁵⁸⁴ ПСЗ. Т. 4. С. 289.

⁵⁸⁵ Максимов 1900; Шахеров 2012; Ядринцев 1872.

⁵⁸⁶ Akeret 2007; Badcock 2016; Kaczyńska 1994.

⁵⁸⁷ Beer 2017; Gentes 2005.

⁵⁸⁸ Корепанов 2002; Корепанов 2013.

пости не являлась только местом для отбывания наказания осужденных, но имела более широкий функционал.

Основу работы составили документальные источники: законодательные акты и материалы делопроизводства. Указы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи», содержат сведения о политике государства в отношении осужденных, позволяют выявить структуру органов власти, в ведении которых находились тюрьмы и распределение осужденных. Документы делопроизводства, отложившиеся в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО), представлены в первую очередь материалами Сибирского обер-бергамта. Это разрозненные приходо-расходные ведомости, списки колодников, доношения, рапорты, книги протоколов и другие документы. Несмотря на то что имеющиеся материалы не представляют собой единого блока источников, они репрезентативны и взаимно дополняют друг друга. Выявленные материалы дают возможность составить представление о состоянии тюремного комплекса, появившегося на территории завода-крепости в первой половине XVIII века.

Содержание источников и поставленные задачи определили структуру исследования. Во-первых, будут проанализированы условия строительства и первых лет жизни завода-крепости на Урале. Во-вторых, будет дана характеристика тюремных зданий Екатеринбурга первой половины XVIII столетия. В-третьих, рассмотрены условия содержания заключенных, финансирование тюремного ведомства в городе-заводе.

ЗАВОД-КРЕПОСТЬ НА УРАЛЕ

В середине XVIII столетия история Екатеринбурга насчитывала не более трех десятков лет. Датой его основания считается 18 ноября 1723 года. Строительство поселения на реке Исеть являлось отражением экономической политики государства, направленной на создание новых чугунолитейных, железоделательных и медеплавильных заводов. Долгое время это детище Петра I не имело статуса города. Он был приобретен Екатеринбургом лишь в 1781 году, в период крупных административно-территориальных реформ времени правления Екатерины II. В 1807 году Екатеринбург получил статус горного города, закрепив особое положение, которое населенный пункт фактически имел уже в конце первой четверти XVIII века.

В 1723 году Екатеринбург строится как железоделательный завод, обнесенный крепостными стенами. Завод-крепость был назван в честь жены первого российского императора – будущей Екатерины I. С первых лет своего существования он приобрел отличный от других населенных пунктов статус. Здесь разместился главный орган управления промышленностью Урала и Сибири – Сибирский обер-бергамт (с 1734 года – Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов), также созданный в год основания города. Обер-бергамт находился в ведении Берг-коллегии – центрального органа управления российской промышленностью. Ему подчинялись не только учреждения горного ведомства, но и органы власти общероссийского уровня.

Высокий статус Екатеринбурга не был случайностью. Выбор места для его строительства был обусловлен выгодным географическим положением. Стройка была организована на водоразделе Волжско-Камского и Обь-Иртышского водных бассейнов, в самой низкой части Уральских гор. Таким образом, будущий город был соединен как с европейской частью России, так и с Сибирью. Река Исеть, на берегах которой разместились заводские сооружения, была способна обеспечивать водой двигатели промышленного комплекса в течение практически всего года. В непосредственной близости от завода-крепости находились и рудники. Местоположе-

ние было выгодно как для транспортировки металлургической продукции, так и для ведения торговли⁵⁸⁹.

Несмотря на то что завод-крепость не был единственным населенным пунктом в регионе, а некоторые города и слободы были основаны еще в конце – середине XVII века, Урал рассматриваемого периода продолжал отличаться слабой заселенностью территории, характеризовался удаленностью от центра страны. В связи с этим для администраторов казенных и частных заводов особое значение приобретал вопрос пополнения штатов мастеровых и рабочих людей квалифицированными кадрами⁵⁹⁰. Не менее остро стояла проблема поиска работников для осуществления тяжелого вспомогательного труда: заготовки дров и угля, ломки и обработки руды, перевозок⁵⁹¹.

Задача поиска рабочих рук была серьезным испытанием уже в первые дни строительства Екатеринбурга. Генерал-майор Вильгельм де Геннин (1676–1750), присланный в регион для налаживания работы железоделательных и медеплавильных заводов, планировал запустить производство через год после начала возведения крепости и цехов. Генерал-майор был уроженцем немецкого города Зиген. Он несколько лет обучался основам архитектуры и градостроительства и производству огнестрельного оружия в Европе. В 1698 году В. де Геннин поступил на русскую службу, участвовал в сражениях Северной войны. В 1710-х годах подполковник В. де Геннин стал комендантом Олонца и руководителем Олонецких металлургических заводов и верфи. Уже в этот период он проявил себя как талантливый начальник, стремившийся держать ситуацию на вверенной ему территории под жестким контролем. Например, для сохранения рабочей силы на заводах В. де Геннин предложил карать бежавших с Олонца рабочих людей вместо телесного наказания штрафом⁵⁹². На Урале генерал-майор также занимался не только организацией производства, но и фактически встал во главе местной администрации, вел борьбу с должностными злоупотреблениями чиновников⁵⁹³.

На стройке Екатеринбурга трудились прибывшие с генерал-майором русские и иностранные мастера и подмастерья Олонецких заводов, мастера и подмастерья с Каменского, Алапаевского и демидовских заводов, два батальона солдат, направленных из Тобольска. Наряду с мастеровыми и рабочими людьми и военными в работах были задействованы государственные крестьяне и колодники, использовавшиеся для выполнения самых трудных задач⁵⁹⁴. Таким образом, история города оказалась связана не только со свободными людьми, но и с осужденными за различные правонарушения.

По всей видимости, на востоке Российской империи к этому времени находилось значительное число каторжных и ссыльных. Это можно увидеть по личной переписке между Петром I и В. де Геннином, который часто просил прислать на завод специалистов «для сыску и копания медных и прочих руд» и офицеров из числа шведских военнопленных, «а то здесь у заводов других нет, кроме поротых ноздрей, из которых есть и дельны, однако не пристойно таких людей под командой иметь»⁵⁹⁵. Лишь к 1730-м годам региональным властям удалось снабдить все звенья металлургического производства собственными кадрами высокой квалификации, чего нельзя сказать об обеспеченности вспомогательным персоналом⁵⁹⁶. Государственные крестьяне, направлявшиеся на казенные заводы, стремились уклониться от тяжелой работы на них: они либо не являлись в назначенное для отработок место, либо бежали. Так, например,

⁵⁸⁹ Алексеев 2001. С. 191–192.

⁵⁹⁰ Савич 1925. С. 63; Черкасова 1972. С. 3–19, цитата 9; Порталь 2003. С. 43.

⁵⁹¹ Преображенский 198. С. 312–325; Порталь 2003. С. 47.

⁵⁹² Серов, Федоров 2019. С. 369–374.

⁵⁹³ Шандра 1998. С. 56–98, 124–133.

⁵⁹⁴ Алексеев 2001. С. 192; Корепанов 2001. С. 20–24; Порталь 2003. С. 64.

⁵⁹⁵ Попов 1861. С. 46.

⁵⁹⁶ Преображенский 1989. С. 313.

на 1726–1727 годы приходится массовое бегство крестьян, которое удалось остановить лишь при помощи армии⁵⁹⁷.

Несмотря на недоверие к осужденным за различные правонарушения, В. де Геннин все же видел одним из путей решения этой проблемы использование труда каторжных⁵⁹⁸. Уже в 1720-х годах в Екатеринбург начинают поступать осужденные на вечную каторжную работу⁵⁹⁹. Важным для организации горнозаводской жизни Урала стал именной указ от 14 марта 1729 года. В связи со сложностями поиска дешевой рабочей силы для выполнения тяжелых подсобных работ Петр II повелел направить в регион ссыльных и каторжных колодников из Московской губернии. Тех, кто не был годен трудиться на заводах, возвращали в Тобольск для распределения по другим населенным пунктам Сибири⁶⁰⁰.

Согласно указам начала 1730-х годов, взятый властью курс на первоочередную отправку колодников на восток страны продолжился⁶⁰¹. В указе Сибирского обер-бергамта 1733 года провозглашалось, что все присланные на Урал каторжные и ссыльные находятся в исключительном ведении казенных заводов⁶⁰². С этого времени каторжные и ссыльные стали объектом постоянного внимания В. де Геннина, а с конца 1734 года – Василия Никитича Татищева (1686–1750), сменившего теперь уже генерал-лейтенанта на посту главы уральских и сибирских заводов. В. Н. Татищев также полагал, что не следует пренебрегать «поротыми ноздрями», и считал ссыльных важным источником рабочих рук на заводах Сибирской губернии⁶⁰³.

В. Н. Татищев не был слепым проводником курса В. де Геннина. Как и генерал-лейтенант, действительный статский советник в юности служил в драгунском полку, а после знакомства с Яковом Брюсом – будущим президентом Берг-коллегии – в 1712 году отправился в Европу для изучения инженерного дела, артиллерии и математики, после чего был переведен на службу в артиллерию⁶⁰⁴. В 1720–1722 годах он являлся первым руководителем горного ведомства на Урале, создав на Уктусских заводах Сибирское горное начальство, в задачу которого входило развитие и приумножение металлургических заводов в регионе⁶⁰⁵. После ссоры с Никитой Демидовым, владевшим несколькими уральскими заводами, В. Н. Татищев был отозван в Санкт-Петербург.

Вернувшись на смену В. де Геннину в середине 1730-х годов, действительный статский советник продолжил политику по созданию условий, чтобы горная власть стала главной на Урале. Губернаторы и воеводы не имели права вмешиваться в управление этой территорией. Здесь существовали собственные административно-судебные органы, войско, а также действовали особые нормативные правовые акты⁶⁰⁶. В. Н. Татищев строил свою деятельность на основе тщательного знакомства с историческим прошлым и природно-географическими особенностями вверенного ему региона, он интересовался историей, географией и законотворчеством, стремился контролировать вынесение приговоров и порядок их исполнения подчиненными органами власти. В Заводском уставе и других нормативных актах в качестве меры наказания за проступки разных категорий горнозаводского населения наряду с денежными штрафами встречается заключение под стражу⁶⁰⁷.

⁵⁹⁷ Порталь 2003. С. 67–68.

⁵⁹⁸ Там же. С. 77.

⁵⁹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 90. Л. 83 об., 97 об.

⁶⁰⁰ ПСЗ. Т. 8. С. 133–134.

⁶⁰¹ ПСЗ. Т. 8. С. 302, 319, 647; ПСЗ. Т. 9. С. 24–25, 718, 791–792, 895.

⁶⁰² Байдин 2015. С. 26.

⁶⁰³ Попов 1861. С. 150.

⁶⁰⁴ Юхт 1985. С. 44.

⁶⁰⁵ Шакинко 1987. С. 24–37; Юхт 1985. С. 64.

⁶⁰⁶ Шакинко 1987. С. 73.

⁶⁰⁷ Торопицын 2001. С. 29, 55–56.

Таким образом, Екатеринбургский завод и его окрестности стали местом, где оказалась сконцентрирована значительная масса ссыльных и каторжных, присланных в регион как на поселение, так и для работы на казенных медных и железоделательных заводах. Так, например, из 28 работников якорной фабрики 16 человек были каторжниками⁶⁰⁸. Следует обратить внимание, что перед руководителями уральских заводов первоначально не стояло задачи заниматься организацией жизни осужденных. Это было вынужденной мерой, вызванной дефицитом свободных рабочих рук на подведомственной им территории.

МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА

Проблема размещения ссыльных и каторжных являлась одним из серьезнейших вопросов, вставших перед горнозаводскими властями. Здесь, в отличие от многих других регионов, серьезнее подходили к заключению под стражу. Практически с самого начала город-завод был местом, где установилась жесткая, почти военная дисциплина, которая требовалась для поддержания ритмичности работы железоделательного производства. Строительство зданий для мест заключения и создание соответствующего режима охраны являлись насущной задачей. Ситуация осложнялась необходимостью выделения специальных помещений для содержания обвиняемых, находившихся под следствием, а также лиц, уже осужденных по тем или иным статьям.

Следует оговориться, что в рассматриваемый период все учреждения страны, имевшие судебные полномочия, обладали возможностью заключать обвиняемых, а иногда и истцов и ответчиков, под стражу. В большинстве случаев такие арестанты находились в специально отведенных для этих целей небольших помещениях в здании учреждения или ночевали прямо в канцелярии. Ситуация с организацией и обеспечением мест заключения для осужденных различалась в столицах и на местах. Если при некоторых государственных учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга (как, например, при Сыском приказе в 1730–1740-х годах и Тайной канцелярии в 1710–1720-х годах) были организованы отдельные тюрьмы, то в регионах такая возможность редко присутствовала⁶⁰⁹. К началу XVIII века в уездах и губерниях тюрьмы находились в ведении воевод и губернаторов. Они не имели специальных подразделений для осужденных и подследственных. Лишь в немногих исключениях по специальному распоряжению монарха или центральных и высших органов власти строились отдельные тюремные комплексы, как это было в Верхотурье в конце XVII века.

В Екатеринбурге функции суда и следствия также были расплывлены между разнообразными органами власти. В частности, в 1724–1726 годах в городе существовал судебный орган, отдельный от администрации, – Екатеринбургская судебная канцелярия, созданная в ходе судебной реформы Петра Великого. С 1727 года функции суда были переданы Екатеринбургской земской конторе, которая в конце 1734 года была преобразована в Екатеринбургскую контору судных и земских дел, являвшуюся судом первой инстанции для местного населения. Сибирский обер-бергамт (Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов) также имел судебные полномочия с момента своего основания. Для поддержания общественного порядка на заводе-крепости в середине 1730-х годов была учреждена полиция. Кроме того, немаловажную роль в жизни тюремных учреждений играла контора Екатеринбургских ротных дел, откуда в Обер-бергамт время от времени поступали донесения о нехватке людей для нарядов в караулы и других ситуациях, связанных с организацией и функционированием мест заключения⁶¹⁰.

⁶⁰⁸ Порталь 2003. С. 156.

⁶⁰⁹ Анисимов 1999. С. 277–285; Акельев 2019. С. 289–307.

⁶¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 88 об.

Екатеринбург делился рекой Исеть на две части: Торговую, или Канцелярскую, и Церковную, или Заречную. Все перечисленные выше органы власти находились на правом берегу реки. На линии плотины стоял Обер-бергамт, за которым размещались рудная лаборатория, архив и тюрьма⁶¹¹. По всей видимости, в первые годы жизни города все арестанты и осужденные содержались в этом здании. Большая часть строений Екатеринбурга была деревянной. Они в противопожарных целях обмазывались глиной или известью, а также покрывались алебастром или мелом по штукатурке. Крыши зданий также обрабатывались противопожарной смесью из крови заколотого скота, глины, тертого кирпича, железных опилок и мелкой обсеки. После 1731 года их начали покрывать бракованными железными досками, черной жстью и чугунной черепицей⁶¹².

Во второй половине 1730-х годов в городе начинается активное каменное строительство. Летом 1736 года был заложен фундамент каменного здания Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов, работа над которым велась вольнонаемными каменщиками из Тюмени и ссыльными из Тобольска до октября 1739 года⁶¹³. С конца 1730-х годов в новое двухэтажное административное здание перевели большинство учреждений. На первом этаже разместились Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов и заводская контора, на втором – Екатеринбургская контора судных и земских дел. Кроме того, в сооружении находились казначейская контора, ревизия заводских счетов, кладовая с денежной казной, архив и библиотека. Можно предположить, что в доме также имелось небольшое помещение для подследственных. Многие городские сооружения оставались деревянными. Несмотря на перестройку города, тюрьма сохранила прежнее местоположение⁶¹⁴.

Тюремный двор был обнесен частоколом и часто называется в документах каторжным⁶¹⁵. Регулярное упоминание каторжной не случайно. Присланные на каторгу и в ссылку колодники сначала помещались здесь, при Обер-бергамте (Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов). Там же осужденные распределялись по заводам и на работы в Екатеринбурге, с которых из-за недосмотра охраны время от времени происходили побег⁶¹⁶.

Группы прибывавших из Тобольска ссыльных и колодников насчитывали от нескольких единиц до нескольких сотен человек. Ведомость о ссыльных колодниках за 1741 год свидетельствует, что в течение 1730–1738 годов правонарушители направлялись в Екатеринбург ежегодно. Например, в июле 1730 года в распоряжение Сибирского обер-бергамта поступила партия ссыльных из Военной коллегии в количестве 201 осужденного. Далее они распределялись между заводами. Анализ ведомости показывает, что на заводе-крепости рассматриваемого периода каждый год оставалось от 36 до 100% прибывших. Лишь в одном случае из троих сосланных все были отправлены на соседние заводы (1733)⁶¹⁷.

Со временем сосланные на поселение переводились «на вольное житье». За крепостной стеной Екатеринбурга уже к концу 1720-х годов сформировалась Ссыльная слобода. Ее появление отражало политику Обер-бергамта по размещению ссыльнопоселенцев за пределами укрепленной части города⁶¹⁸. Тем не менее, по данным полицейской переписи дворов завода-крепости и его окрестностей за 1738 год, ссыльные селились как внутри палисада, так и за его пределами. Из 668 зарегистрированных дворов 37 (5%) принадлежало ссыльнопоселен-

⁶¹¹ Иванов 1900. С. 6; Корепанов 2001. С. 58; Порталь 2003. С. 153–154.

⁶¹² Корепанов 2001. С. 58–59.

⁶¹³ Там же. С. 71–72, 94.

⁶¹⁴ Байдин 2015. С. 83.

⁶¹⁵ См., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1192. Л. 6.

⁶¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 388. Л. 304.

⁶¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881. Л. 1–101.

⁶¹⁸ Корепанов 2001. С. 88.

цам⁶¹⁹. В отличие от ссыльных, вечноосужденных следовало содержать в каторжной, ежедневно направляя на тяжелые работы.

Наряду с каторжными в тюрьме находились подследственные – представители различных социальных групп (в подавляющей массе – крестьяне и мастеровые и работные люди), осужденные за разнообразные правонарушения, а также отработывавшие на заводских работах долги по искам и судебным пошлинам⁶²⁰. Кроме того, весной 1736 года на каторжном дворе появились добровольные аманаты – заложники, при помощи которых предполагалось завершить башкирское восстание 1735–1740 годов⁶²¹. Таким образом, несмотря на то что в документальных источниках здание именуется тюрьмой, оно соединяло в себе несколько функций. Среди ведущих – содержание подсудимого до суда и исполнение наказания за совершенное преступление. Перевоспитание не являлось основной задачей заключения. Тюрьма была необходима для устрашения, совершения возмездия и получения выгоды от использования низкооплачиваемого труда. Эта многофункциональность являлась отличием каторжного двора Екатеринбурга от каторжного двора Санкт-Петербурга⁶²².

Еще одним местом содержания провинившихся солдат и канцеляристов являлась гауптвахта («гобвахта»)⁶²³. Она находилась в одной линии с «главным командирским двором»⁶²⁴. Там, например, временно обретался задержанный за пьянство в марте 1734 года протоколист Иван Кичигин. Нарушители дисциплины могли заковываться в кандалы, отбывая наказание днем по месту службы, а ночью – в «тюрьме»⁶²⁵.

В течение 1733–1734 годов в Екатеринбурге наблюдалась активная перестройка и достройка мест заключения. В мае – июне 1733 года была расширена гауптвахта: сначала возвели светлицу для караульных, а затем – новое здание самой гауптвахты. Для работ были использованы силы солдат и «арестантов», труд которых вознаграждался «по указам». Солдатам платили сверх жалованья по две копейки в день, а арестантам – по три. Рабочий день «строителей» длился 12 часов⁶²⁶.

Кроме того, 22 августа 1733 года в Обер-бергамт поступило доношение от Екатеринбургских ротных дел прапорщика Ивана Рахвалова о том, что имеющаяся в городе-заводе тюрьма слишком мала, отчего «колодники, имеющиеся по делам, и уместитца не могут, ибо колодников <...> завсегда многолюдство». Прапорщик предлагал построить большую тюремную избу «о два жила» и караульное помещение при ней. Караульной избе следовало стать отдельно, чтобы «оним караульным салдатам в зимное время в карауле при оним колодниках мошно было пробыть без нужды, и по смене с часов на обвахту им спать не ходит, но быть в той караульной избе для всяких случающихся от колодников причин»⁶²⁷.

23 августа Сибирский обер-бергамт приговорил пристроить к старому зданию тюрьмы еще одно, каменное, помещение. Такое увеличение площади позволило бы избежать умножения людских ресурсов, обычно задействованных в охране. Коллегия Обер-бергамта также не была против строительства караульной и реновации отхожих мест, но окончательное решение было принято стоявшим над учреждением В. де Геннином. На выписке из протокола значилась помета, сделанная рукой руководителя горного ведомства. Генерал-лейтенант предлагал не строить караульную избу, заменив ее чуланом для тепла в сенях. По всей видимости, он

⁶¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 996. Л. 307 – 359 об.

⁶²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881. Л. 103 – 108 об.; Д. 1192. Л. 1–6; Д. 1362. Л. 1 – 15 об.

⁶²¹ Корепанов 2001. С. 70.

⁶²² Анисимов 2003. С. 316–318.

⁶²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 448. Л. 2 об., 3 об.

⁶²⁴ Там же. Д. 388. Л. 210.

⁶²⁵ Там же. Д. 448. Л. 3 об., 6.

⁶²⁶ Там же. Д. 388. Л. 210 – 210 об., 211, 212, 272.

⁶²⁷ Там же. Л. 425.

стремился удешевить работы⁶²⁸. Еще одним средством уменьшения расходов на сооружение было использование труда «присыльных и арестантов».

Таким образом, здание тюрьмы к середине 1730-х годов становится двухкамерным. На этом перестройка помещения не закончилась. В середине 1740-х годов тюрьму снова потребовалось расширять по причине роста количества заключенных. Этому способствовало принятие указа о приостановке исполнения экзекуций по смертным приговорам от 7 мая 1744 года. Появление закона привело к поиску альтернативной меры наказания⁶²⁹. Для уральских администраторов это было также связано с отысканием источника денежных средств, требовавшихся для содержания приговоренных к смерти колодников.

По-видимому, в 1740-х годах произошло функциональное разделение тюремных помещений на секции. В частности, в 1744 году создано женское отделение. По данным Н. С. Корепанова, к 1756 году старая тюрьма была полностью перестроена. Она стала двухэтажной. Правда, если первый этаж здания был каменным, то второй возвели из дерева⁶³⁰. Несмотря на этот факт, второй этаж тюрьмы на каторжном дворе называется в источниках «верхней каменной тюрьмой». Кроме того, в документах второй половины 1750-х годов говорится не об одной городской тюрьме, а о нескольких городских тюрьмах⁶³¹. Это позволяет говорить о существовании комплекса тюремных зданий в каторжном дворе.

Обращает на себя внимание, что в регионах Российской империи первой половины XVIII века подавляющее большинство мест заключения были одноэтажными деревянными зданиями, построенными по образцам предыдущего столетия⁶³². Например, Григорий Васильевич Есипов описывает одну из таких тюрем 1710-х годов следующим образом.

Содержание колодников в то время было очень простое, незатейливое. Возле приказной избы или в другой части города построены были избы одноэтажные, большею частию из двух светлиц, разделенных сенями. Тюремный двор обведен был высоким частоколом, что и называлось «острогом». Избы стояли окнами на улицу или на площадь, и проходящие могли легко разговаривать с колодниками сквозь железные решетки, прибитые к окнам. Сторож тюремный сидел в шалаше, при тюремном дворе, а солдаты караульные были только при государственных преступниках и дежурили в сенях, а чаще всего в самой избе с колодником⁶³³.

Таким образом, тюремное здание у Сибирского обер-бергамта (Канцелярии главного правления Казанских и Сибирских заводов) отличалось от других тюремных изб в уездах провинциальной России.

В дополнение к уже существовавшим местам заключения на мысу пруда, по левому берегу реки Исеть в течение 1737–1738 годов была отстроена тюрьма для старообрядцев⁶³⁴. В соответствии с именным указом от 12 ноября 1735 года о высылке в сибирские монастыри монахов и монахинь из числа старообрядцев, В. Н. Татищеву приказывалось выявить всех «раскольников» и вписать их в двойной подушный оклад⁶³⁵. Отсутствие достаточного числа мест содержания в монастырях Сибирской губернии для старцев и стариц, молившихся по старому обряду, привело к появлению указа от 31 января 1737 года. Он предписывал отправ-

⁶²⁸ Там же. Л. 426 – 426 об.

⁶²⁹ Марасинова 2019.

⁶³⁰ Корепанов 2001. С. 137.

⁶³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 88 – 89 об.

⁶³² Сергеевский 1887. С. 180–185; Анисимов 1999. С. 589.

⁶³³ Есипов 1880. С. 574.

⁶³⁴ Покровский 1974. С. 103; Корепанов 2002. С. 169–171; Корепанов 2013. С. 135–168.

⁶³⁵ ПСЗ. Т. 9. С. 602–604.

лять всех арестованных старообрядцев в Екатеринбург для содержания во «дворе за высоким тыном», употребляя в каторжные работы. Тюрьма была сооружена к весне 1738 года⁶³⁶. По проекту В. Н. Татищева здание было разделено на две половины – мужскую и женскую, каждая из которых имела собственное караульное помещение и отдельный вход. Охране следовало не допускать разговоры между мужским и женским отделениями. Впоследствии тюрьма получила название Заречный тын. Она просуществовала до зимы 1765 года⁶³⁷. В начале 1759 года в тыне постоянно находилось от восьми до девяти заключенных-раскольников мужского пола⁶³⁸. Из-за отсутствия мест на каторжном дворе при Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов в 1750-х годах здесь содержались приговоренные к натуральной или политической смерти⁶³⁹.

В документальных источниках упоминаются также два здания тюрьмы в Горном Щите – населенном пункте в 19 километрах от завода. Они были построены руками колодников в середине 1750-х годов. В отличие от каторжного двора и Заречного тына, эти тюремные помещения предполагалось соорудить на скорую руку:

Построить с надлежащим укреплением <...> две тюрьмы такой величины, чтоб и ежели кроме нынешних можно осужденных еще содержать вкопався в землю. И буде болше не можно, на полтора аршина и спуститца с срубом. Чтоб всего вышки б были в три или четыре аршина промежду ими или перед ними небольшие сени. Во внутри тюрем полу не делать, а быть земляному <...> к покрытию ж тех тюрем приготавити бересты, не рубя березняка и не портя на оных коры, но снимая со стоячего одни бестя. И покрыть оные тюрьмы об один скат, а сверх оногo берестою, а потом наметать дерном⁶⁴⁰.

Впоследствии было решено сделать крыши двускатными, а сами здания построить квадратными по шесть сажений в длину и в ширину⁶⁴¹. В этих тюремных помещениях располагались колодники, направлявшиеся на добычу мрамора, которая была налажена в конце 1740-х – начале 1750-х годов. В сентябре 1752 года на мраморные копи было определено около 50 колодников, приговоренных к натуральной и политической смерти и вечной ссылке. В теплое время года они трудились на копиях, а зимой с трудом размещались в тюрьмах Екатеринбургского и Северского заводов, где отбывали наказание на каторжных работах. Таким образом уральская администрация стремилась решить вопрос с размещением этой группы заключенных, не оставляя ее без занятости⁶⁴².

Изучение многообразного источникового материала (в первую очередь карт-схем населенного пункта и документальных источников) позволяет говорить о том, что в середине XVIII столетия в Екатеринбурге было несколько тюрем, имевших различное функциональное назначение. Следует упомянуть, что отметки о тюремных зданиях практически не находят отражения в планах-схемах города. По всей видимости, авторы планов, современники описываемых событий, либо не считали важным обращать особое внимание на эти сооружения, либо не отмечали их из соображений безопасности. В ряде случаев определение местонахождения тюрьмы или колодничьей оказывается невозможным ввиду расхождений между легендой карты-схемы и нумерацией объектов на ней. Тем не менее время от времени мы можем встре-

⁶³⁶ Корепанов 2013. С. 135–168, цитата 139.

⁶³⁷ Там же, цитата 167.

⁶³⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 77–79.

⁶³⁹ Там же. Л. 88 об., 89.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 99 – 99 об.

⁶⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 113.

⁶⁴² Корепанов 2001. С. 137; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 142 – 142 об., 145, 147 – 147 об.

тить отдельные упоминания и указания на места содержания арестантов и заключенных⁶⁴³. В целом документы середины XVIII века позволяют говорить о существовании на территории завода-крепости как минимум трех мест, где могли содержать арестантов и заключенных. Ими были гауптвахта и тюрьмы в городском и Заречном тынах⁶⁴⁴. Такое количество тюремных зданий отличало Екатеринбург от многих других провинциальных городов Российской империи.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Каким образом осуществлялось финансирование жизни колодников? Практически все находившиеся в местах заключения направлялись на работы, за что получали по три копейки в день⁶⁴⁵. Много этого или мало? В середине XVIII века на рынке Екатеринбурга пуд ржаной муки стоил от шести с половиной до семи копеек, пуд ячневой крупы – от 13 до 15 копеек, пуд овса – от трех до четырех с половиной копеек. Воз сена в зависимости от размера стоил от 25 до 45 копеек⁶⁴⁶. Более серьезные «покупки» стоили дороже. Например, в 1732 году двор внутри крепостных стен, состоявший из избы и хозяйственных строений, можно было купить по цене от одного до восьми рублей⁶⁴⁷.

При постоянной занятости на работах заключенные могли существовать в более или менее сносных условиях. Уровень их заработка позволял рассчитывать по крайней мере на кусок хлеба и сопоставим с минимальным жалованьем канцелярских служащих, трудившихся в Сибирском обер-бергамте и подчиненных ему канцеляриях. Так, например, жалованье копииста на Урале первой трети XVIII века составляло от шести рублей в год⁶⁴⁸. Поканцеляристы, канцеляристы и секретари могли рассчитывать на 40, 60–80 и 120 рублей в год соответственно⁶⁴⁹.

На работах использовались и мужчины, и женщины⁶⁵⁰. Исключение составляли только старцы и старицы из числа старообрядцев, содержавшихся в Заречном тыне. Большинство из них было не способно физически трудиться в тяжелых горнозаводских условиях. В. Н. Татищев смог подобрать работу для женщин, заняв их прядением льна, тканием холста для ссыльных и литьем сальных свеч. Мужчины в специально отведенной казарме сбивали ведра и бочки, вили канаты и вырезали деревянную посуду⁶⁵¹.

Обеспечение провиантом в основном находилось в руках местных властей. Закупки продовольствия производились в соответствии с рыночными ценами у крестьян по запросу Екатеринбургской полиции, а затем распределялись между школьниками, арестантами и «прочими чинами»⁶⁵². Колодники могли приобретать продовольственные припасы сами. Инструкция середины 1750-х годов устанавливала более жесткие правила покупки продуктов питания для приговоренных к натуральной или политической смерти: «А велеть продавцам, кто пожелает съестные припасы продавать, привозить к тому месту, где они будут в работе находиться и под караулом содержаться, и у них покупать на их колодничи денги караульным салдатом».

⁶⁴³ Старинный план Екатеринбурга 1725 года, 2002; Чертеж города Екатеринбурга 1731 года, 2002.

⁶⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 88, 95, 99 – 99 об.

⁶⁴⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 314. Л. 2 об., 5, 6, 7 об., 10, 12, 14 об., 15 и др.; Д. 317. Л. 30 об., 34 об., 35, 40 об., 43 об., 48 об., 49 об., 51 об., 52 об., 56 об. и др.; Д. 388. Л. 606, 608 – 609 об.; Д. 1367. Л. 4, 5 об. и др.

⁶⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 2 об., 3 об.

⁶⁴⁷ Там же. Д. 315. Л. 3, 6, 7 об.

⁶⁴⁸ Там же. Д. 277. Л. 181 об.

⁶⁴⁹ Там же. Д. 186. Л. 156 – 156 об.; Ф. 34. Оп. 1. Д. 11. Л. 8 об. – 9, 15.

⁶⁵⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1432. Л. 60 – 60 об.

⁶⁵¹ Покровский 1974. С. 103; Корепанов 2013. С. 135–168, цитата 156.

⁶⁵² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 388. Л. 598; Д. 1597. Л. 1–57.

На практике нередко были нарушения существующего порядка. Часто колодников и их охрану можно было застать вместе или порознь в кабаке за употреблением горячительных напитков⁶⁵³.

Деньги, заработанные колодниками, присланными из соседних и удаленных административно-территориальных единиц для отработки долгов по искам, делились на две части: первая часть выдавалась для обеспечения насущных потребностей заключенных в еде и одежде, вторая хранилась в земской либо казначейской конторе, откуда периодически высылались для покрытия недоимки. Как правило, в этом случае средства, отводившиеся на содержание арестанта, были в два раза меньше, чем сумма, выплачиваемая по долгу, составляя одну и две копейки соответственно⁶⁵⁴. Воскресные и праздничные дни колодникам не оплачивались⁶⁵⁵.

В соответствии с указом Берг-коллегии от 1730 года каторжных, занятых на заводских работах, требовалось снабжать не только продовольствием, но и одеждой и обувью⁶⁵⁶. Так, например, в июне 1756 года 15 колодникам, находившимся на добыче мрамора, были переданы бараньи шубы, так как подошел срок для замены их верхней одежды. Сходным образом было произведено обновление гардероба каторжника Василия Коновалова. Единственным отличием было то, что вместо готового платья он получил несколько метров рубашечного холста и сермяжного полотна⁶⁵⁷. «Казенное» арестантское платье подвергалось периодическому осмотру с целью выявления недостатков⁶⁵⁸. Вещи и несъеденное продовольствие умерших колодников также описывались и передавались в Екатеринбургскую заводскую контору, откуда их распределяли между другими осужденными⁶⁵⁹.

Содержавшиеся в Заречном тыне также получали довольствие по нормам для вечноосужденных: по две копейки в день и два пуда провианта (ржаная мука и ячневая крупа) в месяц. Немошным женщинам давали половину нормы, выдававшейся в богадельнях. Не обходилось и без милостыни⁶⁶⁰. По-видимому, материальное положение других заключенных также было шатким. Особенно это касалось тех, кто из-за болезни или старости не мог больше трудиться на заводских работах. Они, как правило, оказывались в богадельне или были вынуждены жить «на своем пропитании»⁶⁶¹.

Не позднее XVII века во многих городах России возникла практика отпуска колодников для прошения милостыни. Полученное подаяние делилось между всеми тюремными сидельцами. В Екатеринбурге такой порядок обеспечения арестантов отсутствовал, но с конца 1730-х годов было разрешено выводить их в связке по два человека под конвоем солдата для того, чтобы просить подаяние⁶⁶². Схожую иллюстрацию жизни тобольских заключенных середины 1730-х годов дает Николай Николаевич Покровский.

Визит из тюрьмы в частные дома был обычным для колодничьих нравов тех лет делом – колодники кормились в основном за счет частной благотворительности и милосердия обывателей, для возбуждения коих арестованных регулярно водили под караулом по домам, рынкам и даже

⁶⁵³ Там же. Д. 1597. Л. 88 – 88 об.

⁶⁵⁴ Там же. Д. 317. Л. 32 об., 35 об., 59 об., 62, 79 об., 81 и др.; Д. 318. Л. 22; Д. 1367. Л. 3 об., 6 об. и др.

⁶⁵⁵ Там же. Д. 317. Л. 87.

⁶⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 318. Л. 22; Д. 1597. Л. 85, 90, 93.

⁶⁵⁷ Там же. Д. 1597. Л. 100 – 100 об., 105, 106 – 106 об.

⁶⁵⁸ Там же. Л. 133.

⁶⁵⁹ Там же. Л. 136, 144.

⁶⁶⁰ Корепанов 2013. С. 135–168, цитата 156, 160.

⁶⁶¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 318. Л. 39; Д. 881. Л. 82, 97 об., 98 об. и др.

⁶⁶² Корепанов 2001. С. 137; ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 36. Л. 48.

кабакам; пользоваться подобными ситуациями для побега тюремная этика запрещала, ибо это значило оставить других колодников без хлеба⁶⁶³.

В этих условиях власти обращали особое внимание на вещи, оказывавшиеся в руках заключенных. К имуществу, находившемуся в руках вечноосужденных, предъявлялись самые серьезные требования. К середине XVIII века им было запрещено иметь колющие и режущие предметы, заниматься ремеслами⁶⁶⁴. Если в предыдущие годы существования тюрьмы горное начальство закрывало глаза на существование собственных промыслов, то после увеличения числа приговоренных к смертной казни или политической смерти режим содержания колодников стал более строгим. Нарушение правил влекло не только к ухудшению положения заключенных, но и к наказанию солдат, задействованных в охране.

Взаимоотношения между арестантами и их стражей не всегда складывались гладко. Так, весной 1734 года в журнале словесных приговоров начальника уральских заводов В. де Геннина разбиралось дело «солдата за капрала» Федора Зверева, который побил палкой одного из заключенных за то, что тот «лежал на постеле своей, пел песни», «и то де не с криком». Рассмотрев дело, генерал-лейтенант приказал следить, чтобы в тюрьмах не было шумно. В случае, если кто-либо будет буянить, караульному офицеру предписывалось не наказывать сразу, а разобраться в ситуации. Злых зачинщиков предполагалось отсылать для определения меры наказания в Сибирский обер-бергамт⁶⁶⁵.

Кроме того, в тюрьмах встречались случаи воровства. В сентябре 1756 года в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов поступило доношение от поручика Оренбургского гарнизона Казанского полка Никиты Шныгина с требованием о расследовании кражи денег и серебряных вещей на общую сумму 79 рублей у драгуна Данила Терентьева «арестантской Бориса Черепанова женой Степанидой Акикеевой дочерью». Свидетелем кражи выступил другой арестант – Михаил Шульгин. Дело было передано в Екатеринбургскую контору судных и земских дел⁶⁶⁶.

Наряду с материальным обеспечением горное начальство заботилось о духовной составляющей жизни заключенных и арестантов. Их следовало регулярно исповедовать и причащать в специально отведенных для этого покоех, «а в церковь для того не водить». По-видимому, последнее было запрещено из соображений безопасности. Списки исповедовавшихся колодников регулярно представлялись в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов⁶⁶⁷.

Итак, организация быта колодников на Урале в XVIII веке может быть сопоставима с распорядком жизни заключенных в государствах Западной Европы XVI – первой половины XVIII века⁶⁶⁸. В первую очередь это касается модели эксплуатации осужденных, существовавшей в протестантских немецких княжествах, где труд рассматривался и как средство извлечения прибыли, и как способ обретения спасения души. В условиях дефицита рабочих рук тюремные дома Европы были предназначены не столько для наказания, сколько для использования заключенных на тяжелых работах. Ситуация, существовавшая в уральском регионе, также не оставляла иного выбора. Курс на индустриализацию, взятый в годы правления Петра I, требовал значительных финансовых вливаний, которые не могли быть полностью покрыты

⁶⁶³ Покровский 1974. С. 91–92.

⁶⁶⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 88 – 88 об., 92.

⁶⁶⁵ Там же. Д. 448. Л. 8.

⁶⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 131.

⁶⁶⁷ Там же. Л. 95 – 95 об., 187 – 187 об., 199 – 199 об.

⁶⁶⁸ Bretschneider 2008; Bretschneider 2019; Rousseaux 1997.

за счет средств государственного бюджета. Принудительные работы были выходом из сложившейся ситуации как в Сибирской губернии, так и в других регионах Российской империи⁶⁶⁹.

КАТОРЖНЫЙ ДВОР – МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЮРЬМА И ЧАСТЬ ГОРНОЗАВОДСКОГО ОБЩЕСТВА

Таким образом, к середине XVIII века Екатеринбург имел тюрьмы, которые различались по категориям находившихся в них арестантов и степени строгости содержания в них осужденных. На примере мест заключения в горнозаводском поселении можно сделать вывод, что тюрьма в России XVIII века – многофункциональное пространство, собирательное название для мест содержания подследственных и различных категорий осужденных. Безусловно, Екатеринбург не мог соперничать по количеству тюрем и находившихся в них колодников со столичными городами. Например, в Адмиралтействе в первой половине XVIII века работало от 500 до 800 каторжных⁶⁷⁰. В ведении Сысского приказа в 1730–1740-х годах находилась тюрьма, вмещавшая порядка 600 заключенных⁶⁷¹. Тем не менее завод-крепость представлял собой крупный центр, созданный по западноевропейским образцам, куда попадали арестанты из окрестностей и осужденные из других регионов страны. К середине столетия в местах заключения содержалось порядка 200 колодников. В марте 1756 года из городских тюрем ежедневно направлялось на работы около 140 осужденных, к ним регулярно присоединялось 40 заключенных из Заречного тына⁶⁷². По данным Екатеринбургской конторы судебных и земских дел, в начале 1763 года только в ее ведении находился 201 тюремный сиделец⁶⁷³.

Структура, которая занималась строительством мест заключения и системой обеспечения колодников, представляла собой военизированный аппарат, использовавший труд солдат и самих осужденных. Ближе всего колодники общались с охранявшими их военными, состоявшими в распоряжении Екатеринбургских ротных дел. Эта контора при тесном взаимодействии с полицией и другими учреждениями, находившимися в подчинении горного ведомства, отвечала за сохранность тюрем и поддержание их помещений в удовлетворительном состоянии.

В целом ресурсов, отводившихся на содержание колодников, не было достаточно. Нередко сами заключенные участвовали в возведении тюремных зданий. Благодаря возможности использовать труд каторжных и других категорий осужденных на заводских работах, частично снималась продовольственная проблема, а также вопрос обеспечения одеждой и обувью. Тем не менее уже в конце 1730-х годов горное начальство, считавшее необходимым поддерживать жесткую дисциплину среди жителей Екатеринбурга и его окрестностей, разрешило появляться осужденным на улицах для сбора милостыни. Ситуация обострилась после запрета смертной казни в 1744 году. Все чаще возникали ситуации нарушения режима содержания преступников, которых можно было увидеть не только на каторжном дворе или рабочем месте, но и в кабаке. Закованные в кандалы, они умудрялись передвигаться по городу.

Постепенно колодники и местные жители выстраивали отношения. Во время пересылки завязывалась дружба между каторжными и ссыльными на поселение. Не менее активной была коммуникация на заводских работах, в кабаках и иных местах скопления людей. В некоторых случаях каторжники и ссыльные пополняли ряды квалифицированных работников – мастеровых и работных людей. Границы между заключенными и свободным населением региона были

⁶⁶⁹ Воеск 2008.

⁶⁷⁰ Анисимов 199. С. 678.

⁶⁷¹ Акельев 2019. С. 292.

⁶⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1597. Л. 89.

⁶⁷³ ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 181. Л. 194 об.

проницаемы и прозрачны. Интенсивное взаимодействие создавало условия для побегов и других фактов нарушения закона.

Если в XVII веке «Камень» и пространство за ним являлись преимущественно местом политической ссылки, то в XVIII веке Урал стал частью пространства для размещения правонарушителей, повседневная жизнь которых была тесно связана с тяжелым трудом. Екатеринбург представляет собой яркий пример сосуществования «рядовых» жителей завода-крепости (мастеровых и работных людей, солдат и рекрутов, мелких торговцев, крестьян и представителей аппарата управления) и осужденных (ссыльных и каторжных, арестованных за мелкие правонарушения на короткий срок и недобросовестных должников). К середине XVIII столетия количество ссыльных и тюремных сидельцев различных категорий насчитывало около 10–15% от численности населения города. Это обстоятельство не могло не влиять на жизнь завода-крепости: горнозаводской администрации требовалось уделять постоянное внимание контролю за состоянием тюремных помещений и их охраной, придумывать новые виды занятости правонарушителей.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акельев 2019 — *Акельев Е. В.* «И впредь в Кремле колодников отнюдь держать не велеть»: эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII века // Выхорь С. С., Сумин А. В. (Ред.). Очерки уголовно-исполнительной системы: монография. Иваново, 2019. С. 289–307.

Алексеев 2001 — *Алексеев В. В.* (Ред.). Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

Анисимов 1999 — *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск в и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Анисимов 2003 — *Анисимов Е. В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.

Байдин 2015 — *Байдин В. И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале: историко-библиографические этюды. Екатеринбург, 2015.

Гернет 1960 — *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1941.

Есипов 1880 — *Есипов Г. В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880.

Иванов 1900 — *Иванов П. А.* Краткая история управления горною частию на Урале. Екатеринбург, 1900.

Кодан 1983 — *Кодан С. В.* Сибирская ссылка декабристов: (Историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983.

Коллманн 2016 — *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.

Корепанов 2001 — *Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург, 2001.

Корепанов 2002 — *Корепанов Н. С.* Екатеринбургский Заречный тын – тюрьма старообрядцев // Тулисов Е. (Ред.). Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 23–24 мая 2001 г. Екатеринбург, 2002. С. 169–171.

Корепанов 2013 — *Корепанов Н. С.* О Тыне Заречном // Ройзман Е. (Ред.). Вестник музея «Невьянская икон». Вып. IV. Екатеринбург, 2013. С. 135–168.

Максимов 1900 — *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. В 3 ч. СПб., 1900.

Марасинова 2019 — *Марасинова Е. Н.* «Потомственный страх» или «народное воспитание»: Феномен моратория на смертную казнь в России середины XVIII века // https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20643/. 05.08.2020.

Марголис 1995 — *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. М., 1995.

Покровский 1974 — *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

Попов 1861 — *Попов Н. В. Н.* Татищев и его время. Эпизод из государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.

Порталь 2003 — *Порталь Р.* Урал в XVIII веке. Б. м., 2003.

Преображенский 1989 — *Преображенский А. А.* (Ред.). История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

Савич 1925 — *Савич А. А.* Прошлое Урала (Исторические очерки). Пермь, 1925.

Сергеевский 1887 — *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.

Серов, Федоров 2019 — *Серов Д. О., Федоров А. В.* Дела и судьбы следователей Петра I. М., 2019.

Старинный план Екатеринбурга 1725 г. Приложение // Маслаков Е. (Ред.). Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Сумин 2019 — *Сумин А. В.* «Тюрьма» в России XV в. по историческим источникам. Немецкая и романская версии этимологии // Выхорь С. С., Сумин А. В. (Ред.). Очерки уголовно-исполнительной системы: монография. Иваново, 2019. С. 128–137.

Торопицын 2001 — *Торопицын И. В.* В. Н. Татищев и социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. Астрахань, 2001.

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986.

Фойницкий 2000 — *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000.

Черкасова 1972 — *Черкасова А. С.* О характере закрепления горнозаводских кадров на Урале в I половине XVIII века // Маханек К. С. (Ред.). Исследования по истории Урала. Выпуск 2. Пермь, 1972. С. 3–19.

Чертеж города Екатеринбурга 1731 г. Приложение // Маслакова Е. (Ред.) Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Шакинко 1987 — *Шакинко И. М.* В. Н. Татищев. М., 1987.

Шандра 1998 — *Шандра А. В.* В. И. Геннин на Урале: деятельность и мировоззрение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 1998.

Шахеров 2012 — *Шахеров В. П.* Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири. 14.03.2012. http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1084. 15.11.2020.

Юхт 1985 — *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985.

Ядринцев 1872 — *Ядринцев Н. М.* Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб., 1872.

Ackeret 2007 — *Ackeret M.* In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). (Mitteilungen/

Osteuropa-Institut München, Historische Abteilung, 56). München, 2007. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-63257-8>. 06.03.2021.

Badcock 2016 — *Badcock S.* A Prison Without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford, 2016.

Beer 2017 — *Beer D.* The House of the Dead. Siberian Exile Under the Tsars. Knopf, 2017.

Boeck Brian J. 2008 — *Boeck Brian J.* When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // *The Journal of Modern History*. 2008. Vol. 80. № 3. P. 485–514.

Bretschneider 2008 — *Bretschneider F.* Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen im 18. und 19. Jahrhundert. Constance, 2008.

Bretschneider 2019 — *Bretschneider F.* Pieter Spierenburg's Contribution to the History of Confinement in Early Modern Europe // *Crime, Histoire & Sociétés/Crime, History & Societies*. 2019. Vol. 23. № 2. <http://journals.openedition.org/chs/2587>. 28.02.2021.

Gentes 2005 — *Gentes A.* Katonga: Penal Labor and Tsarist Siberia. in: *the Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Frankfurt/M., 2005. P. 73–85.

Kaczyńska 1994 — *Kaczyńska E.* Das grösste Gefängnis der Welt: Sibirien als Strafkolonie zur Zarenzeit. Frankfurt; New York, 1994.

Rousseaux 1997 — *Rousseaux X.* Crime, Justice and Society in Medieval and Early Modern Times: Thirty Years of Crime and Criminal Justice History // *Crime, Histoire & Sociétés/Crime, History & Societies*. 1997. Vol. 1. № 1. <http://journals.openedition.org/chs/1034>. 07.03.2021.

Schmidt 1996 — *Schmidt C.* Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität, Leibeigenschaft. 1649–1785. Stuttgart, 1996.

Дискурсы и практики заключения

Елена Марасинова

ПРОСТРАНСТВО НАКАЗАНИЯ ПОКАЯНИЕМ

*От Кремля до Соловецкого монастыря (дело
убийц Жуковых второй половины XVIII века)*

НАКАЗАНИЕ ПОКАЯНИЕМ

Чрезвычайный духовный, контролирующий, дисциплинирующий экономический потенциал монастырей придавал multifunctionальность этим уникальным пространствам, что было характерно и для православных обителей России XVIII века⁶⁷⁴. Русские монастыри издавна были не только местом уединения от мирской суеты и ссылки политических противников, но и местом заключения, где, как справедливо отмечалось в именном указе от 1770 года в московскую синодальную⁶⁷⁵ контору, «кроме монашествующих есть сторожи и прочие служители, ограды и всегда запертые ворота для содержания преступников»⁶⁷⁶. Крупным хозяйством с большими угодьями, жестким внутренним распорядком и действительно наглухо замкнутой территорией за высокими стенами несложно было совмещать карательные функции тюрьмы и исправительную миссию духовного надзора. При этом узниками монастырей становились и представители клира, нарушившие церковный устав, и совершившие преступление миряне⁶⁷⁷.

Роль монастырского пространства в пенитенциарной системе определялась не только такими прагматичными факторами, как «сторожи, ограды, ворота», но и особенностью российской правовой системы, которую российский филолог В. М. Живов определил термином «юридический дуализм»⁶⁷⁸. Слово *закон* в русском языке могло означать и правовую норму, и норму религиозную, так же как и понятие *преступление* обременялось моральным обвинением, связывалось с категорией *греха* и предполагало не только *наказание*, но и *раскаяние*. В то же время православная церковь знала добровольное, восходящее к таинству исповеди, признание в содеянном, с одной стороны, и принудительное *покаяние*, практически отождествляемое с епитимьей, – с другой.

В петровском законодательстве все с большей очевидностью усиливается тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания⁶⁷⁹. В Воинском уставе 1716 года покаяние уже рассматривается как сопутствующая карательная мера, налагаемая исключительно светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет

⁶⁷⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00461 (руководитель проекта Е. Н. Марасинова).

⁶⁷⁵ Московское отделение Синода, высшего органа Русской православной церкви, сменившего в 1721 году упраздненную Петром I патриархию, что многие историки расценивают как все большее подчинение церкви государству.

⁶⁷⁶ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е. СПб. 1830. (далее – ПСЗ). Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770, 23 августа; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 1–2.

⁶⁷⁷ Подробнее о multifunctionальности монастырей см. статью Екатерины Махотиной в этом сборнике.

⁶⁷⁸ Живов 2002. С. 193, 278–279.

⁶⁷⁹ См.: Лавров 2000. С. 347–393.

«правил святых апостолов и святых отцов». С началом правления Екатерины II покаяние все чаще появляется в приговорах, выносимых мирянам по делам, за которые ранее подобная форма взыскания не полагалась⁶⁸⁰. Постепенно таинство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в часть резолюций по тяжким преступлениям, которая выражалась формализованной строкой сентенций: «Держав целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом сослать на поселение»⁶⁸¹. Во время правления императрицы покаяние «сверх и купно» налагалось, прежде всего, за смертоубийство, которое стало считаться самым страшным деянием и грехом, что отразилось, в частности, в семантике клеймения. Если ранее приговоры выносились на основании указа «О клеймении воров и разбойников словом *вор*», то в царствование Екатерины преступников приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова *убийца*»⁶⁸².

Анализ практики покаяния светского преступника, лишившего другого человека жизни, от приговора гражданского суда до сопровождения в монастырь, и обстоятельств пребывания там позволит воспроизвести сложный процесс приспособления сакрального пространства для пенитенциарных целей государства. Документы, связанные с делом двух убийц, Алексея и Варвары Жуковых, содержащие богатый материал для подобной реконструкции, неоднократно привлекали внимание специалистов.

Первым исследователем этого страшного преступления стал К. П. Победоносцев, известный, прежде всего, как обер-прокурор Синода, но на момент подготовки работы «Анекдоты из XVIII столетия: убийство Жуковых» в 1860–1870-х годах бывший одним из авторов самой либеральной и успешной реформы Александра II – судебной. Победоносцев являлся тогда решительным противником пытки, расценивая ее как бесчеловечный и крайне неэффективный инструмент следствия, что и доказывал на примерах нескольких уголовных процессов XVIII века, в частности истории выяснения обстоятельств преступления Жуковых и их наказания. Между тем автор практически оставил без внимания обряд публичного покаяния убийц и даже не упомянул об обстоятельствах ссылки Жуковых, поскольку не располагал архивами Соловецкого монастыря и Тобольской епархии⁶⁸³. Совершенно в ином положении оказался в те же годы придерживающийся радикальных взглядов фельдшер Михаил Колчин, который получил назначение на Соловки за сочувствие народникам⁶⁸⁴ и погрузился в богатейший архив монастыря. Так появился основанный на уникальных данных исторический очерк «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.», где приводятся важные сведения и о колоднике⁶⁸⁵ Алексея Жукове⁶⁸⁶.

Однако исследователи XIX века со свойственным им цельным позитивизмом не стремились к обобщающей интерпретации имеющихся в их распоряжении документов. Настоящим прорывом в концептуальном осмыслении «Казуса Жуковых» стала работа современного аме-

⁶⁸⁰ См.: Marasinova 2016.

⁶⁸¹ См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 18 об., 25, 37 об. и др.; Ф. 248. Оп. 62. Кн. 5269–5439. Л. 79–80, 137 и др.

⁶⁸² ПСЗ. Т. XII. № 9293. С. 558. 1746, 9 июня; Т. XIV. № 10306. С. 235. 1754, 30 сентября; Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780, 9 июля; РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50 об. – 51; Д. 5. Л. 51 об.; и др. См. об этом также: Kollmann 2006.

⁶⁸³ Победоносцев 1876.

⁶⁸⁴ Общественное движение в русском обществе 1860–1870-х годов, вдохновляемое идеями служения интеллигенции «народу» и в своей радикальной части нацеленное на насильственное изменение политического строя ради осуществления высоких целей.

⁶⁸⁵ Хорошо знакомое и абсолютно понятное современникам слово колодник происходило от колодка, колодки, то есть деревянного приспособления, ограничивающего, как правило, движение ног арестанта, этапиремого, взятого под стражу, заключенного и т. п. Таким образом, понятие «колодник» распространялось практически на всех преступников и становилось в известной степени синонимом. В каждом более или менее значимом государственном учреждении Российской империи значилась колодничья изба, а в 1761–1768 годах при Канцелярии тайных розыскных дел (с 1762 года Тайной экспедиции Сената) существовала Экспедиция о колодниках.

⁶⁸⁶ Колчин 1908. С. 88–90.

риканского историка Николаоса Хрисидиса. Ученый детально проанализировал исторический контекст, внутреннюю логику и символику стилизации архаичного⁶⁸⁷ обряда публичного покаяния Жуковых в Москве⁶⁸⁸. Данная статья будет посвящена особенностям использования многофункционального сакрального пространства храмов и монастырей для наказания покаянием за тяжкие преступления на основе архивных документов, связанных с этим делом, которое взбудоражило современников⁶⁸⁹ и до сих пор привлекает внимание специалистов.

ПУБЛИЧНОЕ ПОКАЯНИЕ И КОНВОИРОВАНИЕ В МОНАСТЫРИ

История наказания каптенармуса⁶⁹⁰ Алексея Жукова и жены его Варвары Николаевой, которые вместе с несколькими крепостными людьми жестоко расправились в 1754 году с матерью и пятнадцатилетней сестрой Жукова, связывает воедино сферу публичного покаяния в Москве и покаяния в монастырях. Спектакль, реанимировавший в абсолютно новом социальном контексте древний обряд и поставленный по «сценарию» Екатерины II и ее статс-секретаря Г. Н. Теплова, четыре раза по решению императрицы был сыгран в 1766 году в Москве во время Великого поста в Кремле, в церкви Петра и Павла на Новой Басманной, в церкви у святой Параскевы на Пятницкой и, наконец, в церкви у Николы Явленного на Арбате⁶⁹¹.

До этого убийцы, закованные в кандалы с тяжкими гириями на шее, двенадцать лет провели вместе в камере розыскной экспедиции Московской губернской канцелярии. Накануне первого акта публичного покаяния они были тайно ночью доставлены в Кремль, чтобы утром в сопровождении двух священников идти через Ивановскую площадь в Успенский собор при большом скоплении народа. Этот путь являлся имитацией пути на эшафот – специально было приказано «вести злодеев тем точно порядком, как осужденные водимы бывают на смертную казнь»⁶⁹². Затем кающиеся убийцы располагались по византийскому канону у церковного притвора, чтобы выслушать предварительно опубликованный для всенародного известия высочайший манифест, который был условной заменой сентенции, провозглашаемой обычно перед смертной казнью. После этого преступники на коленях произносили специально написанную покаянную молитву и в соответствии с древним ритуалом, отраженным еще в правилах Василия Великого, перед началом литургии умоляли каждого входящего в церковь просить за них прощения у Бога⁶⁹³.

После Пасхи началась подготовка к отправке убийц в монастыри – Алексея на Соловки, а Варвару в Тобольскую епархию – на двадцать лет, включая и время, проведенное в тюрьме с момента их страшного преступления. Инструкции военным, сопровождающим бывшего каптенармуса и его жену, отражают сложившуюся во второй половине XVIII века стандартную процедуру конвоирования преступников к месту их духовного исправления в отдаленных монастырях.

⁶⁸⁷ Сергей Шаляпин, автор основополагающей работы о традиции использования многофункционального монастырского пространства одновременно для наказания и исправления преступников, очень точно назвал это действие «возрождением древнехристианских покаянных принципов» (Шаляпин 2013. С. 148).

⁶⁸⁸ Chrissidis 2011.

⁶⁸⁹ Через несколько месяцев после прошедшего в Москве постановочного публичного покаяния убийц Жуковых поэт А. П. Сумароков писал императрице Екатерине II о склоках и конфликтах с родственниками: «Просили <...> о карауле против меня, будто я всех у них в доме хочу перерезать и сделать то, что Жуков сделал. <...> Явным образом посреди Москвы разбойничать и не против матери нельзя. На виселицу я не хочу, что я еще второго своего издания к чести моего отечества не выпустил» (Письмо А. П. Сумарокова Екатерине II. 1767 октябрь // Письма. 1980. С. 104–108).

⁶⁹⁰ Унтер-офицерский чин.

⁶⁹¹ См.: Марасинова 2017. С. 183–202.

⁶⁹² РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 170. Л. 1 – 72 об.; Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 63 – 63 об., 68; ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766, 24 марта.

⁶⁹³ См.: 56-е, 57-е, 64-е, 82-е правила Святого Василия Великого // Правила. 1876. С. 326–328, 335, 371–373.

Для этого специально выделялись прогонные деньги и тесак каждому капралу, приставленному к убийцам вместе с двумя солдатами. В дороге двое из троих военных постоянно должны были находиться с убийцей, держа наготове обнаженный топор. Ехать разрешалось только по главному, «надлежащему», тракту в светлое время суток и зорко следить, чтобы преступник не нанес себе увечья и не отравился. Бумага, чернила и любая возможность письменных контактов также исключались. Таким образом в течение нескольких недель Варвара добралась до Далматовского монастыря в Пермской губернии, а Алексей предстал перед архимандритом Соловецкого монастыря Досифеем⁶⁹⁴.

В документах не указывается скаרב, с которым прибыла Варвара в Тюмень, зато сохранилась «опись имеющемуся у присланного к содержанию на Соловках смертоубийцы каптенармуса Алексея Жукова собственного его экипажу». Унтер-офицер, не поднявшийся по Табели о рангах даже до XIV класса и обвиненный в страшном преступлении, явился на покаяние в сопровождении двух слуг и с изрядным имуществом. В частности, в его сундуках имелось несколько икон, псалтырь киевской печати, три тулупа, лисья шуба-венгерка, заячья фуфайка, красный суконный камзол, штаны бархатные черные, два шлафара, или халата, – один на белой тафте, другой шит шелком, двадцать пять рубашек, три пары сапог, перина с двумя подушками, соболья шапка с парчовым верхом, две серебряные ложки, карманные серебряные часы, две головы сахару, двадцать пять рублей денег и, наконец, совершенно необходимые для смирения в обители – четыре хрустальных стакана, четыре рюмки и окованный погребец с пятью штофами⁶⁹⁵. Все это богатство вместе с преступником и печатным указом императрицы, содержащим инструкцию по его духовному исправлению, архимандрит Досифей получил под расписку⁶⁹⁶, которую следовало отправить в московскую контору Синода. Такой же высочайше намеченный план церковного покаяния был выдан и Евфимии, игуменье Ильинской обители в Тюмени, куда из мужского Далматовского монастыря прибыла Варвара Жукова⁶⁹⁷.

ПРОСТРАНСТВО МОНАСТЫРЯ И СОДЕРЖАНИЕ КОЛОДНИКОВ

Вызывающее, на первый взгляд, недоумение обилие имущества, включая «крещеную собственность», которое было разрешено взять преступнику, объяснялось исключительно экономическим положением монастырей, использовавшихся государством в качестве места принудительного покаяния мирян. В большинстве приговоров светских судов содержание ссыльного вообще не оговаривалось, и лишь в некоторых сентенциях и инструкциях, направляемых настоятелям, могло вскользь упоминаться: «производить на пропитание монашескую порцию», «вместить в комплект на порожнюю монашескую вакансию», «производить порцию против рядового монаха»⁶⁹⁸.

Пропитание всех пребывающих «разного звания людей за разные преступления для исправления церковною епитимьей» возлагалось до указа 1764 года о секуляризации на монастырский кошт, что вполне устраивало «светские команды». После передачи в ведение Коллегии экономии двух миллионов монастырских крестьян «присмотр, пропитание, потребное число покоев и попечение об исправлении»⁶⁹⁹ прибывающих на покаяние колодников превра-

⁶⁹⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 68; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 56–57; Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 2–3. См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 58.

⁶⁹⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 7–8.

⁶⁹⁶ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 59.

⁶⁹⁷ Расписка игуменье Евфимии о принятии Варвары Жуковой. 1766 г., 28 июля (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 71).

⁶⁹⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2624. Л. 1; Ф. 1173. Оп. 1. 1765. Д. 5. Л. 1 – 1 об.

⁶⁹⁹ См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб. 1910. Т. I. № 327. С. 379. 1766, 6 ноября. Так в Соловецком монастыре на одного колодника по ведомости

тилось в тяжкую обязанность для духовного ведомства. В Сенат и на имя императрицы из монастырей, епархий, консисторий и, наконец, из Синода шли доношения, рапорты и мнения с жалобами на обременительное содержание заключенных⁷⁰⁰. По поводу охраны убийц и грабителей – приказано было обходиться собственными силами, тем более что преступников, наказанных покаянием, по мнению властей, было не так много, да и распределялись они по монастырям «безобидно для каждой епархии»⁷⁰¹. Кстати, место отбывания церковного наказания также определялось светским судом иногда с общей формулировкой «отдаленный монастырь», «монастырь в Сибири», иногда с точным указанием места покаяния. Что касается конвоирования и содержания колодников, то в 1770 году был достигнут компромисс – обеспеченным преступникам, отбывающим церковное наказание, полагалось самим позаботиться о своем пропитании, а на «кающихся без достатка» монастырям и Синоду следовало требовать от Коллегии экономии по 2 копейки в день⁷⁰².

Однако Жуков быстро растратил то немалое имущество, с которым прибыл в монастырь, и впал в нищету. Пытаясь найти средства к существованию, он отправлял двух своих слуг в Архангельск на заработки. Довольно скоро монастырское начальство запретило ему подобные вольности, тем более что на одного из крестьян заявил свои права брат Алексея Петр⁷⁰³. В конце концов Жуков, по одним сведениям, проиграл их в карты, по другим – умудрился продать по десять рублей за каждого⁷⁰⁴. Варвара также не собиралась довольствоваться монастырским коштом. По неизвестной причине в 1773 году ее вновь перевели из Богородично-Рождественского Ильинского монастыря в Далматовскую обитель. Вскоре начальница Нимфодора донесла епископу Варлааму, что Жукова предается «невоздержанному пьянству», ведет себя непристойно, а водку добывает у местных жителей, пользуясь тем, что укрепления монастыря разрушены в ходе Пугачевского восстания. Вообще на долю монахинь в эти годы выпали большие испытания: были они, по словам Нимфодоры, «старыми и дряхлыми», обитель перевели заштат, средств не было даже на восстановление разрушенной ограды, церковь сожгли бунтовщики, да к тому же еще прислали на духовное исправление пьющую и буйствующую убийцу⁷⁰⁵. Правда, вскоре начальница донесла Варлааму, что Варвара, придя к ней в келью, перед всеми собравшимися монахинями на коленях со слезами просила прощения, а «невоздержанные поступки» объяснила происками дьявола⁷⁰⁶.

Власть старалась строго контролировать пребывание преступников в монастырях. Как минимум дважды в год в Синод и Экономическую коллегию из епархий должны были поступать сведения – когда, за что и на какое время была наложена на осужденного епитимья, сколько полагается ему, исходя из «торговой в тамошних местах цены», хлеба и денег и как

выделялось следующее «казенное платье и обувь»: шуба, кафтан, ряднинный балахон (рубаша из одного куска домашнего холста), шапка, рубаха, портки, суконные чулки, рукавицы, вачеги (большие рукавицы для работы), сапоги, башмаки, упаковки (грубые сапоги из сыромятной кожи), войлок (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 675. Л. 1 – 1 об.).

⁷⁰⁰ См. об этом, например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1774 г. Д. 537. Л. 2–3; ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770, 23 августа; Т. XX. № 14597. С. 512. 1777, 11 марта; и др.

⁷⁰¹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб. 1910. Т. I. № 71. С. 61–63. 1762, 15 ноября.

⁷⁰² См.: РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. 1765. Д. 5. Л. 1 – 1 об.; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 5 – 5 об.; ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 565. 1764, 26 февраля; Т. XIX. № 13508. С. 151. 1770, 9 сентября. Для сравнения, в 1787 году князю Д. К. Кантемиру, заключенному пожизненно в Ревельскую крепость за убийство крестьянина, было назначено содержание 50 копеек в день из его собственных средств (РГАДА. Ф. 248. Д. 5271. Л. 497 – 506 об.).

⁷⁰³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 253. Л. 2 – 2 об.

⁷⁰⁴ См.: Колчин 1908. С. 88–90.

⁷⁰⁵ Рапорт епископа Тобольского и Сибирского Варлаама в московскую контору Синода (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 180 – 180 об.); рапорт начальницы Далматова Введенского девичьего монастыря Нимфодоры епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 186 – 186 об., 188 – 188 об.).

⁷⁰⁶ Рапорт начальницы Далматова Введенского девичьего монастыря Нимфодоры епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 186 – 186 об.).

идет духовное исправление⁷⁰⁷. На протяжении почти десяти лет архимандрит Соловецкого монастыря Досифей ограничивался одной и той же неизменной формулировкой в своих рапортах в Синод: «Колодник Жуков находится в смиренном пребывании, на всякое церковное пение ходит неленостно и в прошедшие посты у определенного духовника иеромонаха исповедывался»⁷⁰⁸. Однако в конторе монастырского правления фиксировались более подробные детали наказания покаянием убийцы Жукова⁷⁰⁹.

Несмотря на совершенное им страшное преступление, он избежал содержания «под крепким смотрением, в кандалах и в особом уединении»⁷¹⁰ и мог более или менее свободно перемещаться по территории обители, искупая свою вину в трудах и аскезе. Он получал 8 рублей в год для пропитания и покупки одежды, хотя и жаловался в прошении, адресованном императрице, на «крайнейшую бедность и нищету»⁷¹¹. Все повинные в «смертных злодеяниях» проходили пытку голодом и тот или иной срок содержались на хлебе и воде, что означало по понедельникам, средам и пятницам есть один раз в день хлеб с укропом, иногда с сухоядением по средам и пятницам, а по вторникам и четвергам – два раза тот же хлеб с «варивом без масла» и, разумеется, полное лишение хмельного⁷¹².

Тяжкая физическая работа на протяжении всего светового дня не просто обеспечивала существование монастыря в суровых условиях Русского Севера, но воспринималась как низший уровень служения для монахов, послушников, трудников, а также неотъемлемая часть искупления преступлений для колодников. Более высокой степенью послушания было церковное богослужение, и поэтому монахи-священники (иеромонахи), дьяконы (иеродьяконы), а также поющие на клиросе «клирошане» крайне редко привлекались к черным работам. Вершину в системе послушания составляла деятельность настоятеля и «соборных старцев»⁷¹³. Монастырь являл собой отделенный мощной стеной от грешного мира образ царства небесного, подобие «горнего Иерусалима», где есть жилища праведных, сады и живописные источники⁷¹⁴, и есть альтернативное пространство тех, кто должен перед Богом отмолить себе прощение. Собственно это мироощущение монахов было закреплено и в географии самого архипелага – горы Голгофа на Анзере, Фавор на Большой Муксалме, Секирная на Большом Соловецком. В этой иерархии сакрального пространства присланные на покаяние преступники, и в том числе убийца Алексей Жуков, находились на самой последней ступени человеческого падения.

Как правило, не закованные в железо колодники рубили дрова, возили воду, выгребали золу из печей, стирали белье, пасли скот и делали прочую «черную монастырскую работу». Наиболее тяжелыми считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые требовали постоянного физического напряжения и длились до 20 часов в сутки. На территории обителей поварни или хлебни располагались, как правило, в подклетах Успенских храмов. В частности, в Соловецком монастыре хлебня с мукосейней, хлебный и квасной погреба, просфоренная служба, а также печи, обогревающие здание, составляли нижний уровень Успенского трапезного комплекса, в который входила трапезная палата и пристроенный к ней храм Успения с приделами, посвященными Усекновению главы пророка Иоанна Предтечи и забитому копьями великомученику Димитрию Солунскому. Если учесть, что во

⁷⁰⁷ См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб. 1910. Т. I. № 71. С. 61–63. 1762, 15 ноября; ПСЗ. Т. XX. № 14597. С. 512. 1777, 11 марта.

⁷⁰⁸ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766. Д. 108. Л. 79 – 164 об.

⁷⁰⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 253, 328, 360, 1922; Оп. 4. Д. 638; Оп. 5. Д. 4774, 5022.

⁷¹⁰ См., например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 14. 1762 г. Д. 136. Л. 5.

⁷¹¹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766. Д. 108. Л. 202–203.

⁷¹² О Протестантской символике содержания на «хлебе и воде» см.: Розанов 1870. С. 73; Колчин 1908. С. 60–63.

⁷¹³ См. об этом: Найденова 2002. С. 291.

⁷¹⁴ См. об этом: Буслаева-Давыдова 1986. С. 201–206.

время главного акта инсценированного публичного покаяния в Кремле путь убийц Варвары и Алексея Жукова совпадал с путем на эшафот и заканчивался у стен Успенского собора, а главное место труда колодников на Соловках находилось под Успенской трапезной у раскаленной печи, то можно предположить знаковую связь наказания преступника с образами смерти, казни, Страшного суда и преисподней. Сходную мысль высказывает и Сергей Шаляпин: «Случаи назначения именно хлебни или поварни в качестве места отбывания ссылки столь многочисленны, что приводят к мысли о том, что церковные власти и братия обителей наделяли эти монастырские службы какими-то символическими (ритуальными) свойствами»⁷¹⁵.

Однако характерно, что в крепостнической России XVIII века преступнику Жукову на первых порах в монастыре помогали нести тяжелые «черные труды» и искупать содеянное его люди, «крещенная собственность» русских помещиков. Положение колодника значительно осложнилось, когда он остался без своих слуг. В марте 1769 года убийца, лишивший жизни мать, с отчаянием писал настоятелю: «Ваше высокопреподобие изволили приказать на отправляющейся лодке к городу выслать человека моего, и так я уже должен остаться один <...> в зимнее время, и таскать воду, мыть, варить и нести всю противу силы и возможности моей несносную работу будет уже невозможно, и [я окончу] мучительной от несносной работы смертью те самые дни и живот, дарованные нам из высоких материнских щедрот»⁷¹⁶.

И уж тем более крепостные не могли взять на себя за барина духовное искупление. В обителях к Варваре и Алексею надлежало приставить наиболее уважаемых монахов, которые бы следили за их нравственным исправлением и постоянно «напоминали силу веры и закона и страшный суд Божий». Духовник Жукова иеромонах Соловецкого монастыря Киприан и начальница женской обители, куда была заключена Варвара, должны были фиксировать все «знаки раскаяния» грешников и доносить об их «исправлении и восчувствовании»⁷¹⁷. Жуковы обязаны были посещать все церковные пения, класть от 30 до 500 земных поклонов с произнесением «возбуждающей к страху Божьему» молитвы «Боже, буди милостив ко мне, грешному», а также читать псалмы, «не спешно, но с благоговением», и конечно же, исповедоваться⁷¹⁸. Характерно, что, по свидетельствам Михаила Колчина, ритуальная визуализация обряда покаяния сохранялась и в монастыре – Жукова «из каземата каждодневно водили в церковь, где он должен был в одежде кающегося отмаливать свое злодеяние»⁷¹⁹.

В раппорте настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Досифею наставник и увещатель Жукова иеромонах Киприан сообщал, что он регулярно посещает преступника в его келье, «учит страху Божьему» и напоминает о «неизбежном суде Божьем над нераскаивающимися грешниками»⁷²⁰. О Геенне огненной, мытарствах и пытках в аду, довольно реалистично изображающих различные виды смертных казней, напоминала колодникам и древняя двухметровая икона Страшного суда, находящаяся с XVI века на Святых воротах Соловецкого монастыря⁷²¹.

⁷¹⁵ Шаляпин 2002.

⁷¹⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 253. Л. 11–12.

⁷¹⁷ Указ Ее Императорского Величества самодержицы всероссийской из московской Святейшего Правительствующего Синода конторы ставропигиального Соловецкого монастыря архимандриту Досифею с братией. 1766 г., 19 мая (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 4, 7–8).

⁷¹⁸ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 202–203, 214–215. Так в июле 1768 года вдова тайного советника Даниила Ефремова Мария Иванова за убийство крепостной девки была помещена на три месяца в московский Девичий монастырь на покаяние, класть в день во время литургии публично по 30 поклонов (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг. 1914. Т. L. Ч. I. Ст. 78). См. также об этом: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1 – 1 об.; Колчин М. А. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 61–62; Розанов Н. П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3. Кн. I. С. 73–74.

⁷¹⁹ Колчин 1908. С. 89.

⁷²⁰ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 638. Л. 1 – 1 об.

⁷²¹ Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 98–104.

И Жуков на Соловках, и Варвара в монастырях Тобольской епархии в церковь дальше трапезы не допускались и лишались причастия, на которое могли рассчитывать по правилам святых отцов не ранее как спустя двадцать лет после совершения убийства или только перед смертью⁷²². В 1774 году минуло двадцать лет с той страшной ночи, когда Жуковы умертвили мать и сестру Алексея. По высочайшему постановлению решено было допустить Варвару до святого причастия в приходской Николаевской церкви села Далматово «за неимением в девичьем монастыре по сгорению церкви»⁷²³. Жуков также был допущен до причастия⁷²⁴. Однако если по церковному ритуалу убийцы получили Божье прощение, то с высочайшим милосердием дело обстояло сложнее. По указу Екатерины преступник по-прежнему должен был пребывать в монастыре. Это обстоятельство, а также явно усугубляющиеся ментальные проблемы сподвигли его на дерзкое прошение, адресованное непосредственно императрице. В своем отчаянном послании Жуков наконец-то обнаружил «лютейшую горесть» и «несносные» духовные страдания, избавлением от которых могла стать только казнь. «В таком духа моего смущении, – писал он, – получить едино желаю со усердием казнен быть смертью и тем пресечь мое мучение, кое несноснее и самой смерти»⁷²⁵.

Обнажившаяся чернота закоулков внутреннего мира этого духовно больного человека сочеталась с грубым рационализмом его примитивной натуры. Вынужденный существовать на восемь рублей в год, он жаловался на нищету, равнодушие бросивших его «сродников», а также на суровый климат Русского Севера и грубую пищу, которой должны были довольствоваться колодники в Соловецком монастыре. Помимо смертной экзекуции он просил у Екатерины о встрече с Варварой, вечной ссылке на поселение с женой или хотя бы о подстриге его в монастырь Тобольской епархии, ближе к той, с которой двадцать лет назад он убил свою мать⁷²⁶.

Очевидно, что императрице никогда не было никакого дела до судеб этих двух деградировавших людей, которые являлись лишь реквизитом в масштабной постановке, призванной смягчить и облагородить чувства подданных. Екатерина с недоумением передала прошение Жукова в Сенат, где оно, разумеется, было оставлено без рассмотрения⁷²⁷. Однако брезгливое игнорирование со стороны престола окончательно расстроило психику Жукова. В день коронации императрицы он демонстративно совершил очередное кощунство. Во время торжественного молебна, когда архимандрит поминал царскую фамилию, Жуков, подойдя к настоятельскому месту, закричал: «Какая она императрица, она татарка!» Это уже было забытое «слово и дело», которое на Соловках попытались скрыть, взяв с каждого монаха письменные обязательства строжайшего молчания под угрозой смертной казни. Начались допросы и расследования, а «погугателя» императорской чести закованного отправили для разбирательства

⁷²² Не далее как в конце 1766 года Жуков тяжело заболел и согласно инструкции был исповедован и приобщен святых тайн, о чем сотник Федор Ястребинский оставил запись в книге рапортов караульной службы Соловецкого монастыря, а архимандрит Досифей донес в святейший правительствующий Синод (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4785. Л. 18, 20; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 83 – 83 об.).

⁷²³ Указ Екатерины II из Синода епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму. 1775, 11 апреля (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 197); рапорт епископа Тобольского и Сибирского Варлаама святейшему правительствующему Синоду о получении указа и действительном по оному исполнении. 1775, 18 октября (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 186 – 186 об.).

⁷²⁴ Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в московскую контору Синода. 1774, 5 мая (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 171 – 171 об.).

⁷²⁵ Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в Синод о высказанном Жуковым желании остаться в монастыре. 1775, 27 мая (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 201–203).

⁷²⁶ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 201–203.

⁷²⁷ «Ея императорского величества указ из Святейшего правительствующего Синода под номером 3878-м о отсылке в правительствующий Сенат смертоубийцы бывшего лейб-гвардии Преображенского полку каптенармуса Алексея Жукова прощения о свободе его из Соловецкого монастыря, а жену его Варвару Николаеву из Тобольской епархии, и соединяя их обоих послать в вечную ссылку или постричь его кроме одного Соловецкого монастыря в Тобольской епархии в монашество, сего ноября 22 дня мною получен» (Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в Синод. 1775, 23 ноября (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766 г. Д. 108. Л. 235)).

в Архангельск. Тем не менее сведения о невиданном богохульстве дошли до императрицы. Екатерина выпад Жукова, называемый в следственных бумагах «блеванием», оставила без внимания, заметив, что «такого утопшего в злодениях человека никакое, кажется, наказание к желаемому раскаянию привести не может». Вскоре Жукова вернули на Соловки и теперь уже полностью изолировали. Спустя два года, проведенных в монастырской тюрьме, он повесился в собственной камере⁷²⁸.

Казус Жуковых демонстрирует использование властью сакральных пространств для публичных назидательных наказаний преступников, а также их духовного исправления. Обстоятельства покаяния убийц в монастыре подтверждают уникальность этого пространства для максимального возмездия по суду государственному и постоянного ожидания суда Божьего. Подобная эклектика театрализованной стилизации древних обрядов и контроля со стороны власти за процессом нагнетания «страха Божьего» в сознании преступников, находящихся на покаянии в монастыре, свидетельствует об удивительной амбивалентности полифункциональных сакральных пространств, продолжающих существовать и в контексте политики «регулярного государства» эпохи Просвещения.

СОКРАЩЕНИЯ

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е. СПб., 1830.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.

Ф. – фонд, Д. – дело, Л. – лист.

БИБЛИОГРАФИЯ

Буслаева-Давыдова 1986 – *Буслаева-Давыдова И. Л.* Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // Архитектурное наследство. М., 1986. Т. 34. С. 201–206.

Живов 2002 – *Живов В. М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 193, 278–279.

Колчин 1908 – *Колчин М. А.* Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк. М., 1908.

Лавров 2000 – *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 347–393.

Марасинова 2017 – *Марасинова Е. Н.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М., 2017.

Найденова 2002 – *Найденова Л. П.* Внутренняя жизнь монастыря и монастырский быт (по материалам Соловецкого монастыря) // Монашество и монастыри в России XI–XX века: исторические очерки. М., 2002.

Письма 1980 – Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

Победоносцев 1876 – *Победоносцев К. П.* Убийство Жуковых // Победоносцев К. П. Исследования и статьи. СПб., 1876. С. 269–324.

Правила 1876 – Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876.

⁷²⁸ См.: Колчин 1908. С. 88–90.

Розанов 1870 – *Розанов Н. П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3. Кн. 1.

Шаляпин 2002 – *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. С. 128–129; *он же.* О символизме средневековой церковно-пенитенциарной практики // Актуальные проблемы правовой науки. Архангельск, 2002. Вып. 2. С. 59–73.

Шаляпин 2013 – *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013.

Chrissidis 2011 – *Chrissidis N. A.* Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great // Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, IN, 2011. P. 107–125.

Kollmann 2006 – *Kollmann N. S.* Marking the Body in Early Modern Judicial Punishment // Harvard Ukrainian Studies 28. 2006. № 1–4. P. 557–565.

Marasinova 2016 – *Marasinova E.* Punishment by Penance in 18th-Century Russia: Church Practices in the Service of the Secular State // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. № 17, 2 (Spring). P. 305–332.

Людмила Сукина
ТЮРЬМА, ПЛЕН И СУМА
Пространство христианской благотворительности
в Русском государстве XVI–XVII веков

Проблема милосердия или благотворительности как социальной практики сглаживания неравенства и противоречий в обществе уже давно привлекает к себе внимание историков. Значительные успехи в ее исследовании были достигнуты европейской, особенно французской, исторической антропологией. Но и в современной России ее изучение насчитывает уже довольно длительную историю. Достаточно вспомнить успешно реализованную в 2000-е годы в виде конференций, семинаров и публикаций программу Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева «Благотворительность в России как социальный институт: история, становление, развитие». Многие работы, опубликованные в рамках этого проекта, показали, что в Российской империи благотворительные усилия низовой части и средних слоев общества были сосредоточены не на поддержке культурных и образовательных проектов, а на помощи маргинальным группам – заключенным, каторжникам, военнопленным, нищим, пациентам больниц для бедных. Описания этого специфического социального явления мы можем обнаружить и в классической русской литературе XIX века. Там же мы найдем и отсылки к тому, что такая модель массовой благотворительности была связана с практиками повседневного благочестия и имела глубокую традицию. Но вопрос формирования и укоренения этой традиции еще недостаточно исследован. Дошедшие до нас письменные и визуальные источники показывают, что помощь вышеуказанным группам населения приобрела форму некоего единого пространства христианской благотворительности в Русском государстве XVI–XVII веков. И целью этой статьи является реконструкция общих контуров процесса его создания.

Христианская традиция благотворительности в пользу обездоленных социальных групп была усвоена Русью вместе с вероучением, и ее корни обнаруживаются в византийской религиозной культуре. Понятие «благотворение» распространяется в русской книжности посредством славянских переводов Евангелия, богослужебных книг, сочинений Отцов Церкви. Оно встречается в письменных памятниках XII–XV веков: славяно-русских переводах Хроники Георгия Амартола, Жития Варлаама и Иоасафа, в Рязанской кормчей, Толковой палее, Прологе, Пчеле и некоторых других древнерусских сборниках⁷²⁹. Во всех случаях это понятие связано с заботой праведного христианина о душе, с дачей милостыни нищим и подношением даров церковным учреждениям. Известный древнерусский проповедник и писатель Кирилл Туровский (XII век), сочинения которого читались и переписывались на протяжении всего Средневековья, относил нищелюбие к числу добродетельных плодов древа жизни, а милостыню считал видом покаяния, доступным каждому человеку⁷³⁰. Однако сведений о самих фактах благотворительности на Руси до середины XVI века почти не сохранилось (если не принимать в расчет летописные и актовые данные о княжеских пожертвованиях в церкви и монастыри и рассказы житий святых о раздаче праведниками своего имущества нищим). Не определены точно и категории других обездоленных (кроме нищенствующих), помощь которым была сопряжена с представлениями о христианском долге.

Вероятно, такие практики, как и проблемы, с ними связанные, приобрели особую актуальность только в позднем Средневековье, когда к имущим слоям населения добавились служилые люди, купечество, ставшее более многочисленным, и зажиточные городские ремеслен-

⁷²⁹ Аванесов 1988. С. 208–209; Срезневский 1989. С. 107.

⁷³⁰ Дмитриев, Лихачев 1980. С. 291–310, здесь 301.

ники. Об этом свидетельствуют тексты законодательных и нравственно-учительных сборников, связанных с формированием и развитием в Русском государстве середины XVI века институтов царской власти и укреплением религиозного благонравия населения. Это было время создания «предписанного» православия и встраивания его в систему русского самодержавия. Государственной и церковной регламентации подверглись все основные сферы религиозной жизни и культуры. Православный христианин должен был отказаться от греховных поступков и помыслов и придерживаться установленных властью норм благочестивого поведения, в том числе принимать участие в общегосударственных благотворительных «проектах»⁷³¹. Дополнительную актуальность милостыни в пользу маргинальных групп населения как средству спасения души благотворителя придавало ожидание Конца света и Страшного суда. Оно сообщало особый смысл человеческому бытию в определенные моменты истории (например, в 1560-х и 1660-х годах)⁷³².

Одним из ключевых событий этого времени стало проведение Стоглавого церковного собора 1551 года, целью которого была регламентация православного богослужения и благочестия. Три вопроса из ста, заданных на соборе молодым царем Иваном Грозным церковным иерархам, касались реализации благотворительных практик. Это было церковное попечение о нищенствующим монахах и монахинях, государственная и общественная забота о пленных («полоняниках») и призрение нищих и убогих⁷³³. На все из этих вопросов собором были даны развернутые ответы. В Стоглаве (Уложении собора 1551 года) детали обсуждения благотворительности в отношении названных социальных групп изложены в 71, 72 и 73-й главах.

Собор поддержал инициативу царской власти запретить монашествующим скитаться и жить в миру и принудительно устроить их по монастырям: «Что чернецы и черницы по городом и по селом скитаются миру на съблазнь и многим людем на осуждение и д<у>шамъ на погыбель – и тех черныцовъ и черницъ собрати да, переписавъ, розослати по общимъ монастыремъ»⁷³⁴. Содержать их предусматривалось на вклады царя, митрополита и региональных епископов. О старых и больных прежде нищенствовавших монахах и монахинях должны были заботиться настоятели тех обителей, в которые власти их отправят на жительство и под надзор⁷³⁵. Но попечение о «безгрешном» существовании и обеспечении нищенствующего монашества пропитанием и уходом фактически оборачивалось лишением этих людей личной свободы и насильственным удержанием их в определенных монастырях.

Второй проблемной категорией, нуждавшейся в защите, с точки зрения царя и церковного собора, были люди, неволею оказавшиеся в то время в «ордынском» плену, в Царьграде, Крыму, Кафе, Казани, Астрахани. Среди них были как представители знати («бояре и боярыни»), так и простолюдины. Одних из них привозили на Русь выкупившие их иностранные (греческие, турецкие, армянские) купцы и держали под замком (фактически «полоняники», даже прибыв на родину, находились в заключении в частной тюрьме) в ожидании получить за них выкуп от родственников, другим удавалось бежать из плена самостоятельно. Если у первых не находилось состоятельной родни, готовой заплатить за их свободу, то несчастных «полоняников» увозили обратно «в бесерменство». Вторые, оказавшись на родине без средств к существованию, были вынуждены скитаться и нищенствовать и подвергаться унижениям уже от своих соплеменников⁷³⁶. Собор принял решение превратить выкуп («окуп») пленных в государственное дело. Их должны были выкупать царевы послы, находившиеся в «ордах».

⁷³¹ Сукина 2011. С. 70–105.

⁷³² Юрганов 1998. С. 306–437.

⁷³³ Емченко 2015. С. 58–59.

⁷³⁴ Там же. С. 193.

⁷³⁵ Емченко 2015. С. 193–195.

⁷³⁶ Там же. С. 58.

Тем, кто другими путями оказывался в Русской земле, предлагалось оказывать материальную поддержку, компенсируя затраты выручившим их из плена купцам, и выдавая средства на обзаведение необходимым для поддержания существования имуществом. Все расходы предполагалось производить за счет «царевой казны». Для ее пополнения вводился новый налог – затраченную в течение года сумму раскидывали «на сохи» по всей земле независимо от того, откуда были родом выкупленные пленники. Искупление «полоняников» объявлялось «общей милостыней», от которой и царю, и всем его православным подданным будет великое воздаяние от Бога⁷³⁷.

Третье соборное решение касалось регламентации деятельности городских богаделен, которые содержались за счет казны и добровольной милостыни отдельных «боголюбцев». Предполагалось организовать во всех городах перепись престарелых, больных и увечных нищих и дать им приют в богадельнях, снабдив пищей и одеждой. Чтобы при этом не было злоупотреблений, состоявших, в первую очередь, в том, что богадельни занимали (выкупая в них места за небольшую мзду) здоровые, годные для работы мужчины и женщины, занимавшиеся бродяжничеством и попрошайничеством, надзор над этими богоугодными учреждениями поручался уважаемым местным священникам, целовальникам и «добрым городским людям»⁷³⁸.

Как мы видим, Стоглавый собор полагал, что основную финансовую нагрузку по реализации христианского долга благотворительности должна была нести царская казна. Но она, как известно, часто бывала пуста. Не спасал дело и специальный налог на выкуп пленных. Поэтому уже в то время большие надежды возлагались на добровольные пожертвования благочестивых людей, принадлежавших к обеспеченным слоям населения – знати, служилой верхушке, купечеству.

К благотворительной помощи нуждающимся призывал своих читателей Домострой – один из известнейших памятников русской книжности XVI–XVII веков, целью составления которого была регламентация быта и благочестия православного человека. Его редакция середины XVI века также была создана в окружении Ивана Грозного при активном участии царского духовника Сильвестра.

Согласно Домострою, милостыня (как угодное Богу деяние) должна была совершаться, в первую очередь, в храме и других отведенных для этого местах, круг которых очерчен вполне отчетливо – монастырях, больницах, богадельнях, тюрьмах, а также дома у благотворителя («В монастыри, и в больницы, и в пустыни, и в темницы заключенных посещаи, и милостыню по силе всяких потребных подавай, елико требуют <...> и всякого скорбна, и нища, и бедна, и нужна, не презри, и введи в дом свои, напои и накорми, согрей...»⁷³⁹). Проявление щедрости в необходимых для нуждающегося размерах (независимо от его социального положения) указывается как обязательное условие настоящего благотворения, скупость в этом деле оборачивается против дающего милостыню, так как не согласуется с христианским благочестием.

С конца XVI века статья о несправедно распорядившихся своим именем перед смертью появляется во второй (патриарха Иова) редакции предисловия к синодикам – книгам записи церковных поминаний, использование которых в монастырском и храмовом обиходе после Стоглавого собора 1551 года стало обязательным⁷⁴⁰. Похожий текст, порицающий тех, кто при жизни не помогает нищим, больным, странникам и узникам, содержался и во второй редак-

⁷³⁷ Там же. С. 195–196.

⁷³⁸ Там же. С. 196–197.

⁷³⁹ Колесов 1990. С. 39.

⁷⁴⁰ Дергачева 2011. С. 44.

ции Измарагда (популярного в средневековой Руси сборника нравоучительных рассказов и притч)⁷⁴¹.

Установления государства и церкви, касающиеся заботы общества о маргинальных группах населения, имели вполне определенные положительные последствия. Известный исследователь массовых письменных источников русского Средневековья Марина Сергеевна Черкасова отмечает, что в писцовых и переписных книгах XVI–XVII веков по городам и селам обнаруживаются многочисленные указания на кельи нищих при кладбищенских и приходских церквях⁷⁴². В них обитали как неимущие миряне, так и нищенствующие монахи обоего пола. Учет этих людей, а также нищих, живших в собственных дворах, но добывавших себе пропитание, прося милостыню, по справедливому мнению М. С. Черкасовой, свидетельствует о том, что светская и церковная власть осуществляла систематический контроль над этой категорией населения⁷⁴³.

Но при этом, по вполне понятным причинам, реальная практика «творения блага» обездоленным соотечественникам все же отличалась от той идеальной формы, которая предполагалась составителями Стоглава, Домостроя и сборников для нравоучительного чтения. Милостыня воспринималась состоятельными людьми той эпохи как своего рода покупка вечного блаженства на небесах ценой разумных трат в зависимости от жизненных обстоятельств и желания благотворителей. Вкладные книги и синодики того времени дают нам примеры проявления не только щедрости, но и скупости милостников, корыстности их благотворительных поступков, попыток поделиться с нуждающимися не совсем честно нажитым (например, полученным за счет ростовщических сделок) или негодным для собственного употребления имуществом.

Реальным, но при этом исключительным, образцом высоконравственной христианской благотворительности была судьба дворянки Ульянии Осорьиной, жившей в Муроме в конце XVI века и ставшей после смерти местночтимой святой⁷⁴⁴. Помешать неукоснительному исполнению ею долга милостыни не могли даже собственное разорение и физические страдания. Составленный ее сыном Дружиной (Калистратом) Осорьиным подробный рассказ о том, как Ульяния всю жизнь помогала голодающим, вдовам и сиротам, а после смерти родителей мужа на протяжении многих лет кормила в своем доме монахов и нищих и посылала милостыню заключенным в темницу, подчеркивал, что подобный подвиг был редкостью. Большинство современников Осорьиной ограничивались поминальными кормами монашествующим и нищенствующим и посылками еды тюремным узникам в течение 40 дней после похорон родственников и один раз в годовщину их смерти, как того требовала православная традиция, зафиксированная в синодиках и Домострое.

Все государственные и церковные установления в сфере благотворительности сохранили свою силу и в XVII веке, после смены царской династии. Конечно, тяготы Смутного времени не способствовали благотворительности, но вскоре после восстановления нормального течения жизни ее практики возобновились. Уже в 1627 году Спасо-Прилуцкий монастырь посылает милостыню в вологодскую тюрьму (хлеб, квас и квашеную капусту) в ответ на просьбу («челобитие») ее 105 узников⁷⁴⁵.

Во время церковных реформ середины XVII столетия основной упор делался на внедрение в сознание широких масс населения правильной модели «древнего благочестия», соответствующего православному «греческому» образцу. Для этого использовались не только законо-

⁷⁴¹ Яковлев 1893. С. 225–226.

⁷⁴² Черкасова 2017. С. 188.

⁷⁴³ Там же.

⁷⁴⁴ Скрипиль 1948. С. 257–264.

⁷⁴⁵ Черкасова 2017. С. 189.

дательные акты, но и актуализированные и вновь составленные литературные произведения нравоучительного жанра. В XVII веке идея необходимости христианской благотворительности в пользу нищенствующих, пленников и узников распространяется в разных слоях населения благодаря расширению репертуара текстов, входивших в предисловия синодиков и читавшихся в храмах во время богослужений и на церковных и монастырских трапезах. Особенно отчетливо она звучала в сюжетах Притчи о бедном Лазаре, Притчи святого Варлаама о печали житейской, Повести о немилостивом богаче, русской по происхождению Повести о новгородском посаднике Щиле и других. В это же время проповедь заботы о нищих и попавших в иную беду (плен или заключение) по чужой или своей воле усиливается с помощью визуальных средств.

Значительное место в текстах синодичных предисловий теперь отводится необходимости подаяния милостыни неимущим, ибо «подающий нищему – Христу подает» (притча о милостыне из Пролога, пересказ которой включался в синодики). В миниатюрах синодиков можно обнаружить довольно многочисленные и разнообразные изображения «нищепитательства» и раздачи милостыни нищим. В Русском государстве XVII века каждое сословие и учреждение имело своих нищих, о которых должно было заботиться. В письменных источниках упоминаются нищие монастырские, церковные, патриаршие, кладбищенские, дворцовые, дворовые, богаделенные и прочие.

Одно из самых выразительных изображений благочестивого нищепитательства – иллюстрация синодичного поучения «О пользе милостыни» («Добро по умершим давати милостыню») в гравированном Синодике Леонтия Бунина, созданном на рубеже XVII–XVIII веков⁷⁴⁶. Ее иконография многократно повторялась в следующих столетиях в миниатюрах рукописных и гравюрах печатных синодиков, служа визуальным назиданием для милостников.

Пример благотворительности в пользу обездоленных показывала семья государей рода Романовых. Так, царица Евдокия Лукьяновна (супруга царя Михаила Федоровича) раздавала нищим десятки рублей милостыни, поила и кормила их в своих хоромы. Юродивому Юшке Артемьеву, лежавшему под переходами на Никольском мосту в Москве, она купила баранью шубу, а ее дочь царевна Ирина подарила теплую шапку⁷⁴⁷. Царица заботилась и о том, чтобы монахи опекаемых ею монастырей также имели возможность заниматься благотворительностью. В 1643 году она пожаловала старцу Макарию из калужского Леонтьева монастыря полтора рубля на шубу и полтину на милостыню⁷⁴⁸. Сами монастыри регулярно раздавали деньги на «прокорм» нищим, пользуясь плодами государственной и частной благотворительности православным обителям.

Боярские, служилые и купеческие роды следовали примеру царской семьи. Так же как и в доме Романовых, в состоятельных семьях заботой о нищих, больных и увечных занимались в основном женщины (характерный пример – боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова). Но и среди высокопоставленных мужчин были люди образцового благочестия. Таковым, например, был Федор Михайлович Ртищев, принадлежавший к высшему слою придворной бюрократии царя Алексея Михайловича. Василий Осипович Ключевский считал, что кроме религиозного долга Ф. М. Ртищев, пускавший почти все свои доходы на милостыню, руководствовался и чувством личного сострадания⁷⁴⁹.

Но в милостыни в XVII веке по-прежнему нуждались и пленники, и тюремные узники, которых в это столетие почти постоянных войн, продолжавшихся набегов крымцев, многочисленных политических, религиозных и социальных конфликтов становилось все больше, и вла-

⁷⁴⁶ Хромов 1998. Ил. 20–21.

⁷⁴⁷ Забелин 2001. С. 319–320.

⁷⁴⁸ Там же. С. 320.

⁷⁴⁹ Ключевский 199. С. 77–94, здесь 82.

сти были не в состоянии заботиться обо всех. Поэтому определенные усилия были направлены на дальнейшее закрепление в обществе представления о том, что попечение об этих социальных группах является неотъемлемым нравственным долгом православного христианина. В предисловия синодиков включаются новые литературные произведения с соответствующими сюжетами. В самых популярных сюжетах нравственно-учительной литературы присутствуют сцены приношения благотворителями пищи в места заключения (в иллюстрирующих их миниатюрах в качестве подаяния тюремным узникам фигурируют, как правило, круглые хлебы и калачи). Повесть о посаднике Щиле, Притча о некоем юноше, плененном в Персиду, Притча о богатой вдове и другие поучительные рассказы формировали сочувственное отношение к заключенным, независимо от причин, которые привели их к лишению свободы – будь это пленение врагами или арест за уголовные, нравственные, государственные либо религиозные преступления и проступки.

В повестях синодичных предисловий благотворительность в пользу нищих и тюремных узников представлена как единый компендиум благотворительных деяний, способствующих спасению души. Их мог совершать как сам человек, жаждущий спасения, так и кто-то из близких после его смерти – сила этих действий была почти одинаковой в обоих случаях.

Сама ситуация, в которой находились в то время маргинальные группы населения, создавала особое поле для благотворительности. Считалось, что к действиям милостников благоволят высшие силы. Например, это недвусмысленно подчеркивалось в текстах перечисленных выше произведений. Так, в Притче о некоем христианском юноше, попавшем в плен к персам, рассказывается о том, что его родители, не имея о нем вестей, усердно молились, кормили нищих и раздавали подаяние другим нуждающимся. Увидев их благочестивые старания, Господь послал в персидскую тюрьму, где томился их сын, ангела, который усыпил стражников и не только вывел юношу на волю, но и проводил его домой.

В Повести о посаднике Щиле благочестивый сын спасает своего отца, павшего жертвой собственного тщеславия и гордыни, от вечных мук, раздав большую часть наследства в виде кормов нищим и тюремным узникам. Этим он угодил Господу и вымолил для Щила посмертное прощение его грехов. В лицевых рукописях как самой повести (она существовала и в виде отдельной книги⁷⁵⁰), так и ее кратких изложений в синодиках всегда присутствует миниатюра, иллюстрирующая этот эпизод. В таких миниатюрах мы можем видеть и разнообразные изображения нищих, а в некоторых и устройство тюрем. В большинстве своем – это тюремный «острог», обнесенный частоколом из заостренных бревен. В бревенчатой стене прорезаны небольшие окошечки, сквозь которые заключенные могут протянуть руку за принесенным для них подаянием.

Напротив, в также часто используемой в синодичных литературных предисловиях Повести о немилостивом богаче, отказ его родных раздать, согласно завещанию, большую часть принадлежавшего ему имущества нуждающимся представлен как серьезное прегрешение. За него им приходится жестоко расплачиваться. Дети богача на себе испытывают тяготы тяжелого подневольного труда, нищенства и несвободы.

Иллюстрации синодиков, соединяющих эпизоды подаяния нищим и тюремным узникам, возможно, апеллировали не только к христианским нравственным заповедям, государственным и церковным установлениям, но и к фольклорной народной мудрости, призывавшей каждого человека не зарекаться «от суммы и от тюрьмы». Особенно актуальный в век турбулентности русской истории, этот завет находил живой отклик у людей, искавших индивидуального спасения и покоя, если не на земле, то хотя бы на небесах.

О том, что милостничество в пользу заключенных как норма благочестия прижилось в русском православном социуме и было широко распространено в разных его слоях и группах,

⁷⁵⁰ Еремин 1932. С. 59–151.

свидетельствуют известные примеры, содержащиеся в старообрядческих текстах второй половины XVII века. Так, в Житии протопопа Аввакума рассказывается, что в годы его заключения и ссылки в Братске, ему и бывшей с ним вместе семье тайно помогали жена и сноха местного воеводы, посылая милостыню пропитанием и деньгами⁷⁵¹. А его сподвижницу боярыню Ф. П. Морозову, которую по царскому распоряжению морили голодом, тюремный страж побоялся накормить. Но, верный христианскому долгу, он тайно выстирал в реке некую тряпицу, чтобы Морозова смогла обернуть свое тело в чистую ткань перед смертью⁷⁵². Встречались на пути страдалцев за старую веру и другие милостники, для которых долг христианской благотворительности был важнее страха за собственное благополучие.

Однако подчас взаимоотношения благотворителя и лиц, нуждавшихся в его помощи, выстраивались в более сложные конфигурации. Например, в 1682 году один из постоянных ктиторов Спасо-Прилуцкого монастыря, богатейший вологодский купец, гость Гаврила Мартынович Фетиев выкупил «из-за решетки» прилуцкого старца Васьяна, оказавшегося в тюрьме за невыплату обителю по причине безденежья таможенных пошлин, но сделал это не безвозмездно. Монастырь вынужден был уступить Фетиеву за бесценок весь имевшийся в распоряжении обители запас соли (несколько тысяч пудов)⁷⁵³.

Но тот же Фетиев в своей духовной (завещании) не только оставил на помин своей души солидные суммы и дорогие вещественные вклады многочисленным вологодским и двинским монастырям, но и не забыл о подаении тюремным сидельцам и нищим. Н. Н. Малинина и М. С. Черкасова отмечают, что только на раздачу этим людям калачей в течение сорока дней после похорон милостника выделялось сто рублей⁷⁵⁴. При стоимости калача в одну копейку ежедневная раздача должна была охватывать больше двухсот человек. Фетиев, как и другие его современники, знал, что «поминанием душа отмывается», а масштаб посмертной благотворительности должен был соответствовать количеству и тяжести грехов, совершенных поминаемым при жизни.

Хорошо известно, что значительная, если не большая, часть богаделен, больниц для бедных и тюрем в Русском государстве XVI–XVII веков находилась в монастырях или при них. Но при этом содержание пребывавших в этих местах людей, особенно их «корм», осуществлялось не столько за счет монастырской казны, сколько из средств благотворителей, в том числе и на поминальные деньги, о чем свидетельствуют сохранившиеся вкладные и кормовые книги многих русских обителей. Таким образом, здесь смыкалась и переплеталась церковная и мирская (общественная) благотворительность. Но к концу XVII века русская церковь начинает настаивать на том, что предпочтительной (более благочестивой и эффективной) формой благотворительности является передача средств и имущества на помин души через посредничество ее институций. Об этом, например, развернуто повествуется в Предисловии к Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1672–1673 годов⁷⁵⁵. В абсолютистском государстве, каким стала Россия к концу царствования Алексея Михайловича, все отчетливее просматривалось стремление направить частную благотворительность в нужное власти русло.

Итак, с одной стороны, в «предписанном» благочестии Русского государства XVI–XVII веков тюремное заключение, плен, нищета рассматривались как несчастье, социальное зло, наказание за грехи. С другой стороны, они представлялись и как формируемое властью, церковью и самим православным социумом единое пространство христианской благотворительности, позволяющее имущей части населения продемонстрировать свое благонравие и расши-

⁷⁵¹ Плюханова 1989. С. 38–93, здесь 56.

⁷⁵² Демкова 1991. С. 19–65, здесь 59–60.

⁷⁵³ Малинина, Черкасова 2016. С. 84–153, здесь 97.

⁷⁵⁴ Там же. С. 108.

⁷⁵⁵ Рыбаков 1987. С. 11–14.

ритель репертуар практик заботы о спасении души. Эти практики, утвержденные соборными решениями середины XVI века, распространились и прочно укоренились как в верхах русского общества, так и среди рядовых зажиточных людей. На них не повлияли ни Смута, ни государственные и церковные реформы XVII века. Подавать нищим и заключенным, «окупать» пленников в период перехода от Средневековья к Новому времени было в Русском государстве религиозной и социальной нормой.

В конце XVII – начале XVIII века порядок жизни начал серьезно меняться. Эпоха Петра I была отмечена строгими полицейскими мерами против профессиональных нищих и особой жесткостью по отношению к преступникам. Подача милостыни тем и другим наказывалась штрафом. Частная благотворительность была запрещена по причине ее недостаточной обдуманности и организованности⁷⁵⁶. Однако сложившаяся в позднем Средневековье благотворительная традиция подаяния нищим, пленным и заключенным сохранилась в народе и продолжала существовать вплоть до XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 1988 – *Аванесов Р. И.* (Гл. ред.) Словарь древнерусского языка (XI–XIV века). Т. 1. М., 1988. С. 208–209.
- Демкова 1991 – *Демкова Н. С.* (Сост.) Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991. С. 19–65.
- Дергачева 2011 – *Дергачева И. В.* Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011.
- Дмитриев, Лихачев 1980 – *Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С.* (Сост.) Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 291–310.
- Емченко 2015 – *Емченко Е. Б.* (Подгот. текста) Стоглав: Текст. Словоуказатель. М.; СПб., 2015.
- Еремин 1932 – *Еремин И. П.* Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Т. 1. Л., 1932. С. 59–151.
- Забелин 2001 – *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. II. М., 2001.
- Ключевский 1990 – *Ключевский В. О.* Добрые люди Древней Руси // Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990. С. 77–94.
- Колесов 1990 – *Колесов В. В.* (Сост., пер.) Домострой. М., 1990.
- Малинина, Черкасова 2016 – *Малинина Н. Н., Черкасова М. С.* Торговые люди и Православная Церковь в XVII веке (по архиву вологодского гостя Г. М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 4 (16). С. 84–152.
- Павленко 1994 – *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1994.
- Плюханова 1989 – *Плюханова М. Б.* (Сост.). Пустозерская проза: Сборник. М., 1989. С. 38–93.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б. А.* (Отв. ред.). Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 11–14.
- Скрипиль 1948 – *Скрипиль М. О.* Повесть об Ульянии Осорьиной (Комментарии и тексты) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VI. М.; Л., 1948. С. 257–264.
- Срезневский 1989 – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. 1. М., 1989. С. 107.
- Сукина 2011 – *Сукина Л. Б.* Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011. С. 70–105.

⁷⁵⁶ Павленко 1994. С. 479.

Хромов 1998 – *Хромов О. Р.* Русская лубочная книга XVII–XVIII веков. М., 1998.

Черкасова 2017 – *Черкасова М. С.* Северная Русь: История сурового края XIII–XVII веков. М., 2017.

Юрганов 1998 – *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 306–437.

Яковлев 1893 – *Яковлев В. А.* К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893.

Лоранса Фонтен

БОРЬБА С НИЩЕНСТВОМ КАК ПРОБЛЕМА

Конкурс Академии Шалона-на-Марне в 1777 году

В XVIII веке во Франции, несмотря на общее улучшение экономической ситуации, время от времени случались продовольственные кризисы, а кроме того, государство не могло покончить с бедностью и ее следствиями – нищенством и бродяжничеством, из-за которых большие дороги кишели грабителями, крестьяне жили под гнетом страха, а города полнились переселенцами. В ответ государство вводило все более и более репрессивные меры; особенно важны в этом процессе две вехи: во-первых, закон 1724 года, предписывающий беднякам отправляться в больницы, где их обеспечат работой, а во-вторых, Королевская декларация 1764 года и последовавшее за ней в 1767 году постановление Государственного совета, которые положили начало устройству приютов для нищих.

В этом контексте в 1777 году недавно созданная Академия Шалона-на-Марне⁷⁵⁷ объявляет свой первый конкурс на тему жгуче актуальную: она призывает высказаться относительно «способов истребить бедность, сделав нищих полезными государству, но не делая их несчастными»⁷⁵⁸. Проект этот, задуманный интендантом Шампани и осуществлявшийся под руководством аббата Мальво, генерального викария Шалона-ан-Шампань и директора Шалонской академии, – следствие постепенного превращения во второй четверти XVIII века академического конкурса в место для обмена критическими суждениями, а порой даже в источник новых идей для генеральных контролеров и интендантов⁷⁵⁹. С самого начала академический конкурс давал молодым авторам шанс прославиться независимо от меценатов и покровителей, открывал возможность искать успеха вне салонов⁷⁶⁰. Аббат Пьер-Клод Мальво, настоящий мотор академии, ведущий ее публичные заседания и придумывавший темы конкурсов, был видным духовным лицом; окончив, как и Кондорсе, Наваррский коллеж в Париже, он в 1764 году стал генеральным викарием епископа Шалонского. В 1781 году, когда последний был назначен архиепископом Парижским, Мальво последовал за ним в Париж, а в октябре 1789 года, после смерти архиепископа, сделался одним из семи генеральных викариев, поставленных во главе епархии. Умер он в 1790 году⁷⁶¹.

В количественном отношении конкурс 1777 года, на который было подано 125 сочинений, заслуживает звания конкурса века⁷⁶². За перо взялись аристократы и священнослужители, юристы и врачи, интеллектуалы и торговцы, а также некоторые авторы, пожелавшие остаться неизвестными. Из 85 участников, чьи имена известны, 20 – парижане, 19 – жители Шампани, 16 проживали южнее линии Бордо – Марсель, а 12 – в Северной и Центральной Франции. Сочинения на конкурс были присланы из Брюгге, Антверпена, Брюсселя, Куртре и Гааги, а также Мадрида, Триеста и даже из Санкт-Петербурга (за подписью некоего Иоганна Лота). Некоторые сочинители, такие как аббат Леклер де Монлино или г-н Пюриселли (мы к ним еще вернемся), знали работу благотворительных заведений не понаслышке.

Разумеется, в центре всех сочинений стоит проблема лишения свободы. Однако разграничение между заведениями, куда отправляют нищих: больницами, приютами и арестными

⁷⁵⁷ Roche 1964. Распущена эта академия была в 1792 году.

⁷⁵⁸ Archives départementales de la Marne, 1J38-42.

⁷⁵⁹ Roche 1989. P. 324–355.

⁷⁶⁰ Lilti 2005. P. 174–178.

⁷⁶¹ Сведения из генерального каталога Национальной библиотеки (<http://www.idref.fr/07543041X>), просмотрено 13 ноября 2016 года.

⁷⁶² Duprat 1993. P. 8.

домами – проводится не везде достаточно четко; Впрочем, эта нечеткость, по всей вероятности, отражает неопределенность во взглядах власть имущих⁷⁶³.

По прошествии десяти лет после основания приютов для нищих большинство тех, кто размышляет о проблеме нищенства, с недоверием относится к такому ее решению, как лишение нищих свободы. Губернатор Безансонского виконтства, уже принимавший участие в конкурсе на сходную тему в 1759 году, выражает всеобщее мнение, когда констатирует неспособность больниц принимать вдобавок к больным, увечным, сиротам, старикам и умирающим еще и бедняков. Ссылаясь на три бестселлера своего времени: «Зрелище природы» аббата Плюша (1732), «Дух законов» Монтескье (1748) и «Друга людей» Мирабо (1756), он прибавляет, что строить мастерские и арестные дома нужно только в самых крайних случаях, когда не остается других способов, вообще же следует помогать беднякам иначе: «Желательно вместо больниц завести такие правила, чтобы не дать никому впасть в нищету, а тем, кто случайно оступился, оказывать помощь»⁷⁶⁴.

1. ОСУЖДЕНИЕ БОЛЬНИЦ

Чаще всего цитируются критические оценки, высказанные Монтескье. Он осуждает больницы за пороки двух типов: «политические» и «физические». Первый из политических пороков – чересчур дорогая цена; больницы похожат на дворцы, денег на обеспечение их процветанием и оплату обслуживающего персонала уходит слишком много, независимо от того, есть там больные или нет⁷⁶⁵. Ораторианец Роман де Копье, член Руанской академии, цитирует Монтескье и следует советам «Энциклопедии», в которой содержится требование публиковать «приход и расход всех больниц», дабы выяснить соотношение между помощью реальной и требующейся; это должно помочь утолять естественную потребность в сочувствии страждущим разумным образом⁷⁶⁶. По этой причине Роман де Копье изучил счета руанской больницы и выяснил, что расходы ее в три раза больше необходимых. Он приводит суммы, выплачиваемые персоналу; выясняется, что 12 000 ливров идут на плату шести каноникам за отпущение грехов умирающим, 24 000 ливров – на гонорары и жалованье врачам, хирургам и прочим служащим, 15 000 франков – на воду и все принадлежности, на постройки и жалованье чиновников администрации, которые получают гораздо больше, чем принципал, тогда как на лечение одного бедняка отпускается всего десять ливров. Если учесть, что центральная Городская больница получает 338 000 ливров, она могла бы облегчить страдания 33 800 больных! Копье обличает «просторные заведения, плоды благотворительности и, возможно, тщеславия», включая Сен-Сир и «Дом инвалидов, усыпальницу героев»: заведения эти чересчур многочисленны и чересчур красивы. Но больницы хуже всех: «на фасаде у них начертана гордыня, а внутри царит отвратительная скупость; в этих дворцах обитает нищета». Копье спрашивает, что же это за «удивительный народ, выстроивший дворцы для блох и клопов», и прибавляет, что еще более отвратительны дворцы, в которых обитают люди, принесшие обет бедности (монастыри)⁷⁶⁷.

Многие авторы возлагают на роскошь вину за политические пороки, развратившие народы⁷⁶⁸. Она разоряет благотворителей, заставляет вводить новые налоги, однако это не мешает больницам объявлять о банкротстве или о невозможности принять нищих в достаточ-

⁷⁶³ Больницы предназначались для больных и бедных; приюты – для нищих, а арестные дома – для людей, преступивших закон. О разногласиях власть имущих на этот счет см.: McStay Adams 1991. P. 49–70.

⁷⁶⁴ № 67.

⁷⁶⁵ № 9, 10, 10 bis, 23, 29, 40, 44, 48, 54, 66, 70, 75, 87, 111, 112, 113, 123.

⁷⁶⁶ «Энциклопедия» (1751–1772), статья «Больница».

⁷⁶⁷ № 113.

⁷⁶⁸ № 123, 81, 76, 111.

ном количестве: «лекарство хуже болезни»⁷⁶⁹. Аббат Леклер де Монлино, занявший в 1777 году в Шалоне второе место, два года спустя за ту же работу о нищенстве получил на конкурсе Суассонского сельскохозяйственного общества первую премию и в 1781 году был нанят интендантом Суассона на должность инспектора для реформирования местного приюта для нищих. Он продолжал надзирать за этим приютом долгие годы, а в 1790–1791 годах состоял в Национальном собрании членом комитета по нищенству. Монлино возлагает вину за неудачу в решении проблемы нищенства на Людовика XIV:

Людовика XIV, окруженного льстецами, которые превозносили едва ли не все его деяния, опьяненного славой и почти всегда предпочитавшего великолепие трона благополучию народов, можно, пожалуй, считать основателем больницы: он одарил деньгами больницу в Париже и собрал там три тысячи нищих, как больных, так и здоровых. Все кругом неумолчно восхваляли заведение столь полезное и благословляли бога (см. письмо короля от 1670 года), а между тем толпа неимущих возрастала. Большие города королевства пожелали последовать примеру государя, богоугодные общества соединили усилия, были возведены великолепные здания, назначены администраторы и управляющие, а тем временем число нищих увеличилось еще больше. Все эти заведения, заполненные нищими всех возрастов и обоих полов, не сумели совладать с огромными затратами, каких требовало предприятие, начатое столь блистательно, и, желая продолжать дело с меньшим великолепием, принялись все как один испрашивать новые вспомоществования, займы, налоги, но как милости эти не могли *исправить зло*, многие заведения кончили позорным банкротством, прекратив платить по своим обязательствам, и почти все без исключения уменьшили до предела число неимущих, получающих помощь, так что без покровительства уже невозможно было удостоиться звания нищего.

Монлино приводит в пример три больницы в трех французских городах: «две обанкротились, и огромные их здания почти пусты; третья добилась введения значительного налога в свою пользу и, получая триста тысяч ливров годового дохода, содержит впроголодь около двух тысяч пятисот бедняков, из коих по меньшей мере тысяча восемьсот здоровы и зарабатывают больше, чем тратят»⁷⁷⁰. Аббат Бланшар, деревенский кюре из Арденн, добавляет со своей стороны, что две больницы, в Париже и Бресте, уже сгорели⁷⁷¹. Наконец, управляющий Безансонским виконтством, ссылаясь на критические замечания «кавалера Джона Локка и прочих», вспоминает о неудаче подобной политики в Англии: там, как и во Франции, очень много денег тратится на постройку и снабжение этих заведений провизией, орудиями труда и пр., на жалованье для управляющих, слуг, капелланов, администраторов, надзирателей и подрядчиков. Заведений в Англии множество, но нищих – еще больше⁷⁷².

По мнению парижского дворянина г-на де Сен-Феликса, законы, принятые после смерти Людовика XIV, не решили никаких проблем; это касается в первую очередь закона 1724 года, который очень скоро перестал действовать, потому что больницы были уже переполнены и не для всех нищих нашлась работа, а исполнение закона обошлось очень дорого, ведь на мелкие расходы, ремонт, наем соседних помещений и перевозку нищих из одного заведения в дру-

⁷⁶⁹ № 48; см. также 44, 75, 67, 10 bis, 112.

⁷⁷⁰ № 66.

⁷⁷¹ № 23.

⁷⁷² № 67; см. также 10 bis. Об инструкции относительно workhouses (рабочих домов) см.: Hindle 2004.

гое требовались огромные суммы; ордонансы 1738, 1740, 1749, 1750, 1764, 1767, 1769 годов положения не исправили⁷⁷³.

Помимо дороговизны, участники конкурса осуждают такие политические пороки, как растраты, коррупция и дурное управление⁷⁷⁴; некоторые авторы даже считают предпочтительным упразднение больниц⁷⁷⁵. Единственная больница, управление которой удостоивается похвал, – лионская «Шарите»⁷⁷⁶. В самом деле, там больных распределяют в соответствии с заболеваниями, больным вне больницы бесплатно раздают лекарства, помогают матерям, впадшим в нищету, собирают бедных детей-сирот младше семи лет, а также детей брошенных или незаконнорожденных и платят за их содержание в деревнях до того возраста, когда они смогут перейти под опеку больницы. Между прочим, «Энциклопедия» подчеркивает, что если из поступивших в парижскую центральную Городскую больницу умирает четверть, в лионской больнице число умерших в два раза меньше. Панкук напоминает, что «к управлению допускают только тех эшевенов, которые в течение какого-то времени управляли больницей бесплатно»⁷⁷⁷. Способом исправить положение дел видится сменяемость администраторов и контроль за ними. Предметом обсуждения становится также социальный статус администраторов: анонимный автор предлагает выбирать их «из сословий бескорыстных и обязанных творить добро во имя веры и чести <...> таких, как духовенство, благородное сословие – дворянство, а также люди, ведущие благородный образ жизни»; подразумевается, что торговцы в эту категорию не входят⁷⁷⁸. Впрочем, другой аноним – единственный из всех – подчеркивает, что безупречных руководителей не бывает, поскольку человек слаб, и повторяет, правда, без ссылки, знаменитую фразу Фенелона, который требовал «связывать людям руки, дабы не творили зла, и развязывать, дабы творили добро». Этот же аноним прибавляет, что людей просвещенных и добродетельных можно отыскать и среди бедных⁷⁷⁹.

В довершение всех пороков больница поощряет леность. Некоторые авторы предлагают бороться с ней, развивая в бедняках предприимчивость, другие же полагают, что больница – настоящая находка для народа развращенного и порочного. Монтескье пишет: «Но когда народ беден в целом, то бедность отдельных людей является результатом общего бедствия; она, так сказать, и составляет это общее бедствие. Больницы всего мира не в состоянии уничтожить эту бедность; напротив, леность, к которой они приучают, лишь увеличивает общую бедность, а следовательно, и частную»⁷⁸⁰. Этот аргумент повторяют участники конкурса, принадлежащие к разным социальным слоям. Снабжать больницы дополнительными средствами, пишет Монлино, «значит вскармливать леность и умножать число бедняков», как это происходит в Италии и в Испании, двух европейских странах, «где наибольшее число благотворительных заведений для бедных – и в то же самое время наибольшее число нищих». Бедняки прекрасно поняли, что такое больницы, и повсюду, где они существуют, бедняки наименее трудолюбивы и наиболее развращены; когда им рисуют грозящую им «ужасную будущность», они отвечают: «что ж, *пойду в больницу* – выражение народное, которое, однако, должен взять на заметку и философ, поскольку оно означает, что бедняк не делает ни малейшего усилия, чтобы уберечься от нищеты, и остается безучастен к единственному доводу, способному одушевить людей, –

⁷⁷³ № 112.

⁷⁷⁴ № 12; см. также 10 bis, 19, 35, 36, 44, 54, 61, 70, 87, 114. Об этих проблемах, в самом деле весьма существенных, см.: McStay Adams. P. 140–141.

⁷⁷⁵ № 61, 113.

⁷⁷⁶ № 44; см. также: № 43 и 113, а также: Malvaux 1779. P. 139–143.

⁷⁷⁷ См. в «Энциклопедии» статью «Больница», а также: McStay Adams. P. 57.

⁷⁷⁸ № 36, см. также № 75.

⁷⁷⁹ № 46.

⁷⁸⁰ Монтескье. Дух законов (1748). Кн. XXIII, гл. XXIX; перевод А. В. Матешук, с изменениями.

надежде сделаться лучше»⁷⁸¹. Отставной морской офицер даже обвиняет простолюдинов в том, что они нарочно подхватывают болезни, чтобы в конце распутной жизни получить помощь в больнице⁷⁸². С ним солидарен анонимный врач, напоминающий вдобавок, что крестьяне переселяются из деревень в города под тем предлогом, что там имеются больницы, вследствие чего возникает недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве, а это, в свою очередь, еще сильнее увеличивает число нищих⁷⁸³.

Но больницы делаются смертоносными и способствуют сокращению численности населения Франции еще и вследствие пороков «физических». Многие авторы указывают на гнилостный воздух в больницах⁷⁸⁴ – к этому аргументу часто прибегают все реформаторы, в том числе и когда речь заходит о тюрьмах⁷⁸⁵. Некий берейтор, член парижской Королевской академии хирургии, цитирует г-на Форне, секретаря прусской Королевской академии, который высчитал интенсивность заражения воздуха в непроветриваемом помещении площадью в один арпан, если там собраны три тысячи человек, и объясняет, что по этой причине в больницах свирепствуют гангрена и чесотка. Вдобавок в больницах стоит вонь от отхожих мест; пот, плевки и гнойные выделения – все это становится передатчиками заразных болезней. Тот же автор повторяет доводы шевалье Прингла⁷⁸⁶, который, следом за многими другими, заметил, что больничных служителей, дышащих дурным воздухом, почти всегда подтачивает изнутри медленная лихорадка, и по этой причине они слабы и бледны, точь-в-точь как больные. В некоторых больницах в одной постели лежат восемь или даже девять больных, притом страдающих от разных болезней! «Лучше было оставить этих несчастных в поле под открытым небом, это нанесло бы меньший урон природе и человечности»⁷⁸⁷. К аналогичному выводу приходит парижский дворянин: «Одним словом, если вы тратите так много денег, чтобы, собрав их всех вместе, обречь на голод и заразить чумой, разумнее было бы предоставить им жить и умирать так, как им заблагорассудится и как будет угодно Господу»⁷⁸⁸.

Многие участники конкурса согласны с мнением, что в больницах следует содержать только больных⁷⁸⁹. На том же настаивает и автор статьи в «Энциклопедии», который желал бы приспособить больницы к требованиям медицины и создать государственный орган, который перераспределял бы доходы между заведениями в зависимости от их нужд, а также надзирал за управлением больницами⁷⁹⁰. Именно с этой целью Анн-Робер Тюрго, министр и контролер финансов Людовика XVI с 1774 по 1776 год, основал в 1776 году Медицинскую комиссию, которая два года спустя была переименована в Королевское медицинское общество⁷⁹¹. Впрочем, участники конкурса в большинстве своем не поддерживают подобную централизацию. В частности, занявший первое место г-н Клуэ, берейтор, советник и ординарный медик короля, врач, служащий в военном госпитале и верденских богоугодных заведениях, резко возражает против создания такого органа; он осуждает неравенство в распределении средств и предсказывает, что такая система нанесет огромный ущерб казне. «Разумеется, – прибавляет он, –

⁷⁸¹ № 66.

⁷⁸² № 61.

⁷⁸³ № 123.

⁷⁸⁴ № 40, 69, 23, 29, 46, 48, 66, 112, 113, 123.

⁷⁸⁵ См., в частности, то, что пишет Ховард (Howard 1788).

⁷⁸⁶ Он получил звание доктора в 1730 году в Лейдене. С 1742 года сделался армейским врачом, стал врачом герцога Камберлендского, затем главным врачом английской королевской армии. В 1750 году он выпустил «Замечания о природе и лечении горячки в больницах и тюрьмах».

⁷⁸⁷ № 40; см. также № 61, 66, 70, 122.

⁷⁸⁸ № 112.

⁷⁸⁹ Номер замазан чернильным пятном. См. также № 11, 23, 28, 38, 54, 66, 67 (здесь цитируются Плюш, Монтескье и Мирабо), 69, 98, 92, 112 (с цитатой из Форбонне), 114.

⁷⁹⁰ «Энциклопедия» (1751–1772), статья «Больница».

⁷⁹¹ Duprat 1993. P. 2.

сомневаться в том, что подобная администрация принесет хорошие плоды, значит иметь очень дурное мнение о людях. Однако знание жизни и опытность доказывают, к несчастью, что, говоря так, мы всего лишь судим их по справедливости»⁷⁹².

Другой возможный ответ на критику больших больниц – создание целой сети мелких заведений для немощных, разбросанных по территории страны⁷⁹³. Жительница Парижа г-жа Эглен предлагает помещать мужчин на лечение в мужские монастыри, а женщин – в женские и настаивает на том, что «каждому больному следует предоставить отдельную комнату»⁷⁹⁴. Аббат Мальво, опубликовавший годом позже книгу, основанную на тех поданных на конкурс работах, которые были согласны с его собственным мнением⁷⁹⁵, ссылается на положение дел в Голландии, а также частично в Германии, Фландрии и Швейцарии, и тоже ратует за мелкие заведения. Соглашается он и с точкой зрения Романа де Коппье, который отрицает пользу больниц даже для больных и предпочитает, в целях экономии, пользоваться их на дому; впрочем, это мнение в ту пору нашло очень мало сторонников⁷⁹⁶.

2. КРИТИКА ПРИЮТОВ И АРЕСТНЫХ ДОМОВ

В 1775 году Тюрго начинает готовить пересмотр законов о нищенстве. Когда разразился экономический кризис, он был интендантом Лимузена и на практике убедился, что приюты приносят больше вреда, чем пользы, потому что в кризисные периоды невозможно отличить бедняков, лишившихся работы, от праздных бродяг, а следовательно, невозможно и помещать отправлять в приюты нищих, вовсе не принадлежащих к числу бездомных. В довершение всего приюты оказываются переполнены, помещений, где нищие могли бы трудиться, не хватает; нет места даже для устройства небольшой лечебницы. Поэтому Тюрго собирался просить об упразднении приютов, однако натолкнулся на такое сопротивление, что был вынужден продолжать аресты нищих⁷⁹⁷, а королю пришлось отправить его в отставку.

После отставки Тюрго, спровоцированной конфликтами по поводу его экономической политики и его сопротивлением отправке нищих в приюты, отправку эту продолжила с прежней интенсивностью, однако участники конкурса в основном оценивают приюты так же негативно, как и больницы, и по тем же причинам: заведения эти стоят слишком дорого, а пользы от них мало. Старания властей, в частности Луи-Бениня-Франсуа Бертье де Совиньи, с 1776 года интенданта Парижа, снизить их стоимость, вызывают критику двух типов: с одной стороны, траты все равно очень велики, а с другой, попытки экономить имеют катастрофические последствия. Один из авторов, Жан-Фредерик Сенже, проживающий в доме имперского консула Бетмана, осуждает вообще все варианты заведений для нищих: больницы, в которых обездоленные «слишком часто страдают от унижений, изнывают от деспотизма, гибнут от жадности начальства»; приюты, куда

набивают без разбора всех несчастных, которые попадутся на дорогах или на улицах надзирающим за общественным порядком <...>. Сделались эти заведения ужасающими театрами всех человеческих бедствий; царят в них недуги самые отвратительные, отчаяние и смерть. К несчастью, устройство их совпало с недолговечным процветанием системы экономической, однако обществу оттого никакого не наступило облегчения: всякий день плодил

⁷⁹² № 114.

⁷⁹³ № 98. См. также № 81, 123; Malvaux 1779. P. 128–130, 132–134.

⁷⁹⁴ № 113, 27; Malvaux 1779. P. 75–94.

⁷⁹⁵ Malvaux 1779.

⁷⁹⁶ Malvaux 1779. P. 131–132; № 113.

⁷⁹⁷ Idem. P. 86, 113, 104–105.

все большее число нищих, и приюты уже не могли их вместить. Пришлось отворить двери сих скорбных убежищ. Нищенство сделалось едва ли не узаконенным⁷⁹⁸.

Тему перемен в экономике продолжает Роман де Коппье, подчеркивающий жадность подрядчиков. Он гневно протестует против такого положения дел, при котором нищих и бродяг лишают свободы, помещают ли их в приюты или больницы, в арестные дома или тюрьмы:

Система, установленная ныне во Франции и предписывающая заключать нищих и бродяг в приюты, где заставляют их волей или неволей трудиться, причем подрядчик присваивает себе плоды их труда, сам же не ударяет палец о палец, – система эта порочна вдвойне, ибо внушает ненависть к труду и воскрешает рабство. Ах! Не станем отнимать у несчастных единственное достояние тех, кто не владеет ничем, – свободу. Подобную меру следует применять лишь к тем, кого не удастся приручить кротким обхождением; но обращаться так со всеми бедняками без исключения – разве не есть сие преступление против рода человеческого?

После чего Коппье цитирует Дидро: «не нужно, пишет современный автор, чтобы больницы внушали несчастным страх; пускай правительство внушает страх бездельникам, этого достаточно»⁷⁹⁹.

Некий адвокат, мэр города в провинции Лангедок, лично посетивший приюты, решительно возражает против помещения туда «обездоленных нищих»: приюты слишком дороги, «бесполезны», а нищие, «которых туда запирают, попадают во власть подрядчика столь же жадного, сколь и жестокого». Автор побывал в «сих тюрьмах, не способных искоренить нищенство и без толку отягощающих бюджет государства и провинций». Лангедокские штаты, уточняет он, платят этим приютам 60 000 ливров в год, а несчастные, там содержащиеся, «не имеют ни удобных постелей, ни еды вдоволь, зато в избытке в этих тюрьмах всевозможные насекомые <...> Из сего можем мы сделать вывод, что злоупотребления, исправляемые другими злоупотреблениями, никогда добра не приносят. <...> Люди, содержащиеся взаперти <...> останутся навеки праздными, печальными, ни чести, ни чувств не имеющими, всегда готовыми вырваться на волю хитростью или силой <...>. Следует, напротив, разъединить этих нищих, обязать их предоставлением свободы, нечувствительно принудить жить в родных местах, занять несложными работами, помогать им в тех случаях, когда не будут они способны сами на пропитание заработать», и лишь нищих строптивых подвергать обращению более суровому⁸⁰⁰.

Священники и врачи, побывавшие в приютах, не хуже этого мэра понимали, в каких скверных условиях содержатся там нищие, и их впечатления получили известность; некоторые священники даже отказывались служить там мессу, такое отвращение вызывала у них тамошняя грязь. То и дело в приютах вспыхивали скандалы и бунты. В 1776 году архиепископ Экский выступил с осуждением эцкого приюта, который не только был переполнен сверх всякой меры, но вдобавок еще и кишел людьми с хроническими болезнями. Ответственность за это архиепископ возложил на подрядчика, который получает в день пять с половиной су, но на заключенных тратит только два, кормит их скверно и впроголодь и не стремится обеспечить работой; все эти факты, прибавляет архиепископ, известны еще с тех времен, когда министром был Тюрго, одоббивший закрытие приюта и предоставление свободы всем, кто там содержится⁸⁰¹. В довершение всего подобные заведения наводят страх на жителей страны, которые не знают

⁷⁹⁸ № 10 bis, 75. См. также № 70 о скудном питании.

⁷⁹⁹ «Энциклопедия» (1752–1771), статья «Больница».

⁸⁰⁰ № 86.

⁸⁰¹ McStay Adams 1991. P. 118–126; Fairchild 1976. P. 150–154.

наверняка, что там происходит, но верят слухам и, в частности, известиям о том, как велика смертность среди заключенных. Поэтому в июле 1778 года субделегат Канского интендантства настаивает, чтобы интендант как можно скорее принял меры для улучшения гигиенических условий в приютах, в противном случае на соседнем кладбище будут постоянно появляться новые могилы, а недовольство народа будет возрастать⁸⁰². В самом деле, смертность в приютах была выше среднего. На кладбище Сен-Дени между 1768 и 1792 годами на долю приюта приходится 6329 могил, а на долю города Сен-Дени за тот же период – всего 3696⁸⁰³. Эта высокая смертность порождает в начале Революции слухи о том, что власти сговорились уморить народ голодом. Во время убийства интенданта Бертье и его тестя в 1789 году из толпы раздаются крики: «он сожрал народный хлеб», «он был рабом богача и тираном бедняка», а автор одного из памфлетов напоминает, что во время министерства Терре он якобы сказал: «я заставлю их есть хлеб по пяти су за фунт, а если не хотят, пусть едят сено». Автор другого памфлета требовал, чтобы Бертье посадили под замок вместе со всеми несчастными, которые по причине его скупости умерли от голода или были отравлены скверной пищей в печально известном приюте в Сен-Дени. В своей статье 1786 года Монлино тоже с осуждением упоминает похоронные процессии, постоянно направляющиеся на кладбище Сен-Дени; он пишет, что приюты – жертва, приносимая ради спокойствия богачей, и скорбит о том, что после падения Тюрго они были возрождены незаконно и беспринципно⁸⁰⁴.

Пюриселли, торговец из Безансона, судья тамошнего торгового суда, осуждает подрядчиков за скупость, которую они проявляют последние полтора десятка лет, и считает, что единственное решение проблемы – устройство мелких приютов максимум на сотню человек, потому что в крупных заведениях «нищих плохо кормят, еще хуже одевают, содержат очень сурово вместо того, чтобы кротостью возвращать их на путь истинный»⁸⁰⁵. Он знает, о чем говорит, поскольку сам руководил в Безансоне мастерскими при королевской больнице для нищих, именуемой Бельво, и выступил против подрядчика военных госпиталей Франш-Конте, который за счет устройства в безансонском приюте мастерских накопил немалое богатство. В 1761 году Пюриселли даже пожаловался на то, что этот подрядчик морит голодом заключенных, но директора Службы призрения жалобе не вняли. В августе 1769 года министр даже одобрил такой контракт с этим подрядчиком, по которому тот был обязан тратить на заключенных, как больных, так и здоровых, исключительно скромную сумму – четыре су в день на человека. Подрядчик мог использовать труд заключенных и обязан был откладывать «для их ободрения и возбуждения в них духа соревновательности» только восьмую часть дохода. До выхода на свободу никаких денег заключенным не выдавали, но помощник интенданта мог использовать отложенные суммы на улучшение их бытовых условий, если считал это необходимым. Меньше чем годом позже, в январе 1770 года, в тот самый момент, когда Терре собирался назначить этого подрядчика советником интенданта Шампани, в безансонском приюте вспыхнула эпидемия, и выяснилось, что использованная там экономическая модель себя не оправдала. Новый интендант быстро смекнул, в чем тут дело, и расторг контракт на четыре су, не соответствовавший ни цене продовольствия, ни другим статьям расходов. Сумма, выделенная на день, возросла до одиннадцати су; в 1771 году новый подрядчик снизил ее до семи су девяти денье⁸⁰⁶.

Начиная с мая 1773 года с компаниями, управляющими приютами в семнадцати из тридцати трех округов, заключают «генеральный контракт». В течение первых четырех лет им пла-

⁸⁰² Ibid. P. 120–121.

⁸⁰³ Beaud, Bouchart 1974. P. 143.

⁸⁰⁴ См.: McStay Adams 1991. P. 221–224; Beaud, Bouchart 1974. P. 127–143.

⁸⁰⁵ № 20.

⁸⁰⁶ McStay Adams 1991. P. 92–93.

тят из расчета шести су в день на одного заключенного и пяти су в течение шести следующих лет – цена куда более реалистическая. Администраторов обязали также отдавать заключенным шестую часть того, что они заработали, «для их ободрения и возбуждения в них духа соревновательности». Регулярный контроль интенданта установлен ради того, чтобы выслушивать жалобы насельников и предотвращать бунты⁸⁰⁷. Восемь лет спустя, в 1781 году, после отставки Неккера, Жоли де Флери, сыгравший, впрочем, немалую роль в создании приютов, отменяет генеральный контракт и требует от интендантов заключения новых контрактов, которые бы позволили лучше кормить заключенных, в частности включить в их рацион овощи, снабдить их лучшей одеждой, а также предоставлять им не четверть, а треть ими же заработанного⁸⁰⁸. Конфликты по поводу контрактов отражают противоречия между королевской администрацией, финансистами и подрядчиками, которые превыше всего ставят собственную выгоду.

Как отделять бедняков от бездельников?

Проблема, волновавшая Тюрго и заключающаяся в невозможности в момент экономического кризиса отличить добродетельных нищих от бездельников, смущает и некоторых участников конкурса, в частности аббата Монлино, осуждающего устройство приютов, куда нищих загоняют «железной десницей <...> Их запускают, точно диких зверей, в смрадные логовища: сердце мое содрогается при сравнении этих логовищ с псарнями богатых вельмож; людей там содержат куда хуже, чем животных, разводимых для потехи своих хозяев». Вдобавок «люди, которых запирают в этих благотворительных заведениях, гибнут преждевременно от болезней, горя и скуки»⁸⁰⁹. Однако находятся люди, критикующие политику осторожности, которую отстаивали Тюрго и его единомышленники, и одобряющие ордонансы о заключении нищих бродяг в тюрьму; они сожалеют о том, что эти ордонансы не исполняются и нищих «отправляют назад в родные приходы, где они, за отсутствием работы, продолжают вести прежний образ жизни»⁸¹⁰.

Вопрос, поднятый Тюрго, – это на самом деле вопрос о свободе. Сочинения, поданные на конкурс, показывают, что слово это уже прижилось в языке элит и потому часто возникает в критике заведений для нищих⁸¹¹. «Нищих, которые не являются ни больными, ни преступниками, не следует запираť ни в приютах, ни в арестных домах, – пишет фламандский священник. – Такое обращение вредит беднякам. <...> Их лишают свободы, величайшего из благ, и всякой надежды на лучшую участь, как если бы нищета была преступлением или как если бы эти люди переставали быть членами общества оттого, что они несчастны. <...> А как отвратительна, как скучна, как грустна, как безнадежна жизнь в смрадной тюрьме, в окружении одних и тех же лиц, вне зависимости от того, хорошо себя ведут или дурно!»⁸¹²

Впрочем, некоторые авторы задаются вопросом, способны ли нищие воспользоваться «этим драгоценным благом», как выражается аноним, отвечающий на этот вопрос отрицательно: «возвратив им эту вожденную свободу <...> мы увидим, как они наводнят города и дороги, примутся пугать прохожих или угрожать крестьянам, если выпрошенная милостыня покажется им недостаточной. <...> Итак, следует их сдерживать, запираť и принуждать к

⁸⁰⁷ Ibid. P. 99.

⁸⁰⁸ Ibid. P. 170.

⁸⁰⁹ № 66. См. также № 29, 114.

⁸¹⁰ № 3, 94.

⁸¹¹ № 70, 48, 67.

⁸¹² № 48. См. также № 10 bis, 44, 46, 47, 48, 86, 50, 45, 94, 98, 113, 115, сочинение без номера.

труду; это единственный способ сделать их менее несчастными и продлить их существование»⁸¹³.

Описав, как следует поступать с людьми трудоспособными и с различными категориями нищих, многие авторы просят короля запретить нищенство и издать очень строгие законы против тех, кто будет уличен в попрошайничестве; в приюты предлагается отправлять только нищих строптивых, а также иностранных⁸¹⁴.

Умножать число заведений и специализировать их

Умножать число заведений и специализировать их – решение, предлагаемое многими участниками конкурса. Устройство приютов в каждой провинции имеет двойное преимущество: легче командовать заключенными и легче получать от торговцев и фабрикантов заказы на работу для бедных⁸¹⁵. Так, некий житель Гебвиллера предлагает не только укрупнить больницы в городах больших и малых, но и построить таковые в сельской местности. Они, по его мнению, должны быть трех типов: во-первых, гостиницы для инвалидов, во-вторых, больницы для бедных, а в-третьих, арестные, или исправительные дома для распутников или распутниц⁸¹⁶. Один монах-реколлет из Шалона-на-Марне предлагает, со своей стороны, отделять добродетельных нищих от распутных и предусматривать для последних суровые наказания, дабы исцелить от греха лени: неисправимых следует отправлять на некоторое время в арестные дома, «дабы заставить их раскаяться в праздности и бесполезности для общества». Он сообщает, что он видел в одной республике

мужчин, женщин и детей, закованных в цепи и запряженных в повозки; цепи были достаточно длинны, чтобы люди могли двигаться беспрепятственно, а правил ими всеми один погонщик с кнутом в руках. Каждый должен получать по заслугам. Совсем иначе следует обходиться с честными бедняками; посему, повторяю, нужно отделять одних от других и размещать в разных заведениях, дабы разврат преступных не повлиял на добродетельных, – мысль, заслуживающая большого внимания; всякий добрый гражданин обязан способствовать порядочному содержанию злополучных неудачников, это предписывает Религия, этого же требует человеколюбие.

Реколлет видит в этих заведениях «прекрасную подмогу для бедных и немощных старцев, для несчастных отцов и матерей, а также для их детей, страждущих в нищете <...>. Они пригодились бы также для служанок, покидающих дома прежних хозяев и не умеющих найти новое место. Сколь многие из них, не зная, где преклонить голову, предаются распутству и из существ добродетельных превращаются в позор всего города». Существовать такие заведения будут на средства Службы призрения, а также на пожертвования короля и аббатств. У каждого заведения будет свой управляющий, а один раз в год все их будет осматривать главноуправляющий⁸¹⁷.

Со своей стороны, Роман де Коппье полностью переосмысливает идею тюремного заключения. Подхватывая предложения тех, кто разрабатывает планы тюремной реформы, он предлагает «устраивать тюрьмы более или менее строгие, в зависимости от рода преступлений, а также пола и состояний», с дворами для прогулок и мастерскими, в которых «узники могли

⁸¹³ № 94.

⁸¹⁴ № 47, 23, 81. См. также № 61, 70.

⁸¹⁵ № 96; см. также № 99.

⁸¹⁶ № 96.

⁸¹⁷ № 99.

бы зарабатывать деньги своим трудом и не были бы обречены, выйдя на свободу, вновь просить милостыню». Вдобавок он требует, чтобы воров перестали приравнять к убийцам, а «публичных монополистов, лживых банкротов, контрабандистов, фальшивомонетчиков и пр.» тоже причисляет к преступникам, ибо, уточняет он, «пускай эти люди не попрошайничают сами, они вынуждают попрошайничать других»⁸¹⁸. Помимо тюрем, Роман де Копье предлагает устроить еще исправительные заведения двух типов: во-первых, для должников и бродяг, а во-вторых, для беспутных детей, – и осуждает монастыри, в сущности представляющие собой «не более чем арестные дома, где держат взаперти людей, принесших обеты целомудрия, послушания и бедности»⁸¹⁹.

3. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Хотя многие авторы осуждают насильственное содержание в больнице бедных, больных и умалишенных, остаются и люди, которые считают отправку в больницу наилучшим способом распорядиться разнородными слоями населения, а приют – единственным местом, где можно наказывать и перевоспитывать нищих, чтобы «прививать им добронравие и благопристойность», а уж затем возвращать к обычной жизни⁸²⁰. Для этих авторов устройство заведений, где нищих сажают под замок, – это одновременно и способ преодолеть страх, который внушают нищие, и рациональная экономическая модель, и общественная утопия, а нищенство – плод лени и порока. Следовательно, нищих, которые ничем не болеют, нужно принуждать к труду: строительству и содержанию в порядке дорог, осушению болот, рытью каналов и обслуживанию портов. Некоторые авторы упоминают политику таких стран, как Голландия, где нет ни «бездельников», ни бродяг, ни тех, кто «подло выпрашивает себе пропитание». Один каноник хвалит эти страны, где отменена монархическая роскошь; упоминает он и Англию, и «Его Величество прусского короля, героя Севера», по приказанию которого нищих насильно отправляют служить в армию⁸²¹.

Одна из причин, по которой участники конкурса требуют, чтобы попрошайек лишали свободы, – страх перед бандами нищих⁸²². Дворянин из Берри, отец семи детей, сталкивавшийся с подобными бандами, настаивает на том, чтобы их участников запирали в «Дома раскаяния». Платить за их содержание должны монастыри; возможно, они же должны и принимать нищих в своих стенах. Администрацию заведений для нищих следует обновлять. Жандармам нужно платить по три ливра за каждого задержанного нищего, а деньги, найденные у нищих, делить между ними и заведением. Всех мальчиков и мужчин до семидесяти лет следует зачислять в военную службу, а тех, кто моложе сорока, – отправлять в армию его величества на континенте или на островах по выбору короля. Людей, содержащихся в приютах, следует обрить и снабдить шапкой и форменной одеждой, разной для различных категорий нищих. Рекомендуемый рацион – два фунта хлеба (половина ржаной муки, половина ячменной), полштофа вина, разбавленного водой, похлебка, сваренная из расчета полфунта говядины на человека. «Каждое утро – обход и распределение хлеба и воды. Мясо и суп – в полдень, тогда же вино, разбавленное водой. Ради поддержания порядка полезно делать обход и вечером».

Каждый будет «волен» заниматься своим ремеслом. Одна половина заработанного пойдет на приобретение необходимых орудий труда, а вторую будут отправлять в Управление и употреблять на удовлетворение нужд заключенных. Предусмотрен выход на прогулку по оче-

⁸¹⁸ № 113; Malvaux 1779. P. 390–396.

⁸¹⁹ № 113.

⁸²⁰ № 17.

⁸²¹ № 88.

⁸²² № 91, 59.

реди, два-три раза в неделю, вечером, «под неусыпным надзором инвалидов, чтобы никто не забывался»⁸²³.

Другая причина лишать нищих свободы – экономия. Иоганн Лот из Санкт-Петербурга считает, что больница – рациональный вариант со всех точек зрения; она выгодна для государства, потому что по его, Лота, подсчетам, один нищий обходится государству в 200–300 имперских экю в год, тогда как, будь он помещен в больницу, на него уходило бы всего 25 экю, да вдобавок он бы еще и зарабатывал на свое содержание; выгодна больница и для нищих, потому что избавляет их от необходимости тратить время на попрошайничество и позволяет откладывать деньги на собственные нужды. Итак, Лот предлагает помещать в больницы всех нищих без разбора: детей, инвалидов, стариков, умалишенных, путешественников. Старики могли бы приглядывать за детьми и обучать их, а также, по мере сил, «заниматься каким-либо несложным трудом». Если сумасшедшие способны работать, им следует дать такую возможность наравне со здоровыми людьми, если же не способны, поселить вместе со стариками и держать взаперти. Нищим из числа путешествующих, в частности тех, кто пустился в дорогу ради участия в судебном процессе или по другим личным причинам, тоже следует давать работу хотя бы на время, чтобы они могли заработать на продолжение пути или, по крайней мере, на то чтобы добраться «до первого места, где им вновь позволено будет просить милостыню»⁸²⁴. Еще один хороший способ сэкономить – использовать монастыри⁸²⁵. Адвокат из Нарбонна⁸²⁶ предлагает вообще сделать больницу сердцем всей городской жизни. Наконец, некоторые авторы в деталях описывают утопические общества, в центр которых помещают заведения для нищих.

Успех шалонского конкурса, богатство и разнообразие присланных сочинений свидетельствуют о напряженности споров, которые велись о судьбе нищих. Конкурс свидетельствует о существовании общественного мнения, вскормленного тогдашними бестселлерами и газетными статьями, в которых описываются иностранные эксперименты и излагаются новые идеи. В нем находят отражение споры, ведшиеся на самых вершинах власти. После того как стало очевидно, что все более и более репрессивная политика по отношению к нищим неспособна уменьшить их число, среди провинциальных элит широко распространилось убеждение, что больница губительна для тех, кого туда помещают. Такому восприятию больницы способствовали новые медицинские концепции, осуждение роскоши и призывы управлять различными заведениями для нищих более разумно, чтобы избавиться от растрат и коррупции. Кроме того, в приютах слишком часто вспыхивали бунты, а простой народ роптал при виде слишком часто выходящих из стен приютов похоронных процессий, и это тоже заставляло задуматься о деятельности подрядчиков, которые интересуются только собственной выгодой, а королевская администрация, алчущая экономии, их поощряет.

Получила распространение и точка зрения щепетильного Тюрго: поскольку в период кризиса невозможно отличить честных нищих от праздных попрошаек, следует отказаться от репрессивной политики, символом которой служат большие больницы для всех категорий больных и нищих, а также приюты. Лишь редкие авторы по-прежнему поддерживают существование огромных заведений, где удовлетворяли бы элементарные потребности нищих и одновременно приобщали простолюдинов к учению и труду, а заодно и экономили расходы на все это средства. Большинство участников конкурса считают более правильным подражать северным странам, где, как им кажется, научились отделять честных больных от распутников, давать нищим работу, не отказываясь, впрочем, от надзора над ними и строгого наказания тех, кто не желает становиться на путь исправления.

⁸²³ № 59.

⁸²⁴ № 16; см. также № 65, 111.

⁸²⁵ № 118; см. также № 76, 70, 110.

⁸²⁶ № 75.

Перевод с французского Веры Мильчиной

БИБЛИОГРАФИЯ

Beaud, Bouchart 1974 – *Beaud J., Bouchart G.* Le dépôt de Saint-Denis (1768–1792) // *Annales de Démographie Historique*. 1974. P. 127–143.

Duprat 1993 – *Duprat C.* «Pour l'amour de l'humanité». Le temps des Philanthropes. La philanthropie parisienne des Lumières à la monarchie de Juillet. 2 tomes. Paris, 1993.

Fairchilds 1976 – *Fairchilds C. C.* Poverty and Charity in Aix-en-Provence, 1640–1789. Baltimore, 1976.

Hindle 2004 – *Hindle S.* On the Parish?: The Micro-Politics of Poor Relief in Rural England c. 1550–1750. Oxford, 2004.

Howard 1788 – *Howard J.* Etat des prisons, des hôpitaux et des maisons de force. Paris, 1788.

L'Encyclopédie 1751–1772 – *Diderot D., Le Rond d'Alembert J.* Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1751–1772. Art. «Impôt», «Hôpital».

Lilti 2005 — *Lilti A.* Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 2005.

McStay Adams 1991 – *McStay Adams T.* Bureaucrats and Beggars: French Social Policy in the Age of the Enlightenment. Oxford, 1991.

Malvaux 1779 – Résumé des Mémoires qui ont concouru pour le prix accordé en l'année 1777, par l'Académie des Sciences, Arts & Belles Lettres de Châlons-sur-Marne. Et dont le sujet étoit, les Moyens de détruire la mendicité en France, en rendant les mendiants utiles à l'État, sans les rendre malheureux, Châlons-sur-Marne, chez Seneuze, imprimeur du Roi & de l'Académie, 1779.

Montesquieu 1748 – *Montesquieu C.* De l'Esprit des Loïs. Genève, 1748.

Roche 1964 – *Roche D.* La diffusion des Lumières. Un exemple: l'académie de Châlons-sur-Marne // *Annales ESC*. 1964. № 5. P. 887–922.

Roche 1989 – *Roche D.* Le siècle des lumières en province. Académies et académiciens provinciaux, 1680–1789. 2 tomes. Paris, 1989 [1978].

Венсан Мийо

ТЕНЬ ВЫСОКИХ СТЕН: ПАЛИМПСЕСТ ТЮРЕМНОГО ЗАТОЧЕНИЯ

Но тот, кто в Риме хотя бы чуть-чуть шевельнется, тот, за кем я замечу, не говорю уже – какое-либо действие, но даже стремление или попытку действовать во вред отчизне, поймет, что в этом городе есть бдительные консулы, есть достойные должностные лица, есть стойкий сенат, что в нем есть оружие, что в нем есть тюрьма, которая, по воле наших предков, карает за нечестивые преступления, когда они раскрыты⁸²⁷.

Совершать вместе с Цицероном, сокрушающимся против Катилины, такой обход через римскую Античность – забавный способ расшевелить то, что столь долгое время занимало место историографической очевидности. Исправительная тюрьма оказывается «дочерью» судебного реформизма Просветителей, учрежденной, на самом деле, под руководством либерального Государства в Европе и в Соединенных Штатах, прежде чем распространиться затем на остальную часть земного шара. Такое перекликанье напоминает нам о том, что даже до этого периода, во всем определившего политическую и институциональную составляющую эпохи Модерна и современности, уже очень давно существовали места заключения и целые тюремные архипелаги. Они служили для того, чтобы отсечь от социального тела общества определенное количество «нежелательных», религиозных или светских лиц, мужчин или женщин. Все они оказываются социально вписаны в эту карцеральную систему или же как бы заключены в тюрьму «без признания», будь то по карательным или дисциплинарным мотивам пребывания, а также и в благотворительных целях: больницы, дома для бедных или другие сборы для нищих, королевские тюрьмы, тюрьмы для духовенства и для должностных светских служащих, места, где возможно проживать по очень многим причинам, кроме как в одном лишь ожидании приговора или пыток, женские и мужские монастыри, галерные работы и т. д. Существование материальной составляющей этих мест неоспорима; они становились предметом многократного использования, подвергались переназначениям и различным приспособлениям с течением времени и в соответствии с возложенными на них поливалентными функциями, от искупления за содеянное до наказания, от простой помощи узникам до смены заключенными их вероисповедания. Эти места заключения привлекли вложения и спровоцировали реформистские дискурсы еще до начатых в XIX веке строительства новых тюремных сооружений, охраняемых и специально предназначенных для исполнения мер в виде лишения свободы и, теоретически, для подготовки к последующей социальной реинтеграции осужденных.

Этот обходной маршрут, который мы здесь совершаем, представляется своего рода «символом веры» для новой истории мест тюремного заключения, которая утверждается сегодня и выражением которой является это издание. Прежде всего, речь идет о том, чтобы вписать нашу рефлексию о происхождении и практике лишения свободы в длительную временную перспективу, не ограничиваясь при этом периодом крупных пенитенциарных реформ, которым до сих пор отдается предпочтение в большинстве исследований, ни также наследием Просветителей, которое, «изобретая тюрьму», намеревается гуманизировать репертуар уголовных санкций Старого режима. Начиная с момента нашей эмансипации от строго установленной связи между местами лишения свободы и правовыми санкциями нам удастся выявить разнообразие

⁸²⁷ Марк Тулий Цицерон. Официальный перевод с латинского на русский дается по изданию: «Вторая речь против Луция Сергия Катилины». Источник: Цицерон. Речи. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 302–311 (примеч. пер.).

причин, которые приводят к интернированию людей, разнообразие самих форм этого интернирования и, следовательно, многофункциональный характер карцеральных учреждений. Эта многофункциональность к тому же часто связана с материальными особенностями этих мест, с «самостроем», которым они оказываются, она просматривается также через их различные использования, которые при этом разворачиваются. Такова одна из точек входа в диалог, который объединил авторов этой книги.

Защита такой точки зрения приводит к рассмотрению смешанного характера мест и практик заключения в динамическом и сравнительном ключе начиная здесь со Средневековья и заканчивая современной эпохой. Однако это не предполагает какого-то упорного, линейного поиска «истоков» современной тюрьмы. Такой подход, бедный в плане поиска генезиса, подверженный риску телеологии, оказался бы слишком упрощающим. Зато стало возможно выделить широкий спектр практик, соответствующий видам наказаний, искупления, исправления, которые постоянно обновляются с течением времени и в зависимости от места: от изгнания до депортации, от принудительных работ до тюремного заключения. Следует принимать во внимание роль пространственной изоляции, уединения как исправительного средства в различных формах, данных им.

Это первое перемещение, хронологическое, быстро вынуждает нас совершить второе, но уже пространственное и географическое. Здесь приведены примеры, которые отправят читателя в путешествие из Королевства Франции в Российскую империю, из Нидерландов и из Священной Германской империи в Испанию и в Англию. Книга, которую мы держим в руках, — это вклад в демонстрацию того обстоятельства, что «диффузионистские» интерпретации международного развития пенитенциарной тюрьмы (*prison pénale*) в качестве изобретения Запада, которому якобы предназначалось затем распространиться по всему миру, в настоящее время вызывают сомнения. Совершенно ясно: старая Россия здесь не оказывается неким далеким завершением Европы, идущим с «опозданием» и предназначенным для адаптации модернизирующих решений прибывших из других стран. Об этом свидетельствует активная роль российских экспертов и официальных лиц в международных тюремных конгрессах. Начиная с 1777 года эксперты из Санкт-Петербурга, приезжающие на знаменитый конкурс Шалон-сюр-Марн, посвященный «способам уменьшения попрошайничества, делая бедных полезными для государства», показывают, что их заинтересованность и предложения далеко не односторонни, что обсуждаемые решения не принимаются пассивно.

Помимо разнообразия учреждений и мест тюремного заключения, здесь следует усматривать не единую матрицу, которая налагала бы на тела заключенных усиленную дисциплину, сопутствующую развитию Государства эпохи модерна и капитализма, а, напротив, узреть за этим своего рода полицентризм различных диспозитивов лишения свободы. В самых недавних работах эти диспозитивы рассматриваются в качестве самой сердцевины колониальных империй. С этих пор настоятельно обращается внимание на существование обменов и займов, на гибридизации, которые тут образуются; мы также стараемся уберечь исследование от «*tabula rasa*» (чтобы оно не начиналось с «чистого листа». — *Примеч. пер.*) и чтобы не оказались забытыми системы тюремного заключения, которые уже существовали и предшествовали той или иной якобы основополагающей реформе. Общие точки и расхождения, существующие между этими местами и этими пространствами, не могут пониматься исходя только из шкалы отставания или шкалы эпохи модерна. Принятие такой перспективы требует внимательного отношения к институциональному, социально-политическому и культурному контексту, а также к грузу определенных ограничений (бюджеты, схемы снабжения, демография и пространство), в которых разворачиваются и испытываются диспозитивы тюремного заключения. Даже оставаясь, в европейском масштабе, предметом дискуссии, здесь выступают формы Государства, более или менее компактного и централизованного, его превалирующие артикуляции с местными властями, балансы, существующие между светскими властями и церквями, степени фор-

мализации права, а также способы самоорганизации социальных регулирований и разрешения конфликтов, в том числе семейных. Удивительно, но конвергенции во времени и в пространстве проявляются, возможно, не столько вокруг более или менее строгих практик заточения узников, сколько в пользу других ограничений, таких как принудительные работы, которые становятся широко применимы и образует своего рода общую нить, все еще мало изученную, между английскими *workhouses* (работными домами) и французскими *Hopitaux General* (госпиталями общего профиля), между дисциплинарными домами Северной Европы и монастырями-богадельнями и монастырями-долгаузами, не говоря уже о более современных формах исправительных колоний и других рабочих лагерей.

Эти вопросы о разных видах деятельности, навязываемых заключенным, складываются в третью область, которая теперь занимает исследователей, – это жизнь и социальные взаимодействия в местах заключения под стражей, обмена и циркуляции, которые их питают и которые их открывают для окружения, иногда за тысячу лье от места, репрезентирующего самое строгое ограждение, установленное регламентом. Различные использования тюремного пространства и само «сообщество заключенных» с его иерархиями, его изворотливыми практиками и границами толерантности находятся здесь в самом центре новых вопросов историков, подпитанных, в частности, работами социологов.

Будучи плодом диалога между исследователями из многих стран, в частности из Германии, Франции, Бельгии и России, этот предстоящий к прочтению сборник знаменует собой ускоренную интернационализацию и обогащение историографии, давно опиравшейся на корпус работ «классиков», упомянутых во введении. Располагающееся на перекрестке истории правосудия и преступности, истории администрации и Государства, истории церкви и городов (тюрьма долгое время была городским устройством), истории трудоустройства и помощи бедным, это строительство истории мест тюремного заключения теперь обращается к новым пространствам и расширяется в хронологическом порядке; оно приумножает количество сравнений и масштабов анализа. Об этом динамизме свидетельствуют многочисленные публикации на разных языках, активно ведущиеся работы и оживление коллективных исследований⁸²⁸, а также защиты докторских диссертаций. Настоящее издание выражает надежду стать важной вехой на пути, где уже есть чему радоваться. Оно участвует в создании целой сети международных исследований (ЕМС: тюремные заключения в эпохи раннего модерна/*Early Modern Confinement*⁸²⁹), посвященных изучению различных форм, практик, навыков и методов лишения свободы в эпоху модерна, в ее очень гибком хронологическом понимании: с XV по XIX век. Призвание этой книги – встречать и обсуждать в международном масштабе новые перспективы взгляда на историю тюремного заключения. После первой международной встречи, прошедшей в Париже в 2018 году, московская конференция осени 2019 года полностью отражает это стремление к усиленному диалогу между историографическими традициями и иногда отдаленными друг от друга академическими кругами. Парижский цикл ателье послужил для составления первого перечня новейших достижений и эволюций в историографии, в дебатах и текущих исследованиях; московский же коллоквиум позволил пойти дальше и сопоставить эти вопросы и области полевых исследований на примере конкретных описаний многофункциональности мест лишения свободы. Чрезвычайно важным представляется отметить этот диалог, который отныне открывается с настоящей публикацией некоторых из докладов, сделанных в эти дни. Не имея возможности передать все богатство имевших место обсуждений, это издание, как антология, тем не менее предлагает хорошую иллюстрацию текущего обновления в области исследований.

⁸²⁸ См., например, программу исследований «Взаперти. Сравнительная история монастырских и тюремных заключений» (<http://enfermements.fr>), а также связанные с ней публикации.

⁸²⁹ <https://emc.hypotheses.org>.

В нынешней ситуации, когда перенаселенность тюрем затрагивает многие сообщества и поскольку идеалы исправительных практик и реинтеграции заключенных знаменуют собой важный шаг перед лицом деградации тюремных учреждений и условий карцерального режима, сегодня, как никогда, необходим диалог в рамках социальных наук и опыт, который они могут принести. Практики и места тюремного заключения предоставляют обществу зеркало его страхов, его неравенств и противоречий, а иногда и его отказа улучшить условия «совместной жизни»⁸³⁰. Озадачиться вопросами об их смысле, значении и об их функции остается верным способом исследовательского диалога с миром, что нас окружает.

Перевод с французского Екатерины Оде

⁸³⁰ Жить вместе (Vivre ensemble) – одна из официально признанных республиканских ценностей, определяющих организацию социальной жизни и ее институтов (*примеч. пер.*).

АВТОРЫ

Ауст Мартин, Dr. phil., историк, профессор Университета Бонна (maust@uni-bonn.de)

Бородин Елена, историк, к. и. н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (sosnovi-bor@yandex.ru).

Бретшнейдер Фальк, Dr. habil., историк, доцент и научный сотрудник EHESS Paris (falk.bretschneider@ehess.fr).

Брошар Пьер, историк, сотрудник Национального Центра научных исследований в Париже.

Воробьев Александр, к. и. н., историк, Институт Российской истории РАН (aleksandr_vorobe@mail.ru).

Кастанье Симон, историк, докторант Университета Сорбонна-Париж IV и EHESS Paris (simon.castanie@gmail.com).

Клостр Жюли, Dr. habil., историк, доцент и научный сотрудник Университета Paris 1 – Panthéon-Sorbonne (julie.claustre@univ-paris1.fr).

Ксавье Руссо, Prof. Dr., историк, почетный профессор Католического Университета в Ловень (xavier.gousseaux@uclouvain.be).

Люссе Елизабет, Dr., историк, научный сотрудник Национального Центра научных исследований в Париже (elisabeth.lusset@univ-paris1.fr).

Марасинова Лена, историк, д. и. н., Институт российской истории РАН, Национально-исследовательский университет Высшая школа экономики (lenamarassinova@gmail.com).

Махотина Катя, Dr., историк, профессор университета г. Бонн (emakhotina@uni-bonn.de).

Мийо Венсан, Prof. Dr., историк, профессор Университета Paris 8 – Vincennes-Saint-Denis (vincent.milliot@univ-paris8.fr).

Мучник Наталия, Prof. Dr., историк, директор исследований в EHESS Paris (natalia.muchnik@ehess.fr).

Ролдугина Ирина, историк, PhD, постдокторант Питтсбургского университета (irr22@pitt.edu).

Сукина Людмила, историк, культуролог, д. и. н., заведующая кафедрой Института программных систем РАН (lbsukina@gmail.com).

Фонтень Лоранса, Prof. Dr., историк, директор исследований Национального Центра научных исследований в Париже (laurence.fontaine@ehess.fr).